

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2025. Том 79

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2025. № 79

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2025. Nr. 79

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

<i>Суляк С.Г.</i>	
Всеволод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера	15
<i>Мусаев В.И.</i>	
Участие галицийских выходцев в воссоединении униатов в Привислинском крае во второй половине XIX в.	81
<i>Канищев В.В.</i>	
Социально-профессиональный облик офицеров из Бессарабской губернии в провинциальных гарнизонах Воронежской и Тамбовской губерний накануне Первой мировой войны	98

Лингвистика и язык

<i>Пекунова И.С.</i>	
Фонетический закон или синтаксическое правило: ещё раз о соотношении синхронии и диахронии (на примере акцентуации страдательных причастий в сербских памятниках XV в.)	116
<i>Руднев Д.В.</i>	
Западнорусские источники названий документов в русском деловом языке Петровской эпохи	134
<i>Секиро О.О.</i>	
Славянские языки в славянофильской концепции «идеального народного языка» (на материале публицистических текстов И.С. Аксакова)	156
<i>Дьяченко С.В., Пилипенко Г.П., Саенко М.Н.</i>	
К уточнению классификации украинских воронежских говоров	171
<i>Оглезнева Е.А.</i>	
Заемствования из восточных и западно-европейских языков в русском языке восточного зарубежья	191
<i>Саболова Д., Харламова М.А.</i>	
Новая социальная лексика последнего десятилетия: сопоставительный анализ лексики СМИ (на материале русского, словацкого и чешского языков)	211

<i>Диброва В.С.</i> Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Узбекистана и Таджикистана	230
<i>Толстик С.А.</i> Лексико-семантическое поле «забота» в истории русинского языка	247
<i>Колмогорова А.В., Куликова Е.Р.</i> Обработка эмоциональных текстов на русском языке носителями русского и якутско-русскими билингвами: разведочный анализ экспериментальных данных	262
<i>Оглезнева Е.А., Гордеев С.В.</i> Речевой портрет потомков русских от смешанных браков в Синьцзяне	287
<i>Рапота Д.А., Новикова Э.Г.</i> Славянский культурный код в трансмедийной метавселенной «Ведьмак» ..	304

Библиография

<i>Никитин О.В.</i> Захотіла Гафа пана тай утратила Івана (несколько филологических наблюдений над новой книгой о русинской фразеологии)	323
--	------------

CONTENT

Editorial	9
-----------------	---

History

Sulyak S.G.

Vsevolod V. Krestovsky (1840–1895): Life, oeuvre, and Rusin themes in the writing of a Russian author and officer	15
--	-----------

Musaev V.I.

The participation of Galician emigré in the reunification of the Uniates in the Vistula Land in the second half of the 19th century	81
--	-----------

Kanishchev V.V.

The social and professional background of officers from Bessarabia serving in provincial garrisons of Voronezh and Tambov before World War I	98
---	-----------

Linguistics and Language

Pekunova I.S.

Phonetic law versus syntactic rule: Once again on the correlation of synchrony and diachrony (a case study of passive participle accentuation in 15th-century Serbian texts)	116
---	------------

Rudnev D.V.

West Russian sources of document names in the Russian chancery language of the Petrine era	134
---	------------

Sekiro O.O.

Slavic languages in the Slavophile concept of the “ideal folk language” (based on Ivan S. Aksakov’s opinion journalism)	156
--	------------

Dyachenko S.V., Pilipenko G.P., Saenko M.N.

Towards a revised classification of the Ukrainian dialects of Voronezh	171
---	------------

Oglezneva E.A.

Borrowings from Eastern and Western European languages in the Russian language of the Eastern Abroad	191
---	------------

Sabolova D., Kharlamova M.A.

New social vocabulary of the last decade: A contrastive analysis of media vocabulary(based on Russian, Slovak, and Czech languages)	211
--	------------

<i>Dibrova V.S.</i> Types of bilingualism in asymmetric language situations in Uzbekistan and Tajikistan	230
<i>Tolstik S.A.</i> The lexico-semantic field “care” (zabota) in the history of the Rusin language	247
<i>Kolmogorova A.V., Kulikova E.R.</i> Processing of emotional texts in Russian by native Russian speakers and Yakut-Russian bilinguals: An exploratory analysis of experimental data	262
<i>Oglezneva E.A., Gordeev S.V.</i> Linguistic Portrait of Russian Descendants from Mixed Marriages in Xinjiang	287
<i>Rapota D.A., Novikova E.G.</i> The Slavic cultural code in the transmedia metaverse of <i>The Witcher</i>	304

Bibliography

<i>Nikitin O.V.</i> “Zakhotila gafa pana tay utratila ivana” (several philological observations on a new book about Rusin phraseology)	323
--	------------

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

В первых двух выпусках журнала «Русин» 2025 г. основную часть статей составляют публикации по материалам докладов, представленных на XI Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая была проведена 13–14 мая 2005 г. Томским государственным университетом совместно с редколлгией международного исторического журнала «Русин».

За более чем десятилетнее сотрудничество оргкомитета конференции и редколлегии журнала сформировались базовые направления исследований и проблематика, в рамках которых представляются новые научные разработки участников ежегодных встреч участников конференции. К таким направлениям относится прежде всего история и современное состояние русинского языка в широком историческом и лингвистическом контексте. В данных выпусках эта тема раскрывается в статье о русинской паремиологии, подготовленной коллективом авторов, работающим над составлением Большого русско-белорусско-украинско-русинского словаря библеизмов и представляющим три вузовских центра Российской Федерации (В.М. Мокиенко, Н.Д. Игнатъева, Н.А. Кузьмина, С.А. Лонкин, Т.Г. Никитина, О.В. Шкурин) и новым исследованием С.А. Толстик, посвященным реконструкции лексико-семантического поля «забота» в истории русинского языка. В выступлениях С.Г. Суляка проанализирована русинская проблематика в трудах В.В. Крестовского и В.И. Кельсиева.

Проблематика славянского единства и разнообразия, представленная в публикациях выпусков, охватывает широкий диапазон языков в разных временных срезах их существования. В работах, выполненных с применением собственно лингвистической методологии, характеризуются отдельные славянские языки, проводится сравнение их синхронного состояния или вариантов исторического развития. В нескольких статьях авторы обращаются к исследованиям разных аспектов языкового строя славянских языков как целостных систем или отдельных дискурсов и текстов на временных срезах от XV до XXI в. В фокусе внимания авторов находятся собственно языковые, прежде всего лексические, особенности текстов, что отражено в статьях О.Г. Щегловой о синонимических рядах в церковнославянских текстах, Д.В. Руднева – о лексике западнорусского происхождения в документах петровской эпохи, И.Е. Ивановой – об иноязычной лексике в творчестве Д. Балашевича.

В работе И.С. Пекуновой на основе методологической интеграции синхронного и диахронного подходов дана интерпретация системных языковых оснований одного из речевых явлений, обнаруженных в древнесербских и древнерусских памятниках.

В статьях Е.Н. Бекасовой и О.О. Секиро анализ текстов выдающихся представителей славянского единства становится основой реконструкции картин мира соответствующих эпох. С этими работами особым образом перекликается публикация Э.Г. Новиковой и Д.А. Рапоты, в которой в мультисемиотичных структурах видеоигры «Ведьмак 3: Дикая охота», созданной на основе саги о Ведьмаке, написанной А. Сапковским, реконструируются элементы славянского культурного кода, и статья А.В. Курьянович, интерпретирующая элементы славянского культурного кода в региональном варианте русской языковой картины мира.

Сравнительно-сопоставительное направление исследований славянских языков представлено в работах, в которых сравниваются отдельные разновременные состояния языковых систем, функционально и формально выделенные типы текстов или единиц в двух или более славянских языках: глаголы с семантикой неполноты действия в украинском и русском языках сравниваются в публикации Ю.В. Филь и О.С. Алёшиной; оценочная лексика и конструкции в католических и православных венчальных проповедях – в статье А. Петриковой и Т.В. Ицкович; лексика СМИ русского, словацкого и чешского языков – в работе Д.Я. Саболовой и М.А. Харламовой. Л.Б. Карпенко выявляет отражение системных характеристик исходного и переводного языков в искажениях при машинном переводе текстов на ряде славянских языков.

В выпусках журнала, представляющих исследования участников конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», представлен блок работ, в которых рассматриваются разные аспекты контактирования русского языка с другими славянскими и неславянскими языками в географически отдаленных регионах: в западных областях Российской Федерации, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, в регионах Средней Азии. Современные рефлексy украинско-русского языкового контактирования в говорах Воронежской области представлены в коллективном исследовании С.В. Дьяченко, Г.П. Пилипенко и М.Н. Саенко. Результаты украинско-русского контактирования в ойконимии проследил С.А. Попов.

В работах Е.А. Оглезневой и Н.Г. Архиповой, обращенных в русскому языку восточного зарубежья, проанализированы заимствования из восточных и западноевропейских языков; явления лексической

интерференции в речи старообрядцев – реэмигрантов из Южной Америки на Дальний Восток России.

Отражение языкового контактирования в личном плане, в речевых практиках носителей разных вариантов двуязычия охарактеризованы в трёх статьях участников конференции. Отметим разнообразие методологии, применяемой в этих работах. В статье А.В. Колмогоровой и Е.Р. Куликовой проанализировано восприятие эмоций в русскоязычном тексте носителями русского языка как родного и тюркско-русского билингвизма на основе психолингвистической экспериментальной методологии. В.С. Диброва выявляет типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях регионов Средней Азии на основе социолингвистических методов. Е.А. Оглезнева и С.В. Гордеев представляют речевые портреты потомков русских от смешанных браков в одном из регионов Китая на основе применения собственно лингвистической и социолингвистической методологии.

Программный и организационный комитеты конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» выражают благодарность редколлегии журнала «Русин», а также всем участникам конференции за плодотворное сотрудничество и приглашают к участию в планируемых конференциях и выпусках журнала «Русин» исследователей, изучающих историю и современное состояние славянских языков в широком социокультурном контексте.

*З.И. Резанова,
профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой общей, компьютерной
и когнитивной лингвистики филологического факультета
Томского государственного университета;*

*С.Г. Суляк,
главный редактор*

Dear Editorial Board, Authors, and Readers of the Journal,

The first two issues of *Rusin* for 2025 consist primarily of research papers based on presentations at the 11th International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges*, held on May 13–14, 2025, by the National Research Tomsk State University in partnership with *Rusin International Journal*.

More than a decade of cooperation between the conference organizing committee and the *Rusin* editorial board has resulted in a framework of core research areas and themes, within which participants of the annual conference present their latest scholarly contributions. Foremost among these research directions is the history and current state of the Rusin language, examined within a broad historical and linguistic context. This theme is addressed in the present issues through an article on Rusin paremiology, prepared by a team of authors working on the Large Russian–Belarusian–Ukrainian–Rusin Dictionary of Biblicisms and affiliated with three academic institutions in the Russian Federation – Valerii M. Mokienko, Natalia D. Ignatieva, Natalia A. Kuzmina, Stepan A. Lonkin, Tatyana G. Nikitina, and Oksana V. Shkuran. Further contributions include a study by Svetlana A. Tolstik, focused on reconstructing the lexico-semantic field of ‘zabota’ in the history of the Rusin language. In his turn, Sergey G. Sulyak analyzes Rusin issues in the works by Vsevolod V. Krestovsky and Vasiliy I. Kelsiev.

The issue of Slavic unity and diversity covers a wide range of languages across different time periods. The research papers employing strictly linguistic methodology describe individual Slavic languages, comparing their synchronic states or variants of historical development. In several articles, the authors examine different aspects of the language structure of Slavic languages as integral systems, or specific discourses and texts from time periods spanning the 15th to the 21st centuries. The authors focus on strictly linguistic, primarily lexical, features of texts, as in the articles by Olga G. Shcheglova on synonymous series in Church Slavonic texts, Dmitriy V. Rudnev on vocabulary of West Russian origin in documents of the Petrine era, and Irina E. Ivanova on foreign vocabulary in the works of Đorđe Balašević.

Based on the methodological integration of synchronic and diachronic approaches, Irina S. Pekunova interprets the systemic linguistic foundations of a speech phenomenon found in Old Serbian and Old Russian book monuments.

Elena N. Bekasova and Olga O. Sekiro analyze the texts by outstanding representatives of Slavic unity to reconstruct the worldviews of their respective eras. These articles resonate particularly with those by

Eleonora G. Novikova and Danila A. Rapota, who reconstruct the Slavic cultural code within the multisemiotic structures of the video game *The Witcher 3: Wild Hunt*, based on Andrzej Sapkowski's *The Witcher* saga, and by Anna V. Kuryanovich, who interprets elements of the Slavic cultural code in a regional variant of the Russian linguistic worldview.

The comparative-contrastive research of Slavic language is represented in the works comparing individual diachronic states of language systems, functionally and formally distinct types of texts, or units in two or more Slavic languages: Yulia V. Fil and Olesya S. Alyoshina compare verbs with the semantics of incomplete action in Ukrainian and Russian; Anna Petrikova and Tatyana V. Itskovich analyze evaluative vocabulary and constructions in Catholic and Orthodox wedding sermons; Drahomira Sabolova and Marina A. Kharlamova examine media vocabulary of Russian, Slovak, and Czech languages. Lyudmila B. Karpenko identifies reflections of the systemic characteristics of source and target languages in distortions during machine translation of texts in a number of Slavic languages.

The issues also include a section of research papers examining various aspects of Russian language contacts with other Slavic and non-Slavic languages in geographically distant regions: in the western regions of the Russian Federation, in Eastern Siberia and the Far East, and in Central Asia. Modern reflexes of Ukrainian-Russian language contact in the Voronezh dialects are discussed in the article by Svetlana V. Dyachenko, Gleb P. Pilipenko, and Mikhail N. Saenko. The results of Ukrainian-Russian contact in oikonymy (settlement names) are traced by Sergey A. Popov.

Elena A. Ogneznova and N.G. Arkhipova focus on the Russian language abroad in the East and analyze borrowings from Eastern and Western European languages, the phenomena of lexical interference in the speech of Old Believers re-emigrating from South America to the Russian Far East.

Three articles investigate language contact at the individual level through an analysis of speech practices across various types of bilingual speakers. These studies employ a diverse range of methodological approaches. Anastasia V. Kolmogorova and Elizaveta R. Kulikova use a psycholinguistic experimental methodology to analyze the perception of emotions in a Russian-language text by native Russian speakers and Turkic-Russian bilinguals. Veronika S. Dibrova identifies types of bilingualism in unbalanced language situations in regions of Central Asia using sociolinguistic methods. Drawing on both linguistic and sociolinguistic frameworks, Elena A. Ogneznova and Sergey V. Gordeev analyze the speech portraits of descendants of Russian mixed marriages in a specific region of China.

The Program and Organizing Committees of *the Slavic Languages: Responding to New Challenges* International Conference extend their gratitude to the editorial board of *Rusin* and to all conference participants for their fruitful collaboration. The Committees also invite researchers studying the history and current state of Slavic languages within a broad socio-cultural context to participate in future conferences and contribute to upcoming issues of the journal.

*Zoya I. Rezanova,
Professor, Doctor of Philology,
Head of the Department of General, Computer and Cognitive
Linguistics, Faculty of Philology,
Tomsk State University;*

*Sergey G. Sulyak,
Editor-in-Chief*

УДК 94(436+438+470+477+478); 82-3;82-4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/2

Всеволод Крестовский (1840–1895): жизнь, труды и русинская тематика в произведениях русского писателя и офицера

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Всеволод Владимирович Крестовский (11 (23).02.1840–18 (30).01.1895) – русский писатель, поэт, литературный критик, журналист, переводчик, военный историк, политик, редактор. Полковник Русской императорской армии. Происходил из старинного малороссийского дворянского рода. Закончил 1-ю Петербургскую гимназию. Отучился два года на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. Писать стихи и рассказы начал ещё в гимназии. В студенческие годы примкнул к либеральному лагерю. Некоторые его стихотворения стали революционными песнями. Покинув университет, сотрудничал в ряде газет и журналов. В 1863 г. под влиянием Польского восстания перешёл в патриотический проправительственный лагерь, отказавшись от нигилистических воззрений. В 1865–1866 гг. он стал членом комиссии, учреждённой для исследования подземелий Варшавы. В них скрывались участники польского мятежа. Теме революционного движения посвятил два романа, вышедшие под общим названием «Кровавый пух. Хроника о новом смутном времени Государства Российского» (Т. 1–4. СПб., 1875). В 1858 г. у Крестовского родился замысел написать роман «Петербургские трущобы». Роман публиковался в «Отечественных записках» в 1864–1866 гг. Отдельным изданием вышел в 1867 г. Роман имел огромный успех. В 1868 г. писатель поступает унтер-офицером в 14-й уланский Ямбургский полк. Создает ряд произведений на военно-историческую тематику. Участвует в Русско-турецкой войне 1876–1877 гг. Пишет трилогию «Тьма египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», которая публиковалась в «Русском вестнике» в 1881–1891 гг. В третьей, неоконченной части «Торжество Ваала» содержится пророческое предостережение о том, что противники самодержавия меняют тактику и вместо «хождения в народ» начинают «идти в правительство».

24 апреля 1888 г. В. Крестовскому было присвоено звание полковник. В 1892 г. он стал редактором газеты «Варшавский дневник». Умер 18 января 1895 г. в Варшаве. Был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Во время службы в пограничной страже (1887–1892 гг.) В. Крестовский собрал обширный материал. В результате вышел ряд очерков, в некоторых затрагивается русинская тематика («Вдоль австрийской границы (Путевые заметки)», «Русский город под австрийской маркой», «Православная церковь на Буковине», «Под австрияка или под прусса»).

Ключевые слова: Всеволод Крестовский, писатель, поэт, журналист, русины, руснаки, Галичина, Буковина, Бессарабия

Vsevolod V. Krestovsky (1840–1895): Life, oeuvre, and Rusin themes in the writing of a Russian author and officer

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Vsevolod Vladimirovich Krestovsky (February 11 (23), 1840 – January 18 (30), 1895) was a Russian writer, poet, literary critic, journalist, translator, military historian, politician, and editor. He attained the rank of Colonel in the Russian Imperial Army. Hailing from an ancient Malorossian (Little Russian) noble family, he graduated from the First Saint Petersburg Gymnasium and subsequently studied for two years at the Faculty of History and Philology of the Imperial Saint Petersburg University. He began writing poetry and short stories while still a gymnasium student. During his university years, he aligned himself with the liberal camp, and a number of his poems were adopted as revolutionary songs. After leaving the university, he contributed to several newspapers and journals. In 1863, influenced by the Polish uprising, his views shifted dramatically towards patriotism and support for the government, marking a renunciation of his former nihilist beliefs. In 1865–1866, he served on a commission established to investigate the dungeons of Warsaw, which had been used as hiding places by participants of the Polish insurrection. Krestovsky addressed the theme of the revolutionary movement in two novels published under the collective title *Krovavyi Puf. Khronika o novom smut-*

nom vremeni Gosudarstva Rossiiskogo (*The Bloody Puff: A Chronicle of the New Time of Troubles in the Russian State*; 4 vols., St. Petersburg, 1875). In 1858, he conceived the idea for his novel *Peterburgskie trushchoby* (*The Slums of Petersburg*), which was serialized in the journal *Otechestvennye zapiski* from 1864 to 1866 and published as a separate edition in 1867. The novel was a tremendous success. In 1868, Krestovsky enlisted as an unteroffizier (non-commissioned officer) in the 14th Ulansky Yamburg Regiment. During this period, he wrote a number of works on military-historical themes and saw action in the Russo-Turkish War of 1877–1878. He is also known for his trilogy – *T'ma egipetskaya* (*Egyptian Darkness*), *Tamara Bendavid*, and *Torzhestvo Vaala* (*The Triumph of Baal*) – which was published in *Russkiy vestnik* between 1881 and 1891. In the third, unfinished part, *The Triumph of Baal*, he issued a prophetic warning that the opponents of autocracy were changing their tactics: instead of “going to the people” (*khozhdenie v narod*), they had begun to “infiltrate the government” (*idti v pravitel'stvo*). Krestovsky was promoted to the rank of Colonel on April 24, 1888. In 1892, he was appointed editor of the newspaper *Varshavskiy dnevnik*. He died in Warsaw on January 18, 1895, and was buried at the Nikolskoe Cemetery of the Alexander Nevsky Lavra in St. Petersburg.

Keywords: Vsevolod Krestovsky, writer, poet, journalist, Rusins, Rusnaks, Galicia, Bukovina, Bessarabia

Всеволод Владимирович Крестовский – личность уникальная. Его работы, имевшие большой успех до революции, впоследствии были надолго забыты. Имя когда-то одного из самых популярных писателей, «нашего Эжен Сю», как отметил известный советский и российский филолог и литературовед В.А. Викторovich, лишь изредка всплывало «в «обойме» антиингилистических писателей. Не могут обойти его биографы Достоевского, Лескова, Писарева. Лучшие его стихи напечатаны в сборнике «Поэты 1860-х годов» (Л., 1968), подготовленном И.Г. Ямпольским. Единственный раз после революции вышли «Петербургские трущобы» (Т. 1–3. М.; Л., 1935–1937, издание подготовлено И.Н. Кубиковым), да и то в урезанном виде. Всерьёз исследовать творчество Крестовского, весьма объёмное и разнородное, считалось почти неприличным: слишком много нелестных для писателя историй было связано с его именем. Прозванный современниками “Всеволодом Клубничкиным”, “русским маркизом де Садом”, Крестовский скандально прославился как автор эротических “испанских” стихов. Начав свою литературную деятельность чуть ли не крайним радикалом, республиканцем, он резко изменил свои взгляды и стал столь же крайним охранителем, монархистом. Бывший товарищ Крестовского Д.И. Писарев бросил ему публичное обвинение в продажности,

которое многократно повторялось в русской демократической печати. После смерти Крестовского ещё одно обвинение – в плагиате – легло пятном на его и без того небезупречную репутацию. Если к этому добавить серию скандалов (в том числе семейный), сделавших его героем газетных хроник, да ещё славу шовиниста, то портрет будет уж слишком монструозным. Едва ли другой такой найдётся в русской литературе» [7: 44].

Добавляет колорита данной личности и тот факт, что под его фамилией творило несколько литераторов. Псевдоним В. Крестовский использовала писательница Надежда Дмитриевна Хвошинская (в замужестве Зайончковская; 1821–1889). М.К. Цебрикова, современница Хвошинской, приводит следующую легенду появления данного псевдонима: «Окончив свой труд (первую свою повесть. – С.С.), она подписала его псевдонимом, выбранным случайно; она спросила первого встречного бедного мальчика о его фамилии и назвалась В. Крестовским. Позже она познакомилась с его матерью и помогала ей» [55: 7]. Этот псевдоним стал постоянным для её прозы с 1850 по 1879 г. [32: 79; 36: 350]. С 1869 по 1889 г., со времени популярности Всеволода Крестовского, она больше использует псевдонимы: Крестовский псевдоним В.; Крестовский – псевдоним В., Крестовский (псевдоним) В. [32: 79]. Однако её посмертное Полное собрание сочинений в 6 томах, вышедшее в 1912–1913 г., назвалось «Полное собрание сочинений В. Крестовского» (СПб.: Издание А.А. Каспари; Издательство «Родина»).

Другой известный случай использования фамилии Крестовского в качестве псевдонима связан с Валентином Владимировичем Курицыным (1879–1911), томским писателем и поэтом, прославившемся как автор криминального романа. Один из самых популярных до начала XX в. роман «Петербургские трущобы» вызвал множество подражаний. Желая приобщиться к славе В. Крестовского, В. Курицын назвал свой роман «Томские трущобы» и подписался псевдонимом Не-Крестовский. В то время как многие его стихи и рассказы публиковались под другими псевдонимами: В.К. Кур., Валентин К-цын, Дон Валентино, В. К. После газетного варианта в 1907 г. в «Сибирских отголосках» «Томские трущобы» вышли отдельной книгой в 1 500 экз. [15: 10].

Слава к Всеволоду Крестовскому возвратилась после того, как по мотивам романа «Петербургские трущобы» вышел российский драматический телевизионный сериал «Петербургские тайны», в котором сыграли известные российские (советские) актёры. Из 60 серий 48 были сняты в 1994 и 1995 гг., остальные – в 1998 г. С тех пор роман выдержал десятки переизданий, вновь увидели свет и другие произведения В. Крестовского.

Всеволод Владимирович Крестовский родился 11 (23) февраля 1840 г.¹ в имении своей бабушки – с. Малая Березянка Жидовско-Гребельской волости Таращанского уезда Киевской губернии [3: 355; 14: III; 42: 21]. Происходил из старинного дворянского рода. Его отец Владимир Васильевич, отставной улан, участник обороны Севастополя, служил комиссаром при Петербургском военно-временном госпитале № 35 и из-за тяжёлого материального положения согласился на переезд жены Марфы (Марии) Осиповны, урождённой Товбич (9.01.1819–20.02.1896) [40: 522], с сыном на жительство к бабушке [14: III]. У Всеволода был брат Леонид (16.04.1853–13.05.1928) и сестра Клеопатра (в замужестве Майкова († 22 марта 1880)) [40: 522; 47; 59].

Мальчик отличался редкой наблюдательностью, восприимчивостью, добротой (выпрашивал у матери деньги для бедных, делился лакомствами с сыном дворника). Обладал хорошей памятью, рано выучился читать и быстро подготовился к поступлению в гимназию. С ним занимались мать, четыре учителя и гувернантки [14: III].

Учился в Петербурге в 1-й гимназии (1850–1856 гг.) и два года – на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. Русский язык ему в гимназии преподавал В.И. Водовозов. Вскоре после поступления В. Крестовский начал писать стихи, а с IV класса – рассказы. Его рассказ «Вдовушка» попал в руки инспектора Бардовского, который нашёл его «скарбезным, вольнодумным» и предал сожжению. Автору было сделано строгое внушение и дан приказ «больше пустяками не заниматься». Но В. Крестовский продолжал писать. В. Водовозов, заметивший талант своего воспитанника, поощрял его в этом. Его сочинение на заданную тему «Вечер после грозы» «вызвало восторженные отзывы Водовозова». В 1857 г. в журнале «Общезанимательный вестник» были опубликованы перевод оды Горация «К Хлое» и рассказ в стихах «Без дочери». Со следующего года стихотворения, повести, очерки и рассказы В. Крестовского начинают публиковаться в «Иллюстрациях», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Сыне Отечества», а затем – в «Русском слове» (под ред. Аполлона Григорьева), «Русском мире», «Времени», «Эпохе», «Светоче», «Русском вестнике», «Модном магазине», «Ниве», «Заре» и т. д. [1: 684–685; 3: 356; 13: 2; 14: IV–VII; 38: 525; 41: 366; 54: 370].

В университете В. Крестовский увлёкся либеральными идеями, его товарищем становится Д. Писарев. Летом 1858 г. В. Водовозов познакомил молодого литератора с Л.А. Меем, вокруг которого образовался кружок литераторов. Поэзия Л. Мея оказала сильное

влияние на поэзию В. Крестовского, как и «социальная» народность Н.А. Некрасова. Одним из лидеров кружка был известный критик А.А. Григорьев, с которым В. Крестовский дружил до самой его смерти в 1864 г. В. Крестовский воспринял царившие в кружке нравы, к примеру, «что устраивать выгодно свои дела некрасиво, принять казённое место – также, почему до тридцатилетнего возраста оставался в роли неслужащего дворянина, как его именовали в официальных случаях» [9: 147; 14: VI–VI; 33: 818; 54: 370].

Первыми его рассказами были «Не первый и не последний», «Любовь дворовых», «Погибшее, но милое создание» и много небольших, составивших «Петербургские типы» и «Петербургских золотопромышленников». Читателям этих произведений, как отметил Ю.Л. Елец², нравились «редкая простота, отсутствие вычурности, которую страдали в то время многие литературные произведения и глубокое чувство любви к бедным, обездоленным судьбою людям. Это последнее и явилось главным образом залогом того крупного и быстрого успеха, который достался на долю начинающего писателя» [14: V–VI]. Отношение же к его творчеству со стороны критики было двояким: от положительных рецензий до резко отрицательных, называвших сочинения В. Крестовского³ «легковесными», «поверхностными» [57: 52].

Он пишет такие стихотворения, как «Владимирка» (1858), «Париж, июль 1848» (1860), «Полоса» (1860), поэму «Весенняя смерть» (1861) и др. [38: 525–526]. По воспоминаниям литературного критика и историка русской литературы А.М. Скабичевского, В. Крестовский «производил стихами большой фурор на студенческих сходках» и заронил в него «первые семена свободомыслия» [9: 147]. Его стихотворения «Владимирка» (дорога, по которой отправлялись в Сибирь партии закованных в цепи каторжан и ссыльных. – С.С.) и «Полоса» стали революционными песнями, и часто их авторство приписывалось Н.А. Некрасову [9: 147; 16: 606; 57: 51]. Большой популярностью пользовалась его баллада «Ванька Ключник – злой разлучник» (1861). Романс вошёл в репертуар исполнительницы русских народных песен и романсов Надежды Плевицкой. Его стихи «Под душистою ветвью сирени» (1857), «Прости на вечную разлуку!» (1860) стали романсами-шлягерами второй половины XIX в. В. Крестовский, как считал В.И. Калугин, стал одним из первооткрывателей городского романа [9: 147; 16: 606]. Он также стал автором либретто оперы Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка» по одноимённой драме Л. Мея [9: 147].

В 1861 г. он вынужден уволиться по «болезни» со второго курса университета, т. к. не смог совмещать учёбу с активной литератур-

ной деятельностью [9: 146]. С сентября 1860 г. в «Русском мире» В. Крестовский начинает печатать стихи из цикла «Испанские мотивы», принёсшие ему славу «нового Баркова». В 1862 г. вышел двухтомный сборник стихов В. Крестовского, в который были помещены его поэмы, лирические стихи, «Испанские мотивы», легенды. Сборник вызвал резкую критику. В своей рецензии М.Е. Салтыков-Щедрин, признавая автора «писателем не без таланта», назвал его певцом «плотского вожделения», «откровенной клубнички». Поэт-сатирик, критик Д.Д. Минаев⁴ в своих многочисленных пародиях на В. Крестовского повторял точку зрения М. Шедрина, анонимный критик либеральной газеты «Голос» назвал главный поэтический мотив В. Крестовского «напевом человеческой похоти» [7: 44–45; 57: 52].

В защиту Крестовского и его первого «испанского» стихотворения «Гитана» (Русский мир. 1860. 21 сент. № 73) несколько слов сказал в своей статье «Искусство и нравственность» (1861) А. Григорьев: «Пусть тайком все это и читается, и с жадностью даже читается поборниками нравственности: признать же законными таких явлений мы не посмеем, лгать-то уж мы очень привыкли». Поддержал поэта радикально-демократический журнал «Русское слово», напечатавший несколько его эротических стихотворений. Впоследствии А. Григорьев изменил своё отношение к этим стихам В. Крестовского, попрекнул «нигилистов», что они «портили и растлевали потворством натуру несомненно даровитую, – довели её до утопленницы...»⁵. Д. Писарев поддержал поэта и, будучи редактором поэтического отдела «Русского слова», напечатал одно из самых вызывающих произведений этого цикла – поэму «Фрина» (Русское слово. 1862. № 2). А. Скабичевский, близкий к радикальным кругам начала 60-х гг. XIX в., писал, что «Испанские мотивы» «были тогда очень популярны среди многих читателей. В них чуялся поэт, стихи выливались из души». В самом же цикле В. Крестовский соединил эротические стихи с гражданской, свободолюбивой лирикой и с антиклерикализмом [7: 46]. К сожалению, легенда об «эротизме» В. Крестовского, по замечанию В. Викторovichа, привела к тому, что его «фольклорные стилизации, гражданские, библейские стихи, романсы и песни (долго ещё певшиеся и утратившие в этом своём бытовании память об авторе) как-то сникли под влиянием сокрушительной легенды» [7: 47]. Он же отметил, что после выхода итогового сборника стихов В. Крестовского и его уничтожительной критики произошло «угасание его поэтического творчества» [9: 147].

В. Крестовский печатает в «Русском слове» критические статьи и рецензии о поэзии, фольклоре, педагогике, книгах для детского чтения. В них он выражает свои литературные общественные взгляды

ды. В рецензии на «Великорусские сказки» И.А. Худякова и «Сборник русских духовных стихов» В.Г. Варенцова, изданные в 1860 г., В. Крестовский поднял вопрос о важности изучения народа, но «чтоб изучить народ во всей полноте его свежих и нетронутых сил, надо сперва прикрепиться к его почве, вырасти, воспитаться на ней, сжиться с его понятиями и верованиями, – и тогда только можно узнать его, а это нелегко» [38: 526]. В статье «Стихотворения А.Н. Плещеева» он написал: «Поэзия должна служить жизни, а жизнь проявляется в бесчисленном множестве фактов и форм» [7: 45].

Поэт, прозаик и переводчик, критик, историк русской литературы П.В. Быков так описывал молодого поэта: «Красивый, франтовски одетый, с изящной тросточкой, в лаковых ботинках, он, хотя и хлыщеватый на вид, не производил неприятного впечатления, был добрый, ласковый, сердечный». И далее: «Молодой, экспансивный, большой аристократ в душе, франт, со стёклышком в глазу, мастерски его взбрасывающий, производил приятное впечатление своей добротой, незлобливостью, всегдашней готовностью помочь товарищу; не прочь он был пошкollyничать, устроить какую-нибудь невозможную шалость. <...> Крестовский был настоящий поэт, мастерски владел стихом, мог в любое время сказать экспромт, но пренебрегал этим даром, не придавая ему никакого значения, не развивая его. Быстро загораясь при виде красивого уголка природы или смазливенького женского личика, под впечатлением переживаемого счастливого момента, Крестовский так же быстро набрасывал на первом попавшемся клочке бумаги стихи и нередко потом забывал о них» [5: 27]. Артистизм В. Крестовского (музицировал, пел, рисовал, имел успех как рассказчик и декламатор на литературных вечерах), общительность, весёлость способствовали росту его популярности в литературных салонах [9: 146] и вошедших в то время в моду публичных чтениях (наибольшей популярностью пользовались «Сан-Яго», «Полоса» и «Стон земли») [14: VII].

И.К. Маркузе, бывший стенограф В. Крестовского, также поделился впечатлением о писателе, с которым познакомился, когда тот пригласил его записывать под диктовку роман «Петербургские трущобы» с начала мая 1866 г.: «Всеволод Владимирович был малоречив, серьёзен и сдержан, не одушевлялся даже в кругу друзей; он прислушивался к тому, что говорили окружающие, сам же, если вступал в общую беседу, то лишь для того, чтобы бросить краткое замечание, выраженное сжато и просто. Покашливая нервным коротким кашлем, приобретённым скорее привычкой, чем вследствие какого-либо болезненного недостатка, играя не покидавшим его никогда моноклем, сидел он между собеседниками всегда внимательный ко всем, приветливый, но несообщительный. Таков он был

по природе, холодная сдержанность его не была рисовкой, и он не позировал ею, но она была заметна в нем даже в минуты весёлого настроения. Это свойство укоренилось в нем, быть может, с детства, проведённого им не в родной семье, в дали от неё, между чужими. Оно, впрочем, не имело ничего отталкивающего, не отчуждало его от общества и не заставляло уходить в самого себя. Напротив того, он любил общество, однако, в силу ли этой сдержанности, или вследствие, быть может, застенчивой скромности, стушевывался в нём. Богатая одарённость, живая впечатлительность и артистическая оживлённость его заставляли обращать на него внимание, выдвигали его иногда на первый план; но это происходило вопреки его намерению и претило ему. Так, например, он делался быстро в любом салоне тем, что называют “душою общества”, читал, рассказывал шутки, пел, но также быстро утрачивал это преимущество, так как легко уступал первенство другим. Несообщительный вообще, он не любил сплетню, не передавал другим ходячих пересуд, за что особенно ценился друзьями, знавшими, что могут на него полагаться, и что он никого не выдаст.

Всеволод Владимирович, был немного выше среднего роста, обладал красивым, чисто русским лицом, высоким лбом, правильными, резко очерченными носом и подбородком. Мягкие отброшенные назад волосы и шелковистая небольшая бородка обрамляли его голову, придавая ему вид моложавости; но серьёзные, почти суровые глаза его противоречили этому впечатлению, старили его лицо. Последнее казалось малоподвижным, неподдающимся оживлённой мышечной игре, на самом же деле Всеволод Владимирович владел мастерскою способностью изменять черты своего лица, почти до неузнаваемости.

Впервые я узнал об этом таланте Всеволода Владимировича, когда высказал однажды своё удивление по поводу его близкого знакомства с миром отверженных, сблизиться с которым для того, чтобы изучить его так, как изучил он, представлялось мне крайне трудным для интеллигентного человека, если ему не приходилось жить и дышать в одной атмосфере с этим миром.

– Не могу вообразить, какими средствами вы пользовались для того, чтобы проникнуть в эту грубую, кабацкую среду, – сказал я.

– А вот не угодно ли? – отозвался он неопределённо, при чем быстрым движением руки сбил и надвинул себе на лоб беспорядочную прядь волос, выпучил какие-то дико установившиеся на меня, ословевшие глаза и исказил непостижимым образом весь облик своего лица. Вслед за тем, он заговорил грубым и хриплым голосом и на воровском, языке, который знал в совершенстве.

Передо мною был один из трущобных типов, озверелый от пьянства и прилива дикой необузданности. С такую маской можно было

смело показаться в любом разбойничьем вертепе, не возбуждая подозрительности в среде завсегдатаев подобных логовищ. Удачное изображение Всеволодом Владимировичем некоторых героев “Петербургских трущоб”, например, Фомушки-блаженного и Макриды-странницы, памятно, вероятно, очень многим, как и замечательный по художественной концепции и верности колорита рассказа, последней о посещении ею святых мест. Рассказ этот не мог появиться в романе по цензурным условиям, но в интимном кругу своих знакомых Всеволод Владимирович копировал Макриду с разглагольствованиями довольно часто, при чем и голосом, и повадкой очень недурно представлял рассказчицу» [31: 985–986].

И. Маркузе отмечал, что В. Крестовский «обладал несомненным сценическим дарованием; не знаю, насколько это дарование соответствовало требованиям театральных подмостков, но читал он, действительно, превосходно и пел выразительно, с драматизмом, “со слезою”, как говорят. Правда, до оперных партий он, кажется, не был охотник, а предпочитал им романсы и, в особенности, простые народные песни; их он любил распевать и в обществе, и у себя дома, один наедине с самим собою, при чем недурно аккомпанировал сам себе на рояле. По вечерам, перед тем, чтобы приступить к диктовке романа, Всеволод Владимирович проводил, обыкновенно, по часу и более в темной гостиной за пианино. В программу этих домашних концертов входила всегда и неизменно песня его сочинения, кажется, им самим положенная и на музыку: “Огорода горожу”». Также он исполнял «романс Глинки “К ней!” (мазурка: “Когда в час весёлый откроешь ты губки”, слова М. Голицына), балладу Мея: “В поле широком железом копыта взрыто зелёное жито” (муз. Булахова), А.С. Пушкина “Воротился ночью мельник” (из “Сцены из рыцарских времён”), несколько малороссийских, польских, молдаванских и цыганских песен, две-три забубённых солдатских, воровскую “Ерши” (знакомую из его романа) и в заключение, неизменно и всегда – шумную, разудалую “Улане, улане”» [31: 986–987].

В 1860 г. Крестовский познакомился с семейством Сен-Лоран, глава и многие члены которого были военными. Это знакомство «развевало предубеждение Крестовского против военной среды, бывшей тогда настолько непопулярной в обществе, что даже славная Севастопольская оборона не переменила взглядов на военных. Общество, увлечённое либеральными идеями, желало видеть всех своими сторонниками, и поэтому среда, исключая возможность этого, подвергалась ostracismu». В. Крестовский тоже несочувственно относился к «военщине» и, только познакомившись с внутренним миром и взглядами представителей семейства Сен-Лоран, мало-помалу

стал менять своё мнение. В это же время Крестовский встречается с Варварой Дмитриевной Камелиной, дочерью актрисы Санкт-Петербургских Императорских театров Екатерины Васильевны Гриневой. «Красивая, живая, грациозная девушка, бывшая тогда тоже актрисой, сразу вскружила голову мечтательному юноше, и увлечение закончилось свадьбой, несмотря на молодость влюблённых: Крестовскому было тогда двадцать два года, невесте – двадцать лет» [14: VIII–XI]. В 1862 г. у них родилась дочь Мария (по мужу Картавцева), ставшая впоследствии известной романисткой.

В 1858 г. В. Крестовский становится свидетелем уличного происшествия, которое дало толчок к замыслу большого романа «Петербургские трущобы». Около 12 часов ночи, когда он возвращался от одного знакомого, его привлекли женские крики. Он стал свидетелем избиения полупьяной женщины. Толпа рядом смеялась, полицейский, стоявший недалеко, на углу, «пребывал в олимпийском спокойствии». Из двери полуподвального помещения выбежало несколько оборванных женщин и «общим своим криком, общими усилиями отравовали товарку». Для писателя это было «дико и ново», он зашёл в этот «гнилой безобразный приют», услышал плач и циничные ругательства этой женщины, которые она мешала с французскими словами и выражениями. Он задался вопросом, как эта женщина, которая имела лучшее прошлое, иную сферу, иную жизнь, дошла до такого состояния? Оказалось, что это был «один только лёгонький мотивец, один только уголок той громадной картины», о которой автор тогда не имел ни малейшего представления и «с которой познакомился поближе и покороче только впоследствии». Как «в самом центре промышленного, богатого и элегантного города, рядом с палатами и самодовольными физиономиями» может существовать эти «голод и холод, эта нищета разъедающая»? «Как доходят люди до такого позора, порока, разврата и преступления? Как они нисходят на степень животного, скота, до притупления всего человеческого, все, не только нравственных чувств, но даже иногда физических ощущений страданий и боли?» Автор принялся изучать эту жизнь и через несколько лет понял, что «трущобы кроются не исключительно возле Сенной (трущобный квартал около Сенной площади, названный “Вяземской лаврой” или “чревом Петербурга” просуществовал с конца XVIII в. до 1920-х гг. Возник на территории поместья князей Вяземских. – С.С.), что они весьма многообразны, и поэтому дал своему роману его настоящее название» [21: 1–2].

Написанию книги предшествовало изучение судебных архивов, домов бедноты (в частности, «Вяземской лавры») и воровских при-
тонов с помощью пристава К.К. Галахова и будущего начальника

петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина [55: 370]. И. Путилин сопровождал его во время прогулок по трущобам, генерал-губернатор князь Суворов разрешил писателю посещение тюрем, больниц и других учреждений, дал предписание полиции содействовать, командировать в его распоряжение сыщиков, прокурор князь Хованский дал доступ во «все архивы старых судебных мест Санкт-Петербурга» [14: X]. Использованы были и некоторые известные современникам скандальные и криминальные факты и случаи из светской жизни. Роман публиковался в «Отечественных записках» в 1864–1866 гг. Отдельным изданием в четырёх томах вышел в 1867 г. Он стал одним из самых популярных литературных произведений в России второй половины XIX в. Этому способствовала реалистичность персонажей и сюжета, его авантюристичность, известность мест, в которых разворачивалось действие. Критика сразу причислила В. Крестовского к продолжателям Э. Сю. Сам автор в одной из первых глав называет «Лондонские тайны» А. Тrollope, финал истории Маши напоминает «Даму с камелиями» А. Дюма-сына [54: 370].

В. Крестовский писал в предисловии о целях своего произведения: «Если книга эта заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной партии – трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде административной он возбудит хотя малейшее существенное внимание к изображённой мною жизни, я буду много вознаграждён сознанием того, что труд мой, кроме развлечения для читателя, принесёт ещё и частицу существенной пользы для той жалкой, темной среды...» [21: 3].

И. Маркузе в своих воспоминаниях указал, что писатель проживал в то время в доме Тура, на Большой Морской и занимал квартиру на пятом этаже флигеля, находящегося на втором (заднем) дворе. «Квартира была дорога и крайне тесна, и неудобна, она состояла всего из двух светлых показных комнат и третьей – тёмной, без окон; за это удовольствие взималось по 50 р. в месяц. А, между тем, в ту пору в Петербурге ещё не знали нынешнего квартирного кризиса!» Однажды он высказал писателю недоумение по этому поводу, сказав, что за такие деньги можно было найти квартиру лучше. В. Крестовский ответил, что ему нужно было поселиться именно здесь, в этом доме, где он занял свободную квартиру. Позже он выяснил причину. Писателю помогал в сборе сведений «о быте трущобных обывателей “Вяземской лавры” бывший квартальный надзиратель, после реформы петербургской полиции получивший должность пристава 3 участка Спасской части, подполковник Константин Кириллович Галатов». Ранее, до знакомства с В. Крестовским, К. Галатов был помощником квартального надзирателя 2 участка Адмиралтей-

ской части, к району которой принадлежала Б. Морская и дом Тура. Именно в этом доме находилось «учреждение той особы, которая в “Трущобах” выведена под именем баронессы фон-Шпилце. Деятельность этой женщины, по словам Галатова, Всеволод Владимирович, изучил отчасти по его рассказам о ней, но главным образом по личным наблюдениям, для чего, собственно, он и перебрался на жительство в этот дом, по соседству с интересовавшей романиста “волчьей норой”» [31: 983–985].

В романе приводится большое количество слов и выражений «воровского языка». Автор на страницах своего произведения высказывал желание после выхода романа издать исследование об этом и приложить его словарь. К сожалению, это не удалось выполнить. Следовательно, этот своеобразный язык остался известен только по его произведению. Сам автор писал, что «у воров и умошенников существует своего рода условный язык (argot), известный под именем “музыки” или “байкового языка”. Этот язык, между прочим, представляет много интереса и в филологическом отношении. В нем кроме необыкновенной образности и лаконической сжатости, отличительных качеств его, замете сильный наплыв слов, звучащих очевидно не славянскими звуками. Не говоря уже о звуках отчасти польских, отчасти малорусских, вы весьма часто слышите в “музыке” слова вполне восточного происхождения; иногда попадают налёты на корни романские и немецкие, хотя и не так часто, как татарские, финские или цыганские. Это смешение объясняется самым составом мошеннического сословия, служащего широким стоком для всех национальностей. Характер московского argot уже несколько разнится от петербургского: в нём менее, и даже совсем почти нет звуков нерусских и только одни татарские допускаются в него, и это точно так же зависит от того, что состава, жульнических

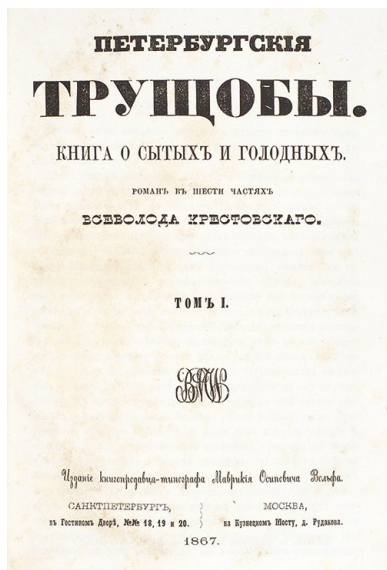
Всеволод Крестовский в 1860 г.
Источник: Крестовский В.В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / с биогр. В.В. Крестовского и его портр., под ред. [и с предисл.] Ю.Л. Ельца. Т. 1. Петербургские трущобы. Ч. 1–4. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1899. [6], LVI, 345 с., 1 л. портр.

(мазурнических) обществ в Москве, более петербургская носит на себе характер почвенный, российский. Москва как будто везде и во всем старается проводить свои собственные, славяно-московские тенденции» (см. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1 / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза» [1898]. С. 18-19). В 1899 г. Н.А. Смирнов выпустил работу «Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского “Петербургские трущобы”», где выбрал «данные этого языка из вышеназванного романа, не вдаваясь пока ни в какие объяснения, за исключением тех, которые даёт сам автор» [44: 1].

Арготическая лексика произведения В. Крестовского до сих пор недостаточна изучена. В романе она используется как в авторских монологах, так и диалогах. Автор свободно употребляет арготизмы, что помогает правдиво показать жизнь обитателей трущоб.

Н.Н. Шарандина в своём исследовании разделила арготическую лексику в романе, которая реалистично передаёт речевое своеобразие «трущобного мира», на следующие части: аргю людей определённых профессий (барышники, извозчики и т.д.); аргю каторжных, ссыльных; аргю нищих; аргю проституток; местное аргю; аргю мошенников или байковый язык; тюремное аргю (мужское и женское); аргю запрещённых в России религиозных сект [56: 94–97].

Роман В. Крестовского, по выражению Глеба Успенского, читался «до затрёпа»: «Автор может быть счастлив, когда видит книгу свою совершенно затрёпанной. Это значит, что его читают очень многие» [37]. Он стал популярен не только в России. «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных» были переведены в 1868 г. на немецкий, в 1895 г. – на финский, в 1907 г. – на английский (издан в сокращении в Нью-Йорке в 1907 г. в сборнике «Library of the World's Best Mystery

Титульный лист первого издания романа «Петербургские трущобы». *Источник:* Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в 6 ч. Ч. 1–4. СПб.; М.: Изд. Книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1867. Т. 1. Ч. 1-2. [4], VIII, 435, II с.

and Detective Stories», переиздан в 1909 г.) языки. Во Франции под псевдонимом Иван Дофф (Ivan Doff) вышел роман-фельетон «Петербургские тайны. История сытых и голодных», в котором просматривается очевидное сходство с романом В. Крестовского. Роман печатался в 160 номерах (с 18 декабря 1877 г. по 13 июня 1878 г.) газеты «Le Petit Parisien», перепечатывался в еженедельнике «Le Petit roman-feuilleton» и в журнале «Cri du peuple». В 2013 г. роман И. Доффа издан отдельной книгой с предисловием [35: 112, 115–116].

Несмотря на литературную известность и множество публикаций, В. Крестовский был ограничен в средствах. Выплаты были небольшими. К примеру, за отдельное издание «Петербургских трущоб» книгоиздатель М.О. Вольф предложил всего 3 тыс. руб. при тираже 3 000 экз. [31: 1002]. Вот как вспоминал И. Маркузе об обеде в квартире В. Крестовского: «...все кругом говорило о бедности: комната, сервировка стола, медный шандал со свечою, скромные, хотя и вкусно приготовленные блюда обеда». «Ни большой успех романа, ни предшествовавшие труды Всеволода Владимировича, вышедшие в свет в 1862 г. в издании Стелловского, не обеспечивали его и не избавляли от нужды, с которою ему приходилось бороться в то время; связанный, стеснённый этою нуждою, он едва ли мог следовать влечениям и потребностям своей, в сущности, артистической и не лишённой некоторой причудливости натуры, своим эстетическим наклонностям, наконец» [31: 997–998].

Несмотря на стеснённые обстоятельства, В. Крестовский помогал родителям. Об этом И. Маркузе узнал от отца писателя, который рассказал, что он, как отставной офицер-улан, хотел бы, чтобы сын тоже стал уланом, и Всеволод Владимирович эти взгляды разделял. В тот же день И. Маркузе спросил В. Крестовского «в шутиливом тоне», правда ли, что он намерен переменить перо на меч и стать в свои годы (28 лет) в ряды защитников отечества. В. Крестовский ответил, что после окончания романа поступит юнкером в уланский полк, т. к. это было семейной традицией [31: 998–999].

Тяжёлое материальное сыграло свою роль в разладе между супругами. Вышеупомянутый И. Маркузе был свидетелем семейных скандалов, устраиваемых Варварой Дмитриевной: «В эти минуты она металась по комнатам, рыдала, случались минуты, когда она, вся охваченная приливом горьких чувств, осыпала Всеволода Владимировича упрёками, укоряла его в бедности, в лени, в бросании денег на ветер, наконец, в измене. Всеволод Владимирович в этих случаях защищался слабо, почти не перебивал потоков обидных речей жены. Во время подобных “сцен”, невольным свидетелем которых

я бывал неоднократно, муж, как мне всегда казалось, держал себя вполне безупречно. Не только я никогда не слышал вульгарных ссор, взаимных попреков и грубых выходок с его стороны, но никогда не бывало также, чтобы он хотя бы словом или даже намёком жаловался кому-либо на жену. О своих семейных невзгодах он никогда ни с кем не говорил. В присутствии третьих лиц он держал себя по отношению к жене вполне ровно и почтительно, так что не подавал повода подозревать о существовании между ними разлада. Мне приходилось наблюдать также проявления вполне мирных, добрых отношений между супругами» [31: 997].

Польский мятеж 1863 г. (10 (22) января 1863 г. – 6 (18) июня 1864 г.) сыграл большую роль в переходе писателя в патриотический проправительственный лагерь и отказе от нигилистических воззрений. В 1862 г., до приостановки выхода журнала цензурой на 8 месяцев, Крестовский активно печатался в «Русском слове». Разрыв наступил лишь после разгромной статьи Д. Минаева в январском номере 1863 г. В первые месяцы 1863 г. В. Крестовский выступает на литературных вечерах с чтением самых «левых» своих стихов, ставших песнями, популярными в революционной среде («Стон земли», «Полоса», «Сан-Яго»). В феврале он заявил, что излечился от недавних своих «теоретических» увлечений и вернулся к «непосредственной жизни». Он становится фельетонистом в «Якоре» А. Григорьева. Здесь появляются первые антинигилистические выступления писателя, фельетоны «Заметки постороннего» против «Современника» и «Русского слова» (Якорь. 1863. 13 июля. № 19; 10 августа. № 23). Также, сотрудничая с сатирическими журналами «Заноза» и «Оса», он помещает в них стихи и карикатуры против своих недавних единомышленников [7: 54–55].

В. Крестовский принимает предложение одного из высокопоставленных лиц о командировке в охваченный восстанием край, в Варшаву. В 1865–1866 гг. он стал «членом-литератором» комиссии, учреждённой для исследования подземелий Варшавы. В. Крестовский свободно владел польским языком и хорошо – немецким [25: 6]. С женой в то время они хотя и не разъехались, но жили «на разных половинах, почти не видясь друг с другом». Это тоже оказало влияние на решение участвовать в работе комиссии. Работа комиссии заключалась в следующем: в варшавских катакомбах, подземельях проводились заседания «ржонды народной», сходки, совещания повстанцев, здесь была штаб-квартира польской террористической организации «Народная жандармерия» («жандармы-вешатели»), где собирались члены «Надвислянского легиона» и т.д. Задача комиссии была обнаружить и исследовать эти лабиринты. Здесь у него появилась идея написания большого романа о борьбе двух народностей:

русской и польской. Первый роман получил название «Две силы». Сначала, как и перед написанием «Петербургских трущоб», он стал публиковать маленькие очерки и рассказы. В отдельном издании он придал двум романам общее название «Кровавый пух. Хроника о новом смутном времени Государства Российского» (Т. 1–4. СПб., 1875). В диологию вошли романы «Панургово стадо» (Русский вестник. 1869. № 2–4, 6, 7, 10–12; отд. изд. – Т. 1–3, Лейпциг, 1870 (на рус. яз.), без ведома Крестовского) и «Две силы» (Русский вестник. 1874. № 1–4, 6, 9–12) [9: 148; 14: XVIII–XXI].

В первом романе он показывает участников революционного движения 60-х гг. XIX в. как марионеток в руках т. н. польской интриги, спровоцировавшей крестьян требовать «заправской» воли, а власти – применить силу. Во втором романе подавление польского мятежа показано, как исторически справедливая развязка многовековой борьбы двух антагонистических сил (подзаголовок призван уподобить революционное движение той поры смуте начала XVII в.). В своём произведении автор цитирует русские газеты, «Колокол», революционные прокламации, использует книгу В.Ф. Ратча «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России» (в 2 т. Вильно, 1867–1868) и т. д. Даёт описание исторических лиц [9: 148; 54: 371].

Как писал Ю. Елец, «цикл романов “Кровавый Пух” сделал то, что Всеволода Владимировича критики записали в ряды реакционных писателей, просмотрев в своём ослеплённом озлоблении, что у него в этих книгах столько смелых идей, каких не найдётся и у многих радикальных писателей» [14: XXIX].

Как отмечают современные исследователи, умение В. Крестовского точно воспроизводить эпоху, точно изображать события и лица привело к тому, что его «хроника» является новой жанровой разновидностью «историко-современного романа», дальнейшей эволюцией антинигилистического романа [11: 64].

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. произошли два события, вызвавшие скандальный интерес к В. Крестовскому: поступление 28-летнего известного писателя унтер-офицером (юнкером) в 14-й Уланский Ямбургский полк 1 июня 1868 г., что возбудило «против него такое ожесточённое гонение в печати, как будто он сделал какой-либо противообщественный поступок», и скандальный судебный процесс [3: 356; 54: 371].

Ю. Елец, предполагая ещё одну причину поступления В. Крестовского на военную службу, считал, что «военная среда, с которой он сблизился в Варшаве, «привлекла его своей простотой, отсутствием интриг, сплетен, инсинуаций, жертвой которых Всеволод Владими-

рович был в течение нескольких лет. Его травили и в литературе, и в частной жизни». У него явилась потребность в круге людей, с которыми не нужно было изощряться в полемике, от которых можно было не ждать анонимных писем, которыми заваливали его в Петербурге. «В родной семье, которую он себе устроил, судьба ему отказала, она распалась, но явилась возможность создать другую – полковую». Здесь В. Крестовский, по его собственному признанию, нашёл «прочное убежище, мирное и тихое пристанище, в которое человек может уйти и спрятаться, как улитка в скорлупу» [14: XXIV]. Эта точка зрения не противоречит вышеприведённым словам И. Маркузе о причинах выбора В. Крестовским военной карьеры.

За год перед поступлением на военную службу В. Крестовский совершил путешествие по Волге, останавливаясь в разных городах для проведения литературно-музыкальных вечеров. Его сопровождали пианист Щуровский и чета Ящинских (жена пела, а муж играл на входившем в моду концертино). По результатам поездки В. Крестовский написал ряд статей о Нижнем Новгороде и злоупотреблениях на местных соляных промыслах. Город он назвал «Сольгородом», а местного полицмейстера Лаппа-Старженецкого – Загребистой лапой. Тот узнал себя в главном герое и подал на В. Крестовского в суд. Дело разбиралось в Санкт-Петербургском окружном суде. В то время писатель был уже юнкером. Защищал он себя сам, в свое речи «очень остроумно отделал полицмейстера» и добился оправдательного приговора [9: 148; 14: XXIII].

1 июня 1868 г. Всеволод Крестовский был определён юнкером (унтер-офицером из вольноопределяющихся) в 14-й Уланский им. Е.И.В. Великой княгини Марии Алексеевны полк. Командир полка полковник Офросимов и все офицеры радушно приняли В. Крестовского. Полк располагался в Гродненской губернии, штаб в Гродно, эскадроны в местечках. Крестовский попал в 3-й эскадрон майора А.А. Латынина, стоявший в Свислочи. Будучи ниже всех рангом, В. Крестовский серьёзно отнёсся к своему чину: мундиры его были пошиты из солдатского сукна без всего щегольства, не допускал фамильярные отношения к офицерам, строго соблюдал субординацию. Однако оставался «твёрдым и самостоятельным в своих убеждениях, не взирая ни на какое высокое положение кого бы то ни было». Во время пребывания в Свислоче В. Крестовский писал роман «Панургово стадо» [14: XXIV–XXV].

16 октября 1868 г. после экзамена в Тверском Кавалерийском юнкерском училище переименован в портупей-юнкера. 7 ноября 1869 г. стал корнетом, 16 октября 1871 г. – поручиком. 15 сентября 1871 г. по распоряжению начальства командирован в Санкт-Пе-

тербург для составления истории полка. Закончил её в 1873 г. и преподнёс свой труд в январе шефу полка, великой княгине Марии Александровне (впоследствии – герцогине Эдинбургской). 20 января 1874 г. высочайшим приказом за отличие по службе переведён в Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк с тем же чином [20]. Генерал-инспектор кавалерии Великий князь Николай Николаевич (третий сын императора Николая I и Александры Фёдоровны), особенно ценивший талант В. Крестовского, устроил перевод его в резервный эскадрон этого полка, с прикомандированием к Штабу войск гвардии и Петербургского военного округа в качестве делопроизводителя комиссии по вопросу о преобразованиях в кавалерии, находившейся под председательством императора. По окончании деятельности этой комиссии В. Крестовский остался исполнять обязанности старшего адъютанта в управлении генерал-инспектора кавалерии. В феврале 1875 г. император предложил ему составить историю Лейб-гвардии Уланского полка. Александр III сам выступил цензором книги, читал историю в «корректирных листах и собственноручно делал на полях некоторые добавления». Эти листы В. Крестовский сохранил в своей библиотеке как «драгоценный экземпляр». Книга вышла в 1876 г. [3: 357; 14: XXXI; 42: 326].

В процессе работы над историей полков он собрал материал, который лёг в основу исторической повести времён Павла I «Деды» (1876), в которой он попытался «реабилитировать» Павла I, и в несколько «беллетристических очерков кавалерийской жизни». Также написал роман «Вне закона» (1872, по материалам нашумевшего в России уголовного процесса) [9: 148; 42: 326].

1 апреля 1875 г. в петербургском окружном суде рассматривалось дело о жене Крестовского Варваре и отставном подпоручике Г. Майкове (родственнике А.Н. Майкова), которых жена последнего Клеопатра Майкова (урождённая Крестовская, родная сестра В. Крестовского) обвинила в противозаконном сожителстве. Она подала жалобу в суд осенью 1874 г. Дело рассматривалось при закрытых дверях, но стало достаточно нашумевшим в петербургском обществе [8: 114–115; 47]. Защитником Варвары Крестовской выступил присяжный поверенный Н.М. Соколовский (автор ряда очерков на криминальную тематику, как и В. Крестовский, в своё время, сотрудничал с журналами «Время» и «Эпоха», т. е. они были ранее в одном либеральном лагере. – С.С.). Н. Соколовский в ходе процесса разбирал семейную жизнь Крестовских, пытался в негативном свете выставить В. Крестовского как мужа, семьянина, читал выдержки из его писем к жене, которые предоставила супруга, пытаясь показать, что В. Крестовский «был дурным мужем и так довёл жену до падения». Вместо защиты жены

Н. Соколовский построил свою речь на обвинении В. Крестовского, который никакого касательства к данному процессу не имел. Сам В. Крестовский на заседании суда не присутствовал. Жена В. Крестовского в своём заключительном слове голословно утверждала, что процесс был начат по инициативе её мужа, который не желал сам выступать обвинителем. Благодаря такой «защите» Н. Соколовского⁶, по его словам, жена Крестовского была оправдана. Слова защитника о том, что В. Крестовский, служа где-то в армии, «выплыл в гвардию и здесь стал фигурировать своею мундирною честью и сделался очень щекотлив и щепетилен в отношении своего гвардейского достоинства», передали ему мать, брат писателя гвардии штабс-ротмистр Леонид Крестовский и гвардии полковник Качалов, которые были на суде. Многие газеты в погоне за сенсацией стали вмешиваться в частную и семейную жизнь В. Крестовского [8: 114; 12: 455; 14: XXVII; 47–49].

«Дело» Крестовского имело шумное продолжение. 29 марта 1876 г. в Санкт-Петербургском военно-окружном суде рассматривалось дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского. На примирительном разбирательстве стороны к согласию не пришли. Председательствовал полковник Величковский, обвинителем был прокурор Ахшарумов, интересы гражданского истца представлял присяжный поверенный В. Д. Спасович (известный русский адвокат польского происхождения, либерал. – С.С.), подсудимого защищал майор Терентьев (М.А. Терентьев – военный востоковед и историк, лингвист, юрист. – С.С.). Суть дела⁷ заключалась в том, что В. Крестовский, решив потребовать объяснений и письменного извинения⁸ у Н. Соколовского, 4 апреля утром приехал на его квартиру в сопровождении гвардии полковника Качалова и поручика лейб-гвардии кирасирского его величества полка Н. Неверова. Слуга Соколовского сказал, что барин дома и принимает. Войдя в приёмную, в которой находились несколько посетителей, через открытую дверь кабинета В. Крестовский увидел, что Н. Соколовский разговаривает с каким-то человеком и открыл дверь. Заметив их, Соколовский испугался и крикнул: «Я знаю зачем вы пришли, пойдите вон!» Затем он взялся за спинку стула, приняв оборонительную позу и закричал: «Караул! Дворника! Полицию!». Видя нежелание Соколовского разговаривать, оскорблённый таким приёмом В. Крестовский подошёл к нему и дал пощёчину. Соколовский бросился бежать, за ним ринулся В. Крестовский. Качалов и Неверов его удержали и вывели в приёмную. Через пятнадцать минут офицеры услышали голос Соколовского, который жаловался городовому, что к нему ворвались и учинили буйство какие-то два

офицера (хотя Соколовский в прошлом был знаком с Крестовским. – С.С.). В. Крестовский вошёл в кабинет представился и сказал, что никакого буйства не было. Он объяснил, что дал Соколовскому две пощёчины и кинул ему в лицо свёрнутые комком перчатки (вторая пощёчина. – С.С.). Саблю не вынимал. Затем он передал городовому свою визитную карточку, на которой полковник Качалов написал все их фамилии и адреса. После этого они покинули квартиру. Соколовский, когда полковник записывал адреса, сказал: «Не пишите, я с вами драться не буду!» Качалов ответил ему, что они не приехали вызывать его на дуэль⁹ [47].

Опрошенная на заседании суда свидетельница М. Крестовская, мать В. Крестовского, на заседании суда подтвердила, что слышала от присяжного поверенного оскорбительные слова на процессе о супружеской измене; кроме того, адвокат говорил, что В. Крестовский ездил в Варшаву, собирал сведения, чтобы потом громить поляков. Она же сказала, что её сын отказался от показаний при слушании дела, возбуждённого её дочерью против мужа, и это должно было «побудить адвоката быть несколько вежливее». Она удержалась тогда в суде, чтобы громко возразить Н. Соколовскому, о чём сейчас жалеет. Ибо тогда адвокат стал бы отпираться, и свидетели не говорили бы, что они не слышали его слов [50]. Мать писателя и его сестра Клеопатра показали, что сам В. Крестовский был против инициации дела против мужа сестры и его жены и ещё в 1873 г. отговаривал сестру от подачи жалобы, после возбуждения дела просил прекратить его, но Клеопатра не согласилась. Мать обвиняемого и его брат подтвердили, что в своей речи Н. Соколовский «унижал Крестовского как мужа, человека, литератора и офицера», о чём рассказали Всеволоду Крестовскому. Полковник Качалов подтвердил показания вышеперечисленных свидетелей и добавил, что «г. Соколовский не столько защищал свою клиентку, сколько глумился над её мужем; читанные же на суде выдержки из писем Крестовского к жене были такого свойства, что, взятые не в связи с целым письмом, клонились к осмеянию Крестовского, чем действительно и возбуждался в присутствующих смех, и что председательствующий раза три останавливал Соколовского, говоря ему, не довольно ли объяснять о г. Крестовском, но Соколовский не останавливался». Слова Соколовского, относящиеся к В. Крестовскому как военному служащему, полковник счёл необходимым передать ему. Соколовский и супруга В. Крестовского голословно утверждали, что инициатором судебного процесса выступил сам писатель [47]. В. Крестовский в свою очередь отметил, что «в течении целого года по городу распространялись разные сплетни и мерзости, в которых письмам этим придавался такой чудовищный характер...». Он упо-

мянул, что они с Соколовским принадлежат «к двум разным и даже враждебным партиям». Свидетелей он взял, чтобы они подтвердили, что Соколовский подпишет извинение добровольно [48].

Сам Н. Соколовский и свидетели с его стороны не подтверждали вышеизложенное и передавали иную версию произошедшего в суде и в доме Соколовского. В ходе слушаний дела майор Терентьев¹⁰ заявил о «политически-литературной» подкладке, «которая сквозит под этим делом». Развивать этот вопрос запретил председатель суда. Защитник коснулся оценки свидетельских показаний со стороны защиты, которые отличались «запамятованием», поставив под сомнение их правдивость. Он попросил суд признать подсудимого невиновным по всем обвинениям: «Не одни присутствующие, но вся наша армия поголовно ждёт приговора» [52]. Жена В. Крестовского на заседание не явилась, прислав свидетельство о болезни и письменные показания, которые суд решил не рассматривать [49].

Обращает на себя внимание отношение к собственной чести самого Н. Соколовского. Когда он увидел, что городовому передают карточку с адресами офицеров, то подумал, что это для вызова на дуэль. Он показал следующее: «Я отправился к одному из своих друзей и просил его собрать членов совета. В тот же день совет собрался, и я рассказал ему все обстоятельства дела и предложил на разрешение вопрос: должен ли я, как присяжный поверенный, потребовать от г. Крестовского известного удовлетворения или должен идти на суд. Члены корпорации разрешили этот вопрос в том смысле, что я не могу и не должен драться с Крестовским. Вследствие этого я заявил об этом деле начальству г. Крестовского» [48].

В заключительном слове В. Крестовский сказал, что он никогда не ударил бы Н. Соколовского, если он согласился на мирный исход дела и уехал бы от него без претензий, но тот встретил их словами: «Я говорить с вами не хочу, подите вон, я знаю, зачем вы приехали», и схватил стул. Далее он продолжил: «Какой бы приговор вы не вынесли, как бы строг он ни был, я приму его с полной покорностью, с полным уважением; но я в душе останусь глубоко убеждён, что я поступил так, как обязан был поступить, иначе я считал бы себя недостойным ни минуты продолжать далее носить эти эполеты. Я обязан защищать их честь, и буду защищать пока я жив. Что касается моих взглядов на честь мундира, на моё военное достоинство, то эти взгляды не составляют только моего личного убеждения; надеюсь их разделяет всё русское войско. Эти взгляды выработаны не нами, а переданы нам как святыня от наших боевых предков и более полутора столетия лет они живут как святыня в русской армии, как самая заветная её святыня» [52]. После слов подсудимо-

го в зале раздался «гром аплодисментов» (в зале присутствовал и Великий князь Николай Николаевич. – С.С.) [18: 284]. Приговором В.Крестовскому стал двухнедельный арест на гауптвахте без внесения нахождения под судом в послужной список [14: XXVIII].

15 июля 1876 г. состоялось заседание главного военного суда по кассационной жалобе В. Спасовича, защитника Н. Соколовского, состоящей из четырёх частей. Сам Спасович, а также В. Крестовский и его защитник на заседание не явились. Народу в зале было мало, до 20 человек, и то большинство были представителями военно-судебного ведомства. Хотя суд приготовил входные билеты, их продано было не более 14. Интерес к процессу со стороны публики упал. Жалоба была отвергнута. Приговор Санкт-Петербургского военно-окружного суда, определивший для В. Крестовского двухнедельный арест на гауптвахте, остался в силе [53].

Процесс широко комментировался в печати. В защиту В. Крестовского выступили только «Русский мир» и «Петербургская газета». Газета «Русский мир» (1876. 18 апреля. № 105) считала, что нападки на писателя содержат литературно-политическую подоплёку, вероятно, имея ввиду «антинигилистические» романы «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874). В большинстве своём пресса осуждала В. Крестовского (а в его лице офицерство и консервативное дворянство) за отстаивание особой, «корпоративной» чести, противопоставленной чести и нравственности (!? – С.С.) остального общества [8: 114; 12: 455–456].

Более определенно по этому вопросу позже высказался Ю. Елец:

«Может явиться вопрос, что же главным образом вооружило прессу против Всеволода Владимировича, как писателя. Причину этого надо искать во вражде двух лагерей, на которые раскололась тогда русская пишущая братия: либералов, многочисленных и властных, вследствие тогдашних веяний, и консерваторов – в числе которых занял место Крестовский. Стремления первого лагеря были не по душе Всеволоду Владимировичу, потому главным образом, что они были скорее космополитические, и истинные личные блага своего отечества приносились в жертву первым. Ни для кого не тайна, например, общее сочувствие и русской прессы, и общества к польскому народу в шестидесятых годах и его восстанию, как попытке отделиться от России, с надеждою поднять на неё Литву, Волынь, Подолию и Малороссию.

Думали ли наши либералы, в каком положении очутилась бы Россия и они сами, если бы эта попытка увенчалась успехом, знали ли они хоть немного Польшу, характер её народа, его отношение к духовенству, аристократии, шляхте, евреям – заветные стремления этих элементов. <...> Ознакомившись на месте с положением дел,

изучив права польского общества, он (В. Крестовский. – С.С.) должен был написать роман в консервативном духе, каким явился “Кровавый Пуф”, и правдиво и широко развернуть картину польской крамолы. Им руководило сложившееся у него и никогда не покидавшее убеждение, что Россия должна быть достоянием истинно русских по духу людей. Вследствие этого они подвергались остракизму и карались все те чужеродные растения, возросшие на почве государственной, которые к нему не испытывали никаких чувств и прикрывались мундиром или положением, для устройства дел своей народности или своих личных стремлений, поэтому-то Крестовского обвинили, что он *plus royaliste, que le roi* (более роялист, чем король. – С.С.). Но в самом деле, какими бы теперь показались русскому обществу явления, что, например, какая-нибудь губернаторша устраивала бы благотворительные концерты, деньги с которых шли бы на польскую справу, жандармский полковник с усердием расстреливал бы толпы крестьян без всякого серьёзного повода, русские гимназисты являлись бы орудием слуг в руках организаторов польского народного дела. Получилось странное в наше время явление. Горячая защита в цикле своих романов русского национального дела и вызвала против них главное раздражение прессы...» [14: XXVIII–XXIX].

В декабре 1876 г. по личному желанию императора В. Крестовский командирован в штаб действующей армии в качестве официального корреспондента «Правительственного Вестника». Произведён в штаб-ротмистры 30 августа 1877 г. Участвовал в Русско-турецкой войне и в нескольких боевых действиях¹¹, за что получил несколько орденов, в т. ч. и иностранных. Некоторое время под его редакцией выходила газета «Военно-летучий листок». Его корреспонденции печатались в «Правительственном вестнике», очерки – в журнале «Русский вестник». Письма в реакцию «Правительственного вестника» были изданы в двухтомнике «20 месяцев в действующей армии» (СПб., 1879). В награду за книгу был удостоен от императора бриллиантовым перстнем в 1879 г. [9: 148; 20; 42: 326–327].

В июле 1880 г. по желанию государя командирован секретарём при начальнике Тихоокеанской эскадры С.С. Лесовском для военно-сухопутных сношений и для ведения исторических записок о её плавании. Также был официальным корреспондентом «Правительственного Вестника» и «Морского сборника». Совершает путешествие из Неаполя во Владивосток, затем – в Нагасаки. Провёл полгода в Японии. Написал ряд очерков, печатавшихся в «Русском вестнике» под общим названием «В дальних водах и странах». Возвратился из командировки 7 октября 1881 г. Награждён орденом св. Анны 2-й степени [9: 148–149; 20; 42: 327; 54: 371].

С 28 марта 1882 г. – ротмистр. Назначен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева с зачислением по армейской кавалерии и с переименованием в подполковники 27 июня 1882 г. Стал старшим чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. В этой должности много ездил по азиатским владениям, побывал в Бухаре и Хиве. Написал книгу «В гостях у эмира Бухарского» и ряд очерков, в т.ч. и о произведённых им раскопках в Самарканде, в урочище Афросиаб (древнее городище площадью более 200 га. – С.С.) в октябре–ноябре 1883 г. [9: 149; 20; 42: 327; 45: 541].

В 1882 г. он опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью «Наша будущая война», а затем продолжение «По поводу одного острова (Гадания о будущем)» (под псевдонимом Е.В. Ларионов) – о возможном столкновении России с Германией. В последнем он также рассуждает о стратегическом значении для России о. Цусима и возможном столкновении с Китаем [22–23; 30].

В Туркестане В. Крестовский женился на 20-летней Евдокии Степановне (урожд. Петрова, в первом браке – Лагода) – дочери статского советника, вдове бывшего чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернатора [14: XLIII].

После ухода М. Черняева с поста прибыл в Санкт-Петербург, где министр внутренних дел поручил ему несколько командиро-

Всеволод Крестовский в 1880 г.

Источник: Крестовский В.В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 3. Кровавый пух. Романы: 1) Панургово стадо и 2) Две силы; Очерки: 1) Пан Пшендовский и 2) Под каштами Саксонского сада. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1904.

[4], 622 с., 1 л. портр.

вок для исследования статистических данных и состояния крестьянского, земского и торгово-промышленного дела в Тверской, Тамбовской и Владимирской губерниях. На эту тему В. Крестовский написал ряд статей, опубликованных в различных журналах с 1884 по 1886 г. [1: 685; 9: 149; 14: XLIV; 42: 327].

С весны 1885 по 1892 г. писал передовые статьи «по политическим текущим вопросам», в основном по внешней политике, газету в «Свет» [1: 685; 9: 149; 14: XLIV; 42: 327]. В апреле 1887 г. был переведён штаб-офицером в пограничную стражу при департаменте таможенных сборов, где оставался до сентября 1892 г. Он проверяет бригады пограничной стражи. Произведён в полковники 24 апреля 1888 г. [14: XLVIII; 46: 367]. Пограничные объезды империи дали В. Крестовскому богатый литературный материал. Он написал ряд путевых очерков и записок («Вдоль австрийской границы», «Русский город под австрийской маркой», «По закавказской границе» и т. д.). Они печатались в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» [14: XLIX].

Он пишет трилогию с условным названием «Жид идёт!», посвящённую т. н. еврейскому вопросу: *Тьма Египетская* (Русский вестник. 1881¹². № 1, 2; 1888. № 1–5, 7, 10, 12; отдельное изд. СПб., 1889 г.), *Тамара Бендавид* (Русский вестник. 1889. № 2, 4, 6, 10, 12; 1890. № 1–7; отдельное изд. СПб., 1890) и *Торжество Ваала* (Русский вестник. 1891. № 5, 7–11), который до 1892 г. был доведён до 20 листов и не окончен [9: 149; 14: XLIV; 42: 327; 54: 371].

Известный русский литературный критик и историк литературы А. И. Введенский (1844–1909) считал, что «роман г. Крестовского „Тьма египетская“ имеет тенденцией показать значение еврейства в русской жизни и, так сказать, в самом себе. И автор берётся за дело с очевидно глубоким изучением еврейского характера и стремлений, по крайней мере, фанатических представителей племени. Перед нами семья Бендавидов, обрисованная художественными чертами и с присутствием серьёзного психологического анализа» [6: 751]. Далее он отметил, что «автор дал живую и яркую картину еврейской жизни, идей и стремлений. Но среде, в которой действует эта сплочённая и серьёзная сила, автор отводит печальную роль. Ничего непонимающие администраторы, продажные чиновники, наконец сам просветитель Тамары Бендавид, простой проходимец с графским титулом, только потому и хлопотавший об обращении её в христианство, чтобы воспользоваться её солидным состоянием – вот кто является на другой стороне, против еврейства, которое в сущности и распоряжается этими элементами, как хочет» [6: 753].

Сам В. Крестовский в письме к прокурору военно-окружного суда в Вильно А.В. Жаркевичу, который начал заниматься литературным трудом и обратился за советом к нему, отметил: «...чтобы написать “Кровавый Пуф” потребовалось не только теоретическое изучение польского вопроса по источникам, но и непосредственное соприкосновение с ним в самой жизни, что дала мне моя служба в Западном крае и Польше. Для “Дедов” пришлось по источникам изучать эпоху последние лет царствования Екатерины II и царствование императора Павла. Наконец, для последней моей трилогии “Жид идёт!” употреблено до десяти лет на изучение литературы данного вопроса, библии, талмуда и проч., не говоря уже о личном, практическом знакомстве с еврейским миром и бытом...» [14: XLVI].

Действие романа «Тьма Египетская» происходит в Малороссии, в губернском городе с вымышленным названием Украинск (скорее всего, подразумевается Каменец-Подольский). В третьей, неоконченной части романа «Торжество Ваала» содержится пророческое предостережение о том, что противники самодержавия меняют тактику, вместо «хождения в народ» они начинают «идти в правительство» [17: 77].

Один из героев, коллежский асессор, бывший учитель физики и математики в женской гимназии в Украинске, считавший, что нужна не конституция, а революция и «чёрный передел» и что вместо того, чтобы «ходить в народ», надо «идти в правительство»: «Коли надо для тех же целей “Боже Царя храни” петь, – пой, пой громче других и ори “восторженное ура” во всю глотку, ходи на все высокоторжественные молебны, на ефимоны, на всенощные, бей земные поклоны, если это надо, – выбивай лбом себе карьеру... Одним словом, помнишь, как у Тредияковского: “Держись черни, а знай штуку”. Вот в этом-то и вся сила, чтобы “штуку” знать! Определят тебя на место, – все равно куда: в полицию, положим, – будь Держимордой, но знай кому, когда и как дать зуботычину; в цензуру – преследуй “вольный дух” во всех поварских книжках, но знай, что пропустить “своим” между строками, а что прихлопнуть, особенно у этих, у “консервативных обличителей”; в синодальную контору посадят, – будь паче Асоченского и аввы Фотия, а по нашему ведомству – самого Магницкого превзойди, лишь бы только в тебя поверили, – понимаешь? – лишь бы поверили и успокоились, закрыли на тебя очеса свои, – и тогда ты победил, ты сила!» И далее: «И подумай-ка сам, если бы по всем-то ведомствам да сидело бы на верхах и под верхами хоть пятьдесят процентов “наших”, “своих”, – го-го, що бы воно було!.. Да мы бы, брат, в какой-нибудь один, другой десяток лет тишком-молчком так обработали бы исподволь и незаметно нашу матушку Федору великую, довели бы её до такого положения, что ей, як тий поповий кобыльци, а ни тпрру, ни

ну!.. Сама бы пошла на капитуляцию перед нами, и тогда мы – господа положения. Канцелярия!.. хм!.. Вот тоже дурни Бога нашего ругают там в газетах своих, да в журналах канцелярию, – канцеляризм, вишь, заедает нас и проч. Не-ет, голубе мий сизый, канцеляризм – великое дело, с нашей точки зрения, он нам за лучшего союзника, и с ним мы куда скорее придём к искомому результату!..» [28: 161, 455–456, 466–467].

Летом 1892 г. был вызван Варшавским генерал-губернатором И.В.Гурко (знавшим В.Крестовского со времён Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) для редактирования газеты «Варшавский дневник». Предложение вызвано, как писательской известностью, так и знанием В.Крестовским края. Зачислен в списки штаба Варшавского военного округа 3 октября 1892 г. Официально вступил в должность 7 октября, в день 35-летия своей литературной деятельности [14: L, LII; 20].

Ю.Елец считал, что, согласившись на эту должность, В.Крестовский сделал ошибку, которая «губительно сказалась на его здоровье и сократила его дни». Он объяснил это тем, что этот орган на наших западных окраинах был «представителем русской общественной мысли, долгое время находившегося под влиянием идей, враждебных нашему государственному единству». Кроме того, «Варшавский дневник» был изъят из ведения Варшавского цензурного комитета и его просматривал особый чиновник, ничего общего с литературой не имевший. «Все вышесказанное в соединении с постоянною травлею заграничной польской прессы – более и более подтачивало его здоровье и влияло па нервную систему, и результатом полуторогодового труда – явилась весною 1894 года болезнь печени и почек. Вследствие продолжавшихся неприятностей и сопряжённых с ними огорчений, болезнь эта стала развиваться очень быстро» [14: L–LIII].

Доктора хотели его послать на лечение в Италию. Однако в ноябре 1894 г. у него обнаружилась водянка. К общей слабости добавились сильные физические страдания. 10 января 1895 г. ему сделали операцию и «выпустили воду». Стало легче, но ненадолго. 12 января он впал в беспамятство, и «с этого дня началась его продолжительная шестидневная агония». Но до неё он успел в третий раз за время своей болезни исповедоваться и причаститься у своего духовника о. Татарова [14: LIII–LIV].

Умер В.Крестовский 18 (30) января 1895 г. На отпевание тела в православном соборе прибыли Варшавский генерал-губернатор граф П.А.Шувалов, некоторые официальные лица и небольшой круг знакомых и сотрудников газеты. Русские обыватели Варшавы отсутствовали. Военная процессия проводила гроб до Санкт-Петербургской железной дороги, откуда вдова покойного повезла его в Санкт-Пе-

тербург для погребения на Никольском кладбище Александро-Невской лавры¹³. В Петербурге гроб встречали друзья покойного Ф.Н. Берг, В.В. Комаров, В.Г. Авсеенко, К.К. Случевский, Н.Н. Любимов и др. Отпевание прошло в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры. На похоронах присутствовала убитая горем восьмидесятилетняя мать писателя. По окончании службы молодой поэт А.А. Коринфский произнёс проникновенную речь: «Господа, мы все знаем, что хороним русского писателя, откликавшегося на все крупнейшие вопросы русской бытовой народной жизни. Но не все мы знаем, что мы хороним русского поэта, представителя чистой поэзии, проводника русского народного духа. В этом виновата та рознь, которая разделяет литературу наших дней и является виновницею вражды людей, связанных между собою общностью идей художественного единения. Всеволод Крестовский – явление крайне оригинальное для того, чтобы умолчать о нем представителю современной русской поэзии; поднимая свой скромный голос на могиле поэта, я желаю почтить его память, святую для каждого почитателя русской народной поэзии, и вот за неё, за русскую поэзию, земной поклон тебе, русский народный поэт!» [14: LIV–LV].

Как писал Ю. Елец: «Так началась, прошла и закончилась труженическая жизнь В.В. Крестовского и, обозревая её разнообразие стадии, невольно приходится вывести одно неутешительное заключение: не везёт у нас на Руси талантливым людям!» [14: LV].

После В. Крестовского остались его вдова Евдокия Степановна, пять малолетних детей и дочь от первого брака Мария¹⁴, в замужестве Картавцева, унаследовавшая писательский талант отца [14: LV; 59].

Разбирая более 4 тысяч писем к В. Крестовскому для составления его биографии, Ю. Елец обратил внимание, что более 3 тыс. заключали в себе «просьбы о деньгах, о доставлении мест или выражения благодарности за оказанные уже благодеяния». «Даже близкие, знавшие его доброту, люди, и те были поражены его благотворительностью, открывшейся после его кончины. Его щедростью и объясняется то обстоятельство, что, будучи на государственной службе при немалом содержании и сравнительно очень много зарабатывая литературным трудом, Крестовский часто нуждался в деньгах и умирая ничего не оставил жене и детям кроме почётного имени» [14: XLIX].

Ордена и знаки отличия В. Крестовского: Св. Владимира 3-й степени (9 апреля 1891 г.); Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (22 августа 1879 г. – за отлично-усердную службу и труды во время минувшей войны с Турцией); Св. Анны 2-й степени; Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (6 ноября 1877 г. – за штурм крепости Плевны 26 и 31 августа); Св. Станислава 2-й степени с мечами (17 марта

1878 г. – за взятие Трояновского перевала 23 и 26 декабря 1877 г.). Иностранные: Черногорский князя Даниила I 3-й степени (12 июня 1880 г.); Сербский Таковского креста 4-й степени; Румынский орден *Traceria Dunarii* (крест «За переход через Дунай». – С.С.) (1878); Японский Восходящего солнца 4-й степени (7 июня 1881 г.). Медали: светло-бронзовая в память войны 1877–1878 гг., гражданская за усмирении польского мятежа 1863–1864 гг. Знаки: за гражданское устройство Болгарии и Красного Креста [20].

После смерти писателя обвинили в плагиате. При жизни подобных обвинений ему никто не выдвигал, ни современники, ни Н.Г. Помяловский, ни близкие к последнему люди. Даже либерально-демократическая печать, не простившая «предательство» В. Крестовского и постоянно обличавшая его, никогда не поднимала вопрос об авторстве «Петербургских трущоб». Авторство В. Крестовского было бесспорным и для Ф.М. Достоевского, и Н.С. Лескова [7: 49]. Газета «Сын Отечества» (1895. № 27) сразу же после смерти писателя опубликовала анонимную заметку, в которой было выдвинуто предположение, что «Петербургские трущобы» были написаны другим человеком – Помяловским или Решетниковым», подвергая сомнению авторство Решетникова: «...умер в 1871 году, роман же печатался в “Отечественных Записках” с 1864 по 1867 г. и в том же 1867 г. вышел отдельным изданием. Невозможно и предположить, чтобы кто-нибудь воспользовался произведением Решетникова при жизни автора. Кроме того, с Петербургом Решетников едва ли был знаком до 1864 г.». Анонимный автор придерживается авторства Н. Помяловского, выдвигая следующие аргументы: Н. Помяловский умер в октябре 1863 г., до публикации «Трущоб», родился и жил в Санкт-Петербурге, «предавался самому мрачному, беспробудному запою», шатался «по разным вертепам, пьянствуя в обществе всяких отщепенцев», «неволью знакомился с “трущобной жизнью” и её типичными представителями», «собирался писать роман из этой трущобной жизни». Но вместо его романа появился роман В. Крестовского. Сам В. Крестовский до «Петербургских трущоб» напечатал множество стихотворений и повести. «Обладая талантом далеко не первоклассным, Вс.Вл. Крестовский часто повторялся, часто варьировал одни и те-же темы, пересочиняя одни и те-же типы. Не возвращался он только к типам, положениям и обстановке одного своего романа, именно “Петербургских трущоб”». И далее: «Представить, чтобы сочинитель средней руки раз навсегда забыл о вещи, наиболее удачной, доставившей ему наибольший успех, – очень трудно». Заметка была перепечатана в февральском номере журнала «Северный вестник» за 1895 г. [29]. На это обвинение ответили

родственники, друзья и знакомые В. Крестовского, разоблачив эти домыслы [7: 48]. В «Новом времени» выступили С. Шубинский, М. Шевляков, Ф. Берг, В. Азанчевский, в «Петербургской газете» – Н. Лесков и М. Микешин [7: 57]. Свидетельства¹⁵ С. Шубинского, М. Шевлякова и Ф. Берга также приведены в «Северном вестнике» [58]. Однако через 18 лет, когда свидетелей, способных опровергнуть клевету, не осталось появилась статья А. Измайлова «Быль, а не легенда» (1913. № 246. 25 октября), в которой автором были приведены дополнительно свидетельства близких родственников Помяловского и свои «филологические соображения». Третейский суд, состоявшийся по инициативе сына В. Крестовского Владимира и его бывшего стенографа И. Маркузе, признал недостаточность оснований для выводов Измайлова [7: 48–49]. В 1959 г. версию плагиата пытался безуспешно озвучить М.М. Орлов, перенеся позже обвинения в адрес В. Крестовского в докторскую диссертацию «Разыскания в области словарного состава сочинений Н.Г. Помяловского», защищённую в 1974 г. [7: 48, 57].

Биографические сведения о В. Крестовском и его трудах размещены в его автобиографии [41: 21, 326–328], многочисленных биобиблиографических заметках (см., напр., [2; 9; 18; 19; 33; 54]), некрологах (см., напр., [1; 3; 13]), воспоминаниях о нём (см., напр., [5; 14; 30; 37]), статьях В.А. Викторovichа [7; 8], Я.О. Гудзовой [11], С.В. Шарифуллиной

Всеволод Владимірович
КРЕСТОВСКИЙ.

Въ 1894 году.

Всеволод Крестовский в 1894 г.
Источник: Крестовский В.В. Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 7. 1) В гостях у эмира Бухарского; 2) Вдоль закавказской границы; 3) Вдоль австрийской границы; 4) Русский город под австрийской маркой; 5) Новый путь в Центральную Азию; 6) По поводу толков о путях к Босфору; 7) Русская церковь на Японском море; 8) Ловкий и сильный удар англичан по России; 9) Синто и Буккёю; 10) Посьет, Суйфун и Ольга; 11) Беловежская пуща; 12) Очерки кампании 1829 года в Европейской Турции; 13) Тамбовские дворянские выборы; 14) Непокойный дом; 15) Степное гнездо; 16) Мезонин в Ревякиной улице; 17) Змеиный дед; 18) Вне закона. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. [4], 724 с., 1 л. портр.

[57] (она же в 2003 г. защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Проза В. В. Крестовского в контексте антиинигилистической беллетристики 60-80-х годов XIX века»), М. Быкова [4], предисловиях к его произведениям (см., напр., [43]) и др.

О сложных взаимоотношениях Ф. М. Достоевского с В. Крестовским см. работу В. А. Викторovichа «Достоевский и Вс. Крестовский» [8]. Как отметил автор, «и Достоевский, и Крестовский в переломную ситуацию 60-х гг. как будто бы сделали общий выбор и как будто бы оказались по одну сторону баррикад. Но, странное дело, это не только не сблизило их по сравнению с тем временем, когда Крестовский щеголял своим радикализмом, но, напротив, распались сложившиеся тогда дружеские связи» [8: 112]. Также об отношении Ф. Достоевского к В. Крестовскому см. работу Р. Г. Назирова [34]. К сожалению, на негативное отношение Ф. Достоевского к В. Крестовскому повлияла распространяемая недругами последнего несоответствующая действительности информация [12: 67, 189–190, 195].

В 1898–1905 гг. под редакцией Ю. Ельца вышло «Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского» в восьми томах. В него не вошли истории полков (лейб-гвардии уланского Его Величества и 14-го уланского Ямбургского), статьи о земстве и торгово-промышленных центрах России, передовые и другие статьи в разных газетах и журналах, которые, как считал редактор, имели «временный, давно прошедший интерес». В редакционной статье было сказано: «С кончиною Всеволода Владимировича Крестовского угас крупный, сильный и самобытный талант, всецело посвящённый на служение горячо любимой родине – России. В лице Крестовского она лишилась не только писателя, но и бойца за её величие и славу, одного из доблестнейших своих сынов – гражданина в лучшем смысле этого слова. Несмотря на упорное систематическое замалчивание таланта его критикой, три поколения русских грамотных людей ознакомились с его произведениями, цена которых в будущем будет все более и более возрастать, и в истории возвышения самосознания нашего общества его творения займут одно из почётных мест» [39].

Как упоминалось выше, в настоящее время, особенно после выхода сериала «Петербургские тайны», возрос интерес к литературно-публицистическому наследию В. Крестовского. Вышло несколько десятков переизданий его «Петербургских трущоб», вновь увидели свет и другие его произведения, многие из которых не утратили актуальности и сегодня.

Можно согласиться с мнением М. Быкова, что судьба Всеволода Крестовского заслуживает того, чтобы на неё обратили внимание кинематографисты [4: 60].

В ряде своих статей В. Крестовский поднимает тему русского населения (русинов) Австро-Венгрии. Во время службы в пограничной страже (1887–1892 гг.), инспектируя бригады пограничной стражи, В. Крестовский собрал обширный материал. Результатом стали очерки, посвящённые вопросу укрепления национальных окраин. Некоторые из них («Вдоль австрийской границы (Путевые заметки)», «Русский город под австрийской маркой», «Православная церковь на Буковине», «Под австрияка или под прусса») затрагивают русинскую тематику.

В очерке «Вдоль австрийской границы (Путевые заметки)» (Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 7) автор рассказывает о встречах с уроженцами Галичины и русских жителей (русинах) севера Бессарабии (к сожалению, в «Собрании сочинений» не указан год и источник публикации). Материал был написан раньше очерка «Русский город под австрийской маркой». – С.С.) [24].

В июле 1889 г. В. Крестовский посетил ряд приграничных населённых пунктов Волынской, Подольской и Бессарабской губерний. Он отметил, что «закордонное почвенное население (имеется ввиду Буковины и Галичины. – С.С.), это все такие же русские мужики, как и наши, населяющие Волынскую и Подольскую губернии. Никаких, не только резких, но и детальных различий между теми и другими не замечается. Говорят они все по-русски, украинским наречием, исповедуют православную веру, а которые и числятся официальным образом униатами, те, по большей части, не сознают этого, а считают в простоте сердечной, что они “русской веры” и сами себя называют *русаками* или *руснаками* (здесь, как и далее, выделено самим В. Крестовским. – С.С.), но названия русин или рутен для них совершенно чужды, и таковых вы никогда тут не услышите. К России они льнут всей душой, и эта симпатия носит у них какой-то стихийный характер. Когда в начале нынешнего года (имеется ввиду 1889 г. – С.С.), отношения между Россией и Австрией обострились, вся местная интеллигенция, то есть поляки, немцы и жидаы, заметно приуныла: вся она очень боится войны с Россией, не имея ни малейшей веры в стойкость венского правительства и в особенности в стойкость австрийской армии¹⁶. Зато крестьяне сильно приободрились. Никто из них, равно как и вся названная приграничная интеллигенция, не сомневается в исходе возможной войны: и друзья, и недруги наши единодушно убеждены, что австрияку с русскими не справиться и что Галичина с Буковиной, рано ли поздно ли, будут взяты Россией, граница коей передвинется на Карпаты» [24: 292].

Он обратил внимание, что закордонные крестьяне, приходя в Россию «с большим участием и интересом расспрашивают, что делается “у нас” в Москве и в Киеве? Иначе они и не выражаются, как “у нас”, в

России; и царя называют “нашим”, т. е. *своим* царём. Когда же им при этом напоминают, что наш царь, не их, что у них есть свой цесарь в Вене, они, ухмыляясь, отвечают, что это так только *пока*, до времени, а что истинный царь их сидит в России, в Москве. Замечательно, что про Петербург никто из них никогда не поминает, как точно бы они и не знают о его существовании; но Киев и Москву знают решительно все и считают последнюю своею истинною столицей. Когда в одно из пограничных селений приезжал в прошлом году Каменецкий епископ освящать новую церковь, из-за кордона привалило на торжество освящения тысяч пять разодетого по-праздничному народа. В виду такого наплыва, администрация наша разрешила на сей день свободный пропуск в село, до пределов его околицы, и когда некоторых из этих гостей спрашивали, зачем они пришли, те объясняли, что пришли-де посмотреть на “нашего” архиерея и послушать своего богослужения во всем его великолепии, какого “у нас”, за кордоном, не бывает, потому что цесарь-де не нашей веры и ему все равно, сияет она или пропадает. – “Вот, говорили они, – кабы был у нас свой царь “с Москвы”, были бы и у нас такие хорошие церкви» [24: 292–293].

Рассказал он об одном случае: этой весной к одному из пограничных чиновников приехал закордонный крестьянин и попросил его снабдить «пропускным свидетельством до Москвы». На вопрос «зачем?», ответил, что хочет повидать царя. «Хочу пасть ему в ноги та сказать що вже годи! (довольно!) Чого вин соби думає?! Чого не вызволяє нас спод австрияка?! Хіба-ж мы ему не такие хрестьяны, як и свои?.. Годи вже, кажу! Во нам вже млóстно так мыкаться... Жид одолив, пан одолив, посессоры, жандары, нэмци... тай Боже ж мой Господи!.. И ни скуда ни якої защиты!» Далее старик заявил, что ещё деда ждали, что царь из Москвы даст приказ «приписать их к России» [24: 293].

Приводит В. Крестовский и ещё примеры, чтобы показать настроения русского населения Галичины и Буковины, и их отношение к России. В одном из приграничных местечек в базарный праздничный день встречаются закордонный священник с русским офицером. «Встретились они в доме у местного священника, за закуской, познакомились и разговорились. Улучив минуту, закордонный гость отводит офицера к окну и спрашивает его несколько пониженным и многозначительным тоном: – “Ну, что, когда же к нам наконец?.. Скоро ли”? Офицер вначале даже не совсем понял этот вопрос и, относя его к самому себе, сказал, что скоро ли – не знает, так как быть границей не имеет пока надобности. – Э, да я не о вас собственно, – возразил священник, – я разумею вас вообще, т. е. русских... Скоро ли русские-то к нам пожалуют? Тот одно только и мог ответить, что это более всего зависит от самих австрийцев, доведут нас до войны, так

пойдём, а сами зачинать её, кажись, не намерены. – Господи Боже мой! – укоризненно покачал головою священник. – Ужели-ж опять ждать приходится?.. Да доколе-ж, наконец?!.. Деды ждали – не дождались, батьки ждали – не дождались... Ужели-ж и мы не дождёмся?.. И удивительное, право, это дело! – развёл он руками. – Берете вы себе разные Ахал-Теке, берете Мервы всякие, чуть не всю Среднюю Азию покоряете, а тут вдруг под боком у вас коренная русская земля, наследие святого Владимира, Русь Червлена, дедина ваша, и вы оставляете её истлевать под чужеземцем... Зачем?.. Ну, подумайте, зачем это?.. Ведь не хорошо... право же, не хорошо... Немцы, и те на вас удивляются! В этом несколько наивном и добродушном упреке слышится, однако же, крик наболевшей души. Это упрек, посылаемый нам всею *почвенною* Галицкою Русью, на которую давно уже со всех сторон напирает атака враждебных сил, где работают и свои хохломаны, и поляки, и немцы, и жидаы, и мадяры...» [24: 293].

В этом же очерке В. Крестовский описывает население Севера Бессарабии, которую тоже посетил по служебным делам. «Грунтовая дорога, на протяжении около пятидесяти вёрст, направляясь на юго-запад, служит основанием треугольника, левая сторона которого, от Новоселицы до села Онут, составляет нашу сухопутную границу с австрийскою Буковиной, а правая, вдоль по течению Днестра, отделяет нас от Галичины. Пространство, заключающееся в этом треугольнике, составляет северо-западную часть Хотинского уезда и известно под именем Русской Буковины» [24: 296].

Говоря о сельском населении уезда, он отметил, что оно «почти исключительно русское (руснаки). Молдаване встречаются несколько южнее, и то вперемешку с русскими, причём поселения этих последних проникают местами в центр страны, то есть в уезды Бельцовской (прежний Ясский), Оргеевский и часть Кишинёвского и спускаются вниз по среднему течению Днестра и Прута. Существует предположение, что часть этих руснаков составляет даже племя аборигенов (коренных обитателей) северной половины Бессарабии. Предположение это основывается не только на молдавском предании, которое говорит, что первый молдавский князь, Драгош, уже застал руснаков в стране, когда в 1354 г. основал в ней княжество Молдаванское), но и на свидетельстве Нестора Летописца. Славяне, населявшие Бессарабию, были известны в его время под местными именами тиверцев и уличей»¹⁷ [24: 298].

Автор, излагая историю коренного русского населения Бессарабии, напомнил, что «к концу XII века вся Бессарабия принадлежала ко княжеству Галицкому. Остомышл Ярослав, который “подпёр горы угорские своими железными полки” и “заступил королеви (венгерскому) путь,

затворив Дунаю ворота”, этот Ярослав Галичский “суды ряде до Дуная”, и только после смерти его, в 1187 году, нашествие половцев, а затем монголов отторгли Бессарабию от Галичского княжества» [24: 299].

Кроме руснаков-аборигенов в Бессарабии проживают потомки переселенцев «того же южно-русского племени». Они были переселены в Бессарабию молдавским князем Лукою (1662–1672) (в тексте опечатка, правильно – Георгием Дукой, который правил Молдавией в 1665–1666, 1668–1672, 1678–1683 гг. – С.С.), который был признан гетманом Украйны (назначен султаном гетманом Украйны в 1681–1684 гг. – С.С.). Ещё одна часть перешла из Украйны и Волыни, спасаясь от унии, в конце XVI и начале XVII вв. «Все эти руснаки всецело сохранили как свой славянский тип, так и православную веру, и язык, и обычаи» [24: 299].

В. Крестовский считал, что «в пользу глубокой древности руснакского населения в этих местах, как мне кажется, говорит и самый костюм его, весьма схожий, если не прямо тождественный, с костюмом скифов, каким мы знаем его по изображениям на некоторых древних греческих вазах, медалях и барельефах. Мужчины носят остроконечную баранью шапку, напоминающую по форме такую же среднеазиатскую шапку хивинцев, туркмен, горных таджиков и афганцев, только несколько меньших размеров, летом же они по большей части заменяют её соломенным *брилем*, широкополой шляпой домашнего плетения, вроде испанского *sombrero*. Длинная холщевая рубаха на выпуск, с раскрытым воротом, который в случае надобности стягивается красною тесёмчатой *стричкой* (ленточкой); длинные, по щиколотку, порты, широкий кожаный, либо шерстяной зелёный пояс и, наконец, *постолы* (род сандалий из воловьей шкуры) для зимнего и ненастного времени, когда надевается поверх рубахи ещё грубая суконная *свита с каптуром* (род башлыка) или бараний кожух – таковы принадлежности мужского костюма. Летом же, как мужчины, так и женщины всех возрастов ходят босиком, и разве только придя к богослужению в церковь, по праздникам, надевают в ограде принесённые с собою в руках *чоботы* и *черевики*. Женщины носят белую сорочку с узорчато вышитыми гарусом грудью и наплечниками, *плахту* – род юбки, состоящей из куска полосатой (по большей части тёмных цветов) шерстяной материи домашнего изделия, обёртываемой вокруг бёдер и перетянутой в талии шерстяным цветным поясом; белую головную повязку со спущенным на спину концом и, как необходимое украшение, коралловые мониста, надетые на шею, с которой они спускаются довольно низко на грудь. Способ их причёски я не мог заметить, так как ни в хате, ни вне дома решительно не видел ни одной женщины без головной повязки. Что

же до мужской причёски, то она очень характерна: волосы с темени и висков счёсываются наперед и ровно подстригаются поперёк лба, от уха до уха, в виде чёлки, а с задней половины головы пускаются до плеч кудрями или длинною, ровно подстриженною снизу гривкой. Эта гривка опять-таки очень напоминает мне характернейшую часть причёски персов, таджиков и афганцев, равно как и причёску греческих изображений древних скифов. Думается мне, что все это преемственно сохранилось ещё от времён скифских» [24: 298–299].

Присутствие «до нашего времени руснакских аборигенов» на территории Бессарабии, считал автор, «значительно умаляет степень основательности притязаний на неё со стороны нынешних румынских интеллигентов, которые, опираясь именно на римское происхождение бессарабских обитателей, ставят даже вопрос о своём союзнчестве или вражде с Россией в будущей европейской войне в зависимость от того, захотим ли мы им наперёд добровольно возвратить всю Бессарабию» [24: 299].

Во время службы в пограничной страже В. Крестовский несколько лет подряд каждое лето приезжал в местечко Новоселица Хотинского уезда Бессарабской губернии, на границе с Австрией. Ему давно хотелось побывать в соседней Буковине, чтобы увидеть Черновцы, «древний не поуниаченный центр православия в Австрии, с его замечательной митрополией и, кстати, посмотреть, как живётся там русскому народу». Побывав там, он написал материал, основанный на своих «личных впечатлениях» и на сведениях, добытых им «из расспросов и разговоров с людьми, знакомыми с положением края». Поэтому, уточнил автор, он не смеет «претендовать на безусловную точность сообщаемых мною данных и ещё менее на непогрешимость своих выводов и заключений. Описываю лишь то, что я видел и слышал, и так, как оно мне представлялось» [25: 89–90]. Поездка состоялась 25 июля 1890 г. По итогам поездки вышел большой очерк «Русский город под австрийской маркой» («Русский вестник». 1891. Т. 212. Январь. С. 89–126; Т. 213. Март. С. 3–32; Т. 214. Июнь. С. 248–270) и продолжение «Православная церковь в Буковине» (продолжение статей «Русский город в Австрии») («Русский вестник». 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 104–123).

По пути в Черновцы автор заметил, что характер местности здесь не отличается от северной части Хотинского уезда, т. н. Русской Буковины: те же пологие холмы, составляющие предгорье Карпат и покрытые частью пашней, частью – лесами. Лесная растительность состояла в основном из бука, откуда край и получил своё название. Обратил В. Крестовский внимание и на то, что австрийские леса оберегаются лучше наших [25: 91].

По его наблюдениям, «характер буковинских селений и внешний вид крестьянских построек тоже ничем не отличаются от наших: такие же все, начисто выбеленные, малорусские хаты под соломенными кровлями, такие же клуны и столоды, и длинные “журавли” над колодцами, так что ни на внешности этих построек, ни на их внутреннем устройстве и обстановке ничуть не заметно какого-либо цивилизаторского влияния швабских культуртрегеров. Хаты не теснятся в сплошную улицу, как великорусские избы, а стоят себе в разброс, кому как удобнее, среди своих дворов, садов, левад и огородов, обнесённых деревянными плетнями, из-за которых свешиваются на улицу густые, длиннохвостые побеги колючего “язвина”, называемого также и “берёзой”, и служащего здесь, как и на всем нашем Юге, наилучшим растением для живых изгородей. При каждой хате непременно есть свой цветничок, из которого выглядывают за плетень высокие разноцветные мальвы, бархатцы и душистая мята; есть и свой огород, наполненный, кроме всякого овоща, пёстрыми маками и пышными подсолнухами; есть непременно и свой фруктовый садик, где растут груши, яблоки, грецкий орех, черешня, абрикос и черная слива, причём последняя преобладает над остальными родами фруктовых деревьев, так как производство вяленого и сушёного чернослива составляет одну из главнейших и наиболее доходных статей местной сельской промышленности. В этих же садах нередко ютятся под деревьями небольшие пасеки, колод в пять, шесть, иногда до десятка» [25: 92–93].

Он отметил, что «сельские жители австрийской Буковины тоже ничем не отличаются от наших буковинцев и подольцев: тот же малорусский тип и тот же костюм, как у мужчин, так и у женщин. Мужчины, по большей части, бреют бороды, но оставляют усы, и носят подстриженные чёлки, а сзади длинные волосы, спускающиеся из-за ушей кудрями на плечи и затылок. Белые холщевые порты широкой кройки и такая же рубаша по колена, застёгнутая красною шерстяною ленточкой-завязкой (по местному “стёжкой”) и подпоясанная широким кожаным поясом, так называемым “чéресом”, а на голове “бриль”, – домодельная соломенная шляпа с широкими полями, – таков их летний рабочий костюм, к которому в праздничные дни добавляются смазные “чоботы” и серая, либо коричневая, суконная “свитка” или “гуня”, с перехватом в талии; зимою же – овчинный кожаный и барашковая шапка. У женщин – белая, более тонкая сорочка по щиколотку, с узорчато-цветными прошивками на плечах, и шерстяная полосатая плахта, обёрнутая вокруг бёдер и подпоясанная широким шерстяным шарфом красного, синего или зелёного цвета; на шее непременно большой серебряный крест почеевского или киевского изделия, и

несколько ниток бус и “коралек”, в виде ожерелья; на голове белая “намитка”, которою служит длинное полотенце. Один конец намитки подгибается спереди, в роде итальянской фаты, и приспускается на лоб, как козырёк, прикрывая лицо и темя от солнечных лучей; другой же конец, обернувшись раз вокруг головы, как повязка, кокетливо спускается с затылка на плечо и слегка обматывает шею, небрежно драпируясь вокруг неё складками. В праздники к этому костюму точно также добавляются чоботы и перехваченная в талии свитка, которая, в отличие от мужской, бывает иногда белого цвета и простёгивается по швам узенькою вышивкой из разноцветной шерсти» [25: 94–95].

По пути встретил автор в селениях «несколько мужичков совершенно великорусского типа, как по костюму, так и по говору». Это были липоване, русские выходцы-староверы. Они занимались «разными мастерствами и мелким торгашеством в разнос. Они по преимуществу здешние плотники, печники, кладчики, столяры и коробейники. В стороне где-то раздавались даже звуки русской гармоники». По характеру местности, по внешнему виду селений, «по типу жителей, и по всему их обиходу» участникам поездки казалось, что они ещё в России, а не за кордоном, что «это одна и та же страна, один и тот же родной нам народ, та же вера, тот же язык и обычай, та же песня, – все, решительно все то же, и все своё, родное, так что порою даже странно как-то становится: да неужели, мол, и в самом деле это Австрия?!» [25: 95–96].

При въезде в Черновцы В. Крестовского и его спутников удивила «надпись черным по белому на овальной жестяной доске, обозначающая название улицы» на русском языке на углу крайнего дома: «Улица Русская». Названия здешних улиц на всех углах и перекрёстках писались на трёх языках: немецком, русском и румынском, а вывески на правительственных учреждениях, торговых и иных заведениях – только на немецком. На улицах слышалась южнорусская речь, причём на ней говорили не только крестьяне, но и большинство мещан. Все сразу признавали в В. Крестовском и его знакомых закардонных русских, встречали с улыбками и русскими приветствиями «здравствуйте» или «Бог помочь!» [25: 110–111].

В. Крестовский приводит краткие сведения об истории края, опираясь на материалы русских летописей, «Слово о полку Игореве», труды Н.М. Карамзина, Ю.И. Венелина, Н.И. Надеждина, С.М. Соловьёва: эта земля «была русскою ещё на заре нашей исторической жизни. Древняя Паннония, а нынешняя Венгрия, называемая местными русскими жителями Угорщиною (т. е. страну, у гор лежащую), во время пришествия мадьяр была заселена славянами. По обе стороны

Карпатских гор, на их северных и южных склонах, где ныне живут угороруссы, обитали в VIII и IX веках славяне, называвшиеся белыми хорватами, которые входили в государственный состав нашей древней Руси ещё при Олеге. Нестор пишет: “и живаху в мире поляне (т. е. жители полей приднепровских, в нынешней Киевской губернии) и хорваты”. Тот же летописец говорит, что когда Олег “иде на греки”, то он взял с собою, в своё войско, “множество варяг и словен... и хорваты”» [25: 96].

Писатель выдвинул предположение, что название «хорваты» произошло от гор, служивших местом их поселения. Возможно допустить, что «хорваты» есть не что иное, как изменённое *горваты* или *горбаты*, т. е. горцы, на горбах (хребтах) живущие. Фонетические изменения сочувственных между собой согласных букв, по мнению В. Крестовского, составляют одну из особенностей древнеславянского языка и всех языков, произошедших из этого корня. Очень часто звук *б* переходит в *в* и наоборот, звук *х* изменяется в *г* или *к* и обратно. Отсюда же, считал автор, самое слово «Карпаты» есть изменённое *горбаты*, т. е. горы, хребты [25: 96–97].

Затем большой наплыв русских в Угорщину и Буковину последовал из Молдавии, которая, по свидетельству Нестора, была населена русским племенем тиверцев и угличан, живших по Днестру до самого моря и Дуная и вошедших в состав Русского государства при Игоре, по взятии Свенельдом главного их города Пересечина. «Известный наш славист Ю. Венелин говорит, что при нашествии татар, большая часть этих русских жителей Молдавии бежала в Карпатские и Трансильванские горы и что часть потомков этой Тиверской и Углицкой Руси и доселе существует в самой гористой части Буковины и Станиславовского округа в Галиции, а также в Мараморошском и Угочевском жупанствах в Венгрии, где они известны под именем Мараморошской Руси» [25: 97].

«Буковинцы, как и угро-руссы, вместе с народами Червонной Руси, Подолии и Бессарабии, считают своим духовным просветителем нашего св. князя Владимира Равноапостольного и заключают это из того, что пока в Мукачеве не была основана отдельная епископия, до тех пор священников к угро-руссам ставил епископ перемышльский, и, стало быть, они были подведомственны епископии перемышльской, основанной если не самим князем Владимиром Святým, то несомненно одним из русских перемышльских князей во второй половине XI века. <...>. С тех пор православие в Угорщине и Буковине, прошло через множество испытаний, но осталось непоколебимо во всей своей чистоте и до нашего времени. В XII веке не только Буковина, но и вся Бессарабия с Молдавией, входила в состав сильного Галицкого княжества, где князья Владимирко, Ярослав и Роман твёрдо охраняли

Российское государство на его юго-западных пределах и держали в страхе венгров. <...> земли эти, без малого пять веков входившие в состав Русского государства, подпадают польскому господству, сначала в лице Болеслава, князя Мазовского, а с 1340 года – в лице Казимира, давшего галичанам обещание не теснить их православной веры. Но вскоре затем, а именно между 1350 и 1354 годами, Бессарабия отошла к образовавшемуся в это время независимому господарству Молдавскому, где, однако, язык наш до самого XVII века (1636 г.) оставался не только церковным, но и судебным, как свидетельствуют то подлинные грамоты молдавских господарей. Буковина же составила впоследствии часть Седмиградской области (Трансильвании. – С.С.); но в 1482 году была завоёвана молдавским князем Стефаном V, а в 1529 году покорена, вместе с Молдавией, турками, под которыми и оставалась до 1774 года, когда по Кучук-Кайнарджийскому миру она отошла к Австрии и, в 1786 году, под названием Черновицкого округа, была соединена с Галицией. Ныне же Буковина составляет отдельную область (Герцогство Буковина. – С.С.), пространством в 190 квадратных миль, с 513 000 душ населения, в числе коего первое место занимают русские (41 %), затем румыны (38 %), евреи (9,5 %), немцы (8 %) и немного поляков, мадьяр, армян и чехов» [25: 96–98]. Католическо-польский элемент играет здесь второстепенную роль, т.к. поляков во всей Буковине только 18 000, тогда как русских – более 240 000 [25: 111].

В. Крестовский отметил, что несмотря на то, что все народы в Австрии пользуются на основании конституции равноправием, «под эту наружную маску “австрийской свободы” и “легальности” совершается целый ряд самых разнообразных и утончённых уловок, обманов, подлогов и даже насилий, жертвою коих является преимущественно русская народность» [25: 112]. В регулярно проводимых переписях цифрами доказывается уменьшение лиц православного вероисповедания, числа русского населения, а количество католического населения растёт как в Галичине, так и в Буковине. Он упоминает, что при проведении десять лет назад переписи «были пущены в ход всевозможные средства, даже насильственное вписывание людей русской народности в польскую или румынскую, чтоб увеличить численность этих последних. В Буковине противники русского народа стараются ввести в этот народ название “волошская церковь”, “волошская вера” вместо “православная вера” и “русская церковь”, убеждая тёмных крестьян, что это-де всё равно, так как и они, и румыны исповедуют одну и ту же веру, а русская вера – это собственно там, за кордоном, в России, а потому-де, если вы добрые подданные своему цесарю, то вам неприлично и даже небезопасно

показывать себя людьми “русской веры”; показывайте лучше, что вы “волошской”, и сбитый с толку крестьянин соглашается с таким доводом: Дóбре, паночку! Як так, дак так, пишить волошской! И таким-то образом десятки тысяч русских людей очутились в цифре польского и румынского населения, сами того не подозревая» [25: 112–113].

Происходит это из-за страха «перед фантомом “панрусизма”, и убеждение, что как ни назови здешнего русака, – русином, или рутеном, как ни уверяй его, что он – нечто совершенно особое от “российского народа”, а он, знай себе, все туда, все за кордон смотрит и оттуда чаёт для себя какого-то спасения. Короче сказать, здесь русскому населению не доверяют и потому стараются так или иначе разрушить его». Что не удалось сделать здешним «культуртрегерам» и полонизаторам, делает так т. н. «интеллигенция». К примеру, профессор здешнего университета Томашук. В Вене он изображает из себя немца-либерала, в черновицкой городской думе – румына, в местечке Садогоры, перед русскими выборщиками-крестьянами выдаёт себя за русского, за что его прозвали хамелеоном [25: 113]. Второй такой пример: молодой «учёный», и тоже профессор университета, Смаль-Стоцкий, «по происхождению также русский и даже воспитанник львовской ставропигийской семинарии, который не устыдился официальным образом выступить с предложением о замене в русском языке кириллицы латинским алфавитом». Третий – «священник Свято-Юрского прихода, о. Иоанн Филипповский, который всегда и говорит, и пишет, и даже на официальных документах подписывается по-польски, а только печать прикладывает с русскою подписью» [25: 114].

К сожалению, это не единичные исключения, «уроды в своей семье». Буковинская, как и галицкая, «интеллигенция» разделилась на два враждебных лагеря. «Один из них остаётся верен старым отеческим заветам и твёрдо держится на обще-русской народной почве, а другой, – так называемая “украинская партия”, вроде наших “хохломанов”, с нигилистическою развязностью отвергает все эти старые заветы и принципы, проповедует тождество польской и “русинской” (лишь бы только не *русской*!) народности, всячески отрещивается от ненавистной России, отрицает даже племенную связь с её народом и всеми симпатиями своими тянет на Запад, к “культурным формам” социальной и политической жизни. Вот из этой-то партии наиболее практические и ловкие люди и приспособляют себя – одни к польщизне, другие к официальной австрийщине, и даже на вопрос о том, какой они национальности, иные из них не стесняются отрицать и эту последнюю, а так-таки прямо и заявляют, что мы-де австрияки и только! Это, как видите, уже и не отщепенство, а просто окончательное нравственное разложение» [25: 114].

Автор пытается объяснить причины этого. Первая – «в «доброавстрийских» воздействиях самого правительства, которое систематически старается приманивать к себе священников раздачею наиболее доходных приходов тем из них, кто выказывает наиболее податливости административным внушениям. И это мера очень ловкая, так как доселе никакие «интеллигенты» и «профессора» не имеют, да и не могут иметь бóльшего влияния на простолюдинов, чем священники, состоящие в непосредственном общении с народом и пользующиеся его доверием». Затем с целью воспитания «интеллигенции» в «доброавстрийском» духе в Черновцы перевели университет из Ольмюца. С тех пор в Буковине стали вводить немецкие порядки, немецкие школы, «ферейны» (общества, союзы. – С.С.) и акционерные общества, которые поддерживались центральным правительством. Стараясь германизировать по одному и тому же шаблону русских, румын, поляков, правительство не останавливается перед материальными затратами и выдвигает полезных для себя деятелей из местных уроженцев, не переставая поддерживать немногочисленное здесь немецкое население. Здесь существуют и пангерманские организации, даже пруссофильский ферейн «Arminia». И австрийское правительство, ставшее чуть ли не вассалом Германской империи, покровительствует данному обществу [25: 114–116].

Вторая причина «нравственного разложения известной части здешней русской «интеллигенции», это её собственная рыхлость и «либеральная» распушенность, увы! слишком хорошо знакомая и нам по нашим собственным примерам. Нигилистические и социалистские наносы, к несчастью, не минули и Буковины, только здесь они кристаллизовались в более узкую форму украинофильства, но форму, до такой степени беспочвенную и отвлечённую, что она не останавливается даже пред отрицанием собственной народности и её истории, лишь бы только ассимилировать себя с польщишной, как с более «культурною» силой. Как у нас в своё время работали чернышевщина и писаревщина, так и тут, но только несколько позднее нашего, нашли себе ретивых адептов в полуобразованной среде разные кулишовщины, драгомановщины и т. п. Это явление совершенно аналогично с нашим и, как у нас, так и здесь, объясняется оно именно тою полуобразованностью так называемого «интеллигентного слоя», которая хуже всякого невежества, потому что не способна ни к самостоятельному мышлению, ни к здоровой оценке чужого мнения, а напротив, склонна к совершенно холопскому преклонению пред каждую либерально-яркую и хлётскую фразой, пред каждым радикально забористым выкрутасом, сколь бы ни были они сами по себе вздорны и нелепы. И замечательно, что здешние «украинофилы» или

“народовцы”, совершенно, так же, как и наши “народники”, оторвавшись от истинно народной почвы и даже разучившись понимать свой народ, воображают себе, что именно они-то и есть самый “народ”, самая соль его, что они-то и призваны преобразовать его и повернуть на новую дорогу всю его историю, весь склад его тысячелетней жизни, быта, верований и упований. Эти радикальные благодетели тоже, подобно немцам, желали бы “разрушить” здешнего русака и предпочитают лучше ополячить его, чем позволить ему оставаться самим собою. С этой целью они издают в Черновцах свои газеты “Народ” и “Народная воля”, и австрийское правительство, столь усердно штрафующее, конфискующее и воспреещающее славянские газеты неугодного ему направления, не препятствует украинофилам вести их пропаганду, несмотря на весь её радикализм, лишь бы только они подтачивали и сбивали с толку в русском народе его национальное самосознание. К несчастью, в Черновцах нет русского органа иного направления, который подобно “Червонной Руси” энергично вёл бы борьбу с этими зловредными тенденциями. Есть здесь, правда, ещё третья русская газета, “Буковина”, но и та как-то вихляется в разные стороны, и, хотя порою обмолвится здравым и честно мыслящим словом, но зато в другой раз ляпнет такое, что лишь хоть бы самой “Народной воле” в пору» [25: 116–117].

Третья причина – «это отсутствие надлежащей народной школы, что является опять-таки продуктом австрийской правительственной системы. В русские сельские школы назначаются учителя или малознающие русский язык, или вовсе незнающие, и крестьянские дети, хочешь не хочешь, должны применяться к пониманию учителя-немца. А чтобы и сельские священники не могли доброхотно заменять подобных учителей в преподавании детям русской грамоты, правительство назначает в русские приходы священников румынской национальности, которые, не понимая языка и не зная исторических судеб галицко-русского народа, не могут иметь с ним никакого нравственного и умственного общения, не говоря уж о том, чтобы поддерживать в нем национальное самосознание. В средних и высших учебных заведениях господствует та же самая система. Газета “Буковина” недавно ещё с грустью указывала, что высшие и средние учебные заведения в Буковине учреждены только для евреев, немцев и румын; русские же обставлены так, что изучение своего родного языка для них почти недоступно, и потому газета считает юношей, окончивших курс в буковинском училище, потерянными для русской народности» [25: 117].

Автор приводит учебную статистику за 1889 г., опубликованную в буковинских газетах. В Черновицкой гимназии числилось 652 ученика: 370 немцев, 109 румын, 87 поляков, 82 русских, 3 чеха, 1 мадьяр.

Такое большое количество немцев, при численности немецкого населения в Буковине 42 000 чел. (8 %), В. Крестовский объяснил тем, что в число немцев было включено 304 еврея [25: 122–123].

Упомянул автор и о «самостийной» программе «господ Романчука, Сечинского и К°, которые мыслят своё национально-политическое бытие и развитие только под Австрией и вместе с Австрией, в единении с польщиной, на почве верности Риму и Вене и на полном отчуждении от русского народа, да ещё грозят нам, в случае войны, перетянуть в свой лагерь всю нашу Украину, Малороссию и весь юг, до Чёрного моря, уповая, что этот «двадцати пяти-миллионный народ» с радостью пойдёт вслед за ними под австрияка и будет наилучшим буфером между европейской цивилизацией и нашим восточно-православным варварством! Жизнь, однако, свидетельствует совершенно противное этим мертворождённым вождениям Романчуков и Сечинских...» [25: 28–29].

Во время пребывания в Черновцах В. Крестовский со своими сослуживцами посетил Буковинскую православную митрополию. В статье он дал краткую историю православия в Буковине¹⁸: «Буковинская Русь, как и Русь Угорская, и Русь Червлёная, приняла святое крещение вместе с Русью Киевскою и Новгородскою, от князя “всея Руси” Владимира Святого, как часть, входившая в состав его государства. Выше я говорил уже, что буковинцы, вместе с угроруссами, галичанами и народами Подолии и Бессарабии (тиверцами и угличанами), считают своим духовным просветителем именно этого Равноапостольного князя. <...> Отчленённая в XIV веке от общего своего племенного отечества, Буковина попадает из-под кратковременного польского владычества под власть единоверных ей господарей Молдавии, которые, вместе со всем своим народом, молились на том же церковно-славянском языке, и таким образом, духовное общение и нравственные связи её с православной Россией не прекращались, несмотря на разность их дальнейших исторических судеб. Если Молдо-Влахия с Буковиной попала впоследствии под владычество турок, то и в этом, надо сознаться, не было худа без добра. Не касаясь религии покорённых народов и не стирая их национальных красок, турецкое владычество, уже одним тем, что оно простирало свою, в то время мощную, руку на эти страны, помогло им уберечься от напора римского католицизма с его унией, жертвою коей стала вся западная Русь, под владычеством Польши.

Со времени распада самостоятельного княжества Галицкого (1336) церковные дела Буковины были подведены архиепископу охридскому (в Болгарии), который соединял в своей власти управление церквями болгарскою и молдавскою. Но с 1402 года Буковина подчиняется уже, в церковном отношении, митрополии Сочавской,

учреждённой незадолго до того князем Молдавии Александром Добрым, сумевшим добыть молдавской церкви независимость от охридской митрополии и сделать её самостоятельной, а затем, с 1630 года – митрополии ясской, на том основании, что архиепископское управление в означенном году было перенесено из Сочавы в Яссы. Буковинская епархия была основана тоже в 1402 году тем же князем Александром Добрым, современником нашего московского великого князя Василия Дмитриевича, сына Донского, и первоначально епископская кафедра для буковинских архиереев была учреждена в местечке Радовце, почему они и начали с того времени титуловаться епископами радовецкими, сохранив этот титул даже по перенесении кафедры в 1781 году из Радовца в Черновцы» [25: 249–250].

Автор напоминает, что «нравственные связи между буковинско-молдавской и российской церквями поддерживались прежде всего единым, общим для них, церковно-славянским языком, который в те времена был в Молдавии языком не только церковным, но и государственным, как свидетельствуют юридические и дипломатические акты, и даже разговорным языком высшего общества и всех образованных людей». Как замечает В. Крестовский в ссылке, «возрождение между румынами их отечественного языка началось лишь в половине XVII века... на Ясском соборе 1642 года» [25: 250]. Он также отметил, что «духовные лица буковино-молдавской церкви занимали иногда влиятельные места в церкви российской, и наоборот». Он упоминает Григория Цамблака, Петра Могила, митрополита Досифея, Паисия Величковского [25: 251].

После Кючук-Кайнарджийского мира Австрия, не воевавшая с турками, предъявила притязания на смежную со своими владениями часть Молдавии. Османская Порта, не желая вступать в новую войну, согласилась в 1775 г. на эту уступку, отдав Буковину. Вместе с радовецкой, исконно русской, епископией Австрии отошла некоторая часть румынской и хушской епископий, которые стали подчиняться епископу радовецкому. В 1783 г. австрийское правительство подчинило её митрополии Карловацкой, которая по распоряжению правительства распространяла свою власть на всех православных подданных Австрии. После разделения Австрии на цис- и транслейтанскую половины румыны последней, населяющие Венгрию и Семиградию, были в 1869 г. отделены в церковном отношении от карловацкого митрополита. Для них была образована чисто румынская митрополия, состоявшая из трёх епархий: германштадтской, арадской и карансебешской. В подчинении карловацкого митрополита остались исключительно славянские епархии: будимская и новосадская в Венгрии, темешварская и вершецкая в Банате, пакрацкая в Славонии и

карлштадтская в Кроации, т.е. населенные славянскими племенами Транслейтании. Затем правительство изъяло из подчинения карловацкой митрополии всё православное население цислейтанской части и образовало в начале 1873 г. Буковинскую митрополию, подчинив ей две долматинские епархии (задорскую и боко-каторскую). Первым митрополитом буковинским был назначен черновицкий епископ Евгений Гакман, по происхождению русский, из местных уроженцев. Он умер раньше своего поставления. На его место был возведён консисторский архимандрит Феофил Бенделла, родом грек, скончавшийся в 1875 г. Затем – Феокист Блажевич, русский, управлявший митрополией всего четыре года. «С 1880 г. митрополичью кафедру занял Сильвестр Морар, которому теперь 72 года, сын сельского священника Андрея Морара» [25: 252–254].

После вхождения Буковины в состав Австрии в крае было 186 приходов и 28 монастырей, в том числе 4 женских, которые владели 260 поместьями. Кроме того, 7 поместий составляли достояние радовецкого архиерейского дома. Все эти приходы, монастыри, их имения и угодья очутились, как и вся новоприсоединённая область, в ведении высшего военного совета Гофкригсрата (Hofkriegsrath). Он разработал проект коренной реформы буковинского духовенства и его быта. Военные генералы сочинили «Духовный регламент» (Anordnung zur Regulierung des Geistlichen, Kirchen und. Schulwesen in der Bukowina), утверждённый императором Иосифом II 26 апреля 1786 г. Этот регламент так нигде и не был напечатан, лишь доведён до руководства буковинской администрации и духовного начальства. Регламент, в главных своих положениях, послужил основанием устройства православной церкви в Буковине [25: 254–255].

По регламенту были изъяты «монастырские и вообще духовные, движимые и недвижимые, имения, равно как и все наличные денежные суммы, из непосредственного пользования их прямых собственников – монастырей, приходов и других духовных учреждений. Из всего этого достояния был образован правительством один общий епархиальный или, по местному названию, “религиозный” фонд (Religionsfond), доходы с которого должны были обращаться исключительно на нужды Церкви, духовенства и училищ. Самый же фонд и право распоряжения оным по собственному усмотрению, правительство взяло в свои руки; точно также управление имениями этого фонда, а равно определение чиновников и лиц (вот это-то главное!) на должности по ближайшему и непосредственному заведыванию сими имениями оно предоставляло, как и ныне предоставляет, исключительно самому себе. Таким образом, те из 267 поместий, которые оказались вне пределов Австрийской империи, правительство рас-

порядилось продать, с обращением вырученных из продажи денег в основной капитал епархиального фонда; поместья же, оставшиеся в Буковине, приняло в своё управление» [25: 255].

Были упразднены иноческие обители, носившие названия монастырей и скитов и существовавшие по триста и более лет, за исключением трёх мужских монастырей: Путны, Сочавицы и Драгомирны. Им было разрешено существовать, с условием, чтобы в каждом было монашествующей братии не более 25 чел., считая игумена и викария. «Правительство воспретило трём пощаждённым им монастырям, под страхом строгого наказания, занятия торговлей (даже душеспасительными книжками, образками, крестиками и т. п.), виноделием (допущенным однако в монастырях католических), скотоводством, огородничеством, земледелием и т. п., предварив, что всякая их сделка по сим предметам признается законом недействительною (§ 33, 39), равно как и приобретение какого бы то ни было имущества покупкой, дарением, по духовным завещаниям и всякими вообще, установленными в законе, способами для приобретения имуществ (§ 34). В этом воспрещении подразумеваются не одни только земельные и вообще недвижимо-имущественные приобретения – нет, тут хвачено гораздо шире: “какие бы то ни было” и каким бы то ни было способом доставшиеся. Стало быть, под такое эластическое определение можно подвести что угодно: церковные вещи, утварь, облачения и т. д., словом, все, что ни пожелал бы доброхотный датель пожертвовать в пользу той или другой обители. На основании этого закона, дар царя Феодора Алексеевича, например, не мог бы быть принят никаким буковинским монастырём, императрица Екатерина II не имела бы права жертвовать капитал на постройку той или другой буковинской обители или дарить им колокола, а если бы и пожелала, то желание её было бы дипломатическим образом отклонено ссылкой на существующий закон. Если же император Александр I и позволил себе, конечно по неведению этого закона, пожертвовать на Хоречьскую церковь (ныне церковь Свято-Рождества Богородицы мужского монастыря Гореча. – С.С.) несколько сотен червонцев, то деньги эти, без ведома августейшего жертвователя, на основании того же закона (§ 34), были немедленно препровождены настоятелем церкви в “Landesregierung” (правительству края. – С.С.), для приобщения их к “Religionsfond’y”. Монашествующим лицам воспрещалась проповедническая, научная и педагогическая деятельность, которая, в свою очередь, поощрялась тем же австрийским правительствам в католических монастырях. Боязнью роста симпатий к единоверной и единокровной России, ожиданием от неё помощи автор объясняет и недопущение «дарового русского хлеба в голодающую Галичину» в прошлом году [25: 255–257].

По сравнению с 1786 г., когда в Буковине было 186 приходов, утверждённых «Духовным регламентом», в 1870 г. их уже было 239 (вместе с четырьмя городскими черновицкими), прихожан было 383 727 душ, при них должно было состоять 235 приходских священников и 65 викарных. То есть в среднем 1 632 чел. на один сельский приход. В 1786 г. на один приход было 730 прихожан при численности православного населения не более 136 225 душ [25: 263–264].

В. Крестовский заметил, что, несмотря на то, что русское население Буковины в крае преобладало (41 %, румын – 38 %), «Духовный регламент» это с самого начала игнорировал, включив в штат консисторской канцелярии канцеляристов, владеющих немецким и молдавским языками, что было вызвано политической тенденцией. Так как русский язык официально не признавался, приходилось прибегать к услугам вольнонаёмных писцов. Автор напомнил, что покойный епископ Евгений, «правля епархией тридцать восемь лет сряду, говорил поучения и писал окружные послания к русской части своей паствы не иначе, как только по-русски». Он приводит, чтобы иметь «понятие о церковно-литературном языке русских буковинцев», в качестве примера отрывок из «Окружного писания» покойного Евгения «к честному нашея епархии духовенству» от 1 (13) мая 1868 г., напечатанного в № 7 «Епархиального Листка», издаваемого буковинской консисторией. В этом послании владыка обличает «разные слабости и нравственные недостатки своих священников, как-то: невоздержание, курение табака, беспорядочное и нерадивое ведение приходских актов, пренебрежение к своему родному языку и православному юлианскому календарю, нерадение о молитвах и службах церковных, любостяжание, стремление к политиканству и, наконец, со строгим порицанием относится к новым тогдашним радикально-демагогическим (у румын) и к нашим украинофильским веяниям, последствия коих мы видим в настоящее время на о. Сечинском, Романчуке, Тыминском и т. п.». В. Крестовский сделал вывод, что «этот простой, но выразительный язык гораздо чище деланного разными Кулишами литературно-малороссийского жаргона и несравненно ближе сего последнего к общерусскому языку. Это, можно сказать, один и тот же русский наш язык с незначительными отклонениями в сторону малорусского наречия, а самый стиль послания епископа Евгения сходствует более всего со стилем писаний наших старообрядцев» [25: 267–270].

В очерке «Православная церковь в Буковине (продолжение статей «Русский город в Австрии»)» (Русский вестник. 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 104–123) В. Крестовский завершает рассказ о состоянии православной церкви в Буковине. Он уделяет внимание, как и в предыдущем

очерке, деятельности «религиозного» фонда, контролировавшего и распоряжавшегося имуществом православной митрополии. Автор отмечает, что «точно также, у русских буковинцев, как у галицких униатов, существует извечное обыкновение ходить на богомолье в близкий к ним Почаев. Два раза в году, обыкновенно на Духов день и на Успение Пресвятой Богородицы, в Почаеве появлялись сотни закордонных богомольцев из Галичины и Буковины. Делалось это тем проще, что австрийские пограничные власти не требовали паспортов от лиц, переходящих границу, так как временная отлучка их за кордон, по австрийским законам, не составляет никакого проступка». Но в 1889 г. «паломничество в Почаев было сочтено прямо за преступление». Возвращавшихся паломников жандармы задерживали, обыскивали, «приказывая раздеваться донага (даже женщинам)», искали у них русские образки, крестики или книги лаврского издания, отбирали даже Новый завет, отпечатанный в России. Жандармы утверждали, что уже само наличие последнего составляет государственное преступление. После Духова дня и 16 августа «громадские» (мирские) тюрьмы были переполнены богомольцами «всякого возраста и пола, до малых детей включительно». Они, в т. ч. и подростки, были преданы суду «за беспаспортный проход границы» и приговорены к денежным штрафам в 30 и 50 гульденов. По австрийским законам штраф может быть заменён арестом, в данном случае – от шести до десяти дней. Большинство осужденных были бедными крестьянами, но власти не согласились заменить им штрафы заключением и пришлось, чтобы уплатить штраф, продавать своё имущество за бесценок [26: 114–115].

В заключение статьи В. Крестовский задаётся вопросом: можно ли ставить в упрёк австрийскому правительству требование ко всем коронным чиновникам знать государственный язык и изъясняться исключительно на нём при исполнении служебных обязанностей? Вне же служебных отношений никто не ограничивает право говорить на родном языке: «Здесь это строго различается и никому не кажется странным. Да и так и быть должно. При этом только мне невольно вспомнилась наша Польша и Прибалтийский край... Боже мой, что за гвалт и какая пена злобы и ненависти поднимаются в тех же австрийских и германских газетах каждый раз, чуть только наше правительство делает в названных своих провинциях какую-либо попытку в пользу прав языка государственного! Сейчас со всех сторон раздаются яростные вопли и lamentации на тему «попрания вековых прав», принудительного «обрусения», фанатического «панрусизма», и пряные эпитеты «варварского», «деспотического», «угнетающего», «насилующего», «вероломного», так и сыплются по адресу нашего правительства...

А у себя-то?

У себя это объясняется, напротив, требованиями “высшей культуры” и “высшей цивилизации”. У себя это даже либерально» [26: 122–123].

В статье «Под австрияка или под прусса» (Русский вестник. 1891. Т. 217. Декабрь), написанной по результатам поездки В. Крестовского осенью 1891 г., сразу после посещения Черновцов, осенью 1890 г., по «прусско-польским» провинциям (княжеству Познанскому), он отмечал: «В заключение моих очерков о положении русского народа и православной церкви в Буковине, мне хотелось бы сказать несколько слов в пользу... австрийского режима, показав на наглядном примере, что жить под ним не так ещё плохо, как могло бы быть и как мне казалось. Для этого стоит лишь обратиться к сравнению его с режимом, заведённым пруссаками в прусско-польских провинциях, и посмотреть, как та же самая система, которую Австрия, при помощи поляков галицких, обращает против своих русских, применяется к делу Пруссии против поляков познанских <...> Австрийцы хотя и разрусят Галичину и Буковину; пруссаки задались целью расползти Познань вместе с Западной и Восточной Пруссией, то есть все то, что называлось некогда Великою Польшею. Для скорейшего онемечения этих великопольских провинций, немцы избрали три вернейших пути, которыми и идут к своей цели неуклонно, твёрдо и беспощадно. Пути эти – германизация школы, отчуждение церкви от народа и, наконец, изъятие земли из польских рук и водворение на ней немцев, при помощи официальной “колонизационной комиссии”. К этим путям князь Бисмарк прибавил ещё, в смысле воспособительных мер, конфискацию общественных польских библиотек, репрессии против экономических, учёных, благотворительных, артистических и иных польско-национальных обществ и повальное изгнание иностранцев, то есть собственно русских подданных, из велико-польских провинций» [27: 91–92].

Работая над очерками, касающимися русинской тематики, В. Крестовский обращался к источникам и вполне компетентно изложил историю Бессарабии и Буковины, историю православия в Буковине. Благодаря своей наблюдательности и писательскому мастерству автор передал диалоги с местным населением, используя местный говор, описал народную одежду русинов, выдвинул ряд предположений о происхождении названия «хорват», элементов народной одежды бессарабских руснаков, причин сокращения численности русского населения Буковины по данным австрийских переписей и т. д. Рассказал он и о расколе в русском движении в Буковине. В. Крестовский отрицательно высказался об украинофильстве, которое поддерживали австрийские власти, назвал его вредным явлением, оторвавшимся от «народной почвы» и сбивавшим «в русском

народе его национальное самосознание». В. Крестовский считал, что буковинские (и галицкие. – С.С.) «украинофилы» («народовцы») ничем не отличались от российских «народников». Здесь «нигилистические и социалистские наносы» «кристаллизовались в более узкую форму украинофильства». Как в России чуть раньше «чернышевщина и писаревщина», здесь работали «в полуобразованной среде разные кулишовщины, драгомановщины и т. п.». Он объяснил эти явления «полуобразованностью так называемого “интеллигентного слоя”», не способного «ни к самостоятельному мышлению и ни к здоровой оценке чужого мнения», склонного к «совершенно холопскому преклонению» перед либеральными идеями и «каждым радикально забористым выкрутасом» [25: 116].

Примечания

1. В ряде биографических справок указан год рождения – 1839. Однако сам В. Крестовский в «Альбоме М.И. Семевского» поставил год рождения 1840-й [42: 21]. Такая же путаница и с годом поступления его на военную службу.

2. Биография Ю.Л. Ельца напоминает биографию самого В. Крестовского: Елец Юлий (Юлиан) Лукьянович (24.06 (6.07).1862 – 20.05.1932, Дилбек, близ Брюсселя) – прозаик, публицист, журналист, военный историк. Из дворян Гродненской губернии, сын генерал-майора. Окончил вторую петербургскую военную гимназию (1880), Николаевское кавалерийское училище (1882) и Академию Генерального штаба (1888). До 1899 г. Служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Написал его официальную историю (Т. 1–2. СПб., 1890–1897; 2-е изд. СПб., 1898; содержит, в частности, сведения о службе в полку М.Ю. Лермонтова). Литературную деятельность начал сотрудником газеты «Варшавский дневник». В 1892–1895 гг. исполнял обязанности помощника редактора – В. Крестовского, разделяя его взгляды. После смерти В. Крестовского Ю. Елец – редактор его собраний сочинений (1898–1905) и автор вступительной биографической статьи, в которой высоко оценил деятельность В. Крестовского. Ю. Елец печатался во многих литературных и военных журналах. Участник интервенции России в Китае 1900–1901 гг., был тяжело ранен, с 1903 г. в запасе. В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. находился в действующей армии, в т. ч. как корреспондент газеты «Новое время». С 1905 г. жил в Петербурге. В 1908 г. уволен в отставку в чине полковника. Продолжал писать стихи и прозу. В Первую мировую войну был военным цензором, затем – заведующим бюро по опросу инвалидов и бежавших из плена. После Октябрьской ре-

волюции эмигрировал. В «Русской газете» (Париж) и других печатал рассказы. В романе «На крестном пути» (Ч. 1–3. София – Б., 1924) изобразил события 1917 г. и Гражданской войны [2].

3. В своё время В. Викторович отметил: «...рассматривая материалы биографии и творчества Крестовского, убеждаешься, что столь одиозное представление о нем далеко не всегда портрет с натуры, а подчас что-то вроде фоторобота, собранного, по свидетельствам современников, весьма субъективным, иногда прямо тенденциозным» [7: 44].

4. В. Викторович писал, что Д. Минаев в редактируемом им «Гудке» (до № 14 1862 г., когда он оставил журнал), «Искре», «Дневнике тёмного человека» и начавшемся вновь издаваться с 1863 г. «Русском слове» вёл настоящую литературную войну против В. Крестовского. После очередной разгромной статьи Минаева в январском номере 1863 г. в «Русском слове» В. Крестовский прекращает сотрудничество с газетой. Он вызвал Д. Минаева на дуэль, но тот отказался, выдав очередную эпиграмму [7: 54].

5. Имелось ввиду стихотворение «Я лежал на прибрежном песке» (Русское слово. 1861. № 5), прочитанное не только им, но и многими современниками как некрофильское (любовь к утопленнице). В. Викторович считал, что вряд ли именно этот смысл был вложен самим поэтом, «но возможность такого прочтения существует: Крестовскому в данном случае явно отказало чувство такта, да и художественного вкуса тоже. Безосновность его художнической натуры, своеобразная флюгерность “заносили” его за пределы эстетического, а отчасти уже и этического» [7: 46].

6. Обсуждение нравственно-этических норм поведения этого адвоката-либерала не является целью нашей статьи.

7. Описание процесса было напечатано в ряде изданий. Мы взяли за основу отчёты о процессе, опубликованные в «Новом времени» [47–53]. В них, к сожалению, присутствуют неточности, описки и предвзятость в освещении, как, впрочем, и в публикациях других изданий.

8. Текст предложенной В. Крестовским извинительной записки: «“1-го апреля сего 1875 года при защите дела Майкова и Крестовской я позволил себе недостойные выходки против г. Крестовского и выражения, оскорбительные для его доброго имени и чести, не имея на это ни нравственного, ни юридического права. Сознывая это, я беру назад мои слова и сим приношу добровольное извинение г. Крестовскому, которого, увлекаясь делом своей защиты, оскорбил, не имея к тому никаких оснований”. Подписано: Качаловым, Неверовым, и карандашом Соколовский» [48].

9. В 1874 г., у В. Крестовского состоялась дуэль со сослуживцем, поручиком гвардии графом Цукато, оскорбившим брата В. Крестовского Леонида, который служил юнкером в том же полку, что и В. Крестовский [14: XXXI; 18: 284].

10. К сожалению, необъективность освещения процесса газетой привела к тому, что выступления Терентьева даны в кратком изложении в отличии от выступлений Спасовича.

11. Из послужного списка В. Крестовского: «В походах и делах против неприятеля находился в турецкую войну 1877–1878 гг. Прибыл в г. Кишинёв 10 декабря 1876 г. Перешел границу в м. Унгенах и следовал в г. Плоэшти вместе с главной квартирой 1 мая 1877 г. Под Плевной при бомбардировании и атаках оной – с 26 августа по 2 сентября 1877 г. При Горном Дубняке – 12 октября 1877 г. Под Плевной при главной квартире в Боготе – с 13 октября по 19 декабря 1877 г. При сдаче Плевны и армии Османа-Паши – 28 ноября 1877 г. Командирован в Троянский отряд в качестве ординарца к начальнику оного генерал-лейтенанту Карцову 19 декабря 1877 г. В составе 1-го эшелона командирован на Троянов перевал для разработки путей к оному 21 декабря 1877 г. Находился: в ночном демонстративном деле на вершине Трояна против турецких укреплений в цепи 10-го стрелкового батальона – 23 декабря 1877 г.; при штурме Трояновских укреплений, при спуске с боем с хребта, при занятии сопротивлявшихся селений Текке и Карнари, при преследовании бегущего неприятеля к Малым Балканам – 26 декабря 1877 г.; в движении Трояновского отряда на Сокот, Карлово, Чукурлу, Каратопрак, к Чирнаку – с 1 января 1878 г. по 7 января 1878 г.; при переправе через реку Марицу у станции Тени-Маголе 8 января 1878 г.; в движении отряда генерал-лейтенанта Карцова на Хаскиой, Германлы, Мустафа Паша, Адрианополь и Демотику – с 9 января по 18 января 1878 г.; при занятии порта Дедеарар на Эгейском море – 21 января 1878 г. Командирован Великим князем Главнокомандующим в качестве ординарца при свиты Его Величества генерал-майоре Струкове в авангарде армии в Читалерку 10 февраля 1878 г. В Сан-Стефано – с 14 февраля по 10 июля 1878 г.» [20].

12. Как писал сам В. Крестовский, роман «Тьма Египетская» начал печататься в «Русском вестнике» в 1881 г., но был прекращён на третьей книжке из-за несогласия автора с М.Н. Катковым по еврейскому вопросу [42: 327]. Вновь стал публиковаться после смерти М. Каткова и назначения редактором Ф.Н. Берга [14: XL].

13. В 1955 г. прах В. Крестовского был перенесён с Никольского кладбища на Литературные мостки (участок на Волковском кладбище Санкт-Петербурга, музей-некрополь, место захоронения многих русских и советских деятелей искусства, учёных и общественных

деятелей). Автором бюста на постаменте (1946 г.) является скульптор Игорь Всеволодович Крестовский (1893–1976), сын писателя (См.: *Кудрявцев А.И., Шкода Г.Н.* Литературные мостки // Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.;СПб.: Центрполиграф, 2009. С. 425).

14. Дети В. Крестовского от первой жены Варвары Дмитриевны Крестовской (Камелиной) (1841–1879): Мария Всеволодовна Картавцева (Крестовская) (1862–1910), Всеволод (1865–?) и Екатерина (1867–?) умерли в младенчестве. Дети В.В. Крестовского от второй жены Евдокии Степановны Крестовской (Петровой) (1867–1918): Владимир Всеволодович Крестовский (1888–1969), Василий Всеволодович Крестовский (1889–1914), Ольга Всеволодовна Юркевич (Крестовская) (1891–1976), Игорь Всеволодович Крестовский (1893–1976). Дочь Нина умерла в 5 лет, похоронена рядом с отцом [40: 522; 59].

15. Помимо других доказательств, изложенных, в частности, в приводимых в тексте «Воспоминаниях о В.В. Крестовском» И. Маркузе и др., есть ещё и материалы III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В. Крестовский был фигурантом нескольких дел. В частности, есть донесение агента, в котором написано, что писатель ходит по всем притонам мошенников, сошёлся с многими из них, собирает материалы для романа. В этом ему содействует пристав 3-й части. Для подобных посещений он одевается в отрепья, и мошенники его считают «беспаспортным» [7: 48; 10: 20].

16. В очерке «Русский город в Австрии» В. Крестовский, из бесед с австрийскими дезертирами и по результатам посещения казарм 8-го драгунского полка, расквартированного в селении Жучке (Буковина) и встреч с австрийскими офицерами, сделал вывод о слабости австрийской армии: «...1) внутренняя племенная рознь между людьми, с которою ничего не поделаешь; 2) рознь религиозная между интолерантным, по самому характеру своему, римско-католическим и православным элементами, доходящая до полного непризнания даже наиболее чествуемых праздничных дней последнего, тогда как, например, солдатам еврейского закона предоставлена в этом отношении полная льгота; 3) недостаток духовного общения и единства людей со своими ближайшими начальниками, и 4) поддержание необходимой дисциплины только чисто внешними, формалистическими и довольно суровыми приёмами. Значит, тут существует одна только внешняя сплочённость, а внутренней связи – никакой. Такие войска, конечно, могут драться, как дрались некогда кондотьеры итальянских республик, ландскнехты тридцатилетней войны, или вербовочная пехота Фридриха II, особенно если случайный успех

будет сопровождать целый ряд их действий. Ну, а при неуспехе?.. И в особенности при первом же серьёзном неуспехе против армии, сильным сознанием своего народного единства и духом патриотизма, – тогда что?..» [25: 23–24].

17. При изложении истории Бессарабии В. Крестовский опирался на Лаврентьевскую летопись, труды А. Защука, И. Беляева и других исследователей.

18. Описывая православную церковь на Буковине, её историю и современное состояние, помимо собственных наблюдений, В. Крестовский основывался на ряде трудов по этой теме, основным из которых была монография В.П. Мордвинова «Православная церковь в Буковине» (СПб., 1874).

ЛИТЕРАТУРА

1. † 18 января в Варшаве редактор «Варшавского дневника», полковник Всеволод Владимирович Крестовский // Исторический вестник. 1895. Т. 59. Февраль. С. 684–685.

2. Антонов В.В., Носов А.А. Елец Юлий (Юлиан) Лукьянович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Т. 2: Г–К. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 226.

3. Берг Ф.Н. В. Крестовский // Русский вестник. 1895. Февраль. С. 355–359.

4. Быков М. Офицер из трущоб // Русский мир. 2018. Январь. С. 60–65.

5. Быков П.В. Силуэты далёкого прошлого. С примечаниями Б. Козьмина. М.:Л: Земля и фабрика, 1930. 248 с.

6. Введенский А.И. Всеволод Владимирович Крестовский // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Декабрь. С. 734–754

7. Викторovich В.А. Всеволод Крестовский: легенды и факты // Русская литература. 1990. № 2. С. 44–58.

8. Викторovich В.А. Достоевский и Вс. Крестовский // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Г.М. Фридлендер. Т. 9. Л.: Наука, 1991. С. 92–116.

9. Викторovich В.А. Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели XII–XX вв. Биографический словарь Т. 3: К–М. / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1994. С. 146–149.

10. Волошина С.М. III Отделение как институт проведения границ между «обычным» и «странным»: «странные» дела писателя В.В. Крестовского // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 4. С. 9–27. doi: 10.22394/24129410202064927

11. Гудзова Я.О. В эпицентре идеологической борьбы: В.В. Крестовский как автор антиинигилистических романов // Культура и образование. 2020. № 1 (36). С. 57–65. doi: 10.24411/2310-1679-2020-10107

12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24: Дневник

писателя 1876. Ноябрь–Декабрь / текст подгот. и примеч. сост. В.Е. Ветловская и др.; ред. Е.И. Кийко, Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1982. 518 с.; факс.

13. *Е-ец Ю. [Елец Ю.]* Всеволод Владимирович Крестовский (некролог). У гроба В.В. Крестовского // Варшавский дневник. 1895. № 17. 21 января (2 февраля). С. 2.

14. *Елец Ю.* Биография Всеволода Владимировича Крестовского // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1: Петербургские труды. Ч. I–IV: С биографией В.В. Крестовского и его портретом / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1898. С. III–LV.

15. *Зильберман Ю.Я.* Памяти поэта и писателя В.В. Курицына (Не-Крестовского) // Валентин Владимирович Курицын (Не-Крестовский): сборник материалов / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; сост. А.В. Яковенко; ред.: С.С. Быкова, Л.В. Чередникова. Томск, 2017. (Историко-краеведческий архив. Вып. 7). С. 6–13.

16. *Калугин В.И.* Крестовский Всеволод Владимирович (1839–1895) // Молитвы русских поэтов. XI–XIX. Антология. Авторский проект, составление, послесловие и биографические статьи В.И. Калугина. М.: Вече, 2010. С. 606–607.

17. *Каревин А.С.* Всеволод Крестовский. Пророк, которого не услышали // Исторические шахматы Украины. Герои и антигерои малорусской истории. М.: Центрполиграф, 2015. С. 72–78.

18. Крестовский Всеволод Владимирович // Военная энциклопедия. Т. 13: Кобленц – Круз фон А.И. / под ред. К.И. Величко [и др.]. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. С. 283–285.

19. Крестовский Всеволод Владимирович [11(23).II.1840–18(30).I.1895] // Малая Советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. 3-е изд. Т. 5: Константен – Минерва. М.: Большая советская энциклопедия, 1959. С. 89.

20. Крестовский Всеволод Владимирович. Из послужного списка, составленного в 1895 г. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133111. П/с 81696/10. Л. 103. URL: <https://runivers.ru/lib/authors/author57613/> (дата обращения: 05.05.2025).

21. *Крестовский В.* Петербургские тайны. От автора к читателю // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1 Петербургские труды. Ч. I–IV. С биографией В.В. Крестовского и его портретом / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза» [1898]. С. 1–4.

22. *Крестовский В.В.* Наша будущая война (Военно-политические письма) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1882. Т. 8. Апрель. С. 155–167.

23. *Крестовский В.* Наша будущая война (военно-политические письма) // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 5. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», [1898]. С. 574–580.

24. *Крестовский В.* Вдоль австрийской границы (Путевые заметки) // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 7. 1) В гостях у эмира Бухарского; 2) Вдоль закавказской границы; 3) Вдоль австрийской границы; 4) Русский город под австрийской маркой; 5) Новый путь в Центральную Азию; 6) По поводу толков о путях к Босфору; 7) Русская церковь на Японском море; 8) Ловкий и сильный удар англичан по России; 9) Синто и Буккё; 10) Посыет, Суйфун и Ольга; 11) Беловежская пуца; 12) Очерки кампании 1829 года в Европейской Турции; 13) Тамбовские дворянские выборы; 14) Непokoйный дом; 15) Степное гнездо; 16) Мезонин в Ревякиной улице; 17) Змеиный дед; 18) Вне закона. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. С. 287–309.

25. *Крестовский В.* Русский город под австрийской маркой // Русский вестник. 1891. Т. 212. Январь. С. 89–126; Т. 213. Март. С. 3–32; Т. 214. Июнь. С. 248–270.

26. *Крестовский В.* Православная церковь в Буковине (продолжение статей «Русский город в Австрии») // Русский вестник. 1891. Т. 217. Ноябрь. С. 104–123.

27. *Крестовский В.* Под австрияка или под прусса? // Русский вестник. 1891. Т. 217. Декабрь. С. 91–113.

28. *Крестовский В.* Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского / под ред. Ю.Л. Ельца. Т. 8. 1) Тьма египетская; 2) Тамара Бендавид; 3) Торжество Ваала. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. [4], 489 с.

29. Кто написал «Петербургские трущобы»? // Северный вестник. 1895. № 2. Февраль. С. 104–106.

30. *Ларионов Е.В.* По поводу одного острова (Гадания о будущем) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1882. Т. 9. Июль. С. 129–163.

31. *Маркузе И.К.* Воспоминания о В.В. Крестовском // Исторический вестник. 1900. Т. 79. Март. С. 979–1003.

32. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. Т. 2: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита: К–П / ред. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. 387 с.

33. *Муравьев Д.П.* Крестовский // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 3: Иаков–Лакснесс. М.: Советская энциклопедия, 1966. Стб. 818–819.

34. *Назирова Р.Г.* Материалы к монографии о романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Назировский архив. 2013. № 2. С. 6–83.

35. *Никё М.* Французское переложение «Петербургских трущоб» В.С. Крестовского: «Петербургские тайны» Ивана Доффа (1877–1878) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Со-

циальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 2. С. 112–116.

36. *Николаева О.В.* Хвоцинская (в замужестве Зайончковская) Надежда Дмитриевна, псевдоним – В. Крестовский // Русские писатели. Биобиблиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2: М–Я / под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. С. 349–351.

37. *Опочинин Е.Н.* Всеволод Владимирович Крестовский. URL: http://dugward.ru/library/krestovskiy/opochinin_krestovskiy.html (дата обращения: 05.05.2025).

38. Поэты 1860-х годов / вступ. статья, подг. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. Малая серия. Изд. 3. Л.: Советский писатель, 1968. 764 с.

39. [Редакционная статья] // Собрание сочинений Всеволода Владимировича Крестовского. Т. 1. Петербургские трущобы. Ч. I–IV. С биографией В.В. Крестовского и его портретом / под ред. Ю.Л. Ельца. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1898. С. I.

40. *Саитов В.И.* Петербургский некрополь: В 4 т. Т. 2: Д–Л. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. [4], 727 с.

41. Сборник лучших лирических произведений русской поэзии / сост. А.Н. Сальников. СПб.: Издание В.И. Губинского, Государственная типография, 1901. [2], XIV, II, 599, с.: портр.

42. *Семевский М.И.* Знакомые. Альбом М.И. Семевского, издателя редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи. 1867–1888. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1888. XXXII, 416 с., из них 15 с. объявл.

43. *Скачков И.* Жизнь и творчество В.В. Крестовского // Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. I–IV (главы I–LVIII) / общ. ред. и вступ. ст. И.В. Скачкова. М.: Правда, 1990. С. 3–22.

44. *Смирнов Н.А.* Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». Отдельный оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук». Т. IV (1899 г.). Кн. 3. С. 1065–1087. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1899. 23 с.

45. Список подполковников по старшинству. Исправлено по 1-е июня. СПб.: Военная типография, 1883. XL, 632 с.

46. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е сентября 1893 г. СПб.: Военная типография (в здании Генерального штаба), 1893. XL, 818 с.

47. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 31. Вторник, 30 марта. С. 3.

48. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 32. Среда, 31 марта. С. 3.

49. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 33. Четверг, 1 апреля. С. 3.

50. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 34. Пятница, 2 апреля. С. 3.

51. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (продолжение) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 35. Суббота, 3 апреля. С. 4.

52. Судебная хроника. С.-Петербургский военно-окружной суд. Заседание 29 марта. Дело поручика Крестовского, обвиняемого в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского (окончание) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 36. Вторник, 6 апреля. С. 4.

53. Судебная хроника. Дело поручика Крестовского с присяжным поверенным Соколовским. Заседание военного суда, 15 июня (из зала суда) // Новое время. Еженедельная политическая и литературная газета. 1876. № 106. Среда, 16 (28) июня. С. 3.

54. *Тамарченко Н.Д.* Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Т. 1: А–Л / под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. С. 370–372.

55. *Цебрикова М.К.* Очерк жизни Н.Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовского псевдонима) // Мир Божий. 1897. Декабрь. С. 1–40.

56. *Шарандина Н.Н.* Арготическая лексика в романе В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2000. № 2 (18). С. 93–98.

57. *Шарифуллина С.В.* Поэтическое наследие В.В. Крестовского // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 2. С. 51–53.

58. *Шевляков М., Берг Ф.* Петербургские трущобы // Северный вестник. 1895. № 3. Март. С. 103–105.

59. Geni. Всеволод Владимирович Крестовский. URL: <https://www.geni>.

com/people/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4-%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000036059623378 (дата обращения: 12.03.2025).

REFERENCES

1. Anon. (1895) †18 yanvarya v Varshave redaktor “Varshavskogo dnevnika”, polkovnik Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy [†January 18 in Warsaw, editor of the “Warsaw Diary”, Colonel Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 59. February. pp. 684–685.
2. Antonov, V.V. & Nosov, A.A. (1992) Elets Iuliy (Iulian) Luk'yanovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 226.
3. Berg, F.V. (1895) V. Krestovskiy. *Russkiy vestnik*. February. pp. 355–359.
4. Bykov, M. (2018) Ofitser iz trushchob [Officer from the slums]. *Russkiy mir*. January. pp. 60–65.
5. Bykov, P.V. (1930) *Silueti dalekogo proshlogo* [Silhouettes of the Distant Past]. Moscow: Zemlya i fabrika.
6. Vvedenskiy, A.I. (1890) V.V. Krestovskiy. *Istoricheskiy vestnik*. 42. December. pp. 734–754
7. Viktorovich, V.A. (1990) Vsevolod Krestovskiy: legendy i fakty [Vsevolod Krestovsky: Legends and Facts]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 44–58.
8. Viktorovich, V.A. (1991) Dostoevskiy i Vs. Krestovskiy [Dostoevsky and Vs. Krestovsky]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 92–116.
9. Viktorovich, V.A. (1994) Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli XII–XX vv. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers of the 12th–20th Centuries. Biographical Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya; Fianit. pp. 146–149.
10. Voloshina, S.M. (2020) III Otdelenie kak institut provedeniya granits mezhdu “obychnym” i “strannym”: “strannye” dela pisatelya V.V. Krestovskogo [Third Section as an Institution for Drawing Boundaries between the “Ordinary” and the “Strange”: The “Strange” Cases of the Writer V.V. Krestovsky]. *Shagi/Steps*. 6(4). pp. 9–27. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-4-9-27
11. Gudzova, Ya.O. (2020) V epitsentre ideologicheskoy bor'by: V.V. Krestovskiy kak avtor antinihilisticheskikh romanov [At the Epicenter of Ideological Struggle: V.V. Krestovsky as the Author of Anti-nihilistic Novels]. *Kul'tura i obrazovanie*. 1(36). pp. 57–65. DOI: 10.24411/2310-1679-2020-10107

12. Dostoevsky, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works. In 30 vols]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
13. E-ets Yu. [Elets, Yu.] (1895) Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy (nekrolog). U groba V.V. Krestovskogo [Vsevolod Vladimirovich Krestovsky (obituary). At the Coffin of V.V. Krestovsky]. *Varshavskiy dnevnik*. 21st January (2nd February). p. 2.
14. Elets, Yu. (1898) Biografiya Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo [Biography of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. In: Krestovskiy, V.V. *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. III–LV.
15. Zilberman, Yu.Ya. (2017) Pamyati poeta i pisatelya V.V. Kuritsyna (Ne-Krestovskogo) [In Memory of the Poet and Writer V.V. Kuritsyn (Ne-Krestovsky)]. In: Yakovenko, A.V., Bykova, S.S. & Cherednikova, L.V. (eds) *Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovskiy): sbornik materialov* [Valentin Vladimirovich Kuritsyn (Ne-Krestovsky): Collected Materials]. Tomsk: TOUNB im. A.S. Pushkina. pp. 6–13.
16. Kalugin, V.I. (2010) Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich (1839–1895). In: Kalugin, V.I. (ed.) *Molitvy russkikh poetov. XI–XIX. Antologiya. Avtorskiy proekt, sostavlenie, posлесловие i biograficheskie stat'i V.I. Kalugina* [Prayers of Russian Poets. XI–XIX. Anthology. V.I. Kalugin's project, compilation, afterword, and biographical articles]. Moscow: Veche. pp. 606–607.
17. Karevin, A.S. (2015) *Istoricheskie shakhmaty Ukrainy. Geroi i antigeroyi malorusskoy istorii* [Historical Chess of Ukraine. Heroes and Antiheroes of Little Russian History]. Moscow: Tsentrpoligraf. pp. 72–78.
18. Anon. (1913) Krestovskiy, Vsevolod Vladimirovich. In: Velichko, K.I. et al. (eds) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 13. St. Petersburg: I.D. Sytin. pp. 283–285.
19. Anon. (1959) Krestovskiy, Vsevolod Vladimirovich [11(23).II.1840–18(30).I.1895]. In: Vvedenskiy, B.A. (ed.) *Malaya Sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 5. Moscow: Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya. p. 89.
20. Russian State Military Historical Archive. (n.d.) *Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich. Iz posluzhnogo spiska, sostavlenogo v 1895 g.* [Krestovsky Vsevolod Vladimirovich. From the service record compiled in 1895]. Fund 409. List 1. File 133111. P/s 81696/10. p. 103. [Online] Available from: <https://runivers.ru/lib/authors/author57613/> (Accessed: 5th May 2025).
21. Krestovskiy, V. (1898a) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 1–4.
22. Krestovskiy, V.V. (1882) *Nasha budushchaya vojna (Voenno-politicheskie pis'ma)* [Our Future War (Military-Political Letters)]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 8. pp. 155–167.

23. Krestovskiy, V. (1898b) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 5. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 574–580.

24. Krestovskiy, V. (1905a) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 7. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. pp. 287–309.

25. Krestovskiy, V. (1891) Russkiy gorod pod avstriyskoy markoy [Russian city under the Austrian mark]. *Russkiy vestnik*. 212. pp. 89–126; 213. pp. 3–32; 214. pp. 248–270.

26. Krestovskiy, V. (1891a) Pravoslavnaya tserkov' v Bukovine (prodolzhenie statey "Russkiy gorod v Avstrii") [The Orthodox Church in Bukovina (continuation of the articles "A Russian Town in Austria")]. *Russkiy vestnik*. 217. pp. 104–123.

27. Krestovskiy, V. (1891b) Pod avstriaka ili pod prussa? [Under the Austrian or Under the Prussian?]. *Russkiy vestnik*. 217. pp. 91–113.

28. Krestovskiy, V. (1905b) *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 8. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

29. Anon. (1895) Kto napisal "Peterburgskie trushchoby"? [Who wrote "Petersburg slums"?]. *Severnyy vestnik*. 2. pp. 104–106.

30. Larionov, E.V. (1882) Po povodu odnogo ostrova (Gadaniya o budushchem) [About one island (Fortune-telling about the future)]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 9. pp. 129–163.

31. Markuze, I.K. (1900) Vospominaniya o V.V. Krestovskom [Memories of V.V. Krestovsky]. *Istoricheskiy vestnik*. 79. pp. 979–1003.

32. Masanov, I.F. (1957) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists, and Public Figures]. Vol. 2. Moscow: ALL-Union Book Chamber.

33. Muraviev, D.P. (1966) Krestovskiy. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 3. Col. 818–819. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

34. Nazirov, R.G. (2013) Materialy k monografii o romane F.M. Dostoevskogo "Besy." *Nazirovskiy arkhiv*. 2. pp. 6–83.

35. Niqueux, M. (2017) french transposition of "The St. Petersburg slums" of Vs. Krestovsky: "The St. Petersburg secrets" of Ivan Doff (1877–1878). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 19(2). pp. 112–116 (in Russian).

36. Nikolaeva, O.V. (1990) Khvoshchinskaya (v zamuzhestve Zaionchkovskaya), Nadezhda Dmitrievna, pseudonim – V. Krestovskiy [Khvoshchinskaya (married name Zayonchkovskaya), Nadezhda Dmitrievna, pseudonym – V. Krestovsky]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Prosveshchenie. pp. 349–351.

37. Opochinin, E.N. (n.d.) *Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy*. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/krestovskiy/opochinin_krestovskiy.html (Accessed: 5th May 2025).

38. Yampolkiy, I.G. (ed.) (1968) *Poety 1860-kh godov* [Poets of the 1860s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

39. Elets, Yu.L. (1898) [Redaktsionnaya stat'ya] [Editorial]. In: Krestovskiy, V. *Sobranie sochineniy Vsevoloda Vladimirovicha Krestovskogo* [Collected Works of Vsevolod Vladimirovich Krestovsky]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. p. I.

40. Saitov, V.I. (1912) *Peterburgskiy nekropol': V 4 t.* [Petersburg necropolis: In 4 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

41. Salnikov, A.N. (ed.) (1901) *Sbornik luchshikh liricheskikh proizvedeniy russkoy poezii* [Collection of the best lyrical works of Russian poetry]. St. Petersburg: V.I. Gubinskiy, Gosudarstvennaya tipografiya.

42. Semevskiy, M.I. (1888) *Znakomye. Vospominaniya. Stikhotvoreniya. Epigrammy. Shutki. Podpisi. Al'bom M.I. Semevskogo, izdatelya redaktora istoricheskogo zhurnala "Russkaya starina."* *Kniga avtobiograficheskikh sobstvenoruchnykh zametok 850 lits. Vospominaniya. Stikhotvoreniya. Epigrammy. Shutki. Podpisi. 1867–1888* [Acquaintances. Memories. Poems. Epigrams. Jokes. Signatures. Album of M.I. Semevsky, publisher and editor of the historical journal "Russian Antiquity." A book of autobiographical handwritten notes of 850 persons. Memories. Poems. Epigrams. Jokes. Signatures. 1867–1888]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

43. Skachkov, I. (1990) *Zhizn' i tvorchestvo V.V. Krestovskogo* [Life and Work of V.V. Krestovskiy]. In: Krestovskiy, V.V. *Peterburgskie trushchoby. Kniga o sytykh i golodnykh. Roman v shesti chastyakh* [The Petersburg Slums. A Book about the Well-Fed and the Hungry. A Novel in Six Parts]. Vols I–IV. Moscow: Pravda. pp. 2–22.

44. Smirnov, N.A. (1899) *Slova i vyrazheniya vorovskogo yazyka, vybrannye iz romana Vs. Krestovskogo "Peterburgskie trushchoby."* *Otdel'nyy ottisk iz "Izvestiy Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk."* Vol. IV(3). S. 1065–1087 [Words and Expressions of the Thieves' Language, Selected from the Novel by Vs. Krestovsky "The Petersburg Slums." Separate reprint from the "News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences." Vol. IV (1899). Book 3. pp. 1065–1087]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

45. Russian Empire. (1883) *Spisok podpolkovnikov po starshinstvu. Ispravleno po 1-e iyunya* [List of lieutenant colonels by seniority. Corrected as of June 1]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

46. Russian Empire. (1893) *Spisok polkovnikov po starshinstvu. Sostavlenn po 1-e sentyabrya 1893 g.* [List of colonels by seniority. Compiled as of September 1, 1893]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

47. St. Petersburg Military District Court. (1876a) *Sudebnaya khronika*.

S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta [Court chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 30th March. p. 3.

48. St. Petersburg Military District Court. (1876b) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 31st March. p. 3.

49. St. Petersburg Military District Court. (1876c) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 1st April. p. 3.

50. St. Petersburg Military District Court. (1876d) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 2nd April. p. 3.

51. St. Petersburg Military District Court. (1876e) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 3rd April. p. 4.

52. St. Petersburg Military District Court. (1876f) Sudebnaya khronika. S.-Peterburgskiy voenno-okruzhnoi sud. Zasedanie 29 marta. Delo poruchika Krestovskogo, obvinyaemogo v oskorblenii deystviem prisiazhnogo poverennogo Sokolovskogo (prodolzhenie) [Court Chronicle. St. Petersburg Military District Court. Session of March 29. Case of Lieutenant Krestovsky, accused of insulting the attorney Sokolovsky by action (continued)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 6th April. p. 4.

53. Military Court. (1876g) Sudebnaya khronika. Delo poruchika Krestovskogo s prisiazhnyim poverennym Sokolovskim. Zasedanie voennogo suda, 15 iyunya (iz zala suda) [Court Chronicle. The Case of Lieutenant Krestovsky and Attorney

Sokolovsky. Session of the Military Court, June 15 (from the courtroom)]. *Novoe vremya. Ezhenedel'naya politicheskaya i literaturnaya gazeta*. 16th (28th) June. p. 3.

54. Tamarchenko, N.D. (1990) Krestovskiy Vsevolod Vladimirovich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie. pp. 370–372.

55. Tsebrikova, M.K. (1897) Ocherk zhizni N.D. Khvoshchinskoy-Zaionchkovskoy (V. Krestovskogo psevdonima) [Essay on the Life of N.D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky's pseudonym)]. *Mir Bozhiy*. December. pp. 1–40.

56. Sharandina, N.N. (2000) Argot in V.V. Krestovsky's novel "Petersburg Slums." *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2(18). pp. 93–98. (In Russian).

57. Sharifullina, S.V. (2010) Poeticheskoe nasledie V.V. Krestovskogo [Poetic heritage of V.V. Krestovsky]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 51–53.

58. Shevlyakov, M. & Berg, F. (1895) Peterburgskie trushchoby [The Petersburg Slums]. *Severnyy vestnik*. 3. pp. 103–105.

59. Geni. (n.d.) Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy. [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4-%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%9A%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/6000000036059623378> (Accessed: 12th March 2025).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 348.71

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/3

Участие галицийских выходцев в воссоединении униатов в Привислинском крае во второй половине XIX в.

В.И. Мусаев

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Россия, 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
E-mail: vmusaev62@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается участие выходцев из австрийской Галиции в процессе воссоединения униатов (греко-католиков) в российской части Польши – Царстве Польском или Привислинском крае, – с Православной церковью во второй половине XIX в. Часть галицийской русинской общественности проявляла пророссийские и проправославные симпатии, которые, однако, в самой Галиции преследовались и подавлялись австрийскими властями. В этих условиях галицийские «москвофилы» видели возможности для реализации своих устремлений в российской Польше. Выходцы из Галиции, переехавшие в Привислинский край в 1860-е гг., принимали активное участие в «очищении обряда от латинских примесей» в Холмской греко-католической епархии. Последний администратор Холмской епархии, протоиерей Маркел Попель, был одной из ключевых фигур в процессе воссоединения униатов с православием в 1875 г. Однако в дальнейшем у выходцев из Галиции стали возникать противоречия с местными священниками. М. Попель, ставший викарным епископом Холмско-Варшавской православной епархии, и другие галичане не смогли достичь взаимопонимания с епархиальными архиереями архиепископами Иоаннием (Горским) и его преемником Леонтием (Лебединским). В итоге М. Попель был перемещён в другую епархию, иные галицийские выходцы лишились своих постов. Так или иначе, галичане сыграли существенную роль в деле воссоединения униатов в Привислинском крае.

Ключевые слова: Привислинский край, выходцы из Галиции, воссоединение униатов

The participation of Galician émigré in the reunification of the Uniates in the Vistula Land in the second half of the 19th century

Vadim I. Musaev

St. Petersburg History Institute, Russian Academy of Science

7 Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

E-mail: vmusaev62@mail.ru

Abstract

The article deals with the participation of Galician émigré in the reunification of the Uniates (Greek Catholics) in the Russian part of Poland – the Kingdom of Poland or the Vistula Region – with the Orthodox Church in the second half of the 19th century. Part of the Galician Rusin community displayed pro-Russian and pro-Orthodox sympathies, which, however, were persecuted and suppressed by the Austrian authorities in Galicia. Under these circumstances, Galician “Muscophiles” saw opportunities for embodying their aspirations in Russian Poland. Emigrants from Galicia who moved to the Vistula Land in the 1860s actively participated in “purifying the rite from Latin impurities” in the Chełm Greek Catholic diocese. The last administrator of the Chełm diocese, Archpriest Markel Popel, was a key figure in the process of reuniting the Uniates with Orthodoxy in 1875. However, subsequently, disagreements arose between the Galician émigré and local clergy. Popel, who became vicar bishop of the Chełm-Warsaw Orthodox diocese, and other Galicians failed to reach a mutual understanding with the diocesan bishops, Archbishops Ioannicius (Gorsky) and his successor Leontius (Lebedinsky). As a result, Popel was transferred to another diocese, and other Galicians lost their positions. Nevertheless, Galicians played a significant part in the cause of reuniting the Uniates in the Vistula Land.

Keywords: Vistula Land, Galician émigré, Reunification of the Uniates

Российская часть Польши – Царство Польское, или Привислинский край, – после воссоединения униатов в Западном крае в 1839 г. оставалась единственным регионом Российской империи, в котором находилось значительное число последователей униатской церкви. Они были сосредоточены в основном в Люблинской и Седлецкой губерниях, частично также в Сувалкской и Ломжинской. Холмская униатская (греко-католическая) епархия, по состоянию на 1863 г., насчитывала 269 приходов и 23 деканата (благочиния) [19: 50–51].

Государственные власти и архиереи Православной церкви обращали внимание на «униатский вопрос», особо пристальное – с середины XIX в. Речь шла прежде всего о том, чтобы оберегать униатов от римско-католического влияния и связанной с ним полонизации. Поначалу вопрос ставился об «очищении» униатской обрядности от «латинских» элементов. Когда, однако, стало ясно, что меры по очищению обрядности не могут дать должного эффекта, в 1870-е гг. было принято решение о ликвидации унии и воссоединении униатов с Православной церковью также и в Привислинском крае.

Примечательна роль в деле воссоединения униатов руководителей Холмской епархии и священников – выходцев из австрийской Галиции. Для части галицийской русинской общественности в этот период были характерны пророссийские симпатии (т.н. москвофильство). Австрийские власти, однако, жёстко противостояли подобным настроениям. В церковно-религиозной сфере это выражалось во всемерной поддержке унии и стремлении пресекать какие-либо тенденции в сторону сближения с православием. В этих условиях галицийские священнослужители, симпатизировавшие православию, видели возможность для реализации своих намерений в российской части Польши, где они могли рассчитывать на поддержку со стороны православных архиереев и гражданской администрации [20: 239–244]. С этим был связан их переезд в Польшу и активность в деле воссоединения униатов.

В течение нескольких лет до непосредственного акта воссоединения, совершившегося в 1875 г., предстоятелями Холмской греко-католической епархии были выходцы из Галиции. В 1868–1871 гг. епископом Холмским был священник Михаил Куземский из Львова. Его хиротонию во епископа совершил во Львове летом 1868 г. Галицкий митрополит Спиридон Литвинович. В Галиции М. Куземский уже имел репутацию активиста пророссийского движения, был одним из основателей и лидеров Русской рады, Русского народного дома, в течение 20 лет занимал должность председателя просветительской организации «Галицко-русская матица», избирался депутатом Галицкого сейма и парламента в Вене [20: 221–224]. Приглашение в Холм он получил в 1868 г. от чиновника особых поручений Министерства народного просвещения Ф. Кокошкина. В своём первом пастырском послании новый епископ говорил о «святых обрядах» церкви, которые не следует произвольно менять, напротив, надо всеми силами стараться сохранять их в чистоте, в какой они были переданы святыми отцами [5: 40, 43–44]. М. Куземский был известен своими антипольскими предубеждениями, утверждал, что «всю жизнь боролся с латинизмом и полонизмом». Как отмечал польский автор Болеслав

Кумор, перу которого принадлежит многотомная «История Церкви», его правление епархией при помощи священников – выходцев из Галиции, фактически подготовило ликвидацию унии в восточных польских губерниях [17: 362].

Публицист И.И. Соневицкий, занимавший в течение определённого времени пост правителя канцелярии сувалянского губернатора, в очерке истории Холмщины писал: «Куземский на первых же порах обратил строгое внимание на очищение греко-униатского обряда от латинских примесей, искажавших его до неузнаваемости. В своих пастырских посланиях он предлагал духовенству устранить из церквей и самого обряда внешние и богослужебные атрибуты полонизации и латинизации, цитируя многочисленные папские буллы, которые гарантируют униатам полную свободу веры и иерархическую независимость от латинской церкви» [14: 21]. Внимание уделялось также внешнему виду и внутреннему состоянию церквей. В частности, в конце 1868 г. из Холмского кафедрального собора был удалён орган, установленный в 1863 г., и передан в костёл в г. Дубенке. На вырученные на него деньги для собора было приобретено новое паникадило [8 : 12]. Органы убирались и из других церквей, выносились скамейки для сидения, запрещалась проповедь на польском языке, восстанавливались иконостасы, открывались русские школы [15: 11].

Польский исследователь В. Осадчий отмечал: «Фактически, епископ Куземский, идя дорогой реформирования униатской Церкви в русском духе и одновременно находясь под давлением российского правительства, устраняя всякие следы латинского и польского влияния, подготовил почву для грядущей ликвидации унии. Он делал это скорее несознательно и в доброй вере, как убеждённый русский патриот, который принёс из Галиции рвение на борьбу с поляками» [20: 225]. Епископ Куземский, однако, не считал возможным немедленную ликвидацию унии и скорейшее воссоединение униатов с православием. Автор одной из работ по истории Холмщины, преподаватель Холмской духовной семинарии Ф.В. Кораллов приводил его слова: «Какая польза будет в вашей церкви... если в ней будет всё справляться по чину восточному, а прихожане разбегутся и пойдут в латинскую овчарню» [3: 35].

У епископа М. Куземского к тому же возникло недопонимание и появились разногласия с седлецким губернатором С.С. Громекой. В частности, в пространном письме к министру народного просвещения графу Д.А. Толстому от 5 сентября 1869 г. он жаловался: «Его Превосходительство Седлецкий Губернатор обсуждает все мои делания, косвенно подкладывая намерения, мне совсем чуждые, и в отзывах ко мне, опираясь на неосновных (т. е. необоснованных – епископ не

очень хорошо владел русским языком. – В.М.) слухах и толках, приписывает мне прямо несправедливость» [11: 1]. Одну из основных причин разногласий епископ усматривал в том, что он и губернатор, преследуя одну и ту же цель, расходились в средствах: он утверждал, что С.С. Громека отдавал предпочтение более жёстким средствам воздействия на униатских священников, допускавших те или иные провинности, и в целом в деле наведения порядка в униатских делах, тогда как сам он более действенными считал мягкие средства (как он сам писал, «лагодные» – от польск. «łagodny») [11: 2 об.]. На сложившуюся конфликтную ситуацию отреагировал министр народного просвещения граф Д.А. Толстой, который в письме губернатору С.С. Громеке от 17 октября того же года призывал последнего найти взаимопонимание с Холмским епископом. О разногласиях между епископом и седлецким губернатором Д.А. Толстой проинформировал наместника Царства Польского графа Ф.Ф. фон Берга, министра внутренних дел А.Е. Тимашева и даже самого императора Александра II [11: 29–35, 38–41]. Все эти обстоятельства, видимо, ускорили принятие епископом М. Куземским решения об оставлении архиерейской кафедры. 20 января 1871 г., под предлогом расстроенного здоровья, епископ отказался от управления Холмской епархией, после чего вернулся в Галицию [7: 30].

«Окончательным могильщиком» унии (по терминологии Б. Кумора, «ostateczny grabarz unii») стал новый администратор Холмский епархии протоиерей Маркел Попель, также выходец из Галиции, принявший на себя управление епархией 25 марта 1871 г. [17: 362]. Маркел Попель, уроженец галицийской деревни Медуха близ Галича, богословское образование получал во Львове и Вене на философском и богословском факультетах. С конца 1840-х гг. занимался педагогической работой в гимназиях в Тернополе и Львове. В 1850 г. был рукоположен в сан священника. В 1867 г. переселился в Привислинский край по приглашению Правительственной комиссии народного просвещения в Польше. С января 1867 г. М. Попель преподавал в Холмской духовной семинарии, а с 1868 г. до своего назначения администратором был старшим протоиереем Холмского кафедрального собора. Уже при епископе Михаиле Куземском он принимал активное участие в руководстве епархией [1: 73] (хотя, по утверждению священника Э. Баньковского, члена и секретаря Холмской епархиальной консистории, личные отношения между епископом и протоиереем М. Попелем складывались не слишком гладко, недовольство епископа вызывало даже то, что Попель отрастил бороду и длинные волосы) [16: 83]. Он привёз значительное число галицийских священников, которых назначал на все важные церковные должности. Выходцы

из Галиции прибывали в Холмскую епархию ещё с 1865 г. Всего из Галиции до воссоединения приехали 89 человек: 33 священника и ещё 56 галичан, которые были рукоположены [15: 81].

6 ноября 1870 г. император Александр II утвердил упрощённую процедуру приобретения российского подданства для униатских священников, приезжавших в Холм из Галиции [20: 219]. Одним из священников, прибывших из Галиции, был Порфирий Филевич, отец известного историка Ивана Порфирьевича Филевича, приехавшего в юном возрасте вместе с ним, впоследствии экстраординарного профессора Варшавского университета. Он занимался преимущественно вопросами истории Карпатской Руси, был автором неоконченного труда по истории Древней Руси, его перу принадлежал также ряд публицистических статей. Маркел Попель был назначен администратором Холмской епархии императорским указом от 3 (15) апреля 1871 г. [20: 226].

3 (15) октября 1873 г. Холмская консистория издала окружное послание, которое послужило основой для последующих преобразований. В послании, в частности, говорилось: «С течением времени, после соединения нашего с Римом, по произволу одиноких (т. е. отдельных. – В.М.) лиц вошли в Холмской епархии в наше богослужение, в наш обряд, в особенности в совершение литургии, вообще во всю церковную жизнь нашу такие изменения, опущения, искажения и нововведения, что уже трудно было различить наш восточный обряд, пленивший некогда своим великолепием послов просветителя Руси св. равноапостольного Владимира. Храмы наши до того были лишены своих отличительных примет, что становилось невозможным в таких храмах совершать богослужение по восточному обряду. В виду таких обстоятельств Холмская епархиальная власть, поставленная на страже нерушимости всего завещанного нам предками нашими, постоянно издавала распоряжения, клонящиеся к очищению нашего богослужения и нашего обряда от несвойственных им примесей латино-польских и произвольных искажений. Но, несмотря на это, некоторые священники Холмской епархии до сих пор ещё не совершают богослужение по чину, переданному нам святыми отцами, но позволяют себе делать своевольные различного рода перемены, прибавления и опущения и соблюдать при богослужении обряды, свойственные Латино-Польской, а не Греко-Русской Церкви. Многие храмы Холмской епархии ещё и теперь носят прежний безобразный вид, не имеют иконостасов, а престол их построен так, что невозможно совершать на нём с входами ни литургии, ни прочих богослужений, как это требует наш восточный обряд. В виду такого положения дела холмское духовное начальство предписывает всему

подведомственному духовенству: во-первых, постоянно и неусыпно наставлять свою паству в том, что обряды, произвольно позаимствованные от латинства, воспротивляются нашему церковному уставу, воспрещаются постановлениями Соборов и буллами Пап Римских, противны духу нашей Святой Восточной Церкви и подлежат отмене; во-вторых, начать с 1 января 1874 г. совершать богослужение точно и неуклонно по прилагаемому при этом извлечению из церковного устава» [2: 255–256].

На основании этого послания с начала следующего года в Холмской епархии начались реформаторские преобразования. Вместо униатских богослужебных книг М. Попель ввёл православные и приспособил униатское богослужение к православному обряду. Новшества М. Попеля в большинстве из 266 приходов епархии были восприняты положительно, но в 26 приходах вызвали сопротивления части священников и паствы. Протоиерей Н.Н. Ливчак, ещё один галицийский уроженец, свидетельствовал: «Циркуляр этот вызвал немалое движение среди духовенства и народа и главнейшим образом в... Седлецкой губернии. Тотчас же по прочтении его на благочиннических собориках, из каждого уезда было по несколько священников, отказавшихся от своих приходов и заявивших официальными рапортами о своём нежелании впредь оставаться на них. Никакие увещания со стороны благочинных не имели успеха: отказавшиеся твёрдо стояли на своём увольнении и большинство их успело удалиться за границу в Галицию» [5: 71].

В ряде приходов Седлецкой и Сувалкской губерний и в некоторых приходах Грубешовского уезда Люблинской губернии прихожане перестали посещать богослужения. В Дрелёве и Притулине на Подляшье дело дошло до столкновений, когда войска, посланные седлецким губернатором, разогнали верующих, защищавших свои церкви, при этом несколько человек были убиты, многие подверглись задержанию [20: 227]. Деятельность М. Попеля вызвала недовольство в Ватикане. Понтифик Пий IX, выслушавший жалобы прибывшего в Рим ксёндза Я. Боярского о притеснениях униатского клира и униатской паствы на Холмщине, в энциклике *omnem sollicitudinem* от 13 мая 1874 г. заклеил Попеля как псевдоадминистратора и узурпатора, называя его ложным церковным правителем, а осуществлённые им мероприятия, в частности, окружное послание холмской консистории от 3 октября 1873 г. об очищении греко-униатской обрядности от латинских нововведений, объявил недействительными. Одновременно он похвалил русинов Холмской епархии, сохранивших верность католическим обрядам, и призывал австрийских униатов поддерживать греко-католиков в России [20: 231].

С начала декабря 1874 г. седлецкий губернатор С.С. Громека, напротив, отмечал случаи, когда некоторые униатские приходы стали выражать стремление воссоединиться с православием. 3 декабря он писал министру народного просвещения: «В течение минувшей недели некоторые из униатских приходов, после изъявления покорности и обещания повиноваться требованиям об очищении обряда, стали изъявлять желание воссоединиться с Православной Церковью, отречься от Папы Римского и отныне быть одной верой с Белым Царем. После проверки этих заявлений на месте и по разъяснении прихожанам всей важности этого шага, приходы эти стали составлять письменные приговоры с просьбой принять их в Православие». Как сообщал С.С. Громека, на тот момент такие приговоры составили девять приходов: Устимов, Яблочна, Заболотье, Ганна, Славатич, Киевец, Зешинка, Долгобороды и Голешов [12: 26]. 10 декабря императором было утверждено постановление, принятое Особым Совещанием по униатским делам, которое гласило, что «отклонять ходатайства греко-униатов о присоединении к православию не представляется возможным» [11: 38]. Ещё через несколько дней варшавский генерал-губернатор П.Е. Коцебу сообщал министру внутренних дел А.Е. Тимашеву, что уже 22 униатских прихода выразили желание присоединиться к православию, при этом он особо оговаривал, что «понуждения со стороны администрации в означенных приговорах не было». Генерал-губернатор находил возможным тотчас же приступить к воссоединению шести приходов: Горбовского, Киевецкого, Добратычского, Кобылянського Бельского уезда, Мутвицкого и Сосновицкого Влодавского уезда [12: 39].

По мнению автора очерка истории Хомско-Варшавской епархии И.Г. Корженевского, определённую роль в переломе настроения части униатов сыграла упоминавшаяся выше папская энциклика от 13 мая 1874 г., направленная против управляющего Холмской епархии М. Попеля. По этому поводу он писал: «Распространяемая во множестве списков между униатским населением холмской епархии, папская энциклика ещё более смутила народный ум и возбудила его приступить к решительному выбору между православием и латинством. Народное чувство по достоинству оценило посягательства римского престола на дорогое, завещанное ему предками достояние, и движимая этим чувством некоторая часть населения Седлецкой губернии во всеуслышание заявило своё желание “быть одной веры с Белым Царём”» [4: 426]. Схожие мысли высказывал священник Н.И. Страшкевич: «Основной мотив воссоединения в умах народа был исключительно национальный: в душе народной сильно заговорило национальное чувство, востребовалось русское самосознание. Само

воссоединение началось с заявлений подляского народа: “хотим быть одной веры с Белым Царём”» [15: 78]. То есть, если эти утверждения верны, то энциклика Пия IX имела, во всяком случае, отчасти, противоположный эффект по отношению к той цели, которую она преследовала.

На это указывал и автор работы по истории церковной унии протоиерей Константин Зноско: «Папская энциклика, направленная к тому, чтобы отклонить холмских униатов от предпринятого ими решения очистить униатский обряд от латинства и приблизить его к православному, произвела на них обратное действие. Она раскрыла им глаза, как далеко уже зашёл папа Пий IX в своём стремлении не только латинизировать Униатскую Церковь, но и окончательно слить её с Латинской. В то время как его предшественники разрешали и даже охраняли восточный обряд в Униатской Церкви, Пий IX открыто заявил своё одобрение всем искажениям, введенным латинизаторами в этот обряд. В своей энциклике он даже не постеснялся назвать “схизматическими” литургии, оставленные великими отцами и учителями Церкви и принятые Униатской Церковью». По словам автора, энциклика вызвала критику даже со стороны некоторых католиков, а в католической прессе прозвучали комментарии, что «она гонит русских униатов к переходу в православие и не оставляет им иного выбора» [2: 260].

Воссоединение униатов с православием и ликвидация унии в российской части Польши совершились в 1875 г. Процесс воссоединения начался с января 1875 г. и поначалу выглядел как инициатива на местах, после чего получил официальную санкцию. Ход делу был дан после того, как 8 января 1875 г. обер-прокурор Святейшего Синода и министр народного просвещения граф Д.А. Толстой направил телеграмму православному архиепископу Варшавскому Иоанникию (Горскому), в которой говорилось, что Синод «благословляет присоединять к православию из унии как ныне, так и на будущее время духовных и мирян обоюбого пола, по изъявлению возрастными письменного на то согласия и обязательства ныне же принять обряды православной церкви» [12: 104].

В Холме 18 февраля (2 марта) администратором Холмской епархии Маркелом Попелем и девятью членами консистории, восемь из которых происходили из Галиции, был подписан соборный акт о желании всех холмских униатов воссоединиться с Православной церковью. Акт завершался следующим постановлением: «...1) признать вновь единство их Церкви с Православной Кафолической Церковью и поэтому пребывать отныне, купно со вверенной им паствой, в единоверии со святейшими восточными православными

Патриархами и в послушании Святейшего Всероссийского Синода; 2) всеподданнейше просить благочестивейшего Государя Императора принять намерение их под своё августейшее покровительство» [2: 272]. Тогда же было решено отправить особую депутацию с соответствующим ходатайством к императору и Святейшему Синоду. 22 марта депутация, состоявшая из благочинных и 21 представителя от мирян, во главе с администратором М. Попелем прибыла в столицу и 25 марта была принята императором в Зимнем дворце и подала прошение о воссоединении. Депутация пробыла в Петербурге до 1 апреля [4: 446–448; 7: 31].

Завершающие акты воссоединения происходили в середине мая 1875 г. в приходах Люблинской губернии. 11 мая в Холме было совершено торжество воссоединения 47 приходов Холмского, Люблинского и Красноставского уездов и 46 протоиереев и священников, в том числе были воссоединены члены бывшей Холмской униатской консистории и духовные лица, служившие при холмских учебных заведениях. Поскольку в Холме в это время происходила перестройка соборного храма, торжество происходило, при многочисленном стечении народа, в Варваринской церкви при женском училище, которая до того времени была униатской. 13 мая в городе Грубешов состоялось воссоединение с православием 36 священников и 49 приходов Грубешовского и Томашовского уездов. Наконец, 15 мая в Замостье было проведено последнее шестое воссоединение: в православие были приняты 44 священника и 50 приходов Замостьского, Белгорайского и Яновского уездов [9: 8–8 об.]. На Вознесение (40-й день после Пасхи) воссоединённую паству посетил бывший предстоятель Варшавской епархии, митрополит Киевский Арсений, который совершил торжественные богослужения в Холме и Грубешове [3: 38].

В отчёте о состоянии Варшавской епархии за 1875 г. было записано: «Достопримечательно то обстоятельство, что воссоединение греко-униатов Холмской Руси с Православной Церковью окончательно завершилось в древней Замостьской церкви Святителя и Чудотворца Николая, построенной в XV или в начале XVI столетия, когда православие в той местности сохранилось в своей чистоте. Эта церковь была ставропигией Константинопольского патриарха и исторически замечательна тем, что в ней происходили в 1720 г. заседания Замостьского собора, который своими постановлениями положил начало не только латинизации православного восточного обряда в униатских церквях, но и ввёл в православный символ веры, которого до того времени держались униаты, латинское прибавление *filioque*, и предполагал привнести в православное догматическое учение

другие нововведения, утвержденные Флорентийским собором» [9: 8 об.–9]. Всего в мае 1875 г. в Люблинской губернии с православием воссоединились, как указывалось в отчёте, 147 приходов и 126 лиц протоиерейского и священнического сана [9: 8 об.].

Последним актом воссоединения было присоединение к православию Варшавского униатского прихода. После того как настоятель прихода протоиерей Лука Цыбик, выходец из Галиции, заявил о желании прихожан воссоединиться с православием, новый предстоятель Варшавской епархии архиепископ Леонтий (Лебединский) 25 января 1876 г. совершил торжественное воссоединение варшавских униатов с Православной церковью в Успенской церкви на Медовой улице. К приходу на тот момент относились 482 человека [10: 20–20 об.]. Базилианская церковь Вознесения Божией Матери в Варшаве ещё в предыдущем году была передана православным. В речи, произнесённой перед прихожанами в дни воссоединения, протоиерей Л. Цыбик сказал: «Святое Провидение освободило нас от ига униатов. Необузданная гордыня и неумное своеволие римского епископа приблизили конец этих мучений. Мы снова православные, как и наши предки» [20: 233]. Принятие в православие прихожан бывшего униатского прихода в Варшаве можно считать заключительным актом воссоединения униатов в российской части Польши.

Общую численность бывших униатов, воссоединившихся с православием в 1875 г., священник Н.И. Страшкевич оценивал следующим образом: в Люблинской губернии воссоединились 147 приходов с населением в 136 тысяч человек и 125 священниками, в Седлецкой губернии – 87 приходов с населением в 100 тысяч человек и 56 священниками и в Сувальской губернии – семь приходов с населением в 7 000 человек и шестью священниками. В итоге воссоединился 241 из 266 униатских приходов с населением около 243 тысяч человек и 187 священниками [15: 79]. Более детализированные и несколько отличные сведения приведены в отчёте варшавского генерал-губернатора генерал-адъютанта П.П. Альбединского, сменившего в мае 1880 г. в этой должности П.Е. Коцебу, за 1880 г. Согласно этим данным, в Люблинской губернии с православием воссоединились 125 972 человека, в Седлецкой – 93 234, в Сувальской – 9982 и в Варшавской – 482, что дало общую цифру в 229 670 человек [13: 50–51]. Бывший администратор Холмской униатской епархии Маркел Попель 4 июня 1875 г. был возведён в сан епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии [4: 457]. Примечательно, что он стал первым архиереем Русской церкви, не принимавшем монашества. За свои заслуги в деле присоединения униатов епископ Маркел был удостоен ордена Святой Анны 1-й степени [20: 232].

Со временем между местными священнослужителями и выходцами из Галиции начали возникать определенные противоречия и разногласия. Н.И. Страшкевич утверждал: «Галичане смотрели на местных священников с презрением, как на людей неблагонадежных, несочувствующих обрядовой реформе, неспособных подготовить народ к воссоединению, ополяченных и окатоличенных... Местные священники носили на себе печать унии и в области богослужения, и по внешнему виду. Галицкие священники совершенно порвали связь с унией и по костюму, и по богослужению, и считали себя образцовыми в православии». Некоторые местные священнослужители, со своей стороны, с недоверием относились к галичанам, подозревали их в корыстных устремлениях, желании вытеснить местных со священнических и административных должностей [15: 81]. Согласно некоторым предположениям, перемещение архиепископа Иоанникия с Варшавской кафедры было связано с некими интригами выходцев из Галиции, группировавшихся вокруг викарного епископа Маркела. В результате архиепископ вызвал недовольство императора Александра II за «нерешительность и слабость». Новый архиепископ Варшавский Леонтий, встретившись со своим предшественником в Варшаве в первый раз после 1851 г., писал: «Я оставил Иоанникия молодым, в цвете здоровья и сил, а встретил его в Варшаве хилым болезненным старцем. Тяжело мне было найти его удрученным и по телу, и по духу» [6: 115].

Разногласия между местными клириками и выходцами из Галиции продолжались и в дальнейшем. Ещё осенью 1875 г. император Александр II, в связи с нотой протеста австрийского Министерства иностранных дел, был вынужден издать распоряжение о запрете принимать духовных лиц из Галиции [20: 232]. Архиепископ Леонтий относился к галичанам с ещё большей настороженностью, чем его предшественник. Как он утверждал, «галицийские выходцы с либеральными конституционными взглядами, с привычками, не свойственными духу православного священства, сразу не понравились народу». Он обвинял галичан в своекорыстии и «панской заносчивости» в обращении с прихожанами [6: 123]. Приглашение галичан на службу в Холмскую епархию архиепископ считал, в целом, ошибкой, хотя при этом делал оговорку: «К чести многих Галичан надобно сказать, что они по своему характеру и смелости, при ненависти к полонизму, содействовали изменению способа действий и местных священников, привыкших жить, действовать и говорить по-ксьендзовски». Он признавал, что «вызов Галичан принёс и пользу воссоединению Привислянских униатов» [6: 124]. Приходскими священниками в 1870–1880-е гг. назначались преимущественно уроженцы Западного

края, в первую очередь Волынской, Гродненской, Виленской губерний, в меньшем числе также губерний Киевской, Подольской, Минской и Могилёвской. Приезжали также священники из Центральной России, но в относительно небольшом количестве. В некоторых бывших униатских приходах в ходу была такая практика, когда настоятелем служил бывший униатский священник, а в помощники ему назначался выходец из России. Диаконы и псаломщики происходили в основном из бывших униатов [18: 218–220].

В 1877 г. был уволен ректор Холмской духовной семинарии Ипполит Криницкий, галицийский уроженец. В 1877–1889 гг. должность ректора занимал протоиерей Михаил Добрянский, выходец из Подолии. Российский священник Никифор Лаборинский в 1880 г. стал инспектором семинарии. Также на преподавательские должности в семинарии, на которых с 1860-х гг. преобладали галичане, с конца 1870-х гг. стали всё больше привлекать российских уроженцев. Галичанин Иван Гошовский довольно долго, до 1884 г., удерживался в должности духовника Холмской семинарии. В 1884 г. на эту должность был назначен духовник Архиерейского дома, выходец из России игумен Софроний (Смирнов). Его преемниками также были россияне [18: 237–239]. Люблинский викарный епископ Маркел, у которого сложились напряжённые отношения с новым епархиальным архиереем (архиепископ Леонтий в своих воспоминаниях прямо указывал, что он сам настаивал на перемещении викарного епископа из Холма) [6: 117], 9 декабря 1878 г. был перемещён на кафедру Подольскую и Брацлавскую (которую в 1863–1874 гг. как раз возглавлял будущий архиепископ Варшавский Леонтий) и занимал её до 1882 г., когда был назначен епископом Полоцким и Витебским [1: 62–63].

Не ужился с архиепископом Леонтием и ещё один галичанин, настоятель Бельской церкви протоиерей Николай Ливчак, активный участник воссоединительных процессов в 1875 г., который в итоге был выслан в Минскую губернию. Позднее он получил место настоятеля прихода таможенного ведомства в поселке Александрове-Пограничном [14: 38–40]. Лишился своего поста также настоятель варшавского прихода Вознесения Божией Матери уроженец Галиции протоиерей Лука Цыбик [20: 233]. На Люблинскую викарную кафедру был назначен епископ Модест (Стрельбицкий), до этого – епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии, также уроженец Подолии, хорошо знакомый с униатским вопросом. При этом полномочия викария были ограничены, епархиальное начальство усилило контроль над викариатом. Влияние галицкой группы в епархии, впрочем, и после этого не сошло на нет. Ещё в 1886 г. из 352 священников Холмско-Варшавской епархии 135 происходили из Галиции, 111 были выход-

цами из российских губерний и 83 – местными уроженцами (данные о происхождении ещё 23 отсутствовали) [21: 140].

Таким образом, галицийские выходцы сыграли существенную роль в процессе воссоединения униатов в Привислинском крае в 1870-е гг., однако в дальнейшем они не смогли удержаться на ведущих позициях в реформированной Холмско-Варшавской епархии: епархиальные и гражданские власти отдавали предпочтение уроженцам внутренних российских губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викул П.Ф., свящ.* Подольские архипастыри. Каменец-Подольск: Тип. Подольского губернского правления, 1895. 160 с.

2. *Зноско К., прот.* Исторический очерк церковной унии. Её происхождение и характер. Минск: Белорусский экзархат, 2007. 366 с.

3. *Кораллов Ф.В.* Открытие православной Холмской епархии 8 сентября 1905 года в связи с кратким обзором исторических судеб Холмщины и Подляшья. Люблин: Губ. тип., 1906. 96 с.

4. *Корженевский И.Г.* История Холмско-Варшавской епархии со времени учреждения архиерейской кафедры в Варшаве до 1876 года. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1881. 459 с.

5. *Ливчак Н.Н., прот.* К истории воссоединения униатов Холмской епархии: Записки и воспоминания протоиерея Николая Николаевича Ливчака. Вильна: Изд. И.Н. Ливчака, 1910. 162 с.

6. Мои заметки и воспоминания. Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Леонтия Митрополита Московского. Сергиев Посад, 1914. 134 с.

7. *Ольховский Г.А.* О былых временах православия и Унии в Забужской Руси и воссоединении холмских униатов в 1875 году. Холм: Холмское Свято-Богородицкое Братство, 1900. 35 с.

8. *Ольховский Г.А.* Холмский кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. (Краткая история собора). Холм: Холмское Свято-Богородицкое Братство, 1902. 15 с.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 617. Отчет епархиального архиерея о состоянии Холмско-Варшавской епархии за 1875 г.

10. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 716. Отчет епархиального архиерея о состоянии Холмско-Варшавской епархии за 1876 г.

11. РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 33. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Дело о рассмотрении разногласий в Управлении делами греко-униатов между холмским епископом и седлецким губернатором, 1869 г.

12. РГИА. Ф. 821. Оп. 4. Д. 1594. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Переписка о присоединении 45 приходов Седлецкой губернии, 1874–1876 гг.

13. РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1409. Комитет по делам Царства Польского. Всеподданнейший отчет Варшавского Генерал-Губернатора о состоянии губерний Царства Польского за 1880 г.

14. *Соневицкий И.И.* Холмщина. Очерки прошлого. СПб.: Тип. А.В. Суворина, 1912. 53 с.

15. *Страшкевич Н.И.* Двадцатипятилетие святительского служения высокопреосвященнейшего Леонтия, архиепископа Холмского и Варшавского, члена Святейшего Синода. Варшава: Губ. тип., 1887. 402 с.

16. *Bańkowski E., ks.* Ruś Chełmska od czasów rozbioru Polski. Lwów, 1887. 198 s.

17. *Kumor B.* Historia kościoła. VII. Czasy najnowsze, 1815–1914. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2003. 522 s.

18. *Latawiec K.* W służbie imperium: Struktura społeczno-zawodowa ludności rosyjskiej na terenie guberni lubelskiej w latach 1864–1915. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 273 s.

19. *Mironowicz A.* Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2005. 390 s.

20. *Osadczy W.* Święta Ruś: Rozwój i oddziaływanie idei prawosławia w Galicji. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. 791 s.

21. *Stegner T.* Cerkiew prawosławna w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX w. // Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. A. Szwarc, P. Wieczorkiewicz, red. Warszawa: DiG, 2002. S. 137–152.

REFERENCES

1. Vikul, P.F. (1895) *Podol'skie arkhipastyri* [The Archpastors of Podolia]. Kamenets-Podolsk: Podolsk Provincial Government.

2. Znosko, K. (2007) *Istoricheskiy ocherk tserkovnoy unii. Ee proiskhozhdenie i kharakter* [A Historical Outline of the Church Union: Its Origin and Character]. Minsk: Belarusian Exarchate.

3. Korallöv, F.V. (1906) *Otkrytie pravoslavnoy Kholmской eparkhii 8 sentyabrya 1905 goda v svyazi s kratkim obzorom istoricheskikh sudeb Kholmshchiny i Podlyash'ya* [The Establishment of the Chełm Orthodox Diocese on September 8, 1905, with a Brief Overview of Historical Fate of Chełmszczyzna and Podlasie]. Lublin: Provincial Printing House.

4. Korzhenevskiy, I.G. (1881) *Istoriya Kholmско-Varshavskoy eparkhii so vremeni uchrezhdeniya arkhieyreyskoy kafedry v Varshave do 1876 goda* [History of

the Chełm-Warsaw Diocese from the Establishment of the Bishopric Seat in Warsaw till 1876]. Warsaw: Warsaw School District.

5. Livchak, N.N. (1910) *K istorii vossoedineniya uniatov Kholmskoy eparkhii: Zapiski i vospominaniya protoiereya Nikolaya Nikolaevicha Livchaka* [On the History of the Reunification of the Uniates of the Chełm Diocese: Notes and Memoirs of the Proto-priest Nicholay N. Livchak]. Vilnius: I.N. Livchak.

6. Leonty, Metropolitan of Moscow. (1914) *Moi zametki i vospominaniya. Avtobiograficheskie zapiski vysokopreosvyashchenneyshego Leontiya Mitropolita Moskovskogo* [My Notes and Memoirs. Autobiographical Notes of His Eminence Leonty, Metropolitan of Moscow]. Sergiev Posad: [s.n.].

7. Olkhovskiy, G.A. (1900) *O bylykh vremenakh pravoslaviya i Unii v Zabuzhskoy Rusi i vossoedinenii kholmских uniatov v 1875 godu* [On the Bygone Times of Orthodoxy and the Union in Trans-Bug Rus and the Reunification of the Chełm Uniates in 1875]. Chełm: Chełm Holy Mother of God Brotherhood.

8. Olkhovskiy, G.A. (1902) *Kholmskiy kafedral'nyy sobor vo imya Rozhdestva Presvyatoy Bogoroditsy. (Kratkaya istoriya sobora)* [Cathedral in the Name of Nativity of Our Lady in Chełm (brief history of the cathedral)]. Chełm: Chełm Holy Mother of God Brotherhood.

9. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Otchet eparkhial'nogo arkhiereya o sostoyanii Kholmsko-Varshavskoy eparkhii za 1875 g.* [Report of the diocesan bishop on the state of the diocese of Chełm-Warsaw in 1875]. Fund 796. List 442. File 617.

10. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Otchet eparkhial'nogo arkhiereya o sostoyanii Kholmsko-Varshavskoy eparkhii za 1876 g.* [Report of the diocesan bishop on the state of the diocese of Chełm-Warsaw in 1876]. Fund 796. List 442. File 716.

11. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy MVD. Delo o rassmotrenii raznoglasiiy v Upravlenii delami greko-uniatov mezhdu kholmским episkopom i sedletским gubernatorom, 1869 g.* [Department of Religious Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of the Interior. Dispute resolution case in the Administration of the Greek-Catholic affairs between the bishop of Chełm and the governor of Siedlce, 1869]. Fund 821. List 4. File 33.

12. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy MVD. Perepiska o prisoedinenii 45 prikhodov Sedletской gubernii, 1874–1876 gg.* [Department of Religious Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of the Interior. Correspondence on conversion of 45 parishes in the province of Siedlce, 1874–1876]. Fund 821. List 4. File 1594.

13. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Komitet po delam Tsarstva Pol'skogo. Vsepoddanneyshiy otchet Varshavskogo General-Gubernatora o sostoyanii guberniy Tsarstva Pol'skogo za 1880 g.* [Committee on the Affairs of the Kingdom of Poland. The most humble report of the General-Governor of Warsaw on the

state of the provinces of the Kingdom of Poland for 1880]. Fund 1270. List 1. File 1409.

14. Sonevitskiy, I.I. (1912) *Kholmshchina. Ocherki proshlogo* [The Chełm Land. Essays of the Past]. St. Petersburg: A.V. Suvorin.

15. Strashkevich, N.I. (1887) *Dvadsatipyatiletie svyatel'skogo sluzheniya vysokopreosvyashchennyshego Leontiya, arkhiepiskopa Kholmskogo i Varshavskogo, chlena Svyateyshego Sinoda* [Twenty-Five Years of Hierarchical Ministry of His Eminence Leonty, Archbishop of Chełm and Warsaw, Member of the Holy Synod]. Warsaw: Provincial Printing House.

16. Bańkowski, E. (1887) *Ruś Chełmska od czasów rozbioru Polski*. Lwów: [s.n.].

17. Kumor, B. (2003) *Historia kościoła. VII. Czasy najnowsze, 1815–1914*. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski.

18. Latawiec, K. (2007) *W służbie imperium: Struktura społeczno-zawodowa ludności rosyjskiej na terenie guberni lubelskiej w latach 1864–1915*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.

19. Mironowicz, A. (2005) *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.

20. Osadczy, W. (2007) *Święta Ruś: Rozwój i oddziaływanie idei prawosławia w Galicji*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.

21. Stegner, T. (2002) Cerkiew prawosławna w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX w. In: Szwarz, A. & Wiczorkiewicz, P. (eds) *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku*. Warszawa: DiG. pp. 137–152.

Мусаев Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Россия).

Vadim I. Musaev – St. Petersburg History Institute, Russian Academy of Science (Russia).

E-mail: vmusaev62@mail.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/4

Социально-профессиональный облик офицеров из Бессарабской губернии в провинциальных гарнизонах Воронежской и Тамбовской губерний накануне Первой мировой войны

В.В. Канищев

Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина

Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Авторское резюме

В вопросах исследования офицерского корпуса позднеимперского периода всё чаще возникает необходимость его оценки посредством метода просопографии, позволяющего путём создания коллективных портретов той или иной группы офицеров определять их социально-профессиональные характеристики. Анализ показателей возраста, социального происхождения, вероисповедания, уровня общего и военного образования, наличия боевого опыта, количества наград, получения званий за выслугу лет и боевые отличия, а также семейно-демографического положения позволяет выявлять типичные и уникальные черты офицерской среды в рассматриваемый период. Особенно актуальным это становится в контексте серьезных изменений, которые начали происходить в офицерском корпусе в период реформ Александра II и приобрели ещё больший размах на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, использование данного метода позволяет подтвердить или опровергнуть некоторые стереотипы, сложившиеся в отношении офицерского корпуса дореволюционной России. На материалах Российского государственного военно-исторического архива путём исследования полковых «Списков (по старшинству) генералам, штаб и обер-офицерам, врачам и классным чиновникам» нескольких пехотных и кавалерийских полков, а также артиллерийской бригады, дислоцированных в Воронежской и Тамбовской губерниях, была сформирована выборка из 19 офицеров, представлявших Бессарабскую губернию. Анализируются основные социально-профессиональные критерии данной выборки во внутригрупповом и общеофицерском контексте.

Ключевые слова: Русская императорская армия, офицерский корпус, Бессарабская губерния, Воронежская губерния, Тамбовская губерния, кавалерийские полки, пехотные полки, артиллерийская бригада, просопография, социально-профессиональные характеристики

The social and professional background of officers from Bessarabia serving in provincial garrisons of Voronezh and Tambov before World War I

Vladimir V. Kanishchev

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya ul., Tambov, 392000, Russia

E-mail: kan-vladimir-tamb@yandex.ru

Abstract

The study of the late Imperial Russian officer corps increasingly necessitates evaluation through the lens of prosopography. This methodological approach facilitates the determination of socio-professional characteristics through the creation of collective portraits of specific officer groups. Analyzing criteria such as age, social origin, religion, general and military education, combat experience, awards received, career advancement patterns, family and demographic status allows for the identification of both typical and unique features within the officer milieu of this period. This is particularly relevant given the significant transformations that began within the corps during the reforms of Alexander II and accelerated at the turn of the twentieth century. Furthermore, the application of prosopography helps to corroborate or challenge enduring stereotypes concerning the pre-revolutionary Russian officer corps. Drawing on materials from the Russian State Military-Historical Archive—specifically, regimental “Lists of Seniority” for generals, staff and chief officers, medical personnel, and civil officials from several infantry and cavalry regiments, as well as an artillery brigade stationed in Voronezh and Tambov provinces—a sample of nineteen officers originating from Bessarabia Province was compiled. This study analyzes the principal socio-professional criteria of this group within both its intragroup dynamics and the broader officer context.

Keywords: Russian Imperial Army, officer corps, Bessarabian province, Voronezh Province, Tambov Province, cavalry regiments, infantry regiments, artillery brigade, prosopography, socio-professional background

За последние десятилетия постсоветского времени появилось немало работ, посвящённых изучению офицерского корпуса Русской императорской армии.

Классическими трудами стали работы С.В. Волкова, посвящённые офицерству поздне-имперского периода [1], а также исследования В.Н. Суряева изучающие структуру и социальный состав офицерства начала XX в. [20; 22].

Отдельный интерес вызывают работы О.В. Гефнер посвящённые исследованию социального статуса и морального облика офицерства русской армии на локальном уровне и в частности на материалах Западной Сибири [3; 4].

Опыт написания подобных работ имеется и у автора данной статьи, чьи исследования направлены на создание коллективных портретов офицеров различных выборок, формирующихся по различным критериям: род войск, географические рамки службы, учебные заведения, место происхождения и сословный статус [5–8].

Цель данной статьи – создание социально-профессионального портрета офицеров из Бессарабской губернии (источниковая база не позволяет определить конкретное место происхождения), проходивших службу в провинциальных гарнизонах на территории Воронежской и Тамбовской губерний в преддверии Первой мировой войны.

Структурно статья представляет собой анализ таблиц, в которых отражены основные социально-профессиональные и семейно-демографические показатели офицеров рассматриваемой выборки.

Таблица 1

**Возрастной состав офицеров
из Бессарабской губернии на 1914 г.**

Возраст	Кол-во
Старше 40 лет	3
Старше 30 лет	8
Старше 20 лет	7
20 лет	1

Возрастные показатели, представленные в табл. 1, схожи с общероссийскими данными по возрастным группам офицерского корпуса, согласно которым в офицерской среде, гармонично сочетались опыт и молодость.

Самыми «возрастными» офицерами нашей выборки оказались капитан Александр Георгиевич Баргуан из 25-го пехотного Смоленского полка, расположенного в Воронеже [16: 10 об.–11], и капитан Владимир Формузиевич Танасович из 28-го пехотного Полоцкого

полка, дислоцировавшегося в Тамбове [15: 5 об.–6]. Обоим капитанам к 1914 г. исполнилось 46 лет.

Самым молодым оказался новоиспечённый подпоручик Павел Васильевич Иваницкий, который окончил военное училище в 1913 г. и был направлен к месту службы в 39-й пехотный Томский полк, который находился в уездном городе Козлове Тамбовской губернии [17: 31 об.–32].

Таблица 2

Сословно-профессиональный состав офицеров из Бессарабской губернии

Сословно-профессиональная группа	Количество офицеров
Мещане	6
Почётные граждане	3
Дети чиновников	3
Дворяне	2
Дети офицеров	2
Духовенство	1
Крестьяне	1
Прочие	1

Для нашей небольшой выборки заметно преобладание представителей мещанского сословия, что демонстрирует общую тенденцию увеличения представителей податных сословий в офицерском корпусе в начале XX в., но отличает конкретную «бессарабскую» выборку ввиду малого количества представителей крестьянства [2: 9; 23] (см. табл. 2). Стоит также отметить, что у штабс-капитана Емельяна Михайловича Дейло из 40-го пехотного Колыванского полка, расположенного в уездном городе Моршанске Тамбовской губернии, было записано «из горожан» [18: 11 об.–12], что вполне допускает его принадлежность к мещанам, но ввиду уникальности записи мы отнесли его в категорию «Прочие».

Конфессиональный статус представителей нашей выборки является полностью православным, что также имеет некое отличие от других малых выборок, в которых пусть не в значительной мере, но всё же встречаются офицеры, исповедовавшие католицизм, лютеранство и иные религии [8].

Анализ уровня общего образования показал заметное отличие прохождения обучения в географических рамках по сравнению с офицерами из центральных губерний Российской империи.

Как видно из табл. 3, 15 будущих офицеров получали общее образование, не покидая пределов Бессарабской губернии, причем большинство прошли обучение в домашних условиях. По 3 человека

проходили обучение в Кишинёвском реальном училище и классической гимназии. Два человека постигали науки в Комратском реальном училище и один – в уездном училище города Бендеры.

Таблица 3

Общее образование офицеров из Бессарабской губернии

Учреждение общего образования	Количество офицеров
Домашнее	6
Кишинёвское реальное училище	3
Кишинёвская классическая гимназия	3
Одесский кадетский корпус	3
Комратское реальное училище	2
Аккерманская прогимназия	1
Бендерское уездное училище	1

Четыре человека получили образование недалеко от дома в соседней Одесской губернии, окончив Одесский кадетский корпус и Аккерманскую прогимназию. Интересным фактом стала отметка в полковых списках о неполном прохождении курса общего образования у 4 представителей нашей выборки.

Дмитрий Григорьевич Бодлев из 28-го пехотного Полоцкого полка [15: 17 об.–18] и Иван Григорьевич Андонов из 26-го пехотного Могилёвского полка [12: 30 об.–31] не окончили полный курс в Комратском реальном училище. Александр Аркадьевич Гродзский из 39-го пехотного Томского полка [17: 13 об.–14] и Валентин Теофилович Скоповский из 4-го запасного кавалерийского полка [19: 21 об.–22] не завершили обучение в Кишинёвской классической гимназии.

Таблица 4

Военное образование офицеров из Бессарабской губернии

Учебное заведение	Количество офицеров
Одесское пехотное юнкерское училище	11
Киевское пехотное юнкерское/военное	3
Александровское военное училище	2
Виленское пехотное юнкерское училище	2
Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище	1

География военных учебных заведений, исходя из предыдущих показателей, также демонстрирует высокий уровень локальности прохождения обучения офицерами нашей выборки (см. табл. 4).

Безусловным лидером оказалось Одесское пехотное юнкерское училище, выпустившее 11 молодых подпоручиков. Ещё 6 офицеров получили образование в провинциальных училищах Киева, Вильно и Елизаветграда, и только 2 человека окончили Александровское военное училище в Москве.

В данном анализе мы также обратили внимание на один интересный факт. Братья Владимир и Николай Чехунины из 27-го пехотного Витебского полка окончили Одесский кадетский корпус. Военное образование старший брат Владимир Алексеевич получил в Александровском военном училище, окончив его в 1908 г., а вот младший брат Николай постигал военную науку в Киеве, окончив училище в 1909 г., после чего оба брата встретились в Тамбове в составе одного полка [14: 21 об.–22, 24 об.–25].

Высшего военного образование не получил ни один представитель данной выборки. По имеющимся данным на 1914 г., из офицеров – представителей Бессарабской губернии нашей группы, никто не проходил обучение в военных академиях Российской империи.

Таблица 5

Боевой опыт офицеров из Бессарабской губернии к 1914 г.

Кампании и военные походы	Количество офицеров
Нет	15
Русско-японская война 1904–1905 гг.	4

Рассматривая один из основных показателей профессиональной составляющей любого офицера, а именно наличие боевого опыта, мы констатировали, что представители данной группы, как и большинство офицеров Русской императорской армии, к 1914 г. не имели опыта участия в военных кампаниях (см. табл. 5).

В большинстве случаев, и в частности в нашем, это объясняется окончанием военных училищ после завершения Русско-японской войны 1904–1905 гг. Так, у 10 офицеров выпуски из училищ датируются с 1907 по 1913 г., а Евстафий Лаврентьевич Куракин из 28-го пехотного Полоцкого полка, окончивший училище летом 1905 г. [15: 12 об.–13], не успел принять участия в войне ввиду её скорого окончания.

Из 8 офицеров имевших возможность оказаться на Дальнем Востоке, нами было выявлено 4 человека. При этом стоит отметить, что Владимир Формузиевич Танасович из 28-го пехотного Полоцкого полка [15: 5 об.–6] и Иван Григорьевич Алексеев из 25-го пехотного Смоленского полка [16: 18 об.–19], числясь участниками войны с Японией, в сражениях участия не принимали.

Таблица 6

Количество наград офицеров из Бессарабской губернии на 1914 г.

Количество наград	Количество награжденных
4	1
2	2
1	7
Нет	9

Степень наградной оценки офицеров нашей выборки оказалась в целом типичной по сухопутным войскам, за исключением частей гвардии. Как и следовало ожидать, большинство офицеров, начавших службу после окончания Русско-японской войны или не успели отличиться в условиях мирного времени или имели малую выслугу лет (см. табл. 6). Только 2 офицера, окончившие училище в 1907 г. заслужили по одному ордену: поручик Дмитрий Семёнович Марченков из 40-го пехотного Колыванского полка [18: 15 об.–16] и поручик Василий Родионович Козмопуло из 27-го пехотного Витебского полка [14: 19 об.–20].

Наибольшим количеством наград к 1914 г. обладал капитан Феофил Иванович Ратушенко из 27-го пехотного Витебского полка, который заслужил 3 боевых ордена в боях на Дальнем Востоке, а в 1909 г. получил награду за выслугу лет в чине капитана [14: 6 об.–7].

Таблица 7

Звания офицеров из Бессарабской губернии к 1914 г.

Звание	Количество офицеров
Капитан	3
Штаб-капитан / штабс-ротмистр	6
Поручик	8
Подпоручик	2

Анализируя карьерный рост офицеров за годы службы, мы констатировали, что у младших офицеров в чинах подпоручик, поручик, представленных в нашей выборке, выслуга лет соответствовала званию к 1914 г. Они не принимали участия в войне с Японией, не получали академического образования, а следовательно, ожидать резких скачков с опережением установленного регламентом порядка присвоения званий было невозможно (см. табл. 7).

Определенные вопросы возникли к представителям, носящим звания штабс-капитан/штабс-ротмистр и капитан, у которых выслуга лет была очевидной, а карьерное продвижение незначительным.

Возможно, здесь также играло роль отсутствие участия в военных походах и кампаниях, а также обучение в военных академиях. Однако штабс-капитан Емельян Михайлович Дейло из 40-го пехотного Колыванского полка окончил училище в 1900 г., принимал участие в Русско-японской войне и имел старшинство на чин капитана с 8 марта 1912 г., был повышен в звании только 5 сентября 1914 г. [18: 11 об.–12]. Возможно, это объяснялось отсутствием вакантной штатной должности, необходимой для производства в чин [11: 66.]

Ещё дольше в капитанском чине находился уже упомянутый ранее Феофил Иванович Ратушенко, несмотря на свои военные подвиги. Однако, согласно исследованиям В.Н. Суряева, средний возраст капитанов, по данным на 1908 г., составлял 43 года, что во многом объясняет эту ситуацию [21].

Таблица 8

Семейное положение офицеров из Бессарабской губернии на 1914 г.

Семейное положение	Количество офицеров
Женат	11
Холост	8

Более половины изученных нами офицеров к 1914 г. оформили брачные отношения, а Валентин Теофилович Скоповский, как было записано в полковом списке 4-го запасного кавалерийского полка, был женат вторым браком [19: 21 об.–22].

Из 8 офицеров, остававшихся холостяками (см. табл. 8), только для 4 человек действовали ограничения на вступление в брак, установленные военным ведомством [10: 342, 343]. Подпоручик Павел Васильевич Иваницкий из 39-го пехотного Томского полка не достиг положенного для вступления в брак возраста [17: 31 об.–32]. Иван Георгиевич Андонов из 26-го пехотного Могилёвского полка [12: 30 об.–31] и братья Чехунины из 27-го пехотного Витебского полка [14: 21 об.–22, 24 об.–25] могли иметь ограничения по материальному цензу, прописанному в законодательстве для офицеров в возрасте от 23 до 28 лет. Теоретически к этой группе можно причислить Ивана Павловича Димо, которому к 1914 г. исполнилось 29 лет [14: 19 об.–20], и он мог не успеть оценить «всех возможностей взрослой жизни».

Причины холостого положения Дмитрия Семеновича Марченкова из 40-го пехотного Колыванского полка, 31 год [18: 15 об.–16], Владимира Александровича Шестакова из 27-го пехотного Витебского полка, 34 года [14: 25 об.–26] и сослуживца Д.С. Марченкова Емельяна Михайловича Дейло, 37 лет [18: 11 об.–12], остаются неизвестными.

Как отмечал в своем исследовании К.В. Лазарев, проблема офицерских браков было весьма актуальна на рубеже XIX–XX вв. и попытки её решения прослеживались в реформах армии в начале XX в. [9].

Таблица 9

Количество детей офицеров из Бессарабской губернии на 1914 г.

Количество детей	Количество офицеров
4	1
3	1
2	2
1	4
Нет	11

В вопросах отцовства можно отметить двух многодетных офицеров, да и то на фоне своих сослуживцев. Ими оказались Александр Георгиевич Баргуан, у которого к 1914 г. было 4 ребенка [16: 10 об.–11] и Александр Аркадьевич Гродзский, который становился отцом три раза [17: 13 об.–14].

Холостые офицеры оставались бездетными, а вот у трёх женатых представителей нашей выборки причины отсутствия детей объяснить сложно. Мы можем лишь предполагать, что Дмитрий Георгиевич Бодлев [15: 17 об.–18] и Пётр Михайлович Чеботарёв [16: 35 об.–36], согласно упомянутым ранее ограничениям, создали семьи относительно недавно и просто не успели стать отцами. Сложнее выглядит ситуация с Валентином Теофиловичем Скоповским, который, как упоминалось ранее, будучи женат дважды, так и не стал отцом.

Анализируя социально-профессиональный облик офицеров выборки, мы обратили внимание на ещё один очень интересный факт, связанный со сменой места службы и выходом в отставку 6 офицеров: перемещение к новому месту службы и выход в отставку осуществлялись в южном направлении, а у большинства – в родные края.

Василий Родионович Козмопуло из 27-го пехотного Витебского полка, расположенного в Тамбове, был переведён в 55-й пехотный Подольский полк, расположенный в крепости Бендеры, 1 апреля 1913 г. [13: 35 об.–36; 14: 19 об.–20]. Вслед за ним в тот же полк 15 ноября 1913 г. отправился его сослуживец Владимир Александрович Шестаков [14: 25 об.–26].

Пётр Михайлович Чеботарёв из 25-го пехотного Смоленского полка был зачислен в запас армейской пехоты по Ананьевскому уезду, который располагался в южной Херсонской губернии, с 6 августа 1913 г. [16: 35 об.–36].

С 3 августа 1913 г. зачислен в пешее ополчение по Бессарабской губернии капитан 28-го пехотного Полоцкого полка Владимир Формузиевич Танасович, а уже 4 октября был произведён в подполковники и уволен по болезни [15: 5 об.–6]. Его однополчанин Евстафий Лаврентьевич Куракин с 28 августа 1913 г. был командирован в Киев сроком на один год в 129-й пехотный Бессарабский полк. Особо отметим, что в полковом списке было записано, что командирован он был по климатическим условиям [15: 12 об.–13].

В октябре 1913 г. самый молодой офицер нашей выборки подпоручик Павел Васильевич Иваницкий из 39-го пехотного Томского полка, расположенного в Козлове, был переведён в 53-й пехотный Волынский полк, дислоцированный в Кишинёве [17: 31 об.–32].

В результате исследования малой группы офицеров, отобранных по территориальному принципу происхождения, сформировалась картина, представляющая совокупность типичных и колоритных фактов, имеющих сходство и принципиальное различие с общей офицерской массой.

По показателям возрастного состава, сословного происхождения, наличия боевого опыта и количества наград, а также семейно-демографическим характеристикам данная выборка вполне типична для офицерского состава провинциальных гарнизонов Российской империи.

Конфессиональная принадлежность всех представителей выборки (православие), с одной стороны, не является чем-то феноменальным, но все-таки отличается от общей религиозной картины. Возможно, это связано с этническим составом исследуемой группы. Несмотря на то что в официальных документах военного ведомства отсутствовала графа «Национальность», по косвенным признакам мы можем утверждать, что 15 офицеров данной выборки были славянами. Ориентируясь на данные о фамилиях А.Г. Баргуана, Е.М. Дейло, И.П. Димо и В.Р. Козмопуло, мы предполагаем их связь с романской этнической семьёй, некоторые группы которой проповедовали православие, а отдельные представители могли перейти в данное вероисповедание.

Главным образом хотелось бы отметить, что в вопросах общего и военного образования явно прослеживается степень его локализации, что наглядно было продемонстрировано в таблицах, посвященных этим характеристикам. Как мы уже упоминали, офицеры, имеющие происхождение из центральных губерний Российской империи, отличались широчайшим спектром оконченных ими учебных заведений общего и военного образования.

Факты переводов в более южные и родную Бессарабскую губернию для 6 из 19 офицеров выборки весьма интересны. Упоминание

причин, связанных с климатом, дает возможность предполагать, что для уроженцев южных губерний природные условия центра России не всегда были комфортными и не все могли к ним адаптироваться. Однако эта гипотеза может получить подтверждение или оказаться опровергнутой только в ходе дальнейших исследований офицеров из Бессарабской губернии в масштабах военных округов, рода войск и армии в целом.

Для детального ознакомления с социально-профессиональными обликом офицеров данной выборки, прилагается таблица, содержащая подробные их характеристики и ссылки на источники (приложение).

Приложение

Алексеев Иван Григорьевич, родился в 1875 г. Из почётных граждан. Православный. Общее образование в Кишинёвском реальном училище. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1900 г. Участник русско-японской войны, в сражениях не был. На 1914 г. имеет 1 орден, штабс-капитан 25-го пехотного Смоленского полка в Воронеже. Женат, имеет 2 детей.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 18 об.–19.

Антонов Иван Георгиевич, родился в 1888 г. Из мещан. Православный. Общее образование в Камратском реальном училище (курс не окончил). Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1908 г. На 1914 г. поручик 26-го пехотного Могилёвского полка в Воронеже.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Л. 30 об.–31.

Баргун Александр Георгиевич, родился в 1867 г. Сын священника. Православный. Общее образование в Кишинёвской классической гимназии. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1892 г. На 1914 г. имеет 2 ордена, капитан 25-го пехотного Смоленского полка в Воронеже. Женат, имеет 4 детей.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 10 об.–11.

Бодлев Дмитрий Георгиевич, родился в 1884 г. Из крестьян. Православный. Общее образование в Камратском реальном училище (курс не окончил). Военное образование в Виленском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1907 г. На 1914 г. поручик 28-го пехотного Полоцкого полка в Тамбове. Женат.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 17 об.–18.

Гродзский Александр Аркадьевич, родился в 1877 г. Из мещан. Православный. Общее образование в Кишинёвской гимназии (курс не окончил). Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1899 г. На 1914 г. имеет 1 орден, штабс-капитан 39-го пехотного Томского полка в Козлове. Женат, имеет 3 детей.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 13 об.–14.

Дейло Емельян Михайлович, родился в 1876 г. Из горожан. Православный. Общее образование домашнее. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1900 г. Участник русско-японской войны. На 1914 г. имеет 1 орден, штабс-капитан 40-го пехотного Колыванского полка в Моршанске. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 11 об.–12.

Димо Иван Павлович, родился в 1884 г. Сын коллежского асессора. Православный. Общее образование домашнее. Военное образование в Виленском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1907 г. На 1914 г. поручик 27-го пехотного Витебского полка в Тамбове. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 19 об.–20.

Иваницкий Павел Васильевич, родился в 1893 г. Из дворян. Православный. Общее образование в Одесском кадетском корпусе. Военное образование в Александровском военном училище. Выпущен в 1913 г. На 1914 г. подпоручик. С 20 октября 1913 г. переведён из 39-го пехотного Томского полка в Козлове в 53-й пехотный Волинский полк в Кишинёв. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Л. 31 об.–32.

Козмопуло Василий Родионович, родился в 1883 г. Из мещан. Православный. Общее образование домашнее. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1907 г. На 1914 г. имеет 1 орден, поручик. 1 апреля 1913 г. переведён из 27-го пехотного Витебского полка в Тамбове в 55-й пехотный Подольский полк в Бессарабскую губернию г. Бендеры. Женат, имеет 2 детей. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 19 об.–20; РГВИА. Ф. 408. Д. 836. Л. 35 об.–36.

Куракин Ефстафий Лаврентьевич, родился в 1882 г. Из мещан. Православный. Общее образование в Бендерском уездном училище. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1905 г. На 1914 г. штабс-капитан 28-го пехотного Полоцкого полка в Тамбове. С 28 августа 1913 г. в командировке при 129-м пехотном Бессарабском полку в Киеве по климатическим условиям сроком на 1 год. Женат, имеет 1 ребенка. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 12 об.–13.

Марченков Дмитрий Семенович, родился в 1882 г. Из мещан. Православный. Общее образование домашнее. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1907 г. На 1914 г. имеет 1 орден, поручик 40-го пехотного Колыванского полка в Моршанске. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Л. 15 об.–16.

Ратушенко Феофил Иванович, родился в 1870 г. Из почётных граждан. Православный. Общее образование в Аккерманской прогимназии. Военное образование в Киевском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1891 г. Участник русско-японской войны. На 1914 г. имеет 4 ордена, капитан 27-го пехотного Витебского полка в Тамбове. Женат, имеет 1 ребенка. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 6 об.–7.

Скоповский Валентин (Болеслав) Теофилович, родился в 1876 г. Из дворян. Православный. Общее образование в Кишинёвской классической гимназии (курс не окончил). Военное образование в Елизаветградском кавалерийском юнкерском училище. Выпущен в 1899 г. На 1914 г. имеет 1 орден, штабс-ротмистр 4-го запасного кавалерийского полка в Боброве. Женат вторым браком.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15207. Л. 21 об.–22.

Стоянов Пётр Николаевич, родился в 1877 г. Сын надворного советника. Православный. Общее образование в Кишинёвском реальном училище. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1899 г. На 1914 г. имеет 1 орден, штабс-капитан 25-го пехотного Смоленского полка в Воронеже. Женат, имеет 1 ребенка.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 17 об.–18.

Танасович Владимир Формузиевич, родился в 1867 г. Из почётных граждан. Православный. Общее образование домашнее. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1892 г. Участник русско-японской войны, в сражениях не был. Капитан 28-го пехотного Полоцкого полка в Тамбове. На 1914 г. имеет 2 ордена. С 4 октября 1913 г. произведён в подполковники, уволен за болезнью от службы с 3 августа 1913 г. с мундиром и пенсией с зачислением в пешее ополчение по Бессарабской губернии. Женат, имеет 1 ребенка.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Л. 5 об.–6.

Чеботарёв Пётр Михайлович, родился в 1885 г. Из мещан. Православный. Общее образование в Кишинёвском реальном училище. Военное образование в Киевском военном училище. Выпущен в 1909 г. Поручик 25-го пехотного Смоленского полка в Воронеже. С 6 августа 1913 г. зачислен в запас армейской пехоты по Ананьевскому уезду. Женат.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Л. 18 об.–20.

Чехунин Владимир Алексеевич, родился в 1887 г. Сын обер-офицера. Православный. Общее образование в Одесском кадетском корпусе. Военное образование в Александровском военном училище. Выпущен в 1908 г. На 1914 г. поручик 27-го пехотного Витебского полка в Тамбове.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 21 об.–22.

Чехунин Николай Алексеевич, родился в 1888 г. Сын капитана. Православный. Общее образование в Одесском кадетском корпусе. Военное образование в Киевском военном училище. Выпущен в 1909 г. На 1914 г. поручик 27-го пехотного Витебского полка в Тамбове.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 24 об.–25.

Шестаков Владимир Александрович, родился в 1879 г. Сын коллежского секретаря. Православный. Общее образование домашнее. Военное образование в Одесском пехотном юнкерском училище. Выпущен в 1909 г. Подпоручик 27-го пехотного Витебского полка в Тамбове. 15 ноября 1913 г. переведён в 55-й пехотный Подольский полк в Бессарабскую губернию г. Бендеры.
РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Л. 25 об.–26.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
2. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 год. СПб.: Военная типография, 1912. Приложение 9: Отчёт о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год. С. 9.
3. Гефнер О.В. Моральный облик офицерства русской армии в конце XIX – начале XX в. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 91–96. doi: 10.25513/2312-1300.2019.3.91-96
4. Гефнер О.В. Социальный статус офицерства русской армии в конце XIX – начале XX в.: локальный подход // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 15–19.
5. Канищев В.В. «От недр своих». Крестьяне Тамбовской губернии в офицерском корпусе русской армии периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2022. № 12. С. 66–73.
6. Канищев В.В. Социально-профессиональный облик выпускников Тверского кавалерийского училища накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 1 (65). С. 158–179. doi: 10.26456/vthistory/2023.1.158–170
7. Канищев В.В. Социально-профессиональный облик офицеров Белгородского гарнизона в 1914 г.: общее и особенное // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46, № 4. С. 724–732. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-4-724-732
8. Канищев В.В., Плужников А.Н. «...В передовых цепях и подвергаясь явной опасности». Тамбовские дворяне в гвардейских частях Русской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2025. № 4. С. 58–67.
9. Лазарев К.В. Проблемы офицерских браков на рубеже XIX–XX вв. и их отражение в военных реформах начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. Т. 4: История: научный журнал. 2015. № 3. С. 39–47.
10. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2 1866 Т. XLI. От. 2. № 43940. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1868 С. 342, 343.
11. Прохождение службы по военному ведомству // Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. (по 1 января 1907 г.). Кн. VII. С. 66.
12. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 225. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 26-го пехотного Могилёвского полка.

13. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 836. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 55-го пехотного Подольского полка.

14. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 880. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 27-го пехотного Витебского полка.

15. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 910. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 28-го пехотного Полоцкого полка.

16. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1019. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 25-го пехотного Смоленского полка.

17. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1194. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 39-го пехотного Томского полка.

18. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 40-го пехотного Колыванского полка.

19. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15207. Список (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 4-го запасного кавалерийского полка.

20. Суряев В.Н. «...Не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином». Сословное происхождение русского офицерства в начале XX века // Военно-исторический журнал. 2017. № 4. С. 4–10.

21. Суряев В.Н. «Нелёгкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами Русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–57.

22. Суряев В.Н. Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. № 6. С. 114–128.

23. Чернавин В. К вопросу об офицерском составе старой Русской Армии к концу её существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. Белград, 1924. С. 223.

REFERENCES

1. Volkov S.V. (1993) *Russkiy ofitser'skiy korpus* [Russian Officer Corps]. Moscow: Voenizdat.

2. The War Ministry of Russian. (1912) *Vsepoddanneyskiy otchet Voennogo ministerstva za 1910 god* [Most Loyal Report of the War Ministry for 1910] St. Petersburg: Voennaya tipografiya. p. 9.

3. Gefner, O.V. (2019) The Moral Character of the Russian Army Officer Corps in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from Western Siberia). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 3(23). pp. 91–96 (in Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.91-96

4. Gefner, O.V. (2012) Sotsial'nyy status ofitserstva russkoy armii v kontse XIX – nachale XX v.: lokal'nyy podkhod [The social status of the officers of the Russian Army in the late 19th and early 20th centuries: A local approach]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 3(109). pp. 15–19.

5. Kanishchev, V.V. (2022) “Ot nedr svoikh.” Krest'yane Tambovskoy gubernii v ofitser'skom korpuse russkoy armii perioda Pervoy mirovoy voyny [“From Our Midst”. Peasants of Tambov Province in the Officer Corps of the Russian Army during the First World War]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 12. pp. 66–73.

6. Kanishchev, V.V. (2023) The Socio-Professional Profile of Graduates of the Tver Cavalry School on the Eve and during the First World War. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 1(65). pp. 158–179 (in Russian). DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.158–170

7. Kanishchev, V.V. (2019) The Socio-Professional Profile of Officers of the Belgorod Garrison in 1914: General and Specific Traits. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 46(4). pp. 724–732 (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4458-2019-46-4-724-732

8. Kanishchev, V.V. & Pluzhnikov, A.N. (2025) “...V peredovykh tsepyakh i podvergayas' yavnoy opasnosti.” Tambovskie dvoryane v gvardeyskikh chastyakh Russkoy Imperatorskoy armii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [“...In the Front Lines and Facing Obvious Danger.” Tambov Nobles in the Guards Units of the Russian Imperial Army on the Eve and during the First World War]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 4. pp. 58–67.

9. Lazarev, K.V. (2015) Problemy ofitser'skikh brakov na rubezhe XIX–XX vv. I ikh otrazhenie v voennykh reformakh nachala XX v. [Problems of officers' marriages at the turn of the 20th century and their reflection in the military reforms of the early 20th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta (LGU) im. A.S. Pushkina*. 4(3). pp. 39–47.

10. Russian Empire. (1868) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI) [Complete Laws of the Russian Empire]*. Col. 2. Vol. XLI. Sec. 2 №43940. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 342, 343.

11. Russian Empire. (n.d.) *Svod voennykh postanovleniy 1869 goda* [Code of Military Regulations of 1869]. 2nd ed. Vol. VII. p. 66.

12. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 26-go pekhotnogo Mogilevskogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 26th Infantry Mogilev Regiment]. Fund 408. List 1. File 225.

13. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 55-go pekhotnogo Podol'skogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 55th Infantry Podolsk Regiment]. Fund 408. List 1. File 836.

14. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 27-go pekhotnogo Vitebskogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 27th Infantry Vitebsk Regiment]. Fund 408. List 1. File 880.

15. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 28-go pekhotnogo Polotskogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 28th Infantry Regiment of Polotsk]. Fund 408. List 1. File 910.

16. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 25-go pekhotnogo Smolenskogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 25th Infantry Smolensk Regiment]. Fund 408. List 1. File 1019.

17. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 39-go pekhotnogo Tomskogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 39th Infantry Tomsk Regiment]. Fund 408. List 1. File 1194.

18. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 40-go pekhotnogo Kolyvanskogo polka* [A list (by seniority in ranks) to the generals, staff and senior officers and class officials of the 40th Infantry Regiment of Kolyvan]. Fund 408. List 1. File 3024.

19. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spisok (po starshinstvu v chinakh) generalam, shtab i ober-ofitseram i klassnym chinovnikam 4-go zapasnogo kavaleriyskogo polka* [A list (by seniority in ranks) of generals, staff and senior officers and class officials of the 4th Reserve Cavalry Regiment]. Fund 408. List 1. File 15207.

20. Suryaev, V.N. (2017) "...Ne dvoryanskoe zvanie delalo ofitserom, a ofitser-skoe zvanie delalo dvoryaninom." *Soslovnnoe proiskhozhdenie russkogo ofitserstva v nachale XX veka* ["...It was not a noble rank that made an officer, but an officer's rank that made a nobleman." The estate origin of the Russian officers at the beginning of the 20th century]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 4. pp. 4–10.

21. Suryaev, V.N. (2014) "Nelegkoe sluzhebnoe dvizhenie armeyskogo ofitserstva." *Chinoproizvodstvo i prokhozhenie sluzhby ofitserami Russkoy armii*

nakanune Pervoy mirovoy voyny [“The Arduous Service Path of the Army Officer Corps.” Promotion and Service of Officers in the Russian Army on the Eve of the First World War]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 9. pp. 50–57.

22. Suryaev, V.N. (2017) Struktura russkogo ofitserkogo korpusa nakanune Pervoy mirovoy voyny [The structure of the Russian officer corps on the eve of the First World War]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 114–128.

23. Chernavin, V. (1924) K voprosu ob ofitserskom sostave staroy Russkoy Armii k kontsu ee sushchestvovaniya [On the officer corps of the old Russian Army by the end of its existence]. *Voennyi sbornik obshchestva revniteley voennykh znaniy*. 5. p. 223.

Канищев Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия).

Vladimir V. Kanishchev – Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

E-mail: kan-vladimir-tamb@yzndex.ru

УДК 811.16, 811.163, 811.161, 81-112, 81-114

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/5

Фонетический закон или синтаксическое правило: ещё раз о соотношении синхронии и диахронии (на примере акцентуации страдательных причастий в сербских памятниках XV в.)

И.С. Пекунова

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6

E-mail: irapek@gmail.com

Авторское резюме

Исследуются закономерности акцентовки страдательных причастий прошедшего времени (*и*-причастий) в славянских (прежде всего, древнесербских) памятниках XV в. Рассматриваемые системы акцентных правил формируются в результате взаимного наложения, с одной стороны, этимологических, а с другой стороны, синхронных грамматических противопоставлений. Хотя само по себе такое наложение нередко имеет место в разных точках языковой системы в ходе ее эволюции, при анализе обсуждаемого материала привлекает внимание разнообразие факторов, одновременно влияющих на систему акцентуации. Наиболее примечательным представляется вывод о том, что некоторые изначально чисто этимологические разбиения могут в определенных условиях интерпретироваться как своего рода «акцентные модели» для той или иной грамматической позиции. При этом в одной точке языковой системы может быть представлена генетически исконная для данного диалекта акцентная модель, а в другой точке – акцентная модель, заимствованная из другого диалекта.

Ключевые слова: акцентология, диахрония, синхрония, фонетический закон, заимствования, история русского языка, история сербского языка, славянские средневековые письменные памятники, славянская диалектология, южнославянские языки, восточнославянские языки

Phonetic law versus syntactic rule: Once again on the correlation of synchrony and diachrony (a case study of passive participle accentuation in 15th-century Serbian texts)

Irina S. Pekunova

Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: irapek@gmail.com

Abstract

The article explores the patterns of accentuation of past passive participles (n-participles) in Slavic (primarily Old Serbian) texts of the 15th century. The systems of accent rules under consideration are formed as a result of the mutual superimposition of, on the one hand, etymological and, on the other hand, synchronous grammatical oppositions. While such superimposition itself often occurs in various parts of a language system in the course of its evolution, the analysis of the material in question draws attention to the diversity of factors simultaneously influencing the accentual system. The most notable finding appears to be that some originally purely etymological splits can, under certain conditions, be reinterpreted as a kind of “accentual model” for a particular grammatical position. Furthermore, one part of the linguistic system may exhibit an accentual model genetically native to a given dialect, while another part may feature a model borrowed from a different dialect.

Keywords: accentology, diachrony, synchrony, phonetic laws, loanwords, history of the Russian language, history of the Serbian language, Slavic medieval manuscripts, Slavic dialectology, South Slavic languages, East Slavic languages

1. Цель данной работы – показать, насколько нетривиальным может быть в истории языка взаимодействие так называемых фонетических законов, то есть своего рода ключевых событий в диахронии и тех или иных синхронных противопоставлений и правил, касающихся как фонетического, так и прочих языковых уровней, вплоть до синтаксиса и семантики. А именно, речь пойдет о фонетическом законе «оттяжек ударения», действовавшем в позднепраславянскую эпоху в определенных фонетико-интонационных позициях по-разному в разных позднепраславянских диалектах.

1.1. Краткая предыстория. В конце XX в. трудами учёных Московской акцентологической школы, в первую очередь В.А. Дыбо, была построена акцентная грамматика праславянского языка и начата работа по составлению исторических акцентных грамматик отдельных славянских языков – наследников праславянского. Наиболее полно обследованы в этом отношении восточнославянские, прежде всего русские, памятники и диалекты в работах А.А. Зализняка [7–9]. Для болгарского отметим публикацию [5: 160–253], для сербского – [1].

Одним из важных достижений в работе Московской акцентологической школы стала реконструкция позднепраславянского диалектного членения славянского языкового континуума по акцентологическим изоглоссам.

В частности, удается выделить четыре группы диалектов в зависимости от характера передвижения ударения между корнем и посткорневым формативом с определенными интонационными характеристиками.

1.2. Формулировка «закона оттяжек». В табл. 1 показаны соответствующие типы сдвигов ударения.

В терминах праславянских (далее ПСл) интонационных характеристик «закон оттяжек» гласит, что ударение «типа нового акута»¹, стоявшее в ПСл на этимологически долгом гласном (то есть, любом кроме ъ, ь, е, о), оттягивалось на предшествующий слог по-разному в разных диалектных зонах. Диалекты, в которых проходили оттяжки на любой предшествующий слог, относятся к первому типу; диалекты, в которых оттяжки проходят только на слоги с этимологически краткими гласными, – ко второму типу; диалекты, в которых оттяжки проходят только на слоги с этимологически долгими гласными, – к третьему типу; наконец, диалекты, в которых оттяжки отсутствуют, отнесены к четвертому типу (табл. 1).

Таблица 1

«Закон оттяжек» ударения в ПСл (по: [5: 112])

Позиция	Диалекты				
	Праслав.	1-й тип	2-й тип	3-й тип	4-й тип
Презенс <i>i</i> -глаголов	ložítь xvālítь	lòžítь xválítь	lòžítь xvalítь	ložítь xválítь	ložítь xvalítь
Причастия на -ап	česáнь písáнь	česanь písanь	česanь písanь	česáнь písanь	česáнь písanь
LocPl, InsPl <i>o</i> -основ	dvorěхь, dvorý grěsěхь, grěхý	dvòrěхь, dvòry grěsěхь, grěхy	dvòrěхь, dvòry grěsěхь, grěхý	dvorěхь, dvorý grěsěхь, grěхy	dvorěхь, dvorý grěsěхь, grěхý

Окончание табл. 1

Позиция	Диалекты				
	Праслав.	1-й тип	2-й тип	3-й тип	4-й тип
Gen-Loc Du а-основ	nogú rǫkú	nògu rǫku	nògu rǫkú	nogú rǫku	nogú rǫkú
Nom-Acc Pl neutra на -а	selá gnězdá	sèla gnězda	sèla gnězdá	selá gnězda	selá gnězdá

Таким образом, «закон оттяжек» формулируется как фонетический закон в терминах ПСл сегментных и супraseгментных характеристик гласных.

Допустима формулировка того же закона и в морфонологических терминах, а именно в терминах акцентных маркировок формативов² «закон оттяжек» может быть сформулирован как правило оттяжки ударения с долгого (то есть имеющего в качестве слононосителя этимологически долгий гласный) рецессивного форматива на предшествующий доминантный форматив. Доминантный форматив, на который происходит оттяжка, характеризуется по-разному для разных типов диалектов: это любой доминантный форматив в диалектах первого типа; только этимологически краткий – в диалектах второго типа; только этимологически долгий – в диалектах третьего типа; наконец, в диалектах четвертого типа оттяжки отсутствуют.

1.2.1. Возможности наблюдения. Морфонологическая формулировка «закона оттяжек» оказывается важной для определения конкретных позиций, в которых следует ожидать результатов действия этого закона в доступных для наблюдения славянских акцентных системах, где ПСл интонации фонетически, как правило, никак не различимы. В самом деле, основным классом формативов, на которые происходит оттяжка ударения, оказываются основы (прежде всего, корневые), принадлежащие праславянской акцентной парадигме (а.п.) *b*, которые задаются списками для каждого грамматического класса (см. [7: 131–140]).

Что же касается класса первоначально ударных формативов, с которых происходят оттяжки, он также может быть определен списочно по реконструкции доминантности/рецессивности суффиксов и окончаний (см. [7: 140–152]), однако практически оказывается более целесообразным зафиксировать ряд позиций, наиболее благоприятных для наблюдения. Именно эти «ключевые» грамматические точки выписаны в строках табл. 1. Все они представлены словоизменительными формативами, показывающими свой рецессивный характер в акцентовке слов ПСл а.п. с (т. е. слов с рецессивной основой) и

содержащими этимологически долгий слогиноситель. Речь идет о тематическом гласном презенса $-i^{-3}$, суффиксе причастий $-an$, окончаниях LPL, InPL σ -основ, GLDu a -основ и NAPL σ -основ среднего рода. Эти грамматические точки обычно легко наблюдаемы и обеспечены достаточно обильным материалом в большинстве славянских диалектов, как живых, так и представленных письменными памятниками.

1.2.2. Замечание об интерпретации. В работе [6: 15–21] предложена переформулировка «закона оттяжек» как фонетического процесса сдвига ударения, происходившего в обратном направлении: от начала к концу словоформы. Речь идет о тех или иных сдвигах ударения на слог вправо в зависимости от долготы/краткости и интонационной характеристики обоих слогов. При этом такие сдвиги могут быть интерпретированы как фонетические только для раннепраславянского (или даже балтославянского) состояния. Соответственно, при такой интерпретации наиболее архаичной оказывается группа диалектов первого типа (оттяжки во всех позициях) – в этом типе место ударения оказывается тем же, что в ПСл. Напротив, как наиболее «продвинутые» интерпретируются диалекты четвертой группы (оттяжек нет), в которых правосторонний сдвиг ударения происходит во всех релевантных позициях.

Поскольку для вопросов, рассматриваемых в настоящей статье, ни направление фонетического процесса сдвига ударения, ни привязка этого процесса к раннему или позднему периоду праславянского языка несущественны, позволим себе в рамках данного исследования придерживаться изначальной формулировки закона как «закона оттяжек». При этом кавычки в слове «оттяжка» используются в виду указанной возможности реинтерпретации направления сдвига.

1.3. Группы диалектов. Согласно [5: 109–111] первый тип оттяжек характерен для ряда севернословенских, кайкавских и севернокавказских говоров; второй тип – для большей части западноболгарских говоров, штокавских говоров сербского языка, а также кривичских северо-западных и северных великорусских, северных и северо-восточных белорусских говоров и галицкого диалекта украинского языка; третий тип представлен южнокавказскими и рядом словенских и кайкавских говоров «южнословенского типа», староховатским диалектом, отраженным в текстах Ю. Крижанича, а также ильменско-словенскими севернорусскими говорами (костромские, севернонижегородские, говоры района Белого озера), центральными и южнобелорусскими говорами и белорусским литературным языком, кашубским (поморским) языком (в частности по описанию К. Лоренца [2]). Наконец, четвертый тип представлен в восточных и юго-восточных говорах великорусского языка (основная часть вла-

димиро-поволжских говоров, кроме северной части нижегородской подгруппы, часть восточных среднерусских акающих говоров, а также восточная часть рязанской группы говоров южного наречия); этот тип характерен, с некоторыми оговорками, и для русского литературного языка.

Нетрудно убедиться, что указанные типы оттяжек, в особенности типы 2 и 3, формируют разрывные, некомпактные диалектные ареалы, поэтому очевидно, речь должна идти о весьма древних акцентологических изоглоссах, позднее перекрывавшихся более новыми процессами (прежде всего, в западнославянской зоне), и, соответственно, о весьма древних группах диалектов. Подробнее см. [5: 155–159].

Для наглядности приведем сводную таблицу типов «оттяжек», представленных на славянской территории в областях, где сохраняется подвижный характер ударения (табл. 2).

Таблица 2

Типы оттяжек в восточно- и южнославянском ареалах

Восточнославянская территория	Южнославянская территория
Типы 2, 3, 4	Типы 1, 2, 3

2. Противоречивые ситуации. В силу фонетического характера «закона оттяжек» следует ожидать, что конкретный идиом будет характеризоваться одним и тем же типом оттяжек во всех наблюдаемых ключевых грамматических точках (см. табл. 1 и п. 1.2.1).

Однако, иногда встречаются ситуации, не вполне соответствующие этим ожиданиям. В частности, в [5: 109–111] приводятся примеры болгарских идиомов (в числе которых сочинения Константина Костенеческого и памятники, переписанные известным книжником XV в. монахом Гавриилом), показывающих в ряде позиций (презентс глаголов, LPlm) первый тип оттяжек ударения (оттяжка на любой гласный), а в других точках (NAPl neutra) – второй или третий типы оттяжек (оттяжка только на краткий или только на долгий гласный).

2.1. Детализация фонетических позиций. Авторы работы [5] трактуют эти ситуации как особые варианты «закона оттяжек», детализируя соответствующие фонетико-морфонологические позиции: предполагается, что в указанных идиомах при оттяжке ударения с конечного слога действовали иные правила, чем при оттяжках с неконечных слогов. Таким образом, выделяется уже не четыре, а, по крайней мере, шесть типов оттяжек и групп диалектов, в которых представлены эти типы.

Подобного рода уточнение условий «закона оттяжек» и выделение новых диалектных типов описывается в [6: 20] для северошотландских

(шумадийско-воеводинских, герцеговинских и некоторых других) говоров.

2.2. Понятие смешанного диалекта. Другой случай, по-видимому, представляют собой так называемые смешанные диалекты; здесь предполагается, что некоторый диалект, принадлежащий к одному из четырех основных типов (см. табл. 1), оказывается каким-то образом «инфицирован» примерами слов, в которых ударение ставится в соответствии с другим типом оттяжки. Таким образом в [5] трактуется древнейший русский акцентуированный памятник – Чудовский Новый Завет. Ср.: «Акцентная система Чуд. кажется смешением 3-го и 4-го типов, причем исконным в ней представляется 4-й тип, а 3-й тип оттяжек, возможно, проник в нее из северских говоров типа Косм. и Травн.» [5: 111].

Как именно происходит такое смешение, идет ли речь о заимствованиях, и если да, то что именно заимствуется из одного диалекта в другой – отдельные слова или некие модели акцентовки, когда могли происходить такие заимствования? Эти вопросы не рассматриваются ни в цитированных, ни в других известных мне работах. Я надеюсь, что следующие ниже замечания отчасти послужат если не ответам, то хотя бы четкой формулировке описанного круга проблем.

3. Анализ конкретной грамматической точки: *ап*-причастия. Рассмотрим одну из выделенных в 1.2.1 «ключевых грамматических точек» – страдательные причастия прошедшего времени (*н*-Part) от глаголов типа *платати* (класс 3 [16]).

В табл. 3 показана ПСл реконструкция акцентовки этой субпарадигмы в целом для лексем всех возможных акцентных типов.

Таблица 3

Ударение *н*-Part глаголов 3 класса в ПСл

а.п. <i>a</i>	а.п. <i>b</i>	а.п. <i>c</i>
Δ ■ ○ ○ <i>обрѣзанъ</i>	Δ □ ● ○ <i>причесанъ, показанъ</i>	▲ □ ○ ○ ~ Δ □ ● ● <i>приъванъ, приъвано ~ приъванъ, приъваное</i>

Примечание. □ – корень, Δ – приставка, ○ – суффиксы и флексии; закрашен ударный компонент.

Как и в других частях акцентной системы, в субпарадигме *н*-Part глаголов класса 3 для ПСл реконструируются три акцентных парадигмы лексем: слова, принадлежащие к а.п. *a*, имеют во всех формах (суб)парадигмы колонное ударение на корне⁴; слова, принадлежащие к а.п. *b*, имеют во всех формах (суб)парадигмы колонное ударение на посткорневом формативе; слова, принадлежащие к а.п. *c*, имеют

подвижное ударение – на окончании, если это окончание акцентологически доминантное (см. п. 1.2), и на первом слоге словоформы в противном случае.

«Закон оттяжек» действует в среде лексем, относящихся к ПСл а.п. *b*, именно в них рецессивный долгий посткорневой форматив несет в ПСл ударение «типа нового акута» (см. п. 1.2).

В табл. 4 демонстрируются все четыре варианта действия «закона оттяжек» в рассматриваемой грамматической зоне. Акцентные типы А, В, С во всех случаях представляют собой типы-наследники ПСл а.п. *a*, *b* и *c* соответственно.

4. Русский материал. Рассмотрим сначала данные великорусских письменных памятников в обобщенном виде (см. [7]). Для акцентных систем, представленных в русских памятниках XIV–XVII вв., важнейшее деление – это деление на памятники восточной и западной зоны. Относительно акцентуации интересующих нас *n*-причастий картина здесь такова. Памятники восточной зоны, как правило, показывают акцентуацию, представленную в табл. 5; памятники западной зоны – акцентуацию, представленную в табл. 6. Формы даны в условной позднедревнерусской записи⁵.

Таблица 4

Ударение *n*-Part глаголов 3-го класса после действия «закона оттяжек»

Тип 1, «оттяжки на любой гласный»			
А	В		С
	Краткий	Долгий	
▲■○○ <i>обрѣзань</i>	▲■○○ <i>причѣсань</i>	▲■○○ <i>показань</i>	▲□○○ ~ ▲□○● <i>прѣзвань, прѣзвано ~ прѣзванá, прѣзванóе</i>
Тип 2, «краткостная оттяжка»			
А	В		С
	Краткий	Долгий	
▲■○○ <i>обрѣзань</i>	▲■○○ <i>причѣсань</i>	▲□○○ <i>показань</i>	▲□○○ ~ ▲□○● <i>прѣзвань, прѣзвано ~ прѣзванá, прѣзванóе</i>
Тип 3, «долготная оттяжка»			
А	В		С
	Краткий	Долгий	

Окончание табл. 4

$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>обрѣ́зань</i>	$\Delta \square \bullet \circ$ <i>приче́сань</i>	$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>пока́зань</i>	$\Delta \square \circ \circ \sim \Delta \square \bullet \bullet$ <i>при́звань, при́звано ~ при́званá, при́званóе</i>
Тип 4, «нет оттяжек»			
А	В		С
	Краткий	Долгий	
$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>обрѣ́зань</i>	$\Delta \square \bullet \circ$ <i>приче́сань</i>	$\Delta \square \bullet \circ$ <i>пока́зань</i>	$\Delta \square \circ \circ \sim \Delta \square \bullet \bullet$ <i>при́звань, при́звано ~ при́званá, при́званóе</i>

Таблица 5

Ударение ан-Part в русских памятниках восточной зоны

А	В		С
	Краткий	Долгий	
$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>обрѣ́зань</i>	$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>приче́сань</i>	$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>пока́зань</i>	$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>при́звань, осно́вань, при́звано, осно́вано, при́звана, осно́вана, при́званное, осно́ванное</i>

Таблица 6

Ударение ан-Part в русских памятниках западной зоны

А	В		С
	Краткий	Долгий	
$\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>обрѣ́зань</i>	$\Delta \square \bullet \circ$ <i>приче́сань</i>	$\Delta \square \bullet \circ$ <i>пока́зань</i>	Вариант 1: $\Delta \square \bullet \bullet$ <i>при́звань, при́званó, при́званá, основáна</i> // Вариант 2: $\Delta \square \bullet \circ$ <i>при́звань, при́званó, при́званá, основáна</i>

Нетрудно видеть, что в терминах «закона оттяжек» для русских систем восточной зоны следует предполагать первый диалектный тип оттяжек, а для систем западной зоны – четвертый диалектный тип. Однако оба эти предположения противоречат возможным ожиданиям. В самом деле, первый тип оттяжек (на любой слог) вообще не представлен, согласно реконструкции, на восточнославянской территории (см. табл. 2). Что же касается четвертого типа (отсутствие оттяжек), то на великорусской территории он представлен, но именно в восточной ее части (см. п. 1.3), так что присутствие его в памятниках западной зоны также проблематично.

Согласно [5], для восточно-русской зоны можно было бы предполагать исконный третий диалектный тип («долготная оттяжка» в иль-

менско-словенских диалектах), а для западно-русской зоны – второй диалектный тип («краткостная оттяжка» в кривичских диалектах).

В то же время на языке синхронных соотношений ситуацию можно описать как тотальное обобщение корневого ударения в *ан*-причастиях в русских системах восточной зоны и тенденцию к обобщению суффиксального ударения в лексемах акцентных типов В и С в русских системах западной зоны.

Оба направления обобщений прослеживаются и в других тенденциях перестройки исходной акцентной системы в русских памятниках. Так, для памятников западной зоны вообще характерна тенденция закрепления ударения на предконечном слоге словоформы (ср. положение в современном польском).

Что касается систем восточной зоны, унификация корневого ударения в *н*-причастиях поддерживает тенденцию акцентного противопоставления активных и пассивных форм глагольной парадигмы. Наиболее ярко эта тенденция проявляется среди глаголов подвижного акцентного типа (акцентный тип С), в которых исконно подвижное ударение заменяется колонным суффиксальным ударением в формах причастий активного залога (*л*- и *ш*-причастия) и колонным корневым ударением в формах пассивного залога (*н*-причастия). В табл. 7 приведены соответствующие образцы глагольных классов 1 (*і*-глаголы) и 3.

Таблица 7

Перестройка ударения в глаголах подвижного акцентного типа

Акц. тип С	<i>л</i> -Part и <i>ш</i> -Part (Activ)	<i>н</i> -Part (Passiv)
Раннедревне-русский	<i>пúстиль, пúстило, пúстивъ</i> ~ <i>пустилá, пустивъши́</i> <i>прízьваль, прízьвали,</i> <i>прízьвавъ ~ призывалá,</i> <i>призывавъши́</i>	<i>пúщенъ, пúщено, пúщены ~</i> <i>пущенá, пущене</i> <i>прízьвань, прízьвано,</i> <i>прízьваны ~ призыванá,</i> <i>призыванóе</i>
Восточнорусские памятники XV–XVII вв.	<i>пустíль, пустíло, пустíли,</i> <i>пустíла, пустív(ши)</i> <i>призвáл, призвáло, призвáli,</i> <i>призвалá/призвála,</i> <i>призвáv(ши)</i>	<i>пúщенъ, пúщено, пúщены,</i> <i>пущена, пúщеное</i> <i>прízьван, прízьвано, прízьваны,</i> <i>прízьвана; оснóван, оснóвана</i>

Поскольку для глаголов акцентного типа В в активных причастиях суффиксальное ударение было исконным, вполне закономерной оказывается перестройка ударения в формах пассивных причастий в пользу колонного корневого, даже если первоначально в этой грамматической точке и действовал закон «долготной оттяжки» по ожидаемому ильменско-словенскому диалектному типу (табл. 8) (подробнее см. [7: 335–351, 371–372, 379–380]).

Таблица 8

Перестройка ударения в глаголах акцентного типа В

Акц. тип В	л-Part и ш-Part (Activ)	н-Part (Passiv)
ПСл + долготная оттяжка (тип 3)	<i>причесáль, причеса́ла, показáль, показáла,</i>	кратк. <i>причесáнь, причеса́на ~ долг. показáнь, показáна</i>
Восточнорусские памятники XV–XVII вв.	<i>причесáвь(ши), показáвь(ши)</i>	причесáнь, причеса́на, показáнь, показáна

Таким образом, для русских систем приходится, по-видимому, признать, что действие «закона оттяжек» в обсуждаемой грамматической зоне *н*-причастий оказывается полностью перекрыто более поздними перестройками ударения на основании синхронных морфонологических и собственно грамматических правил.

5. Сербский материал. Обратимся к анализу одной конкретной сербской штокавской акцентной системы первой половины XV в., представленной двумя памятниками: 1) Апостол № 889, хранящийся в Национальной библиотеке имени Святых Кирилла и Мефодия (София); первая половина XV в. (далее Ап); 2) Евангелие-апракос полный из Музейного собрания Российской государственной библиотеки (Ф. 178. № 7364), хранящееся в Москве; первая треть XV в. (далее Ев). Более подробные сведения об этих памятниках и их акцентной системе можно найти в работах [11–15]. Далее эта акцентная система будет именоваться сокращенно как «система Ап/Ев».

Согласно [5], в штокавском ожидается «краткостная оттяжка» (второй диалектный тип, см. п. 1.3 и табл. 4). Материал обоих исследованных памятников в целом достаточно хорошо отвечает этим ожиданиям⁶.

При этом обращение к интересующей нас зоне *ан*-причастий первоначально производит впечатление крайней неустойчивости и хаотичности ударения в глаголах акцентных типов В и С (т. е. восходящих к ПСл а.п. *b* и а.п. *c* соответственно). Так, мы встречаем варианты: *оклеветáнь/оклеветáнии, по́слань/посла́нь, по́слани/посла́ни, напи́сано/написа́но, свезáна/свезáна, прѣзванъ/призвáнь, основа́ни/основáни* и т. п.⁷

Однако тщательный разбор материала позволяет установить ряд правил, которыми почти исчерпывающе регулируется употребление наблюдаемых вариантов. Приведем эти правила.

5.1. Правило морфонологического равновесия. Обнаруживается зависимость места ударения от наличия или отсутствия в словоформе причастия слогового окончания, а именно в кратких формах NASgm, имевших изначально окончание *-ъ*, где после падения редуцирован-

ных окончание становится нулевым, ударение в акцентном типе В в системе Ап/Ев ставится всегда на корень (при неслоговом корне – на приставку): *свѣзаны, на́казаны, напи́саны, оклеветаны, сѣзданы, по́сланы, изгѣнаны* и т. п. О нескольких исключениях из этого правила в Ев см. в п. 5.3. По всей видимости, то же правило действует и для лексем акц. типа С, однако по скудости материала этого утверждать нельзя.

Поскольку при этом в формах с ненулевым окончанием ударение в большинстве случаев приходится на суффикс причастия *-ан-*, можно (в условном порядке) говорить о соблюдении своего рода «равновесия» в расположении ударного слога относительно конца словоформы в разных формах одной субпарадигмы: *oklevétan : oklevetány, póslan : posláni* и т. д.

Любопытно, что типологически похожая закономерность действует в истории русского ударения: в отдельных звеньях морфологической системы (в частности, в склонении существительных) действует правило постановки ударения при односложной основе – правее этой основы, а при неодносложной основе – на саму эту основу; тем самым, как и в системе Ап/Ев соблюдается «равновесие» в расположении ударного слога, только на этот раз относительно начала, а не конца словоформы (см. [7: 371–372]).

5.2. Правило синтаксических ролей. Для слов акцентного типа С оказывается релевантным различие атрибутивного и предикативного употребления кратких причастных форм. А именно в предикативных употреблениях имеется явная тенденция к постановке ударения на флексии (при наличии вариантов с суффиксальным ударением, единственно возможным в атрибутивных употреблениях).

Приведем несколько примеров: NPlm(Pred) *мѣсто идѣ же бѣху събраніи* (Ап 38⁶,4) ~ APln(Atr) *плѣняюще женѣща събрана грѣхы* (Ап 283,4); NPlm(Pred) *аще убо прѣбѣдете вѣрою основаніи* (Ап 252,5) ~ NPlm(Atr) *въ любви выкоренѣни и основаніи да възможете* (Ап 235⁶,8-9); NSgn(Pred) *и во паде при путіи и поправно бысть* (Ев 165,18).

С исторической точки зрения суффиксальное ударение атрибутивных форм акцентного типа С является инновацией, а флексийное ударение предикативных форм – расширением числа словоформ с ударением на окончании в парадигмах с исконно подвижным ударением (см. табл. 3). Однако в точности определить хронологию акцентных изменений не представляется возможным.

Необходимо отметить, что и это синхронное правило постановки ударения в зависимости от синтаксической функции словоформы находит параллель в развитии великорусских акцентных систем: там тенденция к флексийному ударению предикативных кратких

форм характерна не только для *н*-причастий, но и шире – для всех адъективных лексем – наследниц ПСл а. п. с (см. [7: 290–291]).

5.3. Правило долготы/краткости корня. Наконец, для слов акцентного типа В показания двух изученных памятников, Ап и Ев, различны.

В Ап все словоформы лексем акц. типа В с ненулевым окончанием имеют ударение на суффиксе. Таким образом, даже если в позднеславянский период в штокавских диалектах – предках диалекта, отраженного в Ап, «закон оттяжек» действовал по ожидаемому сценарию («краткостная оттяжка»: *oklevétanъ, oklevétano, pokazánъ, pokazáno*), в наблюдаемом состоянии в идиоме Ап это действие полностью перекрыто вышедшей на первый план оппозицией форм с нулевым и ненулевым окончанием: *oklevétan, oklevétano, pokazan, pokazano*.

В Ев ситуация сложнее. В среде форм причастий с ненулевым окончанием действует следующее правило: при этимологически долгом гласном корня – ударение на корне, иначе – ударение на суффиксе. Иными словами, перед нами модель акцентовки, отвечающая ПСл «долготной оттяжке» (см. табл. 4): *оклеветáно*, но *пока́зано*.

Таким образом, мы видим, наконец, нетривиальное распределение ударения по этимологической долготе/краткости корня, однако же не отвечающее этимологическому распределению, ожидаемому по «закону оттяжек». На первый взгляд, мы могли бы здесь говорить о «смешанном диалекте», представленном в Ев (см. п. 2.2).

Однако необходимо учесть, что в отличие от русских в сербских диалектах XV в. противопоставление гласных по долготе/краткости было синхронным фонологическим противопоставлением (как и в современном сербском). И хотя некоторые этимологически долгие гласные бывают представлены в сербском краткими рефlekсами, для круга глагольных основ, подлежащих нашему рассмотрению, такие расхождения практически отсутствуют. Соответственно, обнаруженную модель акцентовки можно связывать не с действием диахронического «закона оттяжек», а с синхронными характеристиками корневого гласного глагольной словоформы. А такого рода синхронная модель может, как представляется, заимствоваться из одного диалекта в другой, как и любое другое синхронно обусловленное распределение.

В этой связи показательна своеобразная конкуренция двух противоречивых тенденций в акцентуации изучаемых *н*-причастий в Ев. В самом деле, в среде форм с нулевым окончанием именно для Ев зафиксированы довольно многочисленные отступления от правила равновесия (см. 5.1), причем исключительно в лексемах с кратким или неслоговым корнем. В формах типа *оклеветанъ, посланъ* по правилу равновесия ожидается корневое ударение, а по правилу

долготы/краткости следовало бы ожидать суффиксального ударения. Действительно, в Ев имеем колебания: *избѣгнѣнь/избѣгнѣнь, по́слѣнь/послѣнь*, где в каждой паре первая форма акцентована по правилу равновесия, а вторая – по правилу долготы/краткости.

5.4. Итоговая таблица. В табл. 9 приводится сводная картина акцентуации *ан*-причастий в системе Ап/Ев.

Таблица 9

Ударение *ан*-Part в системе Ап/Ев

Форма	а.т.			
	А	В		С
		Краткосл.	Долгосл.	
<i>н</i> -Prt NASgm Brev		$\Delta \blacksquare \circ$ <i>оклеветѣнѣнь, избѣгнѣнь, по́слѣнь</i> <i>привѣзѣнѣнь, на́казѣнѣнь, на́писѣнѣнь</i>		$\Delta \square \bullet / \Delta \blacksquare \circ$ <i>призѣнѣнь/при́зѣнѣнь</i>
<i>н</i> -Prt проч.	$\Delta \blacksquare \circ \circ$	Ап	$\Delta \square \circ \circ$ <i>послѣни, избѣгнѣни, оклеветѣнѣни</i> <i>писѣно, написѣно, сказѣно, привѣзѣно</i>	$\Delta \square \circ \circ$ (Atr) ~ $\Delta \square \circ \bullet$ (Pred) <i>основѣни ~ основѣни, събрѣно ~ събрѣни, събрѣномъ, събрѣннѣнь, звѣннѣнь</i>
		Ев	$\Delta \square \bullet \circ$ <i>послѣни, избѣгнѣну, постѣлану</i> $\Delta \blacksquare \circ \circ$ <i>писѣно, написѣно, свѣзѣно, привѣзѣно</i>	

Если исключить формы NASgmBrev акцентного типа С, акцентовка которых остается неясной из-за скудости материала, мы видим, что этимологически исконное ударение фактически сохраняется только в причастиях от глаголов акцентного типа А – наследников ПСл а.п. а. Для прочих лексем правила постановки ударения регулируются актуальными синхронными оппозициями: в лексемах акц. типа С синтаксической оппозицией предикативных и атрибутивных употреблений причастных форм; в лексемах акцентного типа В – для Ап морфонологической оппозицией слогового и неслогового окончаний, а для Ев – фонологической оппозицией гласного корня по долготе/краткости.

При этом последняя оппозиция (см. табл. 9, выделенный жирным контуром фрагмент) оказывается согласованной с центральной для «закона оттяжек» оппозицией по этимологической долготе/краткости, однако предпочтительным кажется все-таки выбор в пользу

синхронной интерпретации правила долготы/краткости корня. При таком решении не возникает необходимости утверждать противоречивый характер действия «закона оттяжек» в системе Ап/Ев, достаточно только признать возможность свободного бытования моделей акцентовки, связанных с синхронными противопоставлениями по долготе/краткости.

Примечания

1. Речь идет об особой ПСл интонационной характеристике, одной из четырех реконструируемых интонационных характеристик ударного слога: акут, циркумфлекс, новый акут, «интонация типа нового акута» (см. подробнее [5: 12]).

2. Основных акцентных маркировок формативов устанавливается две: доминантная (плюс) и рецессивная (минус). Правило постановки ударения для ПСл гласит, что автономное ударение привязано к первому от начала словоформы формативу с доминантной маркировкой. Фактическое место ударения определяется типом этой доминантной маркировки – «самоударный плюс» или «правоударный плюс», соответственно, ударение ставится на сам доминантный форматив или на слог правее. При отсутствии доминантных формативов в словоформе (и шире – в тактовой группе) ударение автоматически ставится на первый слог такой тактовой группы. Словоформы с автоматическим начальным ударением называются словоформами-энклиноменами; просодические характеристики автоматического ударения таких форм-энклиноменов отличаются от характеристик автономного ударения, в том числе приходящегося на первый слог словоформы. См. подробнее [4: 260–262; 7: 118–125].

3. В глаголах т. н. а.п. b_2 см. подробнее [3: 31–47; 5: 109–120].

4. Точнее, на лексической основе. Далее нам будут важны только случаи, когда ударение на лексической основе фактически приходится на корень, поэтому в порядке упрощения мы будем говорить просто о корневом или посткорневом ударении.

5. То есть для эпохи после падения редуцированных (см. [9: 133]). Следует иметь в виду, что в эпоху падения редуцированных ударение со слабых редуцированных во всех славянских диалектах сдвигалось на слог влево (при наличии такового), отсюда формы с неслоговым корнем типа *póслано*, *prízвано* и т. п.

6. Прежде всего, по данным склонения; для презенса *i*-глаголов ситуация несколько сложнее, однако иная, чем в обсуждаемых здесь *н*-причастиях (см. подробнее: [6: 20; 10; 14; 15]).

7. Здесь и ниже примеры из памятников Ап и Ев приводятся в условной сербской одноеревой ресавской орфографии; варианты

букв игнорируются; из надстрочных знаков используется только знак оксии для обозначения места ударения (фактически в памятниках используются знаки оксии, вари и каморы, а также исо и неиктусный спиритус).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kapović M.* Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire) // RASPRAVE. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 44/1. 2018. S. 159–285.
2. *Lorentz F.* Slovinzisches Worterbuch. St.-Petersburg, 1908–1912. Bd. I–II. 1554+IV s.
3. *Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л.* Проблемы акцентологических диалектизм в праславянском // Славянское языкознание: доклады советской делегации : материалы X Междунар. съезда славистов. София, сентябрь 1988 г. М.: Наука, 1988. С. 31–66.
4. *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм. М., 1981. 270 с.
5. *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990. 284 с.
6. *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. М.: Наука, 1993. 334 с.
7. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 432 с.
8. *Зализняк А.А.* Труды по акцентологии. Т. I–II. М.: ЯСК, 2010–2011. 848 с., 352 с.
9. *Зализняк А.А.* Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: ЯСК, 2019. 872 с.
10. *Николаев С.Л.* История штокавской акцентуации i-глаголов в свете данных старосербской рукописи XV в. «Апостол» (НБКМ № 889) // IWoBA VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији (Славистички зборник. Нова серија, књига I). Нови Сад, 2014. С. 269–283.
11. *Пекунова И.С.* О некоторых акцентуационных особенностях существительных а.п. с в старосербских памятниках // Stressing the Past. Papers on Baltic and Slavic Accentology / ed. by T. Olander, J.H. Larsson / Studies in Slavic and General Linguistics. Amsterdam; New York, 2009. Vol. 35. P. 93–100.
12. *Пекунова И.С.* Некоторые особенности глагольной акцентуации в староштокавских памятниках XV в. // Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology / ed. by T. Pronk, R. Derksen / Studies in Slavic and General Linguistics. Amsterdam; New York, 2011. Vol. 37. P. 295–308.
13. *Пекунова И.С.* Отроду не видано, сроду не слыхано, а на роду на-

писано. Особенности развития существительных подвижного акцентного типа в славянских идиомах // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 2. P. 209–243. doi: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.10

14. Пекунова И.С. Образец эталонного описания акцентуации средневековых текстов (и-глаголы в двух староштокавских памятниках XV в.) // *Русин*. 2023. № 72. С. 138–160. doi: 10.17223/18572685/72/6

15. Пекунова И.С. Акцентуация *i*-глаголов в двух староштокавских памятниках XV в. // *Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. К 90-летию В.А. Дыбо* / отв. ред. С.Л. Николаев. М., 2023. С. 292–382. doi: 10.31168/2658-3372.2023.23.11

16. Поливанова А.К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 792 с.

REFERENCES

1. Kapović, M. (2018) Povijest glagolske akcentuacije u štokavskom (i šire). *RASPRAVE. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. 44(1). pp. 159–285.

2. Lorentz, F. (1908–1912) *Slovinzisches Wörterbuch*. Bd. I–II. St. Petersburg: [s.n.].

3. Bulatova, R.V., Dybo, V.A. & Nikolaev, S.L. (1988) Problemy aktsentologicheskikh dialektizmov v praslavyanskom [Problems of Accentual Dialectisms in Proto-Slavic]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. The 10th International Congress of Slavists. Sofia. Moscow: Nauka. pp. 31–66.

4. Dybo, V.A. (1981) *Slavyanskaya aktsentologiya. Opyt rekonstruktsii sistemy aktsentnykh paradigm* [Slavic Accentology. Experience in reconstructing the system of accent paradigms]. Moscow: Nauka.

5. Dybo, V.A., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (1990) *Osnovy slavyanskoy aktsentologii* [Foundations of Slavic Accentology]. Moscow: Nauka.

6. Dybo, V.A., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (1993) *Osnovy slavyanskoy aktsentologii. Slovar'* [Foundations of Slavic Accentology. Dictionary]. Moscow: Nauka.

7. Zaliznyak, A.A. (1985) *Ot praslavyanskoy aktsentuatsii k russkoy* [From Proto-Slavic to Russian Accentuation]. Moscow: Nauka.

8. Zaliznyak, A.A. (2010–2011) *Trudy po aktsentologii* [Works on Accentology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

9. Zaliznyak, A.A. (2019) *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian Accent. General Information and Dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

10. Nikolaev, S.L. (2014) Istoriya shtokavskoy aktsentuatsii *i*-glagolov v svete dannykh staroserbskoy rukopisi XV v. "Apostol" (NBKM 889) [History of Shtokavian accentuation of *i*-verbs in the light of data from the 15th century Old Serbian manuscript "Apostle" (NBKM No. 889)]. In: *IWoBA VIII. Referati VIII*

mežunarodnog skupa o baltoslovenskoj aktsentologiji (Slavistichki zbornik. Nova serija, knjiga I). Novi Sad: [s.n.]. pp. 269–283.

11. Pekunova, I.S. (2009) O nekotorykh aktsentuatsionnykh osobennostyakh suschestvitel'nykh a.p.c v staroserbskikh pamyatnikakh [On some accentuation peculiarities of a.p.c nouns in Old Serbian manuscripts]. In: Olander, T. & Larsson, J.H. (eds) *Stressing the Past. Papers on Baltic and Slavic Accentology (Studies in Slavic and General Linguistics)*. Vol. 35. Amsterdam; New York: Brill. pp. 93–100.

12. Pekunova, I.S. (2011) Nekotorye osobennosti glagol'noy aktsentuatsii v staroshtokavskikh pamyatnikakh XV v. [Some peculiarities of verb accentuation in Old Shtokavian manuscripts of the 15th century]. In: Pronk, T. & Derksen, R. (eds) *Accent matters. Papers on Balto-Slavic accentology (Studies in Slavic and General Linguistics)*. Vol. 37. Amsterdam; New York: Brill. pp. 295–308.

13. Pekunova, I.S. (2022) Otrodu ne vidano, srodu ne slykhano, a na rodu napisano. Osobennosti razvitiya suschestvitel'nykh podvizhnogo aktsentnogo tipa v slavyanskikh idiomakh ["Ótrodu ne vidano, sródu ne slykhano, a na rodú napisano." Features of the Development of Mobile Accent Type Nouns in Slavic Idioms]. *Slověne*. 11(2). pp. 209–243. DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.10

14. Pekunova, I.S. (2023a) Obrazets etalonnogo opisaniya aktsentuatsii srednevekovykh tekstov (i-glagoly v dvukh staroshtokavskikh pamyatnikakh XV v.) [A model description of accentuation in medieval texts (i-verbs in two Old Shtokavian manuscripts of the 15th century)]. *Rusin*. 72. pp. 138–160 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/72/6

15. Pekunova, I.S. (2023b) Aktsentuatsiya i-glagolov v dvukh staroshtokavskikh pamyatnikakh XV v. [Accentuation of i-verbs in two Old Shtokavian manuscripts of the 15th century]. In: Nikolaev, S.L. (ed.) *Balto-slavyanskaya komparativistika. Aktsentologiya. Dal'nee rodstvo yazykov. K 90-letiyu V.A. Dybo* [Balto-Slavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 292–382. DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23.11

16. Polivanova, A.K. (2013) *Staroslavjanskiy yazyk. Grammatika. Slovari* [Old Church Slavic. Grammar and Dictionaries]. Moscow: Dmitriy Pozharskiy University.

Пекунова Ирина Семёновна – младший научный сотрудник сектора лингвистической компаративистики Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Россия).

Irina S. Pekunova – Russian State University for the Humanities (Russia).

E-mail: irapek@gmail.com

УДК 811.161.1'373.6

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/6

Западнорусские источники названий документов в русском деловом языке Петровской эпохи*

Д.В. Руднев^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Институт лингвистических исследований РАН
Россия, 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

E-mail: rudnevd@mail.ru

Авторское резюме

Изучены названия документов западнорусского происхождения, обогатившие номенклатуру деловых жанров в эпоху петровских реформ. Административные реформы Петра I нашли своё проявление в преобразовании не только системы и принципов управления страной, но и делового языка, который сопровождает управленческую деятельность. Деловой язык Петровской эпохи включил в свой состав новые лексические и грамматические элементы, изменил принципы оформления документов и среди прочего пополнился новыми деловыми жанрами. В научной литературе новые названия документов обычно рассматриваются либо как заимствования из европейских языков (в том числе через польское посредничество), либо как номинации, созданные в русском деловом языке по церковнославянским моделям. Представленный в статье анализ некоторых названий документов показывает, что такой взгляд на их происхождение имеет упрощённый характер. Названия изученных документов были разделены на две группы: образованные по славянским моделям (донесение, доношение, прошение) и имеющие европейское происхождение (артикул, документ, инструкция, квитанция, реляция). В результате сопоставления исторических словарей и обширных текстовых данных, включающих документы допетровской Руси, Западной Руси XV–XVII вв., Петровской эпохи, а также польских документов, был сделан вывод, что перечисленные названия документов были

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-28-00325 «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

представлены в деловой речи Западной Руси задолго до петровских реформ, войдя в неё из польского делового языка. Таким образом, анализ названий документов приводит к выводу, что реформы Петра I копировали административный опыт не только Западной Европы, но и ближайших соседей – Западной Руси, в том числе и западнорусский деловой язык. Значительную роль в проникновении западнорусизмов в деловой язык Петровской эпохи сыграли, по-видимому, речевые навыки сподвижников императора, многие из которых имели западнорусское происхождение.

Ключевые слова: русский язык, деловой язык, XVIII в., Пётр I, польский язык, Западная Русь, заимствование, документный жанр

West Russian sources of document names in the Russian chancery language of the Petrine era*

Dmitriy V. Rudnev^{1,2}

¹ St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

² Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov lane, St. Petersburg, 199053, Russia

E-mail: rudnevd@mail.ru

Abstract

The article examines the titles of documents of West Russian origin that enriched the genre nomenclature in the era of Peter the Great's reforms. The administrative reforms of Peter the Great affected not only the system and principles of state governance but also the chancery language that facilitated it. The chancery language of the Petrine era incorporated new lexical and grammatical elements, altered document design principles, and, among other things, was enriched with new document genres. In academic literature, new document titles are typically viewed either as borrowings from European languages (including via Polish mediation) or as terms coined within the Russian chancery language based on Church Slavonic models. However, the analysis of several document titles presented in this article shows that this perspective on their origin is oversimplified. The

*The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00325 "Printed Decrees of the Time of Peter the Great as a Source for Studying the Russian Language in the 18th Century".

studied document titles were divided into two groups: those formed on Slavic models (*donešenje, donoshenie, proshenie*) and those of European origin (*artikul, dokument, instruktsiya, kvitantsiya, relyatsiya*). By comparing historical dictionaries and extensive textual data – including documents from pre-Petrine Rus', Western Rus' of the 15th–17th centuries, the Petrine era, as well as Polish documents – it is concluded that these document titles were present in the documentary practice of Western Rus' long before Peter the Great's reforms, having entered it from Polish. Thus, the analysis leads to the conclusion that Peter the Great's reforms adopted administrative experience not only from Western Europe but also from its closest neighbors – Western Rus', including its chancery language. Apparently, the linguistic habits of the emperor's associates, many of whom were of West Russian origin, played a significant role in the infiltration of Western Russianisms into the chancery language of the Petrine era.

Keywords: Russian language, chancery language, 18th century, Peter I, Polish language, Western Rus', borrowing, documentary genre

Введение

Модернизация управления страной, предпринятая в ходе реформ Петра I, нашла своё отражение и в сфере документной коммуникации, воплощавшей принятие и проведение в жизнь управленческих решений. В ходе модернизации языка документов существенно изменился их формуляр и номенклатура жанров. Существенно обновились и речевые (лексические и грамматические) средства, использовавшиеся в допетровских документах. Преобразование деловой речи Петровской эпохи обычно сводят к двум процессам: заимствованию речевых единиц, во-первых, из европейских языков в связи с ориентацией России на европейскую управленческую культуру и, во-вторых, из церковнославянского языка с целью придания деловой речи особого культурного статуса (см. [20]).

В статье описываются названия новых документных жанров, вошедших в русскую деловую речь при Петре I: часть из них имела иноязычный облик и традиционно рассматривается как результат заимствований из западноевропейских языков (иногда через посредство польского языка), другие названия похожи на церковнославянские слова и обычно считаются образованиями, возникшими на русской почве по славянским моделям. В реальности значительная часть таких европеизмов и славянизмов была заимствована в готовом виде из западнорусских документов, что, очевидно, свидетельствует о существенном влиянии на петровский деловой язык речевых моделей, использовавшихся в документах Западной Руси в XV–XVII вв.

Вопрос о западнорусском языке как источнике ряда заимствований в русском языке допетровского [7–9; 13; 14; 26] и петровского времени [17; 18] неоднократно поднимался в лингвистике, однако существующие работы носят фрагментарный характер. Не в последнюю очередь недостаточное внимание к этой теме продиктовано близостью русского языка Западной Руси и Московской Руси, затрудняющей изучение межъязыковых контактов. Из перечисленных работ наибольший интерес для нашей темы представляют наблюдения, сделанные В.О. Петруниным, который квалифицировал ряд слов в русском языке Петровской эпохи как заимствования из западнорусской речи; среди таких заимствований им указаны слова *маетность*, *шляхетство*, *обыватель*, *заарестование*, *штрафование*, *генеральство*, *диктование*, *свидетельство* и др. Им же отмечено западнорусское происхождение слова *ведомость*, которое стало использоваться в русском языке петровского времени в разных значениях, в том числе как название делового жанра [18: 17–28].

Источниками нашего исследования послужили сборники западнорусских, русских и польских документов, исторические словари белорусского, украинского, русского и польского языков. Названия документов объединены в две группы: первую формируют названия документов «славянского» типа с формантом *-ение* (*донесение*, *доношение*, *прошение*), вторую – названия документов, имеющие «заимствованный» облик (*артикул*, *документ*, *инструкция*, *квитанция*, *реляция*). Отметим, что рассмотренные названия документов не имеют исчерпывающего характера: небольшой объем статьи заставляет нас ограничиться представлением лишь части собранного материала. К числу названий документов, вошедших в петровский деловой язык из делового языка Западной Руси, также относятся *декрет*, *конституция*, *паспорт*, *постановление*, *протокол*, *пункты*, *реестр*, *рескрипт*, *трактат* и др. (см., напр., [10]). По нашим наблюдениям, западнорусская деловая речь стала источником не только однозначной лексики (среди прочего названий документных жанров), но и стилеобразующих средств нового делового языка Петровской эпохи. Например, употребление указательных прилагательных с элементом *выше-* и *ниже-* (*вышеписанный*, *нижепомянутый* и пр.), местоимений *кой*, *сей*, *оний*, *таковой*, некоторых союзов и предлогов широко распространилось в западнорусских документах уже в XV–XVII вв. Таким образом, влияние деловой речи Западной Руси на документную коммуникацию Петровской эпохи имело комплексный и разносторонний характер – заимствовались не просто отдельные слова, а речевые модели построения документов.

Названия документов «церковнославянского» типа

Донесение

Слово *донесение* не отмечено в русском языке допетровской эпохи [21]. В русском деловом языке петровского времени это слово в значении 'письменное или устное (чаще официальное) сообщение о чем-л.' [22, 6: 210] встречается с 1707 г., впервые в отношении Польши:

И дабы то [сбор хлеба] состояти могло особливо за которымъ первымъ оглашеніемъ и донесеніемъ Воеводства, земли и повѣты, къ магазинамъ назначенныя предостерегая непорядки, что надлежати будетъ (1707) [19, 4: 376]; при каковомъ донесеніи явилъ [Любс] подлинную отпись, выданную изъ Архангелогородской губерніи, 9 генваря 1712 г., въ приемъ вышеписаннаго количества ефимковъ и мѣди (1712) [11, 2 (1): 52].

В западнорусской письменности слово *донесение* известно с XVI в., откуда, видимо, и было заимствовано русским деловым письмом. Слово употреблялось как действие по глаголу *донести* в значении 'принести, подать' (1) или 'доложить, поведать' (2):

(1) за **донесеньемъ** намъ прозбы отъ архієпископа... же ся имъ великое зниищенье и спустошенье именій въ добрахъ... дѣють (АЗР, IV, 18, 1589); за **донесене** намъ прозбъ ѿд становъ многих (Дыяр., 1546).

(2) Тогда судъ земски ѿного повету за **донесеньемъ** ведомости до нихъ маеть такую утратную вдову позвати (Ст. 1588, 279); за чымъ тежъ и я... за **донесенемъ** мне о томъ всемъ одъ пановъ мещанъ... ведомости, симъ листомъ моимъ ихъ асекурую (ИЮМ, I, 366, 1626) [10, 8: 293].

В значении 'доклад, известие' слово широко использовалось в западнорусской деловой письменности: ...и теперь з ласки нашео господарское за **донесенемъ** намъ о добрахъ ихъ тые добра Коньдраны, Вадъвы, надъ рекою Вадъвою з обеюхъ сторонъ лежаchie и з лесомъ великимъ пущою, што здавна к той земљи приналежало, тымъ нашимъ бояромъ Довънарловичомъ надаемъ и утверждаемъ (1545) [2, 24: 101]; [Водорацкий] за възятьемъ ведомости о той кривде своей и помеченное челеди свое вольное **донесенье** достаточне тое протестацыи, просиль, абы тое оповеданье его милости до книгъ кгородскихъ Виленскихъ записано было (1629) [2, 20: 291].

Западнорусское *донесенье* было, в свою очередь, заимствованием из польского языка *doniesienie, donesenie*:

Ja Paweł Korbutowicz, woźny ienerał powetu Chołmskoho, a ja Martyn Chmielewski, woźny powetu Beresteyskoho, wyznawaiemy, iż za donesenіem na wrad tutosznyi grodski Beresteyski od wradnika Rożaiieckoho pana Walentoho Tuczaniczkoho, a Tomiła Wiszniewskoho opowiedania... (1584) [2,

33: 97]; *za powtórnym doniesieniem skargi*, – *kazać sądzić y surowo karać* (1663) [2, 3: 393].

Доношение

Слово *доношение* фиксируется в русском языке со второй половины XVII в. в значении 'доклад, донесение':

А Миню Селивестрова за тайное ложное неправдивое **доношение** для образца иным велел наказан<ь>е учинит<ь> (Поруб. д., 256, 1664); И мы, великий государь... техъ ихъ [шведскихъ пословъ] поданныхъ статей, по **доношению** нашихъ царского величества ближнихъ бояръ... выслушали (ДАИ VI, 463, 1674) [21, 4: 316].

В словаре отмечено единичное употребление глагола *доносить* в значении 'сообщать, делать донос': А кто отъ братьи о нестройном его [архимандрита] житѣе заочно что выговоритъ, и про то ученики его **доносятъ** ему ((Чел. солов. ин.) Суб. Мат. III, 49, 1666). Единично отмечена устойчивая формула *доносити кого-л. въ ведомо* 'ставить в известность'. Мы, Густавъ... **доносимъ** васъ о семъ **въ ведомо**, что мы приняли ваше писанье (Швед, д., 75, 1560) [21, 4: 316].

Единичные примеры и поздний характер фиксации указывают на неосвоенность русским деловым языком ни существительного *доношение*, ни глагола *доносить* в значении 'сообщать, извещать'. В отличие от делового языка Московской Руси в западнорусской речи эти слова широко представлены с XVI в.:

– (доношение) *около таковыхъ съѣздовъ повѣтовыхъ, отправованья пословъ и доношенья* потребъ рѣчи посполитое на съемъ вальный передъ насъ государя, заховывается (АЗР, III, 139, 1565) [10, 8: 295];

– (доносить) Тыя жъ ревизоры и мерники мають ся доведывати... и то намъ, государу, **доносити** и оповедати (КПД, 571, 1557); презъ тую цѣдулу мою **доношу** (АВК, XXXI, 186, 1582); кому бы потреба того въдати оказала, **доношу**, ознаймую и утвержаю (АВК, II, 43, 1617) [10, 8: 294].

Отметим, впрочем, что слово не было широко распространено и встречалось реже, чем слово *донесение*, например:

...жалобъ ущипливыхъ гонорови жалующихъ подъ розными тытулами до розныхъ вradoвъ **доношенье** (1683) [2, 15: 438]; ...и такъ розумѣемъ да и вашихъ милостей упевняемъ же, по залецанью и **доношенью** нашом, особливая вашимъ милостемъ всѣмъ отъ ихъ царского пресвѣтлого величества будетъ заслана похвала не въ забавъ (1690) [4, 5: 240].

Примечательно, что в польских документах этой эпохи слово *доношение* не встретилось, что позволяет считать его западнорусизмом, возникшим без посредства польского языка (впрочем, В. Витковский считает слово полонизмом [30: 46]), тем не менее глагол *доносить*,

послуживший источником отглагольного существительного в западно-русском языке, развил своё значение под влиянием польского *donośność/donieść*:

Donosili do nas prośby swe ziemianie naszy wojewodstwa Brzeskiego Pedor y Hrihorey Iwanowicz y Ilia Stephanowicz Wołkowicz z bracią swą... (1586) [2, 2: 137]; ...tedy raczey poruczamy to posłom naszym iżby uniżenie y pokornie proźby naszi doniesli do jego królewskiey mosci, aby... (1597) [2, 2: 152]; ...i doniesiona nam iest proźba imieniem sławietnych Burmistrzow, Radziec y wszystkiego Magistratu, tak tez y pospolstwa miasta naszego Mohilewa, abyśmy... (1633) [6: 86]; ...obwieszczamy wierności waszey y donosimy tym listem naszym, że już prawa naszego y intromissey ustępuiemy (1684) [2, 5: 241].

Именно польским происхождением глагола объясняется его сочетаемость на начальном этапе с предлогом *do*, сохранившаяся в сочетании *доносить до ведомости*: *Оный выпуск... до ведомости в раду земского доносимъ (ИЮМ, I, 316, 1593) [10, 8: 294–295].* Ср. употребление конструкции в польском языке:

...do wiadomości waszmości urzędowej donoszę y protestuję się na urzędnika wielmożnego iegomości pana Alexandra Korwina Gąsiewskiego – wojewody Smoleńskiego (1629) [2, 6: 136]; ...donosimy do wiadomości wszem w obec y każdemu zosobna komu by o tem wiedzieć należało (1675) [2, 1: 197].

В деловой речи Петровской эпохи слово *доношение* широко распространяется, например:

Великий Государь доношение и статьи слушавъ, указалъ, по своему Великаго Государя Именному указу (1701) [19, 4: 138]; Именные указы, каковы нынѣшняго жъ года Генваря съ 1 числа состоялись, и впредь состоятся, по доношенію изъ приказовъ судей о дѣлахъ, записывать въ Ближней канцеляріи по числамъ... (1705) [19, 19: 285]; А тѣбъ доносители подавали такія доношенія Намъ самимъ съ будущаго Сентября 1715 году (1714) [25: 21]; ...и кто сколько какихъ взятковъ и на что далъ, и о томъ бы подавали писменные доношенія въ Санктпетербургъ въ канцеляріи Сената (1715) [25: 40] и т.д.

Не в последнюю очередь широкое употребление слова *доношение* связывают с недостаточной определённой его значения, что делало возможным его употребление для обозначения разных типов документов (*ведомость, реляция, мемориал, челобитная* и пр.) [16: 40–43].

Прошение

Слово *прошение* известно в древнерусском языке в двух значениях – ‘просьба, мольба’ и ‘предмет просьбы’: *Но дажь ти Гь по срдцю твоему и вся прошенья твоя исполни (Лавр. лет., 131); Господи... бла-*

гослови и просвьѣти ихъ, даруй же имъ всяко **прошение** ко спасению и животъ въчный (ДАИ, I, 249, 1598) [21, 21: 10].

В словаре ни слово *прошение*, ни глагол *просить* не указаны в составе примеров из деловой речи (см. [21, 20: 217–218]). Отметим, что в русских документах слово *прошение* иногда всё же встречается, когда описываются польские реалии либо когда документ относится к эпохе Смутного времени:

*А я бояринъ и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской, по его моршалкову **прошенью** и по договору, послалъ Государя своего Царскаго Величества дворянина Ѳедора Даниловича Чулкова къ Нѣметцкимъ воеводамъ къ Якову Пунтусову съ товарищи (1609) [3, 2: 303]. ...а того имъ [казакамъ] и прежде сего запрещали и нынѣ запрещаютъ, и многихъ пословъ и комисаровъ, что имянно покажется по **прошенію** и листамъ королевского величества, не токмо итти на бусурманъ не позволяли, но и листовъ и посланниковъ королевского величества не пропускали (1684) [12, 11: 42].*

В отличие от русского языка Московской Руси слово *прошение* (в формах *прошенье, прошене, прошение, прошэнье*) использовалось в западнорусской письменности в значении 'письменное ходатайство по официально установленной форме' с начала XV в.:

*...мы, по ихъ **прошенью** отложили рокъ до святого Апостола Филипа; а до того року послѣднего, такы не слышимъ, гдѣ суть (АЗР, I, 36–37, 1415); имають быті въ **прошенію** книги земьскы писаны (Вісл., 426); пры которой гродѣ рачыл бытъ небожыкъ кнѣзь Петръ за **прошеньемъ** нашимъ обудвухъ особъ с паномъ Ясеньскимъ (АВК, XXXXI, 25, 1582) [10, 29: 288]; А естли бы нашъ врьдникъ зъ своимъ намѣстникомъ, або зъ слугою, за **прошеньемъ** отъ войта або подданого, справедливости уквивжоному подданому не учиниль: ино... (1557–1558) [4, 3: 84].*

В середине XVI в. в западнорусских документах отмечается конкуренция старого обозначения просительных документов *челобитье* и нового *прошение*:

*Панъ Михайло Соколовский за тымъ его чоломъ битьемъ почаль намъ мовити, если бы вже на томъ **чоломъ бити** и **прошеньи** его мѣль досытъ и тое наганенъ листу ку его доброй повести естли бы щкодити не могло (1556) [2, 22: 13]; ...и на нашо **прошеньѣ** и **чоломъ битѣ** тыи панове верху писаныи для лепшого твердости сего листу нашего печати свои (к) сему листу нашому вызнаному водле нашео печати приложили (1570) [2, 22: 442];*

Глагол *просить* также использовался в западнорусских деловых документах: *Прошены* есьмо были о выданье изъ канцелярый нашей большой великого княжства Литовского экстрактомъ sprawy нижей выписаной (1641) [4, 5: 67].

Существительное *прошение* в западнорусской речи являлось, видимо, заимствованием польского *proszenie*:

*Ja Piotr Ławrynowicz za oczewistym **proszeniem** przy pieczęci iey pieczęć przyłożył y ruku podpisał* (1587) [2, 26: 276]; *Pieczętar proszony lakub Kurklinski za oczewistym **proszeniem** pieczęć swą przyczisnoł to ićst luzeř Stanisławowicz Mosiewiczza ręką swą* (1596) [2, 32: 261]; *...co Ichmość przy podpisie ręki mey własney y ustnym **proszeniem** moym czynić raczyli y pieczęci swe przyłożyli y ręce swe podpisały* (1666) [2, 31: 382].

В документах петровского времени слово *прошение* вводится в деловой язык и начинает употребляться параллельно со словами *челобитье*, *челобитная*:

*...всякаго чину людемъ писать въ **челобитныхъ**, Свою Государскую честь, новымъ изложеніемъ, въ началъ: Державнѣйшій Царь Государь Милостивѣйшій, и по томъ писать дѣло, а передъ **прошеніемъ**, вмѣсто милосердаго Всемилостивѣйшій Государь прошу Вашего Величества и по томъ **прошеніе**, а по **прошеніи** совершить Вашего Величества нижайшій рабъ и подъ тѣмъ писать челобитчикамъ имена свои съ прозваніемъ и мѣсяцъ и число и годъ* (1702) [19, 4: 189].

В приведённом примере слово *прошение* употреблено в значении ‘содержание просьбы’ или ‘просительная часть документа’, а слово *челобитная* обозначает документ целиком. Ср. также: *...можетъ каждой управителямъ того мѣста, гдѣ онъ обрѣтается, **челобитную** о **прошеніи** своемъ и наукъ подать* (1721) [25: 319].

Слово *прошение* широко распространяется в деловой речи при Петре I, причём в некоторых случаях *прошение* можно понять и в значении ‘челобитная’, т. е. как обозначение документа, например: *...и, по помѣтѣ на **прошеніи** его князя Матвѣя Петровича Гагарина, его Яна по договору отпускать не вельно* (1714) [11, 4 (2): 622]; *Что бы никакова чину люди о дѣлахъ принадлежащихъ до росправы на то учрежденнаго правительства, отнюдъ самому Его Императорскому Величеству, **прошенія** своего не подавали* (1718) [25: 111]; *...многіе мимо опредѣленныхъ имъ судовъ и Сенату продерзостію своею вездѣ докучаютъ, и **прошеніи** свой приносятъ Его Императорскому Величеству самому не дая нигдѣ покою* (1722) [25: 444].

В конце правления Петра I употребление слова *прошение* было узаконено в указе от 5 ноября 1723 г., который предписывал писать челобитные по следующей форме:

Титло:

*Потомъ бьетчеломъ имракъ на имрака, а въ чемъ мое **прошеніе**, тому слѣдуютъ пункты, и писать пунктъ за пунктомъ.*

I.

Прошу Вашего Величества, о семь моемъ челобитье рѣшеніе учинить (1723) [25: 783].

Отметим, что и в этом документе слово *прошение* употреблено в значении 'содержание просьбы'. Приведённые примеры употребления слов *челобитная* (*челобитье*) и *прошение* показывают условия для их семантического сближения и синонимизации.

Вытеснение слова *челобитная* словом *прошение* произошло законодательным образом: указом Екатерины II от 19 февраля 1786 г. слова *челобитная*, *бить челом*, *челобитье* были исключены из формуляра просительных документов и заменены словами *прошение*, *просить*, *приносить жалобу*.

Названия документов «заимствованного» типа

Артикул

Слово *артикул* в деловом языке петровского времени имело значение либо 'свод правил' (ср.: артикул воинский), либо 'часть, параграф, глава документа'. В русский язык слово входит с конца XVII в.: *Договоръ постановили: Артикуль 1. Понеже особое сего союза наступательнаго намѣрение есть... Артикуль 2. Пристойно и праведно есть* (Петр, I, 126, 1697); *<Генерал-аудитор> изображаетъ такожь винному противъ воинскихъ артикуловъ или правъ приговоръ* (Устав Вейде, 31, 1698) [21, 1: 49].

Наиболее ранний случай употребления слова встречается в сочинении А. Курбского, написанном им на территории Речи Посполитой, и представляет собой, видимо, результат влияния западнорусской речи: *Про что... безумныхъ грековъ и сириянь и другихъ варваровъ послушалъ еси и три артикулы и съ церкви римския истребити хочещи?* (Курб. Ист. 8 соб., 478, XVII в. ~ XVI в.) [21, 1: 49].

В западнорусском языке слово в формах *артыкул* (чаще всего) и *артикул* известно с конца XIV в. и имело два значения:

1) 'параграф, раздел': *мы казали статутъ правъ писаныхъ штьворити и того артыкула смотрети* (КВЗС, 28, 1537); *в тыхъ жъ привиліяхъ земскихъ некоторые артыкулы потрѣбують шыршого шбяснѣна* (Ст. 1566, 2) [10, 1: 145]; *ино тотъ артыкуль въ статутъ есть, не хай кождый собъ смотреть* (1576) [5, 1: 203];

2) 'сборник правил, положений; статут': *И тежъ: вси, которые артыкулы дали есмо имъ, на томъ привиліи нашомъ выписаныи, потвержаемъ то имъ на вѣчные часы* (АЗР, I, 26, 1388); *Потверженъе короля... Жикгимонта на нѣкоторыи члонки або артыкулы жидовскіи* (АЗР, II, 11 2, 1514) [10, 1: 145]; *есть артыкулы и кондыцый руки власное ваше*

кнежатское милости написаные, чого бы ся домовляти и шобы ваврвати у папежа, становечы тую единость потреба (1598) [5, 1: 284].

В западнорусской речи слово являлось заимствованием *artykuł*, *artikuł* из польского языка: ...*przypomniawszy tego naszego listu w ktryym że kolwiek punkcie y artikulech, w obowiąskach w thym liście naszym wyszey y nizey opisanich nye wypełnili...* (1596) [2, 32: 469]; *wolno mu będzie y żonie iego targować y wszelakich wolności wedle cechu piekarskiego y artykułów ich w wdellderzu opisanых заżywać...* (1624) [2, 6: 255]; ...*pod sroгq animadversią (abo na każdego nie minie) y karaniem w artykułach woyskowych opisanym* (1665) [2, 4: 4]. В словаре староукраинского языка фиксируется единственный случай употребления слова *artykuł* в составе документа на польском языке под 1388 г. [23, 1: 80].

Документ

Слово *документ*, имеющее в современном языке значение 'деловая бумага', входит в русский язык в Петровскую эпоху (с 1708 г.) в более узком значении 'деловая бумага, удостоверяющая что-л.: *Изволите ваша милость во обидах, от того Бема и Шульца жителем Полским учиненных, прислать сюда писмянные документы* (ПБП, VII, 410); *И есть ли на ть деревни и мызы у него жалованныя дядь его грамоты и другие какие документы или крьпости* (Бум. КМ, I, 400) [22, 6: 190].

Слово *документ* сравнительно редко использовалось в деловой письменности Петровской эпохи и всего XVIII в., его значение содержало дополнительную сему доказательства правоты, поэтому чаще всего слово использовалось в ситуации судебного разбирательства:

...*тогда надлежит онаго [подсудимого] выслать, и потомъ снизу о преступлении его (и по свидетельству о немъ, ежели оное есть, или чрезъ иные документы) голоса давать* (1716) [19, 5: 265] (в нем. переводе *Beweißthümer*); *А буде истецъ на тотъ ему данной срокъ документовъ не положить, то вершитъ то дѣло по обрѣтающимся въ дѣль обстоятельствам* (1723) [25: 780]; ...*всь жалобы надлежитъ перво выслушать словесно, какъ и прежде сего въ таможняxъ въ Москвѣ, и у города Архангельскаго обыкновенно было. И освѣдѣтельствовавъ ясными документами рѣшитъ* (1727) [1: 9].

В деловой письменности петровского времени употребление слова *документ* может сопровождаться глоссами *доказательное письмо* (в «Генеральном регламенте»), *доказательство* (в «Ништадтском мирном договоре»). Ср. также: *А истцу такожъ дать билетъ за руками судящихъ, что онъ долженъ стать на положенной срокъ въ судъ со всѣми къ тому иску принадлежащими писмянными документами или доказательствами* (1723) [25: 780].

Слово *документ* иногда сопровождается оценочными определениями *доказательный, ясный*. Примечательно, что в просторечии XVIII в. у слова *документ* сформировалось метонимическое значение 'довод, доказательство, аргумент': *Услышишь новый От него тверд документ, давно уже готовый. «Как, – говорит, – библию не грешно читати, Что она вся держится на жидовской стати?»* (Кнт. Сат., IX, 182); [Подбиралов:] *Все равно, чтоб он ни был. Дочка ваша с ним дружна; это ясной документ* (Левш. Слуга 171) [22, 6: 190].

Источником слова *документ* указывают «лат. *documentum*, непосредственно и через пол. *dokument*, укр. документ» [22, 6: 190]; В. Витковский считает слово *документ* полонизмом [30: 45]. Однако непосредственным источником слова в русском языке являются западнорусские документы, в которых оно употреблялось с начала XVI в. в значении 'деловая бумага, которая служит доказательством чего-л. или подтверждает право на что-л.': *покладалъ и до актъ подалъ листъ старосвъцкімъ письмомъ писаный, документъ на дворъ въ мѣсть Виленскомъ* (ABK, XIII, 4, 1503); *постановивъшысе очевисто у суду панъ Андрей Янькевичъ оповедаль, покладасть и ку актикованю подалъ документъ, одъ яснеосвецоного княжати его милости* (ABK, XXIV, 427, 1584); *умоцованные ихъ документа свое покладали, з которыхъ показалося то, же тые пляцы в диспозыции шляхецкой подъ правомъ земьскимъ были и суть* (ABK, XX, 365, 1664) [10, 8: 239–240]. Ср. также наши примеры: *...постановивъшысе очевисто у суду панъ Самуель Корейва оповедаль, покладалъ и до актъ подалъ певны документъ и декретъ двораньски на речъ в немъ ниже помененую, служацы и належачы его милости пану Самуелю-Богдану Юшкевичу – подчасоуму Ковеньскому; которы тотъ документъ, по пречытаню оногo, просиль, абыхъмо онъы до книгъ нашихъ вечыстыхъ велели прынять и уписать* (1540) [2, 24: 96]; *а за доброволнымъ взятемъ се пна Петра Мацкевича и малжонки его за прысегу, хотяжъ бы слушне и кромъ прысеги ихъ, за такими документами и выводами ихъ у вину в артикуле семдесятъ пятomъ, в розделе четвертомъ описаную и во вси заруки и плачене шкодъ накладовъ попадати мел* (1612) [2, 30: 444]; *а того николи документомъ довести не можетъ, абы тотъ Гордей ему шкодникомъ былъ* (1635) [2, 28: 159].

Отметим, что в западнорусской деловой письменности в современном обобщенном значении слова *документ* 'деловая бумага' использовалось слово *лист* (обычно во мн. числе).

В западнорусской деловой письменности слово *документ* является заимствованием из польского делового языка, где слово *dokument* использовалось в том же значении: *Winien będzie dosyć uczynić, gdy będzie dostatecznemi dokumenty okazan w niedbałości urzędu swego* (1565) [27, 2: 717]; *...âle ci ktorzy się ziadą, tey kontrowersyi dokumen-*

tow y dowodow wysluchać, Dukt oglądać, y Nam na Seym przynieść będą powinni (1620) [27, 3: 373]; ...co się szyrzej czasu prawa niewinność moia **dokumenty** prawnemi okaże (1640) [2, 6: 351].

Инструкция

М. Фасмер фиксирует вхождение слова *инструкция* в русский язык с времён правления Петра I (1703 г.) через польск. *instrukcja* из лат. *instrūctiō*; полонизмом считает слово *инструкция* в русском языке В. Витковский [30: 66]. По мнению Н.М. Шанского, заимствование лексемы произошло в XVII в. «Словарь русского языка XVIII века» даёт слово *инструкция* 'наказ, наставление' со знаком входа [22, 9: 102]. В документах петровского времени первый случай употребления слова отмечен нами под 1702 г.:

*Чего ради Мы отъ сего числа въсьмъ Нашимъ Намѣстникамъ, Губернаторамъ и Командующимъ, какъ на границахъ, такъ и по дорогамъ отъ Кіева, Смоленска и Пскова сюда ведущимъ, сообщимъ о томъ Наши подтвердительные указы и **инструкціи**, такъ чтобы впредь приѣзжающимъ офицерамъ, никакимъ образомъ препятствія или безпокойства причинено не было, но чтобы напротивъ того имъ оказана была всякая добровольная готовность къ услугамъ* (1702) [19, 4: 193].

Слово вошло в широкий оборот уже при Петре I. Например: ...*чтобъ по тѣмъ челобитнымъ въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ дѣла рѣшили въ указные сроки безъ всякаго продолженія, какъ о томъ генеральной регламентъ и **инструкціи** и Его Государевы указы повелѣваютъ* (1720) [25: 216]; *и о управленіи того дѣла дать ему [Петру Баскакову] **инструкцію*** (1721) [25: 296]; *А чтобъ такимъ помѣщикамъ чинить наказаніе, и посылать въ работы, того въ тѣхъ указахъ и въ данной вамъ **инструкціи** не написано* (1723) [25: 715].

Слово *инструкция* широко встречается в названии многих петровских документов. В «Генеральном регламенте», по наблюдениям А.А. Лукашевича, *инструкция* толкуется через слово *наказ*. По масштабу регламентирования служебных функций должностных лиц, учреждений различались «генеральная» и «особая» (или «партикулярная») инструкция [16: 43].

В исторических словарях русского языка представлены два случая употребления слова *инструкция* в русском языке XVII в., однако оба они отражают реалии Речи Посполитой: *Посланец подаль инструкцію, за его Адамовою рукою, а въ той **инструкцыи** написано... чтобъ нашимъ царскаго величества людямъ тѣмъ городомъ и залогами ничего неприятного не хотѣти* (ДАИ, VI, 455, 1656); *Они... **инструкции** полской не выдавъ нынѣ не въ свои дѣла вступающа и раздоры внести хотятъ* (ДАИ, XI, 165, 1684) [21, 6: 246].

Слово *инструкция* было широко распространено в западнорусских документах с начала XVI в. в значении 'наставление, наказ': *Наука, албо инструкция тымъ же паномъ посломъ, до Москвы посланымъ, зъ стороны дочасного миру* (АЗР, II, 134, 1522); *послове зо всихъ воеводствъ и повѣтовъ ... зъ моцью и зъ инструкціями достаточными... на зъездъ отправленные и высланные* (АВК, III, 271, 1577) [10, 14: 127]; ... *покладали и оповѣдали намъ тую инструкцію, ку отправованью тымъ посламъ посельства на томъ соймъ вальномъ отправуючого...* (1597) [2, 2: 149]; *Року тисеча шестсотъ двадцать осмого месяца іюня пятого дня. Инструкция паномъ посломъ дана на сеймъ* (1628) [2, 1: 175].

По-видимому, из западнорусского языка слово вошло в русский деловой обиход. В западнорусских документах оно было заимствованием из польского языка (польск. *instruktia, instrukcyja, instrukcia*):

Na którą instruktię naszą, od nas ich mości panom posłom, braciey naszej. rękami swemi własnemi podpisaliśmy się u pieczęci swe przycisnęli (1597) [2, 2: 154]; *Instructia od nas rad, urzędników ziemskich, dwornych, grodzkich, rycerstwa, szlachty, obywatelów powiatu Grodzieńskiego, z seimiku na seym tryzniedzielnym Warszawski* (1628) [2, 1: 175].

Квитанция

По мнению лингвистов, в такой огласовке слово вошло в русский деловой язык из голландского (*kvitantie* 'расписка' < ср.-лат. *quitantia*). Слово *квитанция* в значении 'расписка' широко известно в западнорусских документах с конца XV в., однако главным образом в огласовке *квитация* (польск. *kwitacyja*) или *квит* (польск. *kwit*):

А кому коли въ нихъ подаемъ пенязи на квитацияхъ зъ мыта нашего, они мають имъ платити по рокомъ, а до року бы ихъ не габали (Краків, 1487. РИБ, 226); *толкожь квитациі положили, на которыижь раздали, кому е. м. подавалъ пенязей въ нихъ зъ мыта* (Берестя, 1496. АЛМ, 128) [23, 1: 472]; *И на то онъ на все вызнание отъ пана подскарбега и отъ ключниковъ и квитациеи на личбъ положилъ и со всего съ того личбу выдалъ* (1508) [5, 2: 121]; *чого на квитациеи не выдадутъ, то мають намъ готовыми пенязми доплатити* (АЮЗР, II, 117, 1507); *Хто бы кому именье продал и лист свой дал, а поведил иж ему не заплатил а квиты на тот долгъ от него не будет мети* (Ст. 1529, 52); *одъ вашей милости квитовъ жадныхъ не потребую, волю, ижъ буду метъ отъ его милости квитацию, поневажомъ до его милости тую суму послалъ* (АВК, XX, 112, 1595) [10, 15: 23, 26].

Слово *квит* в значении 'расписка, квитанция' известно в русском языке XVI в. в документах, касающихся русско-польских дел: *У него взялъ приставъ Федоръ Нагой кабалу квитъ на пять рублевъ, что былъ ему винень Иванъ Зубатой* (Польск. д., III, 759, 1570) [21, 7: 108].

Вместе с тем в западнорусских текстах отмечена и форма *квитанция* (польск. *kwitancyja*): *особливаю квитанцію, яко панъ Чаповицкій, такъ и панове Именинскіе, на вызволенье себѣ зъ мандату... собѣ одержати мають* (АВК, VI, 149, 1592); *За отримане квитанцїи отъ того жъ пана Городничого дали ему золотыхъ тридцать* (ИЮМ, IV, 90, 1686) [10, 15: 23].

Судя по примеру ниже *квитанция* и *квит* – это конкурирующие номинации одного и того же документа:

...квитовъ поборовыхъ и пописовыхъ, на розные маестности служачихъ, блянкетовъ голыхъ, а меновите зошлыхъ ей милости пани Корсаковое – судьиное Полоцкое и его милости ксендза Миколая Корсака – архимандриты Виленского, сына ей милости, вжо выплачонныхъ, при томъ квитанцій розныхъ, зреченья и иншихъ не мало (1680) [2, 9: 48].

В польском языке отмечено как слово *kwitancyja*, так и образованное от него прилагательное *kwitancyiny*: *Ustnie proszony pieczętarz do tey kwitancyi: Jerzy Stanisław Umiastowski – stolnik Wendeński, podstarościc Brzescki* (1670) [2, 5: 50]; *...у по заплачениу tey зарęки, бы у kilkacroć, ten kwitancyiny zapis przy zupełney mocy wiecznie trwać ma* (1670) [2, 5: 50]. В польском языке, как и в западнорусских текстах, чаще использовалась форма *kwitacyja*, а не *kwitancyja* [28, 11: 626–627].

Таким образом, корпус текстов показывает, что западнорусским текстам была присуща форма *квитанция*, а значит, в такой форме слово могло войти в деловой язык Петровской эпохи (наряду с формой *квит*; ср. *пропускные квиты* (1723) [19, 7: 50]).

Слово *квитанция* входит в петровские документы в 1710-е гг. и с этой поры является частью словарного состава русского языка: *А сколько и чего ради будетъ не принято [рекрутов], потому въ тѣхъ квитанціяхъ описывать именно, чего ради не приняты* (1711) [19, 4: 769]; *...а на которые полки и коликое число тѣхъ рекрутъ употреблено, явственню извѣстно изъ данной той губерніи квитанци...* (1712) [11, 2 (2): 124].

Реляция

Жанр *реляции* примерно соответствует жанру *донесения*, однако имеет в XVIII в. диффузную семантику. По мнению В. Витковского, слово *реляция* заимствовано русским языком из польского [30: 183]. А.А. Лукашевич, исследовавший номенклатуру документов в разных редакциях «Генерального регламента», отмечает, что в его первой редакции слово *реляция* толковалось через слово *доношение*, во второй редакции оно используется вместо слова *ведение*, в последней редакции оно соответствует слову *отписка* [16: 40].

В западнорусских документах слово *реляция* широко употребляется с XVI в. в разных сферах в значении 'отчет, рапорт, показание':

*За тымъ ихъ милость панове рады и врядники тогъ справы и мовенья обудуухъ сторонъ выслухавши, его королевской Милости **реляцію** того чинити похотѣли* (1582) [4, 3: 276]; *Што шырей и достаточный на **реляции** того енерала Оникея Зеньковича описано и доложено есть* (1599) [4, 2: 4]; *Поводъ, доводячи тыхъ бунтовъ и тумултовъ, показоваль протестацые и **реляцые*** (Арх. ЮЗР, VII-5, 294, 1602) [10, 30: 66]; *И на то даю сію **реляцію** мою ку записанью до книгъ каптуровыхъ съ печатью и подписомъ руки моея власное и подъ печатъми стороны шляхты на тотъ часъ при мнѣ будучой* (1632) [2, 2: 60]; *о чомъ посланный нашъ, панъ бунчужный войсковый, отъ боярина его милости повернувши, певную намъ учинилъ **реляцію*** (1678) [4, 5: 147].

В западнорусскую письменность слово *реляция* проникло из польского языка (*relacja, relacya, relaczya*): *Aza thym seznanim y thq **relaczyq** woźnego okazał then przerzeczony Woyciech Mikołaiowicz urzędowi staroscziemu Mielniczkiemu rany na swym cziele cztery* (1580) [2, 33: 86]; *...o czym już iest pierwsza **relacya** moja iego spraw do xiąg grodzkich Brzeskich zapisana* (1631) [2, 18: 323]; *Trybunał skarbowy Radomski że ieszcze **relacji** nie uczynił* (1694) [2, 4: 219].

В отличие от польских и западнорусских текстов в русском языке Петровской эпохи слово *реляция* с самого начала стало использоваться преимущественно в военной сфере в значении 'донесение о военных событиях', т.е. произошло сужение сферы его употребления; например:

*При семь прилагается **реляція** о бывшемъ действии с Турками* (1711) [19, 4: 721]; *Въ 25 день получена въдомость отъ Генерала Рена, что оной городъ Браиль взялъ, которая его **реляція** прилагается ниже сего* (1711) [19, 4: 722–723]; *А сколько съ помянутымъ Шаутбенахтомъ взято офицеровъ, матрозовъ и солдатъ и прочаго, тако жъ что и нашихъ убито и ранено, тому при семь посылаемъ реестръ; а подлинная **реляція** послана къ Святѣльшому Князю Меншикову* (1714) [19, 5: 122].

Выводы

В петровское время в связи с проведением административных реформ русский деловой язык обогащается большим числом новых слов, среди прочего – новыми названиями документов. Несмотря на скепсис некоторых исследователей относительно значимости этих преобразований, за новыми названиями далеко не всегда стояло желание придать старым деловым жанрам «известную учёную видимость» [24: 363] при их сохранении «в своей внутренней сущно-

сти теми же самыми» [15: 82]. Переименование жанров выполняло безусловную символическую функцию, являясь знаком разрыва петровского делопроизводства со старой приказной традицией и сигнализируя о его вхождении в европейскую систему делопроизводства. Распространяя на систему русских документов европейскую таксономию, Пётр I задавал вектор их последующего развития.

Вопреки традиционному представлению о том, что такие новообразования проникали в русский деловой язык либо из европейских языков (в том числе через польский), либо из старославянского (создавались в документах по славянским моделям), анализ ряда новых названий документов, пополнивших систему допетровских деловых жанров, обнаруживает их наличие в деловой речи Западной Руси задолго до петровских реформ. Значительная часть названий документов вошла в западнорусскую деловую речь из польского делового языка и к эпохе Петра I была известна в русском языке Московской Руси благодаря большому числу выходцев из Западной Руси, хотя почти не фиксировалась в допетровском деловом языке вследствие речевой замкнутости, присущей деловой речи.

Реформы Петра I копировали административный опыт не только Западной Европы, но и ближайших соседей – западнорусских земель. Значительную роль в проникновении западнорусизмов в деловой язык Петровской эпохи сыграли речевые навыки и опыт сподвижников императора, многие из которых имели западнорусское происхождение. Расширение сопоставительного изучения языка петровских документов и документов Западной Руси XV–XVII вв., вне всякого сомнения, позволит выявить значительный пласт западнорусизмов (лексических и грамматических), которые участвовали в преобразовании русского делового языка в начале XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1727 года. Блаженные и вечнодостоинныя памяти ея императорского величества, Екатерины Алексиевны, состоявшися указы по кончину ея величества... СПб.: Напечатано при Сенате, 1728. 58 с.
2. Акты, издаваемые Комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Т. 1–39. Вильна: Тип. А.К. Киркора, 1865–1915.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1853.

5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–15. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1863–1892.

6. Белорусский архив древних грамот. М.: В тип. С. Селивановского, 1824. XVI, 148 с.

7. Булахов М.Г. Старобелорусский язык как посредник в русско-польских языковых связях XVI–XVII вв. // Славянские литературные языки в донациональный период: тезисы докладов. М.: Б. и., 1969. С. 10–11.

8. Гарбуль Л.П. Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII века // Slavistica Vilnensis. 2014. Т. 59. С. 63–80.

9. Гарбуль Л.П. К вопросу о роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах // Slavistica Vilnensis. 2017. № 62. С. 65–77.

10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Мінск: Беларуская навука, 1982–2017.

11. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорской академией наук. Т. 1–6. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1880–1901.

12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–12. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1872.

13. Золтан А. Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М.: Индрик, 2014. 222 с.

14. Золтан А. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в.: к вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси: дис. ... канд. филол. наук. М, 1984. 209 с.

15. Качалкин А.Н. Названия деловых бумаг в XVIII веке // Русская речь. 2003. № 2. С. 79–84.

16. Лукашевич А.А. Виды документов в Российском государстве первой половины XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.

17. Патроева Н.В., Лебедев А.А. Юго-западная лексика в русском языке XVIII века // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 2 (12). С. 8–18.

18. Петрунин В.О. Из истории письменно-деловой речи (существительные со значением отвлеченного действия на -ние/-ение и качества на -ость, -ство в юридических кодексах древней Руси и Петровской эпохи) // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л.: Наука, 1984. С. 5–30.

19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830.

20. Руднев Д.В., Садова Т.С. Деловая речь Петровской эпохи: наследие прошлого или радикальное преобразование? // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8 / под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева. СПб.: Геликон Плюс, 2019. С. 169–189.

21. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1–32. М.: Наука; Азбуковник, 1975–2023.

22. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–2019. Вып. 7–22.

23. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ: Наукова думка, 1977–1978.

24. Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Российское государство в XV–XVII веках. М.: Наука, 1973. С. 348–383.

25. Указы блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число 1725 году. Печатаны третьим тиснением. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. 1096 с.

26. Шанский Н.М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке // Вопросы истории русского языка. М.: МГУ, 1959. С. 104–132.

27. Leges, statuta, constitutiones privilegia regni Poloniae, Magni ducatus Lithuaniae, omniumq. provinciarum annexarum, à Comitibus Visliciae anno 1347 celebratis usque ad ultima regni Comitibus. T. 1–6. Warszawa: In typ.... Reipublicae collegij Varsaviensis, 1732–1739.

28. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 1–22. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966–1994; T. 23–39. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich, 1995–2021.

29. Słownik staropolski / nac. red. Stanisław Urbańczyk. T. 1–11. Warszawa: Pracownia, Polska Akademia Umiejętności, 1953–2002.

30. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: Universitas, 2006. XXIV, 249 s.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1728) *1727 goda. Blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati eya imperatorskogo velichestva, Ekateriny Aleksievny, sostoyavshiyasya ukazy po konchinu eya velichestva...* [1727. Decrees by Blessed and Eternally Worthy of Memory Her Imperial Majesty Ekaterina Alexeyevna, Issued upon the Death of Her Majesty...]. St. Petersburg: pri Senate.

2. Russian Empire. (1865–1915) *Akty, izdavaemye Komissieyu, vysochayshe uchrezhdennoyu dlya razbora drevnikh aktov v Vil'ne* [Acts Issued by the Commission, Established by the Highest Authority for the Analysis of Ancient Acts in Vilnius]. Vol. 1–39. Vilnius: A.K. Kirkor.

3. Archaeographic Commission, Russian Empire. (1841–1842) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1–5. St. Petersburg: Expedition for the Procurement of State Papers.

4. Archaeographic Commission, Russian Empire. (1846–1853) *Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiey* [Acts Relating to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1–5. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

5. Kostomarov, N.I. (ed.) (1863–1892) *Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1–15. St. Petersburg: Eduard Prats.

6. Belarus. (1824) *Belorusskiy arkhiv drevnikh gramot* [Belarusian Archive of Ancient Letters]. Moscow: S. Selivanovsky.

7. Bulakhov, M.G. (1969) *Starobelorusskiy yazyk kak posrednik v russko-pol'skikh yazykovykh svyazyakh XVI–XVII vv.* [Old Belarusian Language as a Mediator in Russian-Polish Linguistic Relations in the 16th–17th Centuries]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije literaturnye yazyki v donatsional'nyy period* [Slavic Literary Languages in the Pre-National Period]. Moscow: [s.n.]. pp. 10–11.

8. Garbul', L.P. (2014) *Mezhslavyanskije semanticheskie zaimstvovaniya v russkom prikaznom yazyke XVII veka* [Cross-Slavic Calques in the XVIIth Century Russian Chancery Language]. *Slavistica Vilnensis*. 59. pp. 63–80.

9. Garbul', L.P. (2017) *K voprosu o roli pis'mennosti Velikogo knyazhestva Litovskogo v mezhslavyanskikh yazykovykh kontaktakh* [On the Role of the Written Language of the Grand Duchy of Lithuania in Inter-Slavonic Language Contacts]. *Slavistica Vilnensis*. 62. pp. 65–77.

10. Zhuravskiy, A.I. & Bulyka, A.M. (eds) (1982–2017) *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy*. Vol. 1–37. Minsk: Belaruskaya navuka.

11. Kalachov, N.V. (ed.) (1880–1901) *Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v pravitel'stvuyushchem Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo, izdannye Imperatorskoy akademii nauk* [Reports and Verdicts Held in the Governing Senate During the Reign of Peter the Great, Published by the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1–6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

12. Archaeographic Commission, Russian Empire. (1846–1872) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Additions to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1–12. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

13. Zoltan, A. (2014) *Interslavica. Issledovaniya po mezhslavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Research on Interslavic Language and Cultural Contacts]. Moscow: Indrik.

14. Zoltan, A. (1984) *Zapadnorussko-velikorussskie yazykovye kontakty v oblasti leksiki v XV v.: k voprosu o zapadnoy traditsii v delovoy pis'mennosti Moskovskoy Rusi* [West Russian – Great Russian Language Contacts in the Field of Vocabulary in the 15th Century: on the Western Tradition in the Business Writing of Muscovite Rus']. Philology Cand. Diss. Moscow.

15. Kachalkin, A.N. (2003) Nazvaniya delovykh bumag v XVIII veke [Names of Business Papers in the 18th Century]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 79–84.

16. Lukashevich, A.A. (1991) Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy poloviny XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta) [Types of Documents in the Russian State in the First Half of the 18th Century (Based on the General Regulations)]. *Sovetskie arkhivy*. 4. pp. 38–46.

17. Patroeva, N.V. & Lebedev, A.A. (2024) Yugo-zapadnaya leksika v russkom yazyke XVIII veka [Southwestern Vocabulary in the Russian Language of the 18th Century]. *VERBA. Severo-Zapadnyy lingvisticheskiy zhurnal*. 2(12). pp. 8–18.

18. Petrulin, V.O. (1984) Iz istorii pis'menno-delovoy rechi (sushchestvitel'nye so znacheniem otvlechenogo deystviya na -nie/-enie i kachestva na -ost', -stvo v yuridicheskikh kodeksakh drevney Rusi i Petrovskoy epokhi) [From the History of Written Business Speech (Nouns with the Meaning of an Abstract Action Ending in -nie/-enie and qualities ending in -ost', -stvo in the Legal Codes of Ancient Rus' and the Peter the Great Era)]. In: Zamkova, V.V. (ed.) *Funktsional'nye i sotsial'nye raznovidnosti russkogo literaturnogo yazyka XVIII v.* [Functional and Social Varieties of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Leningrad: Nauka. pp. 5–30.

19. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* (1830) [Complete Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825]. Vol. 1–45. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

20. Rudnev, D.V. & Sadova, T.S. (2019) Delovaya rech' Petrovskoy epokhi: nasledie proshlogo ili radikal'noe preobrazovanie? [Official Speech of the Petrine Era: Legacy of the Past or Radical Transformation?]. In: Bukharkin, P.E. & Matveev, E.M. (eds) *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* [Literary Culture of Russia in the 18th Century]. Vol. 8. St. Petersburg: Gelikon Plyus. pp. 169–189.

21. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975–2023) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Century]. Vol. 1–32. Moscow: Nauka.

22. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–2019) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

23. Gumetska, L.L. & Kernitskiy, I.M. (eds) (1977–1978) *Slovník staroukrajinského jazyka XIV–XV st.* [Dictionary of the Old Ukrainian Language of the 14th–15th Centuries]. Vol. 1–2. Kyiv: Naukova dumka.

24. Tikhomirov, M.N. (1973) *Rossiyskoe gosudarstvo v XV–XVII vekakh* [The Russian State in the 15th–17th Centuries]. Moscow: Nauka. pp. 348–383.
25. Russian Empire. (1777) *Ukazy blazhennyya i vechnodostoyennyya pamyati Gosudarya Imperatora Petra Velikago Samoderzhitsa Vserossiyskago. Sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu Yego Imperatorskago Velichestva, Genvarya po 28 chislo, 1725 godu* [Decrees of the Blessed and Eternally Worthy of the Memory the Sovereign Emperor Peter the Great Autocrat of All Russia. Held from 1714, After the Death of His Imperial Majesty, January 28, 1725]. 3rd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
26. Shanskiy, N.M. (1959) O proiskhozhdenii i produktivnosti suffiksa -ost' v russkom yazyke [On the Origin and Productivity of the Suffix -ost in the Russian Language]. In: Kuznetsov, P.S. (ed.) *Voprosy istorii russkogo yazyka* [Questions of the History of the Russian Language]. Moscow: MSU.
27. Poland. (n.d.) *Leges, statuta, constitutiones privilegia regni Poloniae, Magni ducatus Lithvaniae, omniumq[ue], provinciarum annexarum, à Comitiis Visliciae anno 1347 celebratis usque ad ultima regni Comitia* (1732–1739). Vol. 1–6. Warszawa: Reipublicae collegij Varsaviensis.
28. Mayenowa, M.R. (ed.) (1966–2021) *Słownik polszczyzny XVI wieku*. T. 1–39. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Badań Literackich.
29. Urbańczyk, S. (ed.) (1953–2002) *Słownik staropolski*. T. 1–11. Warszawa: Pracownia, Polska Akademia Umiejętności.
30. Witkowski, W. (2006) *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków: Universitas.

Руднев Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Россия).

Dmitriy V. Rudnev – St. Petersburg State University, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: rudnev@mail.ru

УДК 81:26+81'22

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/7

Славянские языки в славянофильской концепции «идеального народного языка» (на материале публицистических текстов И.С. Аксакова)

О.О. Секиро

Институт лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН)

Россия, 199004, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

E-mail: olgasekiro@yandex.ru

Авторское резюме

Представлены результаты анализа лексико-фразеологических средств различных славянских языков (русского, церковнославянского, украинского, польского) в публицистических текстах И.С. Аксакова, употребление которых обусловлено выражением лингвистических взглядов автора, а именно славянофильской концепцией «идеального народного языка». В соответствии с этой концепцией литературный язык славянских народов православного вероисповедания представляет собой церковнославянско-русское единство на основе синтеза древних и современных, светских и религиозных речевых элементов. «Идеальный народный язык» служит средством выражения и формирования общего духовно-религиозного и общественно-политического «организма» этих народов. Вследствие такой установки создание украинского литературного языка и экспансия польского языка в западных губерниях Российской империи оценивались славянофилами негативно, рассматривались как средство разрушения социально-политической и религиозной общности православных славян на территории Российской империи. Исследование проведено на материале публицистических текстов И.С. Аксакова, благодаря деятельности которого славянофильство трансформировалось в общественно-политическую позицию, обращённую к широкому кругу читателей. Материалом исследования являются два цикла очерков выбранного автора, посвящённых «славянскому» и «польскому» вопросам – наиболее значимым для внутренней политики Российской империи аспектам

национальной проблематики в XIX столетии. В статье представлены результаты изучения семантического и стилистического своеобразие речевых средств, воплощавших концепцию «идеального народного языка» в публицистических текстах И.С. Аксакова. К ним относятся, во-первых, «стилистические славянизмы» (книжно-славянская лексика, в том числе архаическая относительно узуса XIX в., «неославянизмы», некоторые архаические лексико-фразеологические средства русского происхождения, функционально близкие славянизмам, фразеологические средства и цитатный материал из Священного Писания); во-вторых, лексика русского происхождения с конкретной семантикой, просторечные, разговорные, некоторые областные слова, а также фразеологические и функционально близкие им паремические средства. Также анализируются особенности употребления вкраплений из украинского и польского языков, используемые автором при репрезентации «чужого слова» в ходе полемики с идеологическими оппонентами. Исследование завершается выводами о книжном характере «идеального народного языка» в славянофильском понимании, предполагавшем ограниченное использование лексико-фразеологических средств конкретной семантики, разговорного и просторечного характера, а также функциональную ограниченность вкраплений из украинского и польского языков.

Ключевые слова: русский язык XIX в., публицистика XIX в., историческая стилистика, иноязычные вкрапления, польский язык, украинский язык, церковнославянский язык, славянофильство, И.С. Аксаков

Slavic languages in the Slavophile concept of the “ideal folk language” (based on Ivan S. Aksakov’s opinion journalism)

Olga O. Sekiro

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (ILS RAS)

9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199004, Russia

Email: olgasekiro@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the vocabulary and phraseology of various Slavic languages (Russian, Church Slavonic, Polish, and Ukrainian) in the journalistic texts of Ivan S. Aksakov, whose linguistic choices reflect

his ideological commitment to the concept of an “ideal folk language” (*ideál'nyy národnyy yazýk*). According to this concept, the standard language of Orthodox Slavic nations constitutes a Russian–Church Slavonic unity based on a synthesis of ancient and modern, secular and religious elements. The ideal folk language was understood by the Slavophiles not only as an expression of the common spiritual and political identity of Slavic peoples but also as a means of actively shaping it. Consequently, they viewed both the creation of a separate Ukrainian literary language and the expansion of Polish in the western provinces of the Russian Empire as threats to the sociopolitical and religious unity of Orthodox Slavs. This study draws on Aksakov's journalistic writings, which played a key role in transforming Slavophilism into a broader sociopolitical movement aimed at a wide readership. The primary material consists of two series of essays focusing on the “Slavic question” and the “Polish question” – topics central to imperial national policy in the 19th century. The article examines the semantic and stylistic characteristics of linguistic devices that embody the ideal folk language in Aksakov's writings. These include, firstly, “stylistic Slavonicisms” – bookish and Church Slavonic vocabulary (including forms archaic for the 19th century), neologisms built on Slavonic models, archaic Russian lexis and phraseology functionally analogous to Slavonicisms, as well as biblical and liturgical quotations; secondly, Russian-origin vocabulary with concrete semantics, including colloquial, vernacular, and dialectal elements, alongside phraseological units and paroemiological material (e.g., proverbs) serving similar rhetorical functions. The analysis also covers Aksakov's use of Ukrainian and Polish inclusions, which serve to represent “another's word” (*chuzhoe slovo*) in polemics with ideological opponents. The article concludes with findings on the bookish character of the “ideal folk language” in the Slavophile understanding, which presumed a limited use of lexical and phraseological means with concrete semantics, of a colloquial and vernacular nature, as well as the functional limitations of inclusions from Ukrainian and Polish.

Keywords: the 19th-century Russian language, the 19th-century journalism, historical stylistics, foreign inclusions, Polish, Ukrainian, Church Slavonic, Slavophilism, Ivan S. Aksakov

Введение

Одним из наиболее злободневных в европейской (в том числе российской) общественно-политической жизни XIX в. был национальный вопрос, отдельными аспектами которого являлись «славянский» и «польский» вопросы. На европейской карте возник ряд новых го-

сударств, ставших предметом борьбы за политическое, культурное влияние крупных империй, таких как Российская или Австро-Венгерская. События, связанные с культурно-духовным, языковым, общественно-политическим развитием славянских народов (Польское восстание в 1860-х гг., борьба балканских славян за независимость от Турции, политика Австро-Венгрии в отношении славянского населения, развитие литературных языков славянских народов (например, украинского)), занимали едва ли не центральное место в европейской политической истории XIX в. Поэтому на страницах различных газет, журналов, издававшихся в том числе в Российской империи, велась активная полемика по данным вопросам, разворачивались дискуссии о путях развития славянских народов.

Славянофильская концепция «идеального народного языка» в аспекте влияния на стиль

Исследователи отмечают зависимость семантики лексико-фразеологических средств от их идеологического осмысления в русском литературном языке начиная с 1840-х гг., а также определяющий характер культурно-идеологической позиции авторов, принадлежащих к различным идеологическим направлениям [4: 15; 12: 180]. Как следствие, лексико-фразеологические средства, с помощью которых освещались «славянский» и «польский» вопросы, различались по составу и семантике в текстах представителей различных политических взглядов. Одним из ведущих общественно-политических направлений, формировавших идеологический климат эпохи 1840–1880-х гг. в Российской империи, было славянофильство. Авторы, придерживающиеся этих взглядов, уделяли большое внимание проблематике, связанной с социально-политическим, культурным развитием славянских народов. Заслуга трансформации славянофильства в общественно-политическую позицию в форме публицистики принадлежала И.С. Аксакову – автору, способствовавшему сохранению и распространению теоретических идей предшественников [5: 529; 11: 168]. На страницах своих изданий Аксаков применял славянофильские идеи к решению общественно-политических вопросов (в том числе национальному), поэтому циклы его очерков о «славянском» и «польском» вопросах [1; 2] выбраны в качестве материала исследования.

Специфика славянофильского понимания национальной проблематики, связанной с развитием славянских народов, заключалась прежде всего в языковом аспекте. Реализация идей славянофильства в журналистской практике И.С. Аксакова была обусловлена его взглядом на язык как на *средство формирования закономерного*

общественно-политического, духовно-культурного развития славян как единого «организма» [3: 45]. Этот взгляд отражался в концепции «идеального народного языка». Славянофилы, разрабатывавшие проблемы языка (включая К.С. Аксакова и И.С. Аксакова, развивавшего идеи старшего брата), понимали «идеальный народный язык» как ориентированный на языковую практику допетровской Руси синтез древнего и современного, светского и религиозного, церковнославянского и русского, единый во времени и пространстве [12: 28–29]. «Идеальный народный язык», по их мысли, являлся средством формирования общественно-политической, духовной деятельности славянских народов на основе «синтеза» современных и существующих в древности культурных, языковых, политических форм. Свою литературную деятельность славянофилы воспринимали как попытку создания такого языка [6: 10].

Рассматривая «идеальный народный язык» как литературный язык всех православных славян, славянофилы отрицательно относились к попыткам создания украинского литературного языка, отличного от русского. Развивая идеи о языке как средстве создания общности, И.С. Аксаков отмечал: «Москвичи и Малоруссы, дружно и братски обнявшись, стремились [до 50-х гг. XIX в.] к одной цели, слагали общие усилия, дабы единым путем, широким братским союзом, *всей* [выделено автором. – О.С.] Русской землей подвигать свое общее отечество к исполнению его мирового исторического призвания, к высшему просвещению, к познанию самого себя, к проявлению в силе всех сокровищ народного духа, таящегося во всех разнообразиях Русского племени... А возможно ли это без высшего выражения духовного единства – единого литературного языка? Разве высшее развитие призвано не обобщать, а рознить? Не поглощать провинциализмы, а укреплять их?» [2: 603]. Поддерживая описание и изучение малороссийского фольклора [11], славянофилы рассматривали украинский язык, прежде всего, как язык устного общения, используемый в народной, этнически единой среде: И.С. Аксаков характеризует его как «малороссийский крестьянский говор» [2: 608].

Этот язык, по мнению славянофилов, не обладал полифункциональностью как важным качеством литературных языков. По словам Аксакова, «русский язык зандобится Славянам в области высшей, там где деятельность по преимуществу сопровождается мышлением и самосознанием, и где самая мысль возлетает выше потребностей... семейства и кружка» [1: 161]. Кроме того, в создании украинского литературного языка авторы этого направления видели средство разрушения духовно-культурного и социально-политического единства русских, украинцев и белорусов, существовавшего издревле. Такое

разрушение, с точки зрения славянофилов, было выгодно польскому католическому населению западных губерний, но не соответствовало потребностям православных славян на этих территориях, а также в Галиции. Признавая онтологический характер слова, рассматривая его как средство формирования определённого духовного и политического опыта, славянофилы критически относились к широкому использованию польского языка среди православного населения западных губерний Российской империи. Они видели в этом средство вовлечения православных славян в пространство католической польской культуры, средство польской культурно-религиозной и социально-политической экспансии.

Поскольку в публицистике использование языковых средств направлено на выражение авторской точки зрения, а также убеждение в ней читателя [8: 3], мы рассмотрим особенности употребления лексико-фразеологических средств различных славянских языков, во-первых, выражающих точку зрения автора, во-вторых, использование которых обусловлено полемикой Аксакова с идеологическими оппонентами.

Семантическое и стилистическое своеобразие лексико-фразеологических средств славянских языков

Среди лексико-фразеологических средств, выражающих точку зрения И.С. Аксакова на «идеальный народный язык», можно выделить: славянизмы, в том числе архаические относительно нормы XIX в. (*возблистание, смиренномудрие, зиждитель, славолюбие, ввергнуть, восхотеть, предаяние, поревновать, воздеть, двема господином, пламы, воздыхать, потребить* ‘уничтожить’ и др.), «неославянизмы» (т. е. образования по славянским моделям: *соисповедник, препобеждаться, восстраждать* и др.), а также некоторые функционально близкие им лексико-фразеологические средства русского происхождения (*вор* ‘изменник’, *смысл* ‘разум’, *древле-русский, находник, самим промышлять о себе, вера папешская, опускать очи долу* и др.). Рассматривая церковнославянский язык как живой источник выразительных средств, Аксаков широко использует фразеологические средства и цитаты из Священного Писания, молитв, что было нетипично для узуса XIX в. (*слова лукавствия, ввести во искушение, изыдем на дело и делание свое до вечера, имей мя отреченна, претерпевые до конца* и др.).

Употребление перечисленных лексико-фразеологических средств, являющихся средством создания «идеального народного языка», характеризуется следующей спецификой. Как правило, у церковнославянских лексико-фразеологических средств совмещаются элементы

значения, обозначающие явления общественно-политической и религиозной сфер, что отражает своеобразие их использования на фоне узуса XIX в. Исследователи отмечают секуляризацию церковно-славянской лексики, обозначение с её помощью общественных идеалов, т. е. употребление в общественно-политических или иронических осмыслениях [7; 9]. Совмещение указанных компонентов семантики слов, с одной стороны, выражало мысль публициста о духовно-религиозных причинах противостояния православных славян полякам и туркам, с другой – служило средством выражения авторской этической оценки, формируя положительное отношение читателя к борьбе православных славян за независимость, сохранение ими культурно-религиозной, социально-политической самостоятельности:

*Къ турецкому азіатскому произволу присоединяется еще ложь европейско-либеральных формъ, макиавеллическая система **духовнаго растльнія**, досель неизвѣстная Туркамъ и преподанная имъ ихъ западными друзьями, – **соблазны** латинской и даже протестантской пропаганды. <...> Православнымъ остается **самимъ промышлять о себѣ** (по выраженію древнихъ русскихъ грамотъ), и домогаться правды войною... Какой безконечный рядъ **обезчещенныхъ женъ, поруганныхъ дѣвицъ, осрамленныхъ юношей, мучениковъ и жертвъ турецкой алчности и разврата** представляет исторія... на христіанскомъ Востоку! [1: 157].*

Ее [Россию] **сокрушить**, ослабить можемъ только мы, держа ее насильственно въ невѣжество, въ духотъ и нѣмотъ; ей опаснѣе войны – миръ и мирныя **козни**; ей страшнѣе только одинъ врагъ – **внутренній, свой, домашній, оплетающій** ее хитрою **стѣею нравственнаго соблазна и лжепросвещенія**. Народной Руси вреднѣе всего – наше **отступничество** отъ Русской народности, наше ненародное общество и все то, что поистинѣ можетъ назваться «Русляндіей» и «Русляндцами» [2: 75]

За то всѣ они **подвижники** славянскаго **духа, труженики** науки и мысли, крѣпкіе **стоятели** за свою народную самостоятельность, **выдержавшіе** **години** страшныхъ **испытаній**... не поддавшіеся ни страху, ни **соблазну**, – и среди всѣхъ **страданій** и **искушеній**, оставленные богачами и знатными своего племени... не утратившіе **вѣры** въ историческое призваніе Славянства, **претерпѣвые до конца!** [1: 149].

При освещении польского вопроса этот приём является также средством создания исторических параллелей с эпохой смутного времени:

Оно [польское дворянство], не задумываясь, объявляетъ, что **вѣковая** историческая **тяжба** двухъ народностей, что сложный, громадный вопрос о политическихъ правахъ Русскаго православнаго насе-

ления и ополяченного, окатоличенного туземного общества на **древле-Русскія земли, о въковой борьбѣ** двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ и разныхъ соціально-политическихъ тенденцій, – этотъ трудный, мучительный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ... административнымъ порядкомъ! [2: 18].

Таким образом, «стилистические славянизмы» несут в публицистике И.С. Аксакова основную концептуальную нагрузку.

Как средство выражения «народного языка» в обоих циклах очерков Аксаков использует также русские общеупотребительные (**торчать, добрызгивать**), просторечные, разговорные слова конкретной семантики, имеющие экспрессивное звучание (**площадь, кляча, прямёхонько, передрыга, объедки, клочки**), областную лексику (**начин, помога, стомчивый, охочий, опростаться, блажной, срамной**), речевые средства, тяготеющие к народно-разговорной сфере (**смирным-смирно, встал-поднялся (мужик), судить и рядить** и др.), просторечные и фразеологические единицы (**петь Лазаря, вбивать клин, сбить с толку, выступить из берегов** и др.) и паремические средства (**на нет и суда нет, прикладывать к шубе да ещё шубу, в чужом пиру похмелье, с грехом пополам, не мытьём, так катаньем, у страха глаза велики** и др.).

Лексико-фразеологические средства конкретной семантики, а также разговорные, просторечные областные речевые средства способствуют усилению образности за счёт актуализации элементов прямых и переносных значений (в том числе иных элементов контекста):

*Петербургская печать увѣряетъ изъ всѣхъ силъ, что въ польской литературѣ чуть ли уже не сильною струей бьетъ новое, примирительное, по отношенію къ Россіи, направленіе... Не знаем; эта струя до насъ почти не **добрызгиваетъ**, вѣроятно потому, что слишкомъ слаба* [1: 635].

Чѣмъ же вразумиться? Что же рекомендуется намъ для руководства въ будущемъ, что. Однимъ словомъ, **читается въ строкахъ и между строкъ** приведенной нами выше цитаты [из «Северо-германской всеобщей газеты»]? [1: 529].

Слова перечисленных групп способствует приобретению новых семантических оттенков иных элементов контекста. Например, во фрагменте 7 использование слова **блажной** способствует ироническому осмыслению книжно-славянского слова **ублажить**:

*Полякамъ пришлось бы пенять на себя самихъ, а не на Россію, которая этимъ способомъ [проведениемъ сейма] избавилась бы отъ лишнихъ хлопотъ: придумывать и догадываться – чѣмъ бы **ублажить блажную** Польскую націю! [2: 64].*

Перечисленные средства используются в публицистике как средство воздействия на читателя, его убеждения благодаря образности, экспрессивности:

Все дипломатическое искусство именно и состоитъ въ томъ, чтобы безъ войны добиться тѣхъ результатовъ, которые достигаются войною – а для этого первое условіе: не пугаться войны, ибо у страха глаза и уши велики, и не пить постоянно и предъ всѣми дипломатическаго Лазаря [1: 586].

Автор регулярно употребляет их в текстообразующих развернутых метафорах, в том числе народно-поэтического характера:

Вся ея [Австрии] историческая миссія, какъ ее понимаютъ австрійскіе государственные люди и германскій канцлеръ, – обезнародить Славянъ, обратить ихъ въ матеріаль для европейской германо-романской культуры, всосать ихъ въ тощее германское тѣло, утучнить ими нѣмецкую плоть [1: 353].

Насталь, казалось, послѣдній часъ для Русскаго государства, – все сверху расшаталось и разрушилось вплоть до самыхъ низинъ; тогда съ этихъ низинъ всталъ-поднялся мужикъ, взялъ дѣло въ свои мужицкія руки, побилъ польскія рати, прогналъ Поляков и «своихъ воровъ», воздвигъ съизнова царство, поставилъ царя, – и снова ушелъ въ низины тянуть свою историческую ляжку [2: 571].

В некоторых контекстах просторечную лексику сопровождает языковая рефлексия, указывающая на то, что она не является частью литературного языка. Можно констатировать, что публицист использует её ограниченно:

Къ счастью, прокуроръ военно-окружнаго суда неопровержимо, кажется, доказалъ, что «анархисты» только примазались [выделено автором. – О.С.], такъ-сказать, къ этому движенію [еврейским погромам] уже въ послѣдствіи [2: 717].

Лексико-фразеологические средства перечисленных групп выполняют в большей степени воздействующую функцию, а также способствуют смысловым приращениям слов, несущих концептуальную нагрузку.

Среди лексико-фразеологических средств, использование которых обусловлено полемикой с идеологическими оппонентами по языковым вопросам, можно отметить, во-первых, вкрапления из украинского литературного языка (*пхати, обвиновачувати, розвой, щирый, месцевой, ворог, жовтень, москаль, мова, український, просвета*¹ и др.). Они используются для репрезентации «чужого» слова, с которым полемизирует Аксаков, являвшийся противником создания украинского литературного языка. Оппонентами публициста выступали, во-первых, сторонники либеральных взглядов, федеративного

устройства России из числа русской интеллигенции, во-вторых, польские авторы и публицисты газеты «Дело», издаваемой во Львове на украинском языке. В своих очерках И.С. Аксаков вводит взгляды оппонентов, выраженные украинизмами, используя приём языковой рефлексии – имплицитной (графически) или эксплицитной (с помощью развёрнутых метатекстовых высказываний):

*Что бы ни говорило «Дѣло» на своемъ уродливомъ языкѣ, будто мы напрасно позволяемъ себѣ «обвинювачувати и засуджувати» цѣлые 18 милліоновъ Русиновъ» въ солидарности съ польскими и разными революціонными замыслами, что эти 18 милліоновъ желаютъ только **розвоя** своей особой литературы, **просвѣты** и т.д., что мы принадлежимъ к **ворогамъ**, которые **пхають** державу (т. е. нашу Россію) на «непригодный путь», но оно говоритъ неискренно. Не мы **пхаемъ**, а «Дѣло», партія федералистовъ и Поляки **пхають** Русскую державу на путь неприродный, неисторический и ведущий к гибели [2: 608].*

*Взамѣнь этого направленія [русского направления в Галиции, направленного на использование русского литературного языка, возвращение к православному вероисповеданию] Австрія всѣми силами готова поддерживать **розвой мѣсцевой литературы** [выделено автором. – О.С.] и федеративную похоть. «Дѣло» можетъ служить образцомъ такого **розвоя** [выделено автором. – О.С.] [2: 610].*

В приведённых контекстах интерес представляет стилистический контраст между украинизмами и отвлечённой лексикой русского литературного языка. Создаются условия для восприятия читателем украинских слов как разговорных, не являющихся средствами адекватного описания таких абстрактных явлений, как *просвещение*, *развитие* и др. В результате такие слова приобретают негативные коннотации, выражающие мысль автора об ошибочности номинации с их помощью. Эти семантические оттенки обусловлены славянофильской мыслью о соответствии языка описываемым явлениям, онтологическом характере слова [3: 45].

Аксаков использует вкрапления из украинского языка и с целью выражения иронии; при этом также происходит уничтожение идеологического смысла слова, сформировавшегося в словоупотреблении идеологических оппонентов. Интерес представляет фрагмент 14, включающий как лексико-фразеологические средства *смысл* (в архаическом значении 'разум', а также в сочетании с прилагательным *короткий*), так и *бессмыслица*, *попасться в сети*, являющиеся средствами создания «идеального народного языка». Как средства языковой игры они способствуют стилистическому снижению слова *щирый*, которое употреблялось оппонентами Аксакова с положительной оценкой:

Нашъ **ширый** украинофилъ [автор брошюры Тарас Воля] очевидно попался въ польскія сѣти и запутался въ нихъ своимъ короткимъ смысломъ до совершенной безсмыслицы [2: 487].

В очерках, посвящённых «польскому вопросу», Аксаков употребляет вкрапления из польского языка, полонизмы **гонор,хлопоман,граби и грабини, ржонд, быдло, (польска) справа, конгрессувка, польщизна, змертвы-встанцы** и др. В отличие от вкраплений из украинского языка, употребляемых в полемических целях при выражении несогласия с идеологическими оппонентами, вкрапления из польского Аксаков использует преимущественно в характерологических целях, описывая социально-политические реалии Царства Польского (в том числе периода Польского восстания 1863–1864 гг.), польскую религиозную и политическую экспансию в западных губерниях Российской империи:

Не отнимъ внѣшнимъ насиліемъ обуздываль Государь Николай **польщизну** въ западныхъ губерніяхъ. Не было недостатка и въ раціональныхъ органическихъ мѣрахъ [2: 654].

Трудно судить издали о дѣйствіяхъ духовенства, но нельзя не взять во вниманіе его законныхъ опасеній – упустить изъ своихъ рукъ народное образованіе въ виду лже-патріотовъ, лже-любителей Украинской народности, **хлопомановъ** и всевозможныхъ Польскихъ и іезуитскихъ интриг, которымъ... помогаютъ иногда и Русскіе [2: 153].

Трудовые деньги русскихъ крестьянъ, потомъ и кровью добытые, шли, путемъ также вполне легальнымъ, на пользу бунта, на **польскій ржондъ**. На заведеніе жандармовъ-въшальщиковъ и кинжальщиковъ [2: 537].

В некоторых контекстах Аксаков использует вкрапления из польского языка в полемических целях. Например, во фрагменте (18) слова **граби** и **грабини** вследствие звуковой ассоциации со словом *грабить* формируют единый смысловой ряд со словами *просьба* и *домогательство*. Признак ‘грабеж’, который ложится в основу номинации данных вкраплений, формирует негативное отношения читателя к польской аристократии в Западном крае:

Рѣдкій начальникъ и въ особенности начальница въ Западномъ краѣ могли устоять противъ ежедневнаго натиска Польскихъ просьбъ и домогательствъ. Предъявляемыхъ панами – **грабями и грабинами** – большею частью на Французскомъ языкѣ, съ пріемами настоящихъ Европейцевъ [2: 110].

Во фрагменте (19) звуковая аттракция между вкраплением **справа**, обозначающим ‘вопрос’, и словом русского происхождения *расправа*, формирует смысловую связь между ними, вследствие чего *расправа* приобретает дополнительный семантический оттенок ‘решение вопроса’:

Современная Польская «справа» очевидно зависит не от одной только военной расправы... Нашъ врагъ – самый сильный и злой – все Польское общество; опасны намъ не повстанцы, а Польское знамя! [2: 187].

Заключение

Концептуальная нагрузка на церковнославянские слова демонстрирует преимущественно книжный характер «народного языка» в славянофильской концепции – и это несмотря на то, что она разрабатывалась славянофилами в рамках тенденции к демократизации в русском литературном языке 1840–1860-х гг. Использование разговорных, общеупотребительных, просторечных и областных слов, а также фразеологических единиц было обусловлено как общими процессами развития словарного состава (демократизацией), так и задачами автора-публициста, связанными с воздействием на читателя благодаря их экспрессивности, обусловленной наглядностью. Употребление данной лексики способствует актуализации элементов прямого значения иных элементов контекста, их смысловым приращениям. Поэтому лексико-фразеологические средства, составлявшие «идеальный народный язык» как церковнославянско-русское единство, выполняют в публицистических текстах И.С. Аксакова функцию как информирования читателя, так и воздействия на него.

Несмотря на то что вкрапления из украинского и польского языков в публицистике Аксакова играют роль «чужого слова», они в ряде примеров вступают в смысловые связи с иными элементами контекста. В результате звуковых ассоциаций с некоторыми словами русского литературного языка у таких вкраплений формируются семантические оттенки по принципу соответствия «формы» «содержанию», которые ложатся в основу номинации. Ввиду иронического использования, а также стилистического контраста со словами русского литературного языка вкрапления из польского и украинского языков приобретают стилистически сниженный характер или семантический признак 'ошибочности номинации'. Таким образом уничтожается идеологический смысл, сформировавшийся в речевой практике идеологических оппонентов автора. Можно утверждать, что полемика с идеологическими оппонентами ведётся Аксаковым с позиций славянофильского онтологического понимания слова, которое отражается в приобретении семантических и стилистических особенностей иноязычных вкраплений в его текстах.

Примечание

1. Рассматриваемые слова из украинского языка, а также из польского (см. далее) являются частичными иноязычными вкраплениями [10: 24–25]: например, И.С. Аксаков употребляет слово *просвіта* в огласовке *просвьѣта*, характерной для русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 791 с.

2. Аксаков И.С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 844 с.

3. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 272 с.

4. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 192 с.

5. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М.: Нов. лит. обозрение, 2019. 704 с.

6. Вихрова Н.Н. Литературно-эстетическая программа газеты «День» // «День» И.С. Аксакова: История славянофильской газеты: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под общ. ред. Н.Н. Вихровой, А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб.: Росток, 2017. Ч. 1. С. 9–38.

7. Замкова В.В. «Славянизм» как термин стилистики // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: К 80-летию С.Г. Бархударова. М.: Наука, 1974. С. 162–171.

8. Кайда Л.Г. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 44 с.

9. Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М.: Наука, 1988. 231 с.

10. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. 142 с.

11. Тесля А.А. Последний из «отцов»: Биография И.С. Аксакова. М.: Владимир Даль, 2015. 799 с.

12. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

REFERENCES

1. Aksakov, I.S. (1886a) *Sobranie sochineniy v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: M.G. Volchaninov.
2. Aksakov, I.S. (1886b) *Sobranie sochineniy v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: M.G. Volchaninov.
3. Bezlepkin, N.I. (2002) *Filosofiya yazyka v Rossii: K istorii russkoy lingvofilosofii* [Philosophy of Language in Russia: To the History of the Russian Linguistic Philosophy]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
4. Belchikov, Yu.A. (1974) *Russkiy literaturnyy yazyk vo vtoroy polovine XIX veka* [The Russian Standard Language in the 2nd half of 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Valickij, A.V. (2019) *V krugu konservativnoy utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of the Russian Slavophilism]. Translated from Polish by K. Dushenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Vikhrova, N.N. (2017) Literaturno-esteticheskaya programma gazety "Den" [Literary and aesthetic program of the newspaper "Den"]. In: Vikhrova, N.N., Dmitriev, A.P. & Egorov, B.F. (eds) *"Den" I.S. Aksakova: Istoriya slavyanofil'skoy gazety: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis'* [Ivan S. Aksakov's "Den": History of the Slavophile newspaper: Research. Materials. Article-by-article listing]. Vol. 1. St. Petersburg: Rostok. pp. 9–38.
7. Zamkova, V.V. (1974) "Slavyanizm" kak termin stilistiki ["Slavicism" as a stylistic term]. In: Filin, F.P. et al. (eds) *Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochnoslavyanskikh yazykov: K 80-letiyu S.G. Barkhudarova* [Questions of Historical Lexicology and Lexicography of East Slavic Languages: On the 80th Anniversary of S.G. Barkhudarov]. Moscow: Nauka. pp. 162–171.
8. Kayda, L.G. (1991) *Avtorskaya pozitsiya v publitsistike (funktional'no-stilisticheskoye issledovaniye sovremennykh gazetnykh zhanrov)* [The author's perspective in journalism (functional and stylistic study of modern newspaper genres)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
9. Koporskaya, E.S. (1988) *Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [Semantic history of Slavisms in the Russian literary language of modern times]. Moscow: Nauka.
10. Listrova-Pravda, Yu.T. (1986) *Otbor i upotrebleniye inoyazychnykh vkrapleniy v russkoy literaturnoy rechi XIX veka* [Selection and usage of foreign inclusions in the Russian standard speech of the 19th century]. Voronezh: VSU.
11. Teslya, A.A. (2015) *Posledniy iz "ottsov": Biografiya I.S. Aksakova* [The last of "fathers": Ivan S. Aksakov's biography]. Moscow: Vladimir Dal'.
12. Uspenskiy, B.A. (1994) *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the History of the Russian Standard Language (11th – 19th Centuries)]. Moscow: Gnozis.

13. Chapaeva, L.G. (2008) Kul'turno-yazykovaya situatsiya 30–40-kh godov XIX v. i spory slavyanofilov i zapadnikov [The cultural-linguistic situation of the 1830s – 1840s and the struggle of Slavic and Western writers]. *Kul'turologiya*. 2(45). pp. 25–33.

Секиро Ольга Олеговна – аспирант, младший научный сотрудник словарного сектора Института лингвистических исследований РАН (Россия).

Olga O. Sekiro – Institute for Linguistic Studies of RAS (Russia).

E-mail: olgasekiro@yandex.ru

УДК 811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/8

К уточнению классификации украинских воронежских говоров

С.В. Дьяченко¹, Г.П. Пилипенко², М.Н. Саенко³

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Россия, 119019, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2

E-mail: svet-lan-a@list.ru

^{2,3} Институт славяноведения РАН

Россия, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А

² E-mail: glebpilipenko@mail.ru

³ E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируются украинские говоры на территории Воронежской области и осуществляется попытка уточнить их классификацию. Предыдущие классификации определяют границу между переселенческими полесскими и слобожанскими говорами довольно условно, в работах учёных эти границы могут не совпадать (например, у Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской). В 2024 г. авторами настоящей статьи было проведено полевое исследование говоров в сёлах Колодежное, Сагуны, Большая Хвощеватка, Юдино и Костомарово Подгоренского района Воронежской области, основанных в XVIII в. Мы концентрируемся на описании говора села Юдино. Для установления зоны исходной миграции был выбран ряд следующих черт: рефлексация ударного *о в результате заместительного удлинения после падения «редуцированных», рефлексация *ё, формы gen. sg. f. указательных местоимений, окончание nom. sg. m. прилагательных, окончание nom. pl. прилагательных, варьирование форм типа *знає ~ зна* в 3. sg. praes. у глаголов III класса, а также распределение окончаний *-е (хóде)* и *-ить (сиді́ть)* в зависимости от ударения в 3. sg. praes. у глаголов IV класса. Проведено сопоставление с лингвогеографическими данными Атласа украинского языка и определены населённые пункты с наибольшим совпадением по указанным чертам. Установлено, что прародину юдинского говора следует локализовать в районе Прилук, где распространены переходные говоры от восточнополесских к среднеднепровским. В воронежских говорах предлагается выделять три зоны: северные

(полесские), южные (слобожанские) и центральные (генетически из переходной области в окрестностях Прилук).

Ключевые слова: Воронежская область, лингвистическая классификация, диалектология, украинские говоры, полевое исследование, полесский диалект, слобожанский диалект

Towards a revised classification of the Ukrainian dialects of Voronezh

Svetlana V. Dyachenko¹, Gleb P. Pilipenko²,
Mikhail N. Saenko³

¹ Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences 18/2
Volkhonka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: svet-lan-a@list.ru

^{2,3} Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia,

² E-mail: glebpilipenko@mail.ru

³ E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

Abstract

The article analyzes Ukrainian dialects in Voronezh Region to refine their classification. Previous classifications have delineated the boundary between resettled Polesian and Slobozhan dialects rather loosely, with discrepancies among different scholars (e.g., F.T. Zhylyko and H.T. Solonska). In 2024, the authors conducted field research in several villages in the Podgorensky District—namely Kolodezhnoe, Saguny, Bolshaya Khvoshchevatka, Yudino, and Kostomarov — all founded in the 18th century. The study focuses particularly on the dialect of Yudino. To identify the area of original migration, a set of diagnostic features were selected, including: the reflex of stressed *o resulting from compensatory lengthening after the loss of “reduced” vowels (jers); the reflex of *ě; the genitive singular feminine forms of demonstrative pronouns; the nominative singular masculine ending of adjectives; the nominative plural ending of adjectives; variation in the 3rd person singular present tense of Class 3 verbs (*znaje ~ zna*); and the distribution of the endings *-e (khode)* and *-yť / -it’ (sydit’)* in the 3rd person singular present tense of Class 4 verbs, depending on stress. A comparison with linguistic-geographic data of *The Atlas of the Ukrainian Language* was performed, and locations with the the highest con-

centration of matching features were identified. The study concludes that the origin of the Yudino dialect can be localized to the Priluki region, where transitional dialects between the East Polesian and Middle Dnieper groups are prevalent. Consequently, a new classification is proposed, dividing the Voronezh Ukrainian dialects into three zones: a northern (Polesian) zone, a southern (Slobozhan) zone, and a central zone – genetically linked to the transitional area around Priluki.

Keywords: Voronezh Oblast, linguistic classification, dialectology, Ukrainian dialects, field research, Polesian dialect, Slobozhan dialect

Украинские¹ говоры Воронежской области являются переселенческими и, как следствие, генетически разнородными. Однако эта разнородность не сразу была обнаружена и осмыслена учёными, изучавшими эти говоры. Так, на первых диалектологических картах русского языка 1871 и 1914 гг. (украинские, или малорусские говоры считались тогда диалектами русского языка), а также на первой карте говоров украинского языка, составленной Ф.Т. Жилко в 1955 г. и опубликованной в качестве приложения к книге «Нариси з діалектології української мови» [9], территория их распространения показана единой штриховкой или заливкой (рис. 1–3).

Ситуация изменилась в 1960-е гг., когда 28 воронежских говоров были обследованы для «Атласа української мови» (далее АУМ): п. 40, 43, 48, 49, 51–54, 56–61, 63, 66, 67, 133, 135–139, 142, 143, 151–153 первой части третьего тома, см. карту 5 [4: 5]. Экспедиции, посвящённые сбору материала, проводились в 1960–1968 гг.

Два воронежских села (Новая Осиновка и Шапошиновка) были обследованы для «Общеславянского лингвистического атласа» (далее ОЛА) в 1969–1970 и 1975 гг.

Уже во 2-м издании книги «Нариси з діалектології української мови» 1966 г. [11] Ф.Т. Жилко приводит карту говоров украинского языка с существенными изменениями: воронежские украинские говоры показаны здесь неоднородными и представлены двумя разновидностями (см. рис. 4, зоны, обозначенные штриховкой).

В комментарии к карте 1966 г. автор указывает, что она составлена на основе прежних диалектологических карт украинского языка, а также новых материалов, опубликованных в диалектологических работах разных учёных последних лет. Несомненно, использовались также материалы АУМ. К сожалению, карта не позволяет точно определить, говоры каких именно населённых пунктов отнесены к юго-восточному типу, а какие – к северному, соответствующих пояснений к ней в книге нет. Мы полагаем, что граница между говорами двух типов могла быть проведена довольно условно.

Рис. 1. Фрагмент «Карты южнорусских наречий и говоров» 1871 г., авторы П.П. Чубинский, К.П. Михальчук [23]. Вертикальная красная штриховка означает территорию распространения Каневско-Полтавского разноречия Украинского наречия (прерывистость штриховки на части территории в легенде к карте не разъясняется; возможно, она означает, что говоры переселенческие)

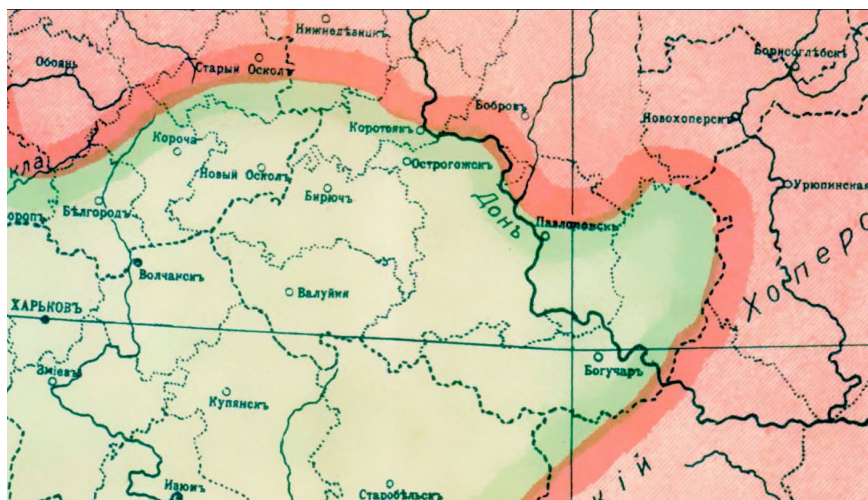

Рис. 2. Фрагмент «Диалектологической карты русского языка в Европе» 1914 г., авторы Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков [6]. Зеленой заливкой показана территория распространения южномалорусской группы малорусских говоров

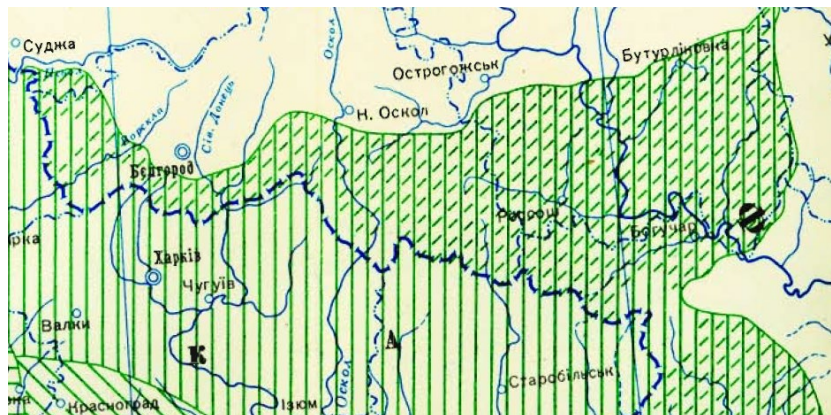

Рис. 3. Фрагмент «Карти говорів української мови» 1955 г., автор Ф.Т. Жилко. Вертикальною зеленою штриховкою обозначены слобожанские говоры украинского языка, косая прерывистая штриховка означает, что говоры находятся в окружении русского языка

Незадолго до выхода в свет 2-го издания книги Ф.Т. Жилко в 1960–1964 гг. достаточно подробное исследование воронежских украинских говоров было осуществлено Г.Т. Солонской, также участвовавшей в сборе данных для АУМ и ОЛА. Результаты исследования были оформлены в виде кандидатской диссертации, защищённой в 1967 г.

Г.Т. Солонская тоже разделяла украинские воронежские идиомы на две группы – восходящие к северно-украинским (полесским) и юго-восточнукраинским (слобожанским) говорам [19: 378]² (рис. 4, зоны, обозначенные цветной заливкой).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что граница между территориями распространения воронежских говоров разных типов на картах Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской неодинакова.

Со времени появления карт Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской, к сожалению, к теме классификации воронежских украинских говоров диалектологи почти не возвращались; можно назвать, пожалуй, только довольно краткую работу А.А. Сагаровского [17].

Мы полагаем, что в основном выводы Г.Т. Солонской и Ф.Т. Жилко справедливы, однако в некоторых моментах их следует дополнить и/или уточнить.

В целом степень обследованности воронежских украинских говоров с точки зрения генеалогической классификации следует оценить как недостаточную.

Рис. 4³. Распространение групп украинских говоров в центральной и южной частях

Воронежской области по классификациям Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской. Карта составлена на основе фрагмента «Карті говірів української мови» 1966 г., автор Ф.Т. Жилко, и карты-схемы «Територіальне поширення північних і південно-східних говірок української мови на Воронежчині», автор Г.Т. Солонская

Рис. 5. Населенные пункты, обследованные для словаря М.Т.Авдеевой (обозначены точками с цифрами), АУМ (точки в кружочке) и ОЛА (точки в квадрате)

Список Г.Т.Солонской содержит названия 318 населённых пунктов, отнесённых ею к украиноязычным, однако записи были сделаны только в 45 сёлах [19: 371–379]. При этом данные из диссертации Г.Т.Солонской практически не были введены в научный оборот.

Большее количество населённых пунктов было обследовано для «Словаря украинских говоров Воронежской области» М.Т.Авдеевой [1], однако из примеров, приводимых в словаре, можно извлечь лишь минимальные сведения о фонетике говоров.

Все эти обстоятельства обуславливают актуальность нашего исследования.

В 2024 г. нами были обследованы говоры воронежских населённых пунктов Колодежное, Сагуны, Большая Хвощеватка, Юдино и Костомарово Подгоренского района⁴. Из этих сёл только Сагуны (см. рис. 5, п. 86) ранее попадали в поле зрения исследователей, как Г.Т.Солонской, так и М.Т.Авдеевой. Материалы, полученные нами в экспедиции, позволяют утверждать, что именно между Колодежным и Сагунами

с одной стороны и Большой Хвощеваткой, Юдином и Костомаровом – с другой, пролегает граница двух групп говоров⁵. В данной статье мы предпринимаем попытку локализовать прародину говора села Юдино, т.е. найти наиболее близкие юдинскому украинские говоры и тем самым определить, из какой части Украины заселялась эта часть Воронежской области.

Насколько мы можем судить, идиомы сёл Юдино, Костомарово и Большая Хвощеватка идентичны и образуют единый говор. Костомарово было основано в 1734 г., Юдино – в 1740-е гг. (переселенцами из Костомарова, впоследствии также заселялось жителями расположенных несколько севернее сёл Урыв, Марки и Щучье), Большая Хвощеватка – в первой половине XVIII в. [16: 42, 137, 356]. Поскольку первоначальное описание данного говора было сделано нами на основе данных, полученных от информантов из Юдина, в тексте статьи мы исключительно ради удобства будем называть этот говор юдинским.

Характерной чертой, отличающей северные воронежские говоры, является рефлексация ударного *о в результате заменительного удлинения после падения «редуцированных». Если в слобожанских говорах это [i], как и в украинском литературном языке, то в северных Г.Т. Солонской были записаны дифтонги: [ʏʏ] (Колыбелка), [ʏi] (Петропавловка), [ʏi] / [ʏэ] (Хохол-Тростянка, Высокое, Степной, Шевченко⁶). В ряде говоров (Криница, Пухово, Коломыцево, Щучье, Трёхстенки, Берёзово) в 1960-е гг. активно протекал процесс утраты дифтонгов, когда лучше всего они сохранялись после губных согласных, хуже – после заднеязычных. Утрата могла выражаться в виде полного исчезновения первой неслоговой части: *стил* ~ *стел*⁷ – «стол». В других говорах (Урыв-Покровка, Высокое, Степной, Шевченко), наоборот, происходила её консонантизация: *ствил* ~ *ствел* [19: 74–87].

В современном говоре Юдина и окрестных сел дифтонгов нами отмечено не было, нормальным рефлексом на этом месте является [и]: *опь > *вин* – «он», *родь > *пид* – «под», *можь > *мий* – «мой», *ноть > *ничь* – «ночь», *овьсь > *виўці* – «овцы», *ногъте (nom. pl.) > *ніхъті* – «ногти», *огвьпъь > *рівний* – «ровный», *synovъ > *синіў* – «сыновей». Ср. укр. лит. *він, під, мій, вівці, нігті, рівний, синів*⁸.

Не под ударением в юдинском говоре *о в тех же условиях сохраняет своё качество: *въ копсьі > у *конці* – «в конце», *кольсе > *колце* – «кольцо», *овьсѣ > *воўцю/овцю* – «овцу», *говъна (gen.sg.) > *говна́*. Такое сочетание [и] в ударных и [о] в безударных слогах на месте *о отмечалось как характерная черта прилукских украинских диалектов и соседних с ними говоров Левобережья Днепра (южной Черниговщины, северной Полтавщины и западной части Киевской

области), отличающая эти говоры от юго-восточных и северных дифтонгических [22: 7, 8]. Ср. укр. лит. *в кінці, кільце, вівцю, гівна*.

При этом присущее прилуцким говорам отклонение от закономерности перехода *о в [и] после [г, к, х], где он переходит в [і], характерно и для юдинского говора⁹. А.И. Филиппова на основании анализа данных исторических документов Прилуцщины считала монофтонг [і] в этой позиции сравнительно поздним явлением, возникшим в XVIII в. [22: 8].

Дифтонгическая рефлексация *ō свойственна северно-украинским (полесским) говорам, в которых можно найти три её варианта: 1) [yo] – наиболее архаичный вариант, представленный в северно-полесских говорах; 2) [yi] и [ye] – вторичные дифтонги, развившиеся из [yo]; 3) [и], [у], [о], [ү] – результаты монофтонгизации дифтонгов [2: 57–62]. Из всего этого разнообразия нас интересует идентичный юдинскому рефлекс [и], занимающий довольно широкую территорию в южной части полесских говоров, а также предковый по отношению к нему, но менее распространённый в настоящее время [yi], поскольку теоретически можно представить, что монофтонгизация [yi] > [и] могла произойти уже после переселения в Воронежскую область.

Ф.Т. Жилко отмечал, что в некоторых сёлах между Прилуками и Киевом (Рудьковка, Щасновка) в 1860-е гг. на месте *ō отмечался дифтонг [yi], однако уже в 1950-е гг. он был характерен только для речи старшего поколения, в то время как младшее произносило только [и] [10: 48–49]. На картах АУМ [yi] уже отмечен только в более северных говорах, главным образом на севере Черниговской области.

Мы полагаем, что [и] в юдинском говоре возник ещё на территории прародины, поскольку в Юдине не наблюдается других черт, характерных для говоров с недавней монофтонгизацией: аканья и [е] как рефлекса *ě в безударном положении¹⁰.

Стандартным рефлексом *ě в юдинском говоре, как и в большинстве украинских, является [і] в любом положении, в том числе безударном: *dъvě stě > dъvіsъti – «двести», *na světě > na svіti – «на свете», *vъ lěšě > ulіci – «в лесу», *dědъ > did – «дед», *dělo > dіlo – «дело», *děti > dіti – «дети», *děvъčeta > dіўčata – «девчата», *mъně > minі – «мне», *němъсь > nіmeць – «немец», *sědajetъ > cidá – «сидится», *sějati > сіятъ – «сеять», *сёvька > ціўка – «цевка (для пряжи)», *сёльъ > цілуй – «целый», *орёхъ > orіх – «орех», *рёська > річька – «река», *гёдько > рітко – «редко», *lěska > ліска – «орешник», *jěsti > їсти – «есть, принимать пищу», *jěxali > іxalu – «ехали», *nevěstъka > нивістка – «невестка», *vědro > відрo – «ведро», *бёльъ > білуй – «белый». Отражение *ě в виде [і] характерно для подавляющего большинства украинских говоров и не дает конкретного указания на

прародину говора, однако позволяет исключить в качестве таковой северно-полесские говоры, где *ѣ имеет совсем другие рефлексy: [e] или [ie] [2: 3, 9, 11]. Кроме того, это отделяет юдинские говоры и от североукраинских воронежских говоров, описанных Г.Т. Солонской, где также представлен дифтонг [ie] или [e] как результат его монофтонгизации [19: 87–94].

Так называемый новый ять, или результат заменительного удлинения *е после падения «редуцированных» в юдинском говоре также отражается как [i]: *реѣ > *пичь* – «печь», *doneśь > *доніс* – «донёс», *sedь > *сім* – «семь». В результате отвердения шипящих¹¹ такой [i] перешёл в [и]: *šestь > *шисьть* – «шесть», *žенька > *жінка* – «жена». Как и в случае с рефлексами *ѣ, это также отсекает северно-полесские говоры [2: 34–39].

В дальнейшем сужении зоны поисков помогает морфология. Так, украинские говоры отличает большое разнообразие форм gen. sg. f. указательных местоимений. На месте древнерусского *тоѣ* уже в XVI в. отмечают форму *тоєѣ* / *тоєѣ*, построенную по аналогии с формами притяжательных местоимений – *моєѣ*, *тоєѣ* [14: 138]. Впоследствии в части говоров под влиянием формы dat. sg. f. видоизменился первый гласный, ср. укр. лит. *цієѣ* и *мієѣ* (наряду с *моѣ*, прямым продолжением древнерусской формы) по аналогии к *цїѣ* и *мїѣ*. В юдинском говоре формы gen. sg. f. имеют вид *цієѣ* / *оцїѣ* и *мієѣ* / *моѣ*. Сопоставление с собственно украинскими говорами позволяет почти полностью отсечь правобережье Днестра как возможную прародину [2: 232, 235]. Показательно, что Г.Т. Солонская в обследованных ею северно-украинских воронежских говорах записала gen. sg. f. *миѣ* и *моѣ* [19: 291], что опять же отличает их от юдинского говора.

Ещё одной важной изоглоссой является окончание nom. sg. m. прилагательных. В памятниках украинского языка наряду с формами на *-ий*, *-їй* отмечается употребление сокращённых форм на *-и*, *-ї*, которые можно встретить и в памятниках северных регионов [14: 108]; при этом предполагается, что такие формы могли возникнуть под влиянием польского или белорусского языков или могут быть обусловлены внутренним диалектным развитием, т. е. представлять собой результат полной редукции *j* вследствие ослабленного звучания в конечной позиции, причём первичными могли быть формы с неударным окончанием [13: 190]. В современных полесских говорах преимущественно представлена форма с утратой *-ї* (*розумни дїед* [13: 109], см. также [2: 237]), в то время как в остальных *-ї* сохраняется (*добрий*). В южночерниговских говорах фиксируется стянутое окончание, однако в некоторых сёлах отмечается окончание *-ий*: *добрий* [10: 55]. Для Юдина характерно сохранение *-ї*, что заставляет

смещать зону поисков прародины в области говоров, переходных от полесских к среднеднепровским.

В пом. рл. в большинстве окружающих юдинский говоров, распространённых на юг и запад от Юдина (как на территории России, так и на соседней украинской территории), фиксируется флексия *-i*, которая характерна и для литературного украинского языка (*добри*). Окончание *-i*, предположительно, могло возникнуть в результате аналогии с падежными формами указательных местоимений [10: 55]). Окончание *-и* в Воронежской области совпадает с приблизительным ареалом распространения переселенческих говоров северного типа [4: 1–55], оно же зафиксировано нами в юдинском говоре. Лингвогеографические данные свидетельствуют о том, что в полесских говорах на территории Украины (а именно в северо-восточной и южной зонах северного наречия [2: 237], в частности в южночерниговских говорах [10: 55]) распространено также окончание *-и* (*добри, гарни*) [13: 206]. Таким образом, отмеченное в Юдине окончание пом. рл. прилагательных *-и* (*добри*) занимает промежуточное положение между северными нестяжёнными окончаниями *-иї*, *-її*, *-иє* и южным *-i* (*добри*) и опять же указывает на генетическую связь юдинского говора с говорами переходного типа от полесских к среднеднепровским.

Наконец, укажем на две неполесские особенности глагольной системы юдинского говора [2: 258]: варьирование типа *знає ~ зна* (с перевесом в пользу второй формы) в 3. sg. praes. у глаголов III класса по А. Лескину с инфинитивом на *-ать*, а также распределение окончаний *-е* (*хóде*) и *-ить* (*сиді́ть*) в зависимости от ударения в 3. sg. praes. у глаголов IV класса (с инфинитивами на *-ить*, *-іть* и *-ать*).

Формы с *-ає-* > *-а-* в памятниках встречаются лишь спорадически (например, в Креховском Апостоле, XVI в.), однако бытуют во многих юго-восточных украинских говорах [14: 189]. Формы с *-т* и *-ть* (*знаєть*) считаются характерными для харьковско-полтавского наречия [13: 318], тогда как в собственно полтавских говорах сохранились только формы без конечного согласного (*знає – зна*). При этом практически невозможно определить, какая из них является преобладающей, поскольку они используются равноправно даже в речи одного информанта [5: 12]. Что касается письменной фиксации, то употребление форм без [є] свойственно исключительно произведениям восточнукраинских авторов: *зна, дума, полегча* [13: 317–318].

Окончание *-е* в говоре Юдина свойственно глаголам на *-ить*, у которых ударение не приходится на флексию: *хóде*. И.М. Керницкий объясняет формы без *-ть* 3. sg. praes. у глаголов IV класса влиянием глаголов I–III класса (*мúси, дёржи*) [14: 189–190]. Как правило, отсутст-

вие *-ть* сопровождается замещением тематического *-и* на *-е* (*говоре, хóде*) [13: 319]. Согласно [4: 1–59] формы *ходи/е* в обследованных пунктах на территории России преобладают, лишь в некоторых пунктах употребляются формы на *-ить*. На территории Украины в полтавских говорах также имеются зоны с преимущественным использованием либо варианта с окончанием *-е*, либо варианта с окончанием *-ить* [5: 12–13]. В целом, основываясь на данных АУМ, можно заключить, что формы без *-ть* характерны для говоров вдоль границ с Россией, на Слобожанщине и Полтавщине [2: 259], тогда как для большей части говоров северного наречия свойственно окончание с *-ть*.

При помощи приведённого выше набора черт мы отобрали ряд пунктов АУМ, потенциально близких к Юдину в языковом отношении, и сравнили некоторые фонетические, морфологические и словообразовательные черты их говоров с соответствующими юдинскими (см. таблицу на с. 183).

Были взяты следующие пункты атласа: 173 (Мельня), 174 (Жолдаки), 177 (Гвинтовое), 178 (Скуносово), 185 (Череповка) в Сумской области; 297 (Мартусовка), 301 (Вороньков), 331 (Дерновка), 332 (Иванков) в Киевской области; 347 (Хаенки), 348 (Иржавец), 354 (Дедовцы), 358 (Яблуновка), 359 (Линовица), 361 (Крутояровка) в Черниговской области; 921 (Званное), 922 (Снагость) в Курской области.

Прокомментируем некоторые пункты таблицы. Как видно, часть дополнительных черт оказалась не слишком полезна для наших целей, поскольку эти черты представлены во всех или почти всех отобранных говорах: отражение *дѣгька как *дiрка*; *онук* вместо *внук*¹²; сохранение этимологически правильного *замуж*; ассимиляция *мй* > *мнь*; отсутствие протезы перед *у*-; исчезновение *н*-форм у личных местоимений третьего лица; формы *ця* и *цей* и проксимального указательного местоимения; отпадение гласного в суффиксе инфинитива *-ти*.

Архаизмом является юдинская форма *огурóк* – «огурец». В говорах из таблицы мы находим вторичные варианты *гурóк* и *огiрóк*, где *о*-исчез в результате переосмысления как приставки, а *-i*- объясняется народно-этимологическим влиянием *гiркий* – «горький» [24: 452, 610]. В то же время нельзя сказать, что форма *огурóк* неизвестна украинским говорам. Так, она представлена в говоре 355 в окрестностях Прилук [2: 87].

Числительное *четыре* в юдинском говоре представлено в фонетически закономерной форме *чьоти́ри* (из др.-рус. *f.* и *n.* *четыри*), как и в литературном украинском. Широко распространённую диалектную форму *чотирі* (отмеченную в том числе в прилукских говорах [22: 13]) наряду с некоторыми другими словами Ю.В. Шевелёв пытался объяснить как результат фонетического пересчёта при взаимодействии

юго-западных говоров с полесскими [24: 667–668]. Однако географическое распространение варианта *чотири* (см. [2: 249]) свидетельствует против этой гипотезы. Скорее дело в выравнивании основы (ср. формы литературного языка: gen., loc. *чотирьох*, dat. *чотирьом*). Аналогичное выравнивание отмечено уже в древнерусском gen. четыре наряду с более старым *четырь* [12: 102], а также чеш. gen. *čtyř*.

Сопоставление юдинского говора с говорами ряда пунктов АУМ

Карта	Юдино	173	174	177	178	185	297	301	331	332	347	348	354	358	359	361	921	922
Основные черты																		
57 (віз)	виз	+	+	+	–	+	+	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+
58 (тік)	тик	+	+	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
62 (він)	вин	+	+	–	–	+	±	+	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+
66 (в кінці)	в концї	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	±	±	±	±	±	±
32 (допік)	допік	±	+	±	±	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+
35 (сім)	сім	±	+	–	–	±	+	+	+	+	+	–	–	+	+	+	+	–
38 (піч)	піч	±	+	±	+	+			+	+	+	+	–	+	+	+	+	+
44 (попіл)	попіл	+	+	+	–	–	+	+	+	±	±	–	+	+	+	+	+	–
232 (цієї)	цієї	–		±	+	+			–	–	–	–	±		±	±	+	–
235 (тієї)	тієї	–	–	+	+	+	–	+	–	–	–	+	+	+	–	+	+	+
237 (добрий)	добрий	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
243 (добрі)	добри	+	+	±	±	+	±	+	+	+	+	+	±	±	±	±	±	±
258 (знає)	зна / знає	+	+	–	–	+	+	–	+	+	+	+	+	–	±	–	+	+
259 (ходить)	хоче	–	–	–	±	–	–	–	–	–	–	+	±	–	+	+	+	+
Дополнительные черты																		
4 (дірка)	дірка	±	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
80 (онук)	онук	±	+	+	±	+	±	+	±	+	+	–	±	–	+	+	+	+
86 (заміж)	замуж	+	+	+	±	±	±		±	+	+	+	±	±	±	±	±	±
87 (огірок)	огурок	–	–		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
91 (мясо)	мясо	+	+	±	±	+	+	±	+	+	+	+	±	+	+	±	+	–
105 (скирта)	скірта	±	–	–	–	–	±	+	–	+	–		–	–	–	±	–	–
107 (дзвін)	дзвин	±	+	+	+	–	+	+	+	+	+	–	–	+	–	+	+	+
114 (свадьба)	сваїба	+	+	±	+	+	+	+	±	–	–	–	–	–	–	+	+	±
115 (соняшник)	насонях	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
121 (бджола)	бджола	±	–	±	±	+	±	–	–	+	–	–	+	+	–	+	–	–
136 (вухо)	ухо	+	+	±	+	+	±	+	+	+	+	+	–	±	+	+	+	±
226 (за нього)	за його	±	+	±	+	+	+	+	±	+	±	+	+	±	±	±	+	+
229 (цей)	цей	±	±	±	±	–	–	±	–	±	±	+	±	±	±	±	±	±
230 (ця)	ця	+	±	±	±	±	±	+	+	+	±	+	±	+	±	±	±	–
249 (чотири)	чотири	–	+	–	–	–	±	+	–	+	+	–	–	–	±	–	–	–
250 (сидіти)	сидіть	+	+	±	+	+	±	+	+	–	+	±	+	±	±	±	+	+
254 (ходжу)	ходю	+	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	±	–	+	+
271 (поки)	покі	±	+	±	–	–	+	±	+	+	+	–	+	±	+	+	–	±
272 (ніколи)	ніколи	+	±	±	+	–	+	+	+	+	+	–	+	–	–	–	–	–

Сохранение *ни-* (из др.-рус. *ни-*) в отрицательных местоимениях (*ніко́ли*) также является архаизмом, известным, надо сказать, в довольно узкой полосе украинских говоров [2: 272], в то время как в большинстве представлено либо *ні-* из неопределённых местоимений (др.-рус. *нѣ-*), либо *не-*.

Глагольные формы 1. sg. praes. IV класса с выравниванием основы типа *ходю, носю* доминируют в южных украинских говорах, однако они хорошо известны также правобережным полесским говорам, представлены в Сумской области, а также единично в окрестностях Прилук и Нежина [2: 254]. А.И. Филиппова связывала их возникновение в говорах Прилукины с влиянием юго-восточных украинских говоров [22: 14].

Отдельный интерес представляет юдинское название подсолнечника – *насо́нях*. Вряд ли это русизм: в русских говорах формы *насо́лнечник, насо́лнышник, насо́лнышек* известны только на Урале [18: 335; 20, т. 20: 181]. В украинских говорах формы с префиксом *на-* тоже редки, однако все же известны: *насо́нешник* (Тетеревское и Зарудье на западе Киевской области) [2: 35], *насо́няшник* (Белобережье, Ровненская область; Кизлов, Львовская область), *насло́нечник* (Хоробров (ранее Правда), Львовская область), *насо́йник* (Старая Мощаница, Ровненская область) [3: 27], *насоничи́шче* – «поле после уборки подсолнечника» (Козары на юге Черниговской области), *насоясничи́шче* (пригороды Тростянца, Сумская область), *насо́няшнишче* (Карпенково, Воронежская область, 27 км по прямой от Юдина) [4: 89]. Таким образом, хотя популярной сельскохозяйственной культурой подсолнечник стал только в XIX в., в юдинский говор это обозначение могло попасть вместе с поздними переселенцами с Украины или же из соседних украинских воронежских говоров¹³.

Как видно из таблицы, наиболее близкими к юдинскому говору оказываются курские говоры (921 и 922), а также прилуцкие (348, 354, 358, 359, 361). При этом курские говоры являются переселенческими, и их история изучена недостаточно хорошо; по всей видимости, эти населённые пункты заселялись приблизительно в то же самое время, что и нынешняя Воронежская область. В связи с этим прародину юдинского говора следует локализовать скорее в окрестностях Прилук, где находятся говоры, переходные между восточнополесским и среднеднепровским диалектами.

Воронежские украинские говоры в целом следует делить не на две группы, как это сделано в работах Ф.Т. Жилко и Г.Т. Солонской, а на три: северные (полесские), южные (слобожанские) и центральные (генетически из переходной области в окрестностях Прилук). К последней группе, помимо анализируемого в статье говора Юдина, Костомарова и Большой Хвощеватки, может относиться и ряд других населённых пунктов, в которых словарь М.Т. Авдеевой зафиксировал формы типа *вин*, однако этот вопрос требует дальнейшего полевого обследования.

Примечания

1. Сами носители этих говоров используют по отношению к себе термин *хахлы́* [21].

2. Эта классификация не охватывает островного говора сел Ендовище, Вознесенка (у Ю.В. Шевелева под старым названием – Шумейки) и Латное, расположенных на севере области (Семилюкский район). По мнению Ю.В. Шевелева, они были заселены выходцами из западной части центрального Полесья в XVII в. [24: 731].

3. Авторы благодарят В.В. Матвеева за кропотливую картографическую работу.

4. Краткое описание фонетики и морфологии юдинского говора см. в [8], краткое описание колодежанского говора – в [7].

5. Это получило отражение в насыщенной звуком [и] дразнилке, адресуемой жителями Сагунов жителям Юдина и Костомарова, в речи которых [и] на месте *о в новом закрытом слоге после твёрдых согласных встречается гораздо чаще, чем в речи самих сагуновцев (а также носителей всех подобных говоров, проживающих южнее), в говоре которых в этой позиции выступает [і] после мягкого согласного: *Схвати́в кі́шку за хві́ст і кі́нув в каді́шку*. (Надо заметить, однако, что на самом деле в юдинском говоре маловероятно произношение *кі́шка* и *кі́нув* с [и], поскольку заднеязычные согласные обычно смягчаются перед [е] и [и], а сам [и] переходит в [і]. И в слове *каді́шка*, разумеется, ударному [и] взяться попросту неоткуда.)

6. Хутор в Лискинском районе; в настоящее время заброшен.

7. В отличие от предыдущей работы о юдинском говоре, где использовалась упрощённая транскрипция, основанная на русском алфавите, в данной статье для унификации с украиноязычными диалектологическими работами, в первую очередь АУМ, будет применяться графика, приближённая к украинской литературной, расширенная, однако, символами *l* для апиального альвеолярного латерального аппроксиманта и *ʲ* для неслогового [y].

8. В основу украинского литературного языка легли говоры с рефлексацией по южному типу: **ō* > *o* > *u* > *ü* > *i*. Юдинский говор демонстрирует один из вариантов рефлексации северного типа: **ō* > *o* > *uo* > *yu* > *y*. В разделении этих явлений мы присоединяемся к позиции ряда учёных, наиболее полно и аргументированно изложенной Ю.В. Шевелёвым [24: 729–734]. Альтернативная позиция предполагает дифтонгическую стадию для всех украинских диалектов [15: 39–41].

9. В этих же прилуцких говорах [і] выступает после заднеязычных согласных и на месте *и [22: 10, 11], что также наблюдается в юдинском говоре.

10. Согласно записям Ф.Т. Жилко, эти черты в говоре Рудковки стали исчезать в XX в. под влиянием соседних южных говоров [10: 49–55]. Такой сценарий вряд ли можно предположить для переселенческого юдинского говора.

11. Надо заметить, что в юдинском говоре имеются и мягкие шипящие; они отмечены в следующих позициях: перед суффиксом сравнительной степени прилагательных (*свіжіший* – «более свежий»), перед окончанием *-i dat.-loc. sg. *-ā-* основ и *loc. sg. *-o-* основ (*у сáжі* – «в саже», *у Ворóнижі* – «в Воронеже»), перед окончанием *-ать* в 3. рл. глаголов на **-iti / *-ěti* (*лижять* «(они) лежат»), а также перед суффиксом *-i-* во 2. рл. императива (*лижіть* – «лежите», *пишіть* – «пишите»).

12. Форма *онук* вторична по отношению к *внук ~ унук* (< п.-сл. **въпикъ*), она возникла в силу гиперкорректной замены *у* на *о* в связи с уканьем либо в силу смешения префиксов (или анлаутов, воспринимаемых как префиксы) **ob-*, **u-*, **въ-*, как, например, укр. лит. *о́кріп* – «укроп» [24: 534].

13. Среди прочих культурных терминов нерусского происхождения в юдинском говоре отметим слова *ля́да* – «часть ткацкого станка» и *ші́пка* – «оконное стекло». Укр. лит. *ляда* и *шибка*, имеющие те же значения, заимствованы из пол. *lada* – «прилавок; лоток» и *szyba* – «оконное стекло». Польские слова в свою очередь являются германизмами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж: ВГУ, 2008.

2. Атлас української мови. Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі / ред. І.Г. Матвіяс. Київ: Наукова думка, 1984. 440 с.

3. Атлас української мови. Т. 2: Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття та сумжні землі / ред. Я.В. Закревська, А.М. Залеский, Н.Й. Марчук, І.Г. Матвіяс, Т.В. Назарова, Н.П. Прилипка. Київ: Наукова думка, 1988. 520 с.

4. Атлас української мови. Т. 3: Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянщина, Причорномор'я суміжні землі / ред. А.М. Залевський, І.Г. Матвіяс. Київ: Наукова думка, 2001. 640 с.

5. Ващенко В.С. Дієслівні форми в сучасних полтавських говорах // Діалектологічний бюлетень. Вип. V. Київ, 1955. С. 9–14.

6. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Издание Императорского русского географического общества. Петроград, 1914.

7. Дьяченко С.В. Об одном украинском говоре Воронежской области // Славянский мир: общность и многообразие / ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. М.: Исл РАН, 2024. С. 222–229.

8. Дьяченко С.В., Пилипенко Г.П., Саенко М.Н. Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком // Русская речь. 2024. № 6. С. 7–18.

9. Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ: Радянська школа, 1955. 315 с.

10. Жилко Ф.Т. Південночернігівські говірки перехідні до полтавських (Бобровицький і Новобасанський райони Чернігівської області) // Діалектологічний бюлетень. Вип. V. Київ, 1955. С. 46–58.

11. Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ: Радянська школа, 1966. 307 с.

12. Жолобов О.Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: Числительные. М.: Азбуковник, 2006. 358 с.

13. Історія української мови. Морфологія / від. ред. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1978. 540 с.

14. Керницький І.М. Система словозміни в українській мові. На матеріалах пам'яток XVI ст. Київ: Наукова думка, 1967. 288 с.

15. Назарова Т.В. К проблеме украинского икавизма // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 39–52.

16. Прохоров В.А. Вся воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973. 367 с.

17. Сагаровський А. Діаспорний острівець лівобережнополіського діалекту на Воронежчині // Волинь-Житомирщина. 2010. № 22 (2). С. 244–250.

18. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. Дополнения / ред. П.А. Вовчок. Свердловск-Екатеринбург. 1964–1988.

19. Солонська Г.Т. Українські говірки Воронежчини: дис. ... канд. філолог. наук. Харків, 1967. 393 с.

20. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сорокалетов, С.А. Мызников. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965 – наст. время.

21. Сьянова Е.И. К вопросу этнической и языковой идентичности носителей украинско-русских говоров, функционирующих на территории современной Воронежской области // Русский язык в поликультурном мире: X международ. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. Т. 2 / ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2016. С. 520–527.

22. Филиппова А.И. Говоры Прилукины, Черниговской области (фонетические и грамматические особенности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1959. 19 с.

23. Чубинский П.П., Михальчук К.П. Карта южнорусских наречий и говоров. Юго-западное отделение Русского императорского географического общества. 1871.

24. Shevelov G.Y. Historical phonology of the Slavic languages. IV. Ukrainian. Heiderlberg: Carl Winter, Universitätsverlag 1979. 819 p.

REFERENCES

1. Avdeeva, M.T. (2008) *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti* [The Dictionary of Ukrainian Dialects of Voronezhskaya Oblast']. Voronezh: VSU.
2. Matviyas, I.H. (ed.) (1984) *Atlas ukrayins'koyi movy* [The Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
3. Zakrevska, Ya.V., Zalesky, A.M., Marchuk, N.Yy. Matviyas, I.H., Nazarova, T.V. & Prylypko, N.P. (eds) (1988) *Atlas ukrayins'koyi movy* [The Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
4. Zalesky, A.M. & Matviyas, I.H. (eds) (2001) *Atlas ukrayins'koyi movy* [The Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
5. Vashchenko, V.S. (1955) Dieslivni formy v suchasnykh poltavsk'ykh govorkakh [The verb forms in modern Poltava dialects]. *Dialektologichnyi byuleten'*. 5. pp. 9–14.
6. Durnovo, N.N., Sokolov, N.N. & Ushakov, D.N. (1914) *Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope* [Dialectological Map of the Russian Language in Europe]. Petrograd: Imperial Russian Geographical Society.
7. Dyachenko, S.V. (2024) Ob odnom ukrainskom govore Voronezhskoy oblasti [About one Ukrainian dialect of Voronezhskaya oblast']. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [The Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: RAS. pp. 222–229.
8. Dyachenko, S.V., Pilipenko, G.P. & Saenko, M.N. (2024) Iz ekspeditsionnykh zapisey v s. Yudino Voronezhskoy oblasti: vzaimodeystvie mestnogo ukrainskogo govora s russkim yazykom [From expedition records in the village of Yudino, Voronezh region: The interaction of the local Ukrainian vernacular with the Russian language]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 7–18.
9. Zhylko, F.T. (1955) *Narisy z dialektologii ukrains'koï movy* [Essays on the Dialectology of the Ukrainian Language] Kyiv: Radians'ka shkola.
10. Zhylko, F.T. (1955) Pivdennochernigivs'ki govorki perekhidni do poltavsk'ykh (Bobrovits'kiy i Novobasans'kiy rayony Chernigivs'koï oblasti). *Dialektologichnyi byuleten'*. 5. pp. 46–58.
11. Zhylko, F.T. (1966) *Narisy z dialektologii ukrains'koï movy* [Essays on the Dialectology of the Ukrainian Language]. Kyiv: Radians'ka shkola.
12. Zholobov, O.F. (2006) *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka* [Historical Grammar of the Old Russian Language]. Vol. IV. Moscow: Azbukovnik.
13. Nimchuk, V.V. (ed.) (1978) *Istoriya ukrains'koï movy. Morfologiya* [History of the Ukrainian Language. Morphology]. Kyiv: Naukova dumka.
14. Kernits'kiy, I.M. (1967) *Sistema slovozmyni v ukrains'kiy movi. Na materialakh pam'yatok XVI st.* [The System of Inflection of the Ukrainian Language. Based on Data from the 16th Century] Kyiv: Naukova dumka.
15. Nazarova, T.V. (1971) K probleme ukrainskogo ikavizma [On the problem of Ukrainian Ikavism]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 39–52.

16. Prokhorov, V.A. (1973) *Vsya voronezhskaya zemlya. Kratkiy istoriko-toponimicheskii slovar'* [The Whole Voronezh Region. A Brief Historical and Toponymic Dictionary]. Voronezh: Tsentral'noe-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo.

17. Saharovs'kyi, A. (2010) Diasporniy ostrivets' livoberezhnopolis'kogo dialektu na Voronezhchyni [A diaspora vernacular of the Polesye dialect in the Voronezh region]. *Volyn'-Zhytomyrshchyna*. 22(2). pp. 244–250.

18. Vovchok, P.A. (ed.) (1964–1988) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala v 7 tomakh. Dopolneniya* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals in 7 vols]. Sverdlovsk-Ekaterinburg: Ural University.

19. Solonska, G.T. (1967) *Ukrain's'ki govorki Voronezhchyny* [Ukrainian dialects of the Voronezh region]. Philology Cand. Diss. Kharkiv.

20. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P., Myznikov, S.A. (eds) (1965 – present) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

21. Syanova, E.I. (2016) K Voprosu etnicheskoy i yazykovoy identichnosti nostiteley ukrainsko-russkikh govorov, funktsioniruyushchikh na territorii sovremennoy Voronezhskoy oblasti [On ethnic and linguistic identity of the speakers of Ukrainian-Russian dialects in the Voronezh region]. In: Titarenko, E.Ya. (ed.) *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian Language in a Multicultural World]. Vol. 2. Simferopol: Arial. pp. 520–527.

22. Filippova, A.I. (1959) *Govory Prilukshchiny, Chernigovskoy oblasti (foneticheskiye i grammaticheskiye osobennosti)* [The dialects of Priluki, Chernigov region. Phonetic and grammar peculiarities]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

23. Chubinskiy, P.P. & Mikhalechuk, K.P. (1871) *Karta yuzhnorusskikh narechiy i govorov* [A Map of South Russian dialects]. [s.l.]: South-Western Branch of the Russian Imperial Geographical Society.

24. Shevelov, G.Y. (1979). *Historical Phonology of the Slavic Languages*. IV. *Ukrainian*. Heiderlberg: Carl Winter, Universittverlag.

Светлана Владимировна Дьяченко – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия).

Svetlana V. Dyachenko – Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: svet-lan-a@list.ru

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Gleb P. Pilipenko – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Саенко Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Mikhail N. Saenko – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

УДК 81'27+81'282.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/9

Заимствования из восточных и западно-европейских языков в русском языке восточного зарубежья

Е.А. Оглезнева

Томский государственный архитектурно-строительный университет

Россия, 634003, г. Томск, Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматриваются заимствованные единицы в русском языке восточного зарубежья, в Китае, на примере четырех его вариантов: в Харбине, Трёхречье, на правом берегу реки Амур и в Синьцзяне. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения заимствований как результата языкового контактирования народов и их культур, которые демонстрирует специфику существования этноса или его части в конкретных исторических обстоятельствах. Основным методом, принятым в настоящем исследовании, является сравнительно-сопоставительный, предполагающий сопоставление разных вариантов русского языка в восточном зарубежье на уровне заимствований из контактировавших с ними языков, выявление общего и различного с целью классификации и типологии. Проанализированы заимствования в различных русскоязычных диаспорах восточного зарубежья с точки зрения их состава, а также состава языков-источников заимствования, их видов и использования в устной и письменной речи. Состав заимствованных лексем и словосочетаний в различных вариантах русского языка в восточном (китайском) зарубежье показывает актуальность тех или иных социальных и культурных контактов, отразившихся в заимствованных лексических единицах: в Харбине это заимствования из восточных (китайского и японского) и западно-европейских языков, в Синьцзяне – из китайского и тюркских языков; в Трёхречье и на правобережье реки Амур – только из китайского языка. Особенности функционирования заимствованных единиц в русской речи представителей различных русскоязычных диаспор в Китае, их использование в устной и письменной разновидности русского языка демонстрируют различные способы языкового существования и разный уровень сохранности русского языка в диаспорах.

Ключевые слова: социалингвистика, русский язык, Китай, восточное зарубежье, русскоязычная диаспора, языковой контакт, вариант языка, заимствование

Borrowings from Eastern and Western European languages in the Russian language of the Eastern Abroad

Elena A. Oglezneva

Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia)

2 Solyanaya square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article examines borrowings in the Russian language as spoken within the Eastern diaspora in China, focusing on four specific variants: those of Harbin, Trekhrechy, the right bank of the Amur River and in Xinjiang. The relevance of the study lies in the need to analyze lexical borrowings as outcomes of language contact between peoples and their cultures, reflecting the unique historical and social conditions of an ethnic group or its subcommunities. The main method employed is comparative-contrastive analysis, which entails comparing different variants of the Russian language in the Eastern diaspora at the level of borrowings from contact languages. This approach aims to identify both shared and distinct features for the purpose of classification and typologization. Borrowings across various Russian-speaking communities in the Eastern diaspora were analyzed in terms of their lexical composition, source languages, types of borrowing, and usage in both spoken and written discourse. The spectrum of borrowings in these variants of Russian reflects the specific socio-cultural contacts sustained by each community. For instance, the Russian spoken in Harbin exhibits borrowings from both Eastern languages (Chinese and Japanese) and Western European languages. In Xinjiang, borrowings originate from Chinese and Turkic languages, whereas in Trekhrechy and on the right bank of the Amur River, borrowings are exclusively from Chinese. The functional peculiarities of these borrowings – their integration into oral and written speech – illustrate diverse modes of linguistic adaptation and varying degrees of Russian language preservation across the diasporic communities. The peculiarities of the functioning of borrowings in the Russian speech of representatives of various Russian-speaking diasporas in China, their use in oral and written varieties of the Russian language demonstrate different ways of linguistic existence and different levels of preservation of the Russian language in diasporas.

Keywords: sociolinguistics, Russian language, China, Eastern Abroad, Russian-speaking diaspora, language contact, language variant, borrowing

Введение

Русскоязычные диаспоры в Китае входят в фокус нашего исследовательского внимания начиная с 2000 г. Материалом исследования послужили записи устной речи их представителей, выполненные во время научных экспедиций в различные регионы Китая, и письменные источники (записи естественной письменной речи, периодические издания русского восточного зарубежья, мемуарная литература) [24–27].

Нахождение в чужой языковой среде обуславливает как минимум билингвизм носителей языка, в частности русского, и процесс заимствования из языка страны проживания в русский язык. Однако порой при сходных, казалось бы, географических, исторических, хронологических параметрах языковых ситуаций с участием русского языка результат языкового взаимодействия может быть различным. Следующие параметры языковых ситуаций в Китае с участием русского языка можно рассматривать как исходные данные: географический – территория русского восточного зарубежья – Китай, но разные его регионы: Харбин, правобережье реки Амур (Хэйлунцзян), Саньхэ (Трёхречье) во Внутренней Монголии, Синьцзян; хронологический – исследуемый период относится к XX – началу XXI в.; исторический – причины переселения в Китай во всех случаях, кроме Харбина, связаны с несогласием с новой советской властью, коллективизацией, голодом 1930-х гг. в России. В Харбине же образование русской колонии было обусловлено началом строительства КВЖД и города Харбина в 1898 г., а уже после 1917 г. туда хлынул поток послереволюционных беженцев из России [1; 2; 4; 14; 19].

Возникает вопрос о том, какие факторы обуславливали специфику русской речи представителей русскоязычных диаспор в Китае – в Харбине, Трёхречье, на правом берегу реки Амур и в Синьцзяне. Рассмотрим это на примере заимствований из других языков, которые являются непосредственным следствием языковых контактов и характеризуют речь представителей русского восточного зарубежья.

Под заимствованием нами понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [7: 158].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения заимствований как результата языкового контактирования

народов и их культур. Пласт заимствований в том или ином языке в определенный период времени демонстрирует специфику существования этноса или его части в конкретных исторических обстоятельствах. В заимствованиях, как в зеркале, отражаются особенности бытия этого этноса и уровень его культурного, социально-экономического и научно-технического развития.

Основным методом, предпринятым в настоящем исследовании, является сравнительно-сопоставительный, предполагающий сопоставление разных вариантов русского языка в восточном зарубежье на уровне заимствований из контактировавших с ними языков, выявление общего и различного с целью классификации и типологии.

При схожих географических, исторических и хронологических условиях существования русскоязычных диаспор в Китае они демонстрируют вариативность их русского языка, которая проявляется, в частности, в языках – источниках заимствований, в составе тематических групп заимствованной лексики, в способах вхождения новой заимствованной лексики в язык диаспорального сообщества (письменный/устный), в особенностях её адаптации в русском языке восточного зарубежья.

Нами была изучена речь типичных представителей русскоязычных диаспор в Китае, сохранивших родной русский язык наилучшим образом по сравнению с другими членами диаспор [3; 13; 17; 18], в том числе по характеру их билингвизма и с точки зрения присутствия в их речи заимствованных элементов. Заимствования в речи представителей русскоязычных диаспор восточного зарубежья были рассмотрены с учётом языков – источников заимствования, типов заимствований и их использования в устной и письменной речи.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры на правобережье реки Амур (провинция Хэйлунцзян)

Русскую речь представителей русскоязычной диаспоры на правобережье реки Амур (провинция Хэйлунцзян, КНР) исследовала С.В. Гордеева [2; 3; 4: 83 – 109]. Наилучшим образом русский язык сохранился в речи Марии (Цю Цзиньсу, 1931 г.р.), которая принадлежала ко второму поколению русских переселенцев. Она – носитель естественного билингвизма, т. е. русский язык усвоен ею в естественных условиях, в процессе общения с русской матерью. Мария родилась и выросла в Китае, она метиска в первом поколении, вышла замуж также за метиса в первом поколении. Территориальный вариант русского

языка, носителем которого они являются, существует *в устной форме* и имеет ярко выраженные диалектные черты, в настоящее время в коммуникации практически не используется [4: 94]. Основным языком у Марии – китайский. Для ее речи характерны: 1) использование грамматических показателей китайского языка: *Первая ши, брат, где ши* – бытийная связка 是 [shì]; *Мамы нетула; Уже русский нетула, всё по-китайски; Эта девочка нетула, она померла*, где *ла* – служебное слово 了 [le] – показатель завершенности действия, изменения обстоятельств и др.; 2) использование в качестве основы для построения предложений синтаксических моделей китайского языка (синтаксическое калькирование): *сорок годов больше; лет двадцать больше; пийсят больше* – аналогичная конструкция имеется в китайском языке: 一年多 [yī nián duō] (буквально: «один год больше»); *Вы зимой топите? – И сейчас. Три-четыре дня один раз топить*. Ср. в китайском языке: 一天三次 [yī tiān sān cì] (буквально: «один день три раза») и др.; 3) наличие иноязычных вкраплений: названий городов – *Хэйхэ, Буши* «Благовещенск», *Сюнькэ, Шанхай, Харбин*, сел – *Шандаогань, Сядаогань, Бяньцзян, Чэлу*, рек – *Хэйлунцзян*, а также имён и фамилий; 4) наличие лексических заимствований из китайского языка: *Оны двое по-русски, всё по-русски говорят, Сашка хэ^{бу} Матрена*, где 和 [hé] – союз *и*; – *А вы её как звали дома? Мама? – Туй, мама, где 对 [duì]* – выражение согласия «правильно, верно», и др.; 5) наличие семантических калек: *большой сын* – «старший сын», *маленькая сестра* – «младшая сестра», *маленькая девочка* – «младшая дочь». В китайском языке в подобных словосочетаниях употребляются многозначные прилагательные 大 [dà] – большой, крупный, старший и 小 [xiǎo] – маленький, мелкий, младший, молодой [4: 103–105].

Аналогичные случаи наблюдаются и в речи других немногочисленных представителей русскоязычной диаспоры на правом берегу реки Амур, сохранивших русский язык и способность изъясняться на нем. В их интерферированной под влиянием китайского языка *устной* русской речи присутствует заимствованная общепотребительная обиходная лексика из ставшего для них основным китайского языка, которая заменяет соответствующие по значению лексемы русского языка. О заимствованиях из китайского языка в *письменных* источниках на русском языке в русскоязычной диаспоре на правом берегу Амура можно судить лишь по сохранившимся анкетам русских переселенцев в провинцию Хэйлунцзян, которые составлены на русском языке для китайской администрации примерно в 1930-е гг. и в которых присутствуют китайские топонимы и образования от них, переданные средствами русской графики: д. *Дол-ган*, д. *Сё-дин-за*, г. *Увун*, *Хэйлунд*. *пров. Сюнь-кэвского уезда* и т. п. [4: 112].

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры в Трёхречье (Внутренняя Монголия)

Русская речь потомков переселенцев из российского Забайкалья в Трёхречье в начале XXI в. в социолингвистическом и собственно лингвистическом аспектах описана в работах О.В. Пустовалова [15; 16; 18; 19]. Изначально, в начале XX в., языковая ситуация в русских населённых пунктах китайского Трёхречья, а их было более двадцати [20: 278], характеризовалась русским одноязычием. Позднее у потомков русских переселенцев, проживающих на этой территории, развился русско-китайский, а затем и китайско-русский билингвизм, который постепенно переходит в китайское одноязычие [4: 146–147]. Русский язык используется ситуативно в обиходно-бытовом общении старшим поколением русскоязычных представителей русской диаспоры в Трёхречье или в профессиональной сфере некоторыми представителями младших поколений (в бизнесе, преподавании РКИ), в данном случае это уже выученный в образовательных учреждениях русский язык.

Трёхречье известно как многонациональный регион, в котором, кроме русских и китайцев, проживали кочевники-скотоводы (монголы, забайкальские буряты, тунгусы), охотничьи племена (орочоны и якуты), а также эвенки, чипчины, олоты, дауры, новобуряты, маньчжуры, хамниганы, солоны, корейцы, японцы и др. [12: 38; 44–53]. Однако ни один из языков этих народов, кроме китайского, не оказал влияния на русский язык в Трёхречье.

Типичным представителем русскоязычной диаспоры в современном Трёхречье является Лидия Д. (Сяо Жун), которая родилась в трёхреченском поселке Тулунтай в 1951 г. и до настоящего времени проживает в Трёхречье – в г. Лабудалинь. Лидия Д. – потомок русских переселенцев в Китай в третьем поколении: её бабушка – русская, дед – китаец; мать – соответственно, метиска, отец – китаец.

В компетенции Лидии два языка – русский и китайский. Она обучалась в китайской школе, по-русски читать и писать не умеет. Семейным языком был русский: муж, метис во втором поколении, хорошо говорил по-русски.

Лидия является носителем диалектной формы русского языка: основу её словаря составляет общенародная и диалектная лексика. По диалектным особенностям её речи оказалось возможным установить севернорусский тип говора, перенесённого в Трёхречье из российского Забайкалья. Для диалектной речи Лидии свойственна интерференция под влиянием китайского языка на всех уровнях

языковой системы. В своей речи Лидия переключается с русского языка на китайский, использует китайские числительные или слова, русский эквивалент которых ей неизвестен.

Основным языком Лидии в последние годы является китайский. Узость сферы употребления русского языка (бытовое общение) и существование только в устной форме негативно отразились на состоянии родного языка Лидии, который постепенно забывается [18: 127–128].

В устной речи Лидии и других потомков русских в Трёхречье во втором–третьем поколениях наблюдается использование следующих заимствованных элементов из китайского языка: 1) синтаксические конструкции, представляющие собой кальки с китайского языка (синтаксическое калькирование): *Раньше всё русские были, всё суп и кашу, всё каши, ешо борщ; Всё веруем*. В указанных примерах конструкция *всё + существительное (глагол)* соответствует конструкции в китайском языке 都 [dōu] + *существительное (глагол)*, данная конструкция используется для обобщения; *Всё можно. Газету можно (читать)*. В китайском языке используется модальный глагол 可以 [kěyǐ], который переводится на русский язык разными способами. Например: *можно* (в значении «есть возможность, разрешается») или *мочь* (в значении «обладать способностью что-то сделать») и др.; 2) семантическое калькирование, например в словосочетании *сердцу неловко* (вместо: сердце болит). В Китае когда говорят о болезни или о недомогании, используют выражение 不舒服 [bùshūfu], что дословно означает «некомфортно, неудобно»; 3) иноязычные вкрапления: *Саньхэ, Шаньдун, Хэбэй* и др.; 4) заимствования из китайского языка: *Он в чжэньфу работает, где 政府 [zhèngfǔ] – «правительство»; Мама если жива шас будет, так цзюшилю, где 九十六 [jiǔshíjiù] – «девяносто девять»; 5) заимствование китайских грамматических элементов: *Тоже их стары нетула* и др. [4: 164–169].*

Письменным источником на русском языке, демонстрирующим заимствования в русский язык трёхреченцев, выступает тетрадь-песенник Ирины Г., потомка русских в третьем поколении. Песенник Ирина вела с 1958 г. и записывала туда русские песни, частушки, кулинарные рецепты, адреса, «чтобы не забыть русский язык» [28]. Этот документ выступал объектом анализа фольклористов и культурологов [9: 266–305] и представляет большой интерес для лингвистов, поскольку демонстрирует естественную русскую письменную речь русскоязычной диаспоры в Трёхречье, отражая особенности их произношения и употребления грамматических форм [15: 369]. Заимствованной лексики в устойчивых фольклорных жанрах в рассматриваемом источнике не было обнаружено, кроме упоминания

партийного лидера Мао Цзэдуна: *Здесь миллионы дружных людей в мире и счастье живут, Партии славу поют своей, Мао Це Дун Славу поют.* Чаще на страницах песенника встречаются переводы русских песен на китайский язык в иероглифической записи, что является дополнительным подтверждением усиливающегося субординативного билингвизма автора тетради-песенника с доминированием китайского языка.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры в Синьцзяне (Синьцзян-Уйгурский автономный район)

Синьцзян находится на северо-западе Китая и граничит со среднеазиатскими странами и Россией. Русскоязычная диаспора в этом регионе является самой многочисленной: в настоящее время там проживает около 12 тыс. потомков русских переселенцев, часть из которых являются этническими («чистокровными») русскими в третьем–четвёртом поколениях. Данный вариант русской речи в восточном зарубежье описан в работах С.В. Гордеева [4: 168–204; 17].

Типичным и ярким представителем русскоязычной диаспоры в Синьцзяне является Александр З., 1958 г. р., русский в третьем поколении переселенцев из России в Китай, проживающий в г. Инин Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР – многонационального региона, в котором говорят на 53 генетически и типологически различных языках.

Александр родился в Китае, он является этническим («чистокровным») русским: его русские дедушки и бабушки переселились в Синьцзян в начале 1930-х гг. во время коллективизации в России; мать и отец, русские, родились уже в Китае, в г. Инин, там же получили образование в русских школах. Александр тоже начал получать образование в одной из русских школ г. Инина, но не окончил её по причине закрытия школы во время «культурной революции». 14 братьев и сестёр Александра могут говорить, читать и писать по-русски, все имеют русские имена. Жена Александра, Алла, тоже русская. Их дети – Маргарита, Анна и Антонина, учились в русской школе г. Инина, владеют русским и китайским языками: могут говорить, писать и читать на этих языках. На русском языке они говорят со своими старшими родственниками, а в общении друг с другом преимущественно используют китайский язык [4: 193–195].

Александра характеризует высокий уровень сохранности русского языка. Кроме того, в его языковую компетенцию входят уйгурский, казахский, китайский и английский языки, на которых он может го-

ворить, а на русском и уйгурском – читать [4: 193]. Такое положение дел характерно и для многих других представителей русскоязычной диаспоры в Синьцзяне.

В русском языке синьцзянской русскоязычной диаспоры, находящейся в многонациональном и многоязычном социуме, неизбежен процесс заимствования из других языков, однако его специфику определяет состав заимствованных единиц по языку – источнику заимствования. В Синьцзяне первую очередь это заимствования из тюркских языков: *аркан* – «верёвка с петлёй для ловли животного» (татар.), *арык* – «оросительный канал, канава» (уйг., башк., казах., татар.), *иримчэк* – «сыр домашнего приготовления» (киргиз., казах.), *камча* – «название плети или кнута» (казах.), *къмыс* и *кумыс* – «напиток из молока кобылы» (татар.), *курт* – «название кисломолочного продукта» (казах.), *урук* – «урюк» (тюрк.) и др.

Наблюдается и влияние китайского языка, которое в *устной* речи проявляется в следующем: 1) иноязычные вкрапления – названия городов и уездов: *Шанхай*, *Чугучак*, *Урумчи*, *Монголкура*, *Кунес*, *Текес*; 2) лексические заимствования из китайского языка: *лагман*, где 兰格曼 [lángémàn] – «лагман – блюдо из лапши»; 3) синтаксическая калька с китайского языка (единично): *моёй жены братова дочь* – «дочь брата жены». В китайском языке главное слово – «дочь», находится в конце модели: 妻子的哥哥的女儿 [qīzidegēgedenǚ'ér], где 妻子 [qīzi] – «жена»; 的 [de] – «признак притяжательности»; 哥哥 [gēge] – «старший брат»; 的 [de] – «признак притяжательности»; 女儿 [nǚ'ér] – «дочь».

Письменные источники, демонстрирующие функционирование русского языка в Синьцзяне и позволяющие судить о присутствии заимствований, не были доступны для исследования.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры в Харбине

Город Харбин и русскоязычная диаспора в Харбине занимают особое место в истории русской восточной эмиграции. Возникновение Харбина в 1898 г. было связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги по совместному договору России и Китая. Построенная дорога должна была находиться в общем пользовании двух государств [1: 51]. Город Харбин бурно развивался и уже через 20 лет представлял собой по своему облику и жизнеустройству провинциальный российский город с развитой по российскому типу инфраструктурой, русскими образовательными учреждениями, русской периодикой, русской культурной жизнью и т. д. [11: 105]. После 1917 г. население Харбина пополнилось беженцами от новой политиче-

ской власти в России, среди которых были как привилегированные слои русского общества, интеллигенты, так и рабочие, крестьяне, казаки [8: 72–73]. Сферы использования русского языка в Харбине в первой половине XX в. были чрезвычайно широки [14: 27–37] как в устной, разговорной форме, так и в письменной кодифицированной официальной разновидности.

Для русской речи Харбина в начале и середине XX в., когда он был центром русской восточной эмиграции, характерны заимствования из восточных языков – китайского (главным образом) и японского, а также и из западно-европейских языков.

Заимствования из восточных языков

Заимствования из восточных языков присутствовали в устной речи последних русских Харбина, проживших в этом китайском городе свою жизнь. Типичным представителем русскоязычной диаспоры в Харбине в XX в. был Михаил М., относящийся к первому поколению эмигрантов. Родившийся в 1912 г. в России, в Самаре, он в 1919 г. бежал вместе с родителями в Харбин, где впоследствии получил высшее образование в Харбинском политехническом институте. Михаил М. знал несколько европейских языков (английский, французский, немецкий), а также японский разговорный. Китайским языком, по собственному признанию, не владел. Он был носителем литературной формы русского языка, который сохранил в чистоте. Русская речь Михаила М. соответствовала петербургскому произносительному варианту нормы, которая считалась престижной в Харбине и характеризовала речь русского интеллигента [6: 101]. В его устной речи отсутствовала интерференция под влиянием китайского и других известных ему языков, несмотря на 80 лет жизни вне метрополии. Однако лексические заимствования из китайского языка в устной речи Михаила М. присутствовали, и они составляли специфическую черту его речи, хотя и не были многочисленными: *Дядя Миша говорит «камбэй!» Да, дядя Миша, а Иван Грозный говорил «Вздвогнем!», где 干杯 [gānbēi] – «выпить до дна, осушить бокал»; Нет, он не придёт. Он себя плохо чувствует. Он играет в маджан, где 麻将 [májiàng] – «мацзян, маджонг – игра в кости»; Каждый день кайхой да кайхой, где 开会 [kāihuì] – «проводить собрание»; У меня вот чашечка есть такая. В общем лян, два ляна воды так если посмотреть, где 两 [liǎng] – «мера веса, равная 50 грамм», и др.*

Эти примеры слов, непосредственно заимствованных в русский язык восточного зарубежья из китайского языка. Среди китайских заимствований в русском языке восточного зарубежья имелись и

такие, которые в русском языке метрополии существовали в статусе экзотических наименований, а в восточном зарубежье получили второе рождение, став актуальными и широкоупотребительными. Это, например, *юань* – «название денежной единицы Китая»: *Один юань, всё равно что наш рубль, тоже рубль десятичный, понятно?*; *фанза* – «название китайского жилища»: *Первую половину я получил, пошёл за город, купил китайскую фанзу с участком, и скот туда перегнал*, и др.

Широко использовались китайские топонимические наименования в русской речи восточного зарубежья. Например, *Цындао, Ченхе*: *Потом у него заболела поджелудочная железа. Отправили его в город Цындао, к докторам немецким; Через несколько лет, в девяносто третьем году, навещал других наших местных, в Ченхе поехал навестить одну старушку* и др.

Присутствовали в устной русской речи последних представителей русскоязычной диаспоры в Харбине и заимствования из японского языка, которые вошли в разговорный обиход харбинцев в годы японской оккупации Маньчжурии: *Эти талоны на муку были, на муку, хлеб... лимпё, были размером на... один, на пять динь, на десять динь, кажется, на муку, рис, где лимпё* – «карточки для обмена на продукты во время японской оккупации».

В письменной речи русского Харбина (14: 132–142), а именно в обширной периодической печати (как минимум 154 наименования периодических изданий на русском языке выходило в Харбине в течение всего периода пребывания там русскоязычной колонии [22]), в произведениях художественной и мемуарной литературы также присутствовали заимствования из восточных языков: из китайского языка – языка страны проживания русских эмигрантов, и японского языка – языка Японии, оккупировавшей в 1932 г. Маньчжурию и Харбин [20: 138].

В эмиграции возникает «ощущение необходимости говорить так, чтобы отражать именно ту действительность, которая окружает» [21: 449], поэтому состав заимствований из китайского языка включает, прежде всего, обозначения реалий китайской жизни, экзотичных для носителя русского языка.

Все заимствования из китайского языка, зафиксированные в письменных источниках, различаются по способу вхождения в русский язык восточной эмиграции. Как и в устной речи русскоязычной диаспоры Харбина, в письменной речи актуализировались и частотно использовались уже известные русскому языку метрополии, но имевшие там статус экзотизмов заимствованные из китайского языка лексические единицы. Об этом свидетельствуют данные Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова [23]. В русском языке

восточного зарубежья в тот же период и позже эти лексические заимствования вошли в состав активно употребляемой лексики. Например, *фанза* – «дом, строение»; *хунхуз* – «разбойник»; *гаолян* – «сельскохозяйственная злаковая культура; разновидность проса»; *жень-шень* – «дикорастущее растение, произрастающее на Дальнем Востоке» и некоторые др. Кроме того, как и в записях устной русской речи харбинцев, в письменных текстах присутствовали лексические единицы, непосредственно заимствованные в русский язык восточного зарубежья из китайского языка. Например, *кан* – «лежанка, место для сна и отдыха»; *фен* – «мелкая китайская монета»; *чумиза* – «сельскохозяйственная злаковая культура»; *та-хула* – «особый вид китайского лакомства»; *батат* – «запечённый китайский сладкий картофель»; *син-гоуцзы* – «китайские дыни»; *лянцай* – «китайская холодная закуска»; *финтеза* (*фунгоза*) – «лапша из рисовой муки»; *пинго* – «китайское мороженое»; *тян-бин* – «китайский блин из кукурузной муки»; *куня* – «китайская девушка, обычно в качестве обращения»; *ама* – «китайская няня» и др.

Заимствования из китайского языка в русском языке восточного зарубежья, в Харбине, были представлены следующими основными тематическими группами: 1) названия лица – китайцев или представителей других азиатских народов (*хунхуз, ама, куня, рикша, ходя, чжангуйда, даоинь*); 2) названия сельскохозяйственных злаковых культур, традиционно выращиваемых в Китае (*гаолян, чумиза и сяомицза, пампиза*); 3) названия традиционных китайских блюд и напитков (*тян-бин, та-хула, батат, лянцай, финтеза, пинго, ханжа, хана*); 4) названия мер и денежных единиц (*фен, шан, малый шан*); 5) название традиционной китайской постройки и её внутреннего сооружения (*фанза, кан*); 6) название местного целебного растения (*жень-шень*); 7) название праздничной китайской процедуры (*цин-кэ*). Все это лишний раз подтверждает их экзотический, или этнографический, или региональный статус [7: 158].

Заимствования из китайского языка в русском языке восточного зарубежья, несмотря на интенсивность русско-китайских языковых контактов, не являлись многочисленными. Главная причина, на наш взгляд, – лингвистическая. Типологическое различие китайского и русского языков затрудняет их свободное взаимодействие. Сложный, необычный для русского восприятия фонетический облик китайского слова также не способствует беспрепятственному, свободному заимствованию. Кроме того, представление о своём языке как имеющем более высокую социальную и культурную значимость было свойственно русским в Китае: русский язык в Харбине обслуживал все коммуникативно значимые сферы жизнедеятельности русского

населения. Обходиться средствами родного языка, не зная языка принявшей страны, было возможно и по причине лояльной языковой политики Китая, который не препятствовал свободному использованию русского языка на своей территории.

Процесс заимствования из японского языка в русских письменных источниках Харбина активизировался в период японской оккупации Маньчжурии и Харбина (1932–1945 гг.). Лексические заимствования из японского языка представляют собой наименования специфичных японских реалий: *бенито* – «порция еды, упакованная в коробочку»; *гетто* и *гета* – «деревянные японские сандалии»; *джинрикиса* – «общественный транспорт, то же, что рикша»; *кемпейтай* и *кэмпэтай* – «японская жандармерия»; *момпэ* – «японские женские штаны-шаровары»; *хибачи* – «японская печь»; *чикатаби* – «японская рабочая обувь» и др. По данным И.К. Косицыной, заимствования из японского языка составляют 25 % всех заимствований из восточных языков в русском языке Харбина [10: 184].

Заимствования из западно-европейских языков

Всплеск научной и инженерной мысли в мире, популяризация телефона, радио, фотографии, кинематографа, авиации, телевидения, развитие спорта в начале и первой половине XX в. потребовали новых обозначений, которые возникали в западно-европейских языках и проникали и в русский язык метрополии, и в русский язык зарубежья [5: 31]. Есть основания предполагать, что в русском языке восточного зарубежья процесс заимствований из западно-европейских языков был более интенсивным по сравнению с метрополией по причине того, что в первой половине XX в. Харбин был местом привлечения иностранного капитала и, соответственно, непосредственных прямых контактов представителей различных европейских государств, являвшихся носителями разных языков [1: 95–104].

Проникновение западно-европейских заимствований происходило главным образом через язык периодики и могло осуществляться одновременно и в язык метрополии, и в язык эмиграции. В этом случае одна и та же заимствованная единица могла обнаруживать различие в способе транслитерации, орфографическом и грамматическом оформлении, произношении, степени освоенности. Непосредственно из языка-источника в русский язык восточного зарубежья вошли некоторые спортивные наименования. Свидетельством тому является их разнотипное графическое оформление в периодических изданиях Харбина первой половины XX в., отражающее вхождение и пути адаптации этих слов в русский язык. См.: *volley-ball*, *basket-ball*,

handball и бейс-бол 1920; состязания по валлей-болл у 1927; по баскет-болл ю в ХОС организуются команды 1927; состязания по баскет-боллу, валлей-боллу, хенд-боллу 1927; Русский Баскет-Болл Клуб 1936; баскет болл, баскет боллу и баскет-болл 1936, а также образованные от них собственно русские баскет большая команда и баскет-болльные организации 1936; баскет-боллисты 1936; воллей-болльная команда 1937; баскет-болльная встреча 1945; дайренские бейс-болисты 1927; бейзболлист 1940 и даже состязания в «медицин-болл» 1927.

К числу непосредственных заимствований из западно-европейских языков в русский язык восточного зарубежья относятся также следующие группы наименований: 1) наименования, отражающие достижения научно-технической мысли, активно внедряемые в жизнь (*виктрола, виктрола-ортофоника, пурифайер, радио-электрола, телеаутография, телеаутограммы*); 2) наименования, связанные с культурой внешнего вида человека, – наименования одежды, её деталей, тканей и т. п. (*джампера, джерсе, зипер, клипс, крэп-сатэн, креп-де шин, креп дешин и креп-де-шин, макияж, сорти – де-баль, тайер*). Указанные лексические единицы отсутствуют в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова либо присутствуют там в другом формальном варианте [23].

Заключение

Анализ заимствований в русском языке восточного зарубежья, а именно в русскоязычных диаспорах Харбина, правобережья реки Амур, Трёхречья и Синьцзяна в XX – начале XXI в. показал, что, несмотря на хронологическую, территориальную и историческую соположенность диаспор, мы видим вариативность русского языка в восточном зарубежье, проявляющуюся, в частности, в составе заимствований, их источников и видов. В сравнительном ключе эта вариативность представлена в таблице.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычных диаспор в Китае: сравнительный анализ

Показатель	Правобережье реки Амур	Трёх- речье	Синьцзян	Харбин
Лексические заимствования и вкрапления	Да (из китайского языка)	Да (из ки- тайского языка)	Да (из китай- ского и тюркских языков)	Да (из китайского, японского и западно-европей- ских языков)

Показатель	Правобережье реки Амур	Трёх- речье	Синьцзян	Харбин
Семантические кальки	Да	Да	Не обнару- жено	Не обнаружено
Синтаксические кальки	Да	Да	Единичный случай	Не обнаружено
Морфологические заимствования	Да	Да	Не обнаружено	Не обнаружено

Состав заимствований в различных вариантах русского языка в восточном (китайском) зарубежье показывает актуальность тех или иных социальных и культурных контактов, отразившихся в заимствованиях из языков их носителей: в русском языке русскоязычной диаспоры Харбина это заимствования из восточных (китайского и японского) языков и из западно-европейских языков; в Синьцзяне – заимствования из китайского и тюркских языков; в Трёхречье и на правобережье реки Амур – только из китайского языка.

Особенности функционирования заимствований в русской речи представителей различных русскоязычных диаспор в Китае, их использование в устной и письменной разновидностях русского языка демонстрируют различные способы языкового существования и разный уровень сохранности русского языка в диаспорах.

Так, в Харбине наблюдалось полноценное функционирование русского языка, проявляющееся, в частности, в заимствовании необходимой для коммуникации и соответствующей запросам современного момента лексики из восточных и западноевропейских языков и использовании её как в устной, так и письменной речи; по сути, это «параллельное» существование системы русского языка в зарубежье в первой половине и середине XX в. по отношению к системе русского языка в метрополии.

В Синьцзяне происходит адекватное условиям зарубежья использование лексических заимствований из китайского языка и тюркских языков в устной речи современных представителей русскоязычной диаспоры старшего поколения – этнических русских и метисов, владеющих русским языком.

В Трёхречье и на правобережье реки Амур отмечено заимствование не только лексического, но и грамматического (синтаксического и морфологического) свойства, приводящее в ситуации русско-китайского билингвизма к постепенному замещению в русской речи билингвов элементов родного языка элементами доминирующей в данном социуме языковой системы китайского языка с последующим полным переходом на коммуникацию средствами этой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

2. *Гордеева С.В.* Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 238 с.

3. *Гордеева С.В.* Потомки русских эмигрантов китайского приграничья: типология языковых личностей // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 93–99.

4. *Гордеев С.В., Гордеева С.В., Оглезнева Е.А. и др.* Русскоязычные анклавы в Китае в XX – начале XXI в.: языковые ситуации и языковые личности / под ред. Е.А. Оглезневой. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2024. 232 с.

5. *Грановская Л.М.* Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны / отв. ред. М.В. Ляпон. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.

6. *Дземешкевич Л.* Харбинцы. Омск, 1998. 230 с.

7. *Добродомов И.Г.* Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 158–159.

8. *Дубинина Н.П., Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70–84.

9. *Забияко А.П., Забияко А.А.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ РАН, 2017. 340 с.

10. *Косицына И.К.* Заимствования из восточных языков в русском языке восточного зарубежья и их специфика // Социальные и гуманитарные науки на дальнем Востоке. 2020. Т. XVII, вып. 2. С. 180–185.

11. *Золотарева Т.И.* Маньчжурские были. Сидней (Австралия): Харбинское и Маньчжур. ист. общ-во, 2000. 278 с.

12. *Кормазов В.А.* Барга. Экономический очерк. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1928. 281 с.

13. *Оглезнева Е.А.* Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 6. С. 52–74.

14. *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.

15. *Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В.* Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайском Трёхречье в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 359–373. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

16. *Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В.* Русский язык в китайском Трёхре-

чье: языковые особенности // Русин. 2022. № 68. С. 299–315. doi: 10.17223/18572685/68/16

17. Оглезнева Е.А., Гордеев С.В. Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР) // Русин. 2023. № 71. С. 270–287. doi: 10.17223/18572685/71/13

18. Пустовалов О.В. Речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трёхречье в XX в. (на материале записей устной речи одной из представительниц русской восточной эмиграции в Китае) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 119–130. doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_119_130

19. Пустовалов О.В. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Трёхречье, Китай): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2021. 210 с.

20. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: ДВГУ, 2002. 360 с.

21. Протасова Е.Ю. Языковая норма: извне или изнутри? // Русский язык сегодня : сб. статей. М., 2006. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. С. 449–456.

22. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. 464 с.

23. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4.

24. Фоноархив «Русский Харбин: записи речи последних представителей русской диаспоры в Харбине (КНР). 2000–2006 гг.» // Хранение: Оглезнева Е.А. Копия: Лаборатория региональной лингвистики, Амурский государственный университет.

25. Фоноархив «Русские деревни Китая: записи речи потомков русских переселенцев на правобережье реки Амур, провинция Хэйлунцзян (КНР). 2011–2012 гг.» // Хранение: Гордеева С.В. Копия: Оглезнева Е.А.

26. Фоноархив «Русское Трёхречье: записи речи потомков русских переселенцев в Трёхречье (КНР). 2017–2018 гг.» // Хранение: Пустовалов О.В. Копия: Оглезнева Е.А.

27. Фоноархив «Русский Синьцзян: записи речи потомков русских переселенцев в Синьцзян (КНР). 2018 г.» // Хранение: Гордеев С.В. Копия: Оглезнева Е.А.

28. Дневник-песенник Громовой И. 1958–2018. Копия // Хранение: Пустовалов О.В. Копия: Оглезнева Е.А.

REFERENCES

1. Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and Russian Émigré in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century)]. Moscow: Russkaya panorama.

2. Gordeeva, S.V. (2015) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitaye: na materiale rechi russkikh pereselentsev v Kitay 20–40-kh gg. XX v. i ikh potomkov* [The Russian language in border China (based on the speech of Russian immigrants to China in the 1920s – 1940s century and their descendants)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

3. Gordeeva, S.V. (2014) Potomki russkikh emigrantov kitayskogo prigranich'ya: tipologiya yazykovykh lichnostey [Descendants of Russian Emigrants to the Chinese Borderland: Typology of Linguistic Personalities]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 66. pp. 93–99.

4. Gordeev, S.V., Gordeeva, S.V., Oglezneva, E.A. et al. (2024) *Russkoyazychnye anklavy v Kitae v XX – nachale XXI v.: yazykovye situatsii i yazykovye lichnosti* [Russian-speaking enclaves in China in the 20th – early 21st centuries: Language situations and language personalities]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering.

5. Granovskaya, L.M. (1995) *Russkiy yazyk v “rassyanii”*: Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny [Russian language in the “diaspora”: Essays on the language of the first wave of Russian émigré]. Moscow: IRYAZ.

6. Dzemeshevich, L. (1998) *Kharbintsy* [The Harbin people]. Omsk: [s.n.].

7. Dobrodomov, I.G. (1990) Zaimstvovanie [Borrowing]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 158–159.

8. Dubinina, N.P. & Tsipkin, Yu.N. (1996) Ob osobennostyakh dal'nevostochnoy vetvi rossiyskoy emigratsii (na materialakh Kharbinskogo komiteta pomoshchi russkim bezhentsam) [On the peculiarities of the Far Eastern branch of Russian émigré (based on materials from the Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees)]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 70–84.

9. Zabiako, A.P. & Zabiako, A.A. (2017) *Russkiye Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russians of Trekhrech'e: The foundations of ethnic identity]. Novosibirsk: IAET RAS.

10. Kositsyna, I.K. (2020) Zaimstvovaniya iz vostochnykh yazykov v russkom yazyke vostochnogo zarubezh'ya i ikh spetsifika [Borrowings from Eastern languages in the Russian language of the Eastern Abroad and their specificity]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na dal'nem Vostoke*. XVII(2). pp. 180–185.

11. Zolotareva, T.I. (2000) *Man'chzhurskie byli* [Manchurian Byl]. Sidney: Harbin and Manchurian Historical Society.

12. Kormazov, V.A. (1928) *Barga. Ekonomicheskiiy ocherk* [Barga. An economic essay]. Harbin: China Eastern Railway.
13. Oglezneva, E.A. (2008) Rechevoy portret Mikhaila Mikhaylovicha Myatova, predstavatelya russkoy diaspory v Kharbine [Speech portrait of Mikhail Mikhailovich Myatov, a representative of the Russian diaspora in Harbin]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiiy al'manakh*. 6. pp. 52–74.
14. Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [Russian language in the Eastern Abroad (based on Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.
15. Oglezneva, E.A. & Pustovalov, O.V. (2021) Social and speech portrait of a descendant of Russian settlers in the Chinese Three Rivers region in the 20th century. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 12(2). pp. 359–373 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373
16. Oglezneva, E.A. & Pustovalov, O.V. (2022) The Russian language in the Chinese Three Rivers Region: Linguistic features. *Rusin*. 68. pp. 299–315 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/16
17. Oglezneva, E.A. & Gordeev, S.V. (2022) Slavic linguistic personality in a non-Slavic environment (based on the speech of Russians and their descendants in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. *Rusin*. 71. pp. 270–287 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/13
18. Pustovalov, O.V. (2020) Rechevoy portret potomka russkikh pereselentsev v kitayskoe Trekhrrech'e v XX v. (na materiale zapishey ustnoy rechi odnoy iz predstavitel'nykh russkoy vostochnoy emigratsii v Kitaye) [Speech portrait of a descendant of Russian settlers in the Chinese Three Rivers in the 20th century (based on recordings of oral speech of one of the representatives of the Russian Eastern émigré in China)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 6(2). pp. 119–130. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_119_130
19. Pustovalov, O.V. (2021) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'ye (na materiale russkoy rechi v Trekhrrech'ye, Kitay)* [The Russian language in the Eastern Abroad (based on the Russian speech in Trekhrrechye, China)]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
20. Khisamutdinov, A.A. (2002) *Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: opyt entsiklopedii* [Russian Émigré in China: An Encyclopedic Study]. Vladivostok: Far Eastern National University.
21. Protasova, E.Yu. (2006) Yazykovaya norma: izвне ili iznutri? [Language norm: From outside or from within?]. In: *Russkiy yazyk segodnya* [The Russian Language Today]. Vol. 4. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 449–456.
22. Shumova, V.P. et al. (eds) (1999) *Svodnyy katalog periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy Russkogo zarubezh'ya v bibliotekakh Moskvy (1917–1996 gg.)* [Consolidated Catalog of Periodicals and Serials of the Russian Diaspora

in Moscow Libraries (1917–1996)]. Moscow: ROSSPEN.

23. Ushakov, D.N. (ed.). (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 vols]. Moscow: OGI.

24. Oglezneva, E.A. (2000–2006). *Fonoarkhiv "Russkiy Kharbin: zapisi rechi poslednikh predstaviteley russkoy diaspory v Kharbine (KNR). 2000–2006 gg."* [Phonographic archive "Russian Harbin: Recordings of speech of the last representatives of the Russian diaspora in Harbin (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at the Laboratory of Regional Linguistics, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

25. Gordeeva, S.V. (2011–2012) *Fonoarkhiv "Russkie derevni Kitaya: zapisi rechi potomkov russkikh pereselentsev na pravoberezh'e reki Amur, provintsiya Kheyluntszyan (KNR). 2011–2012 gg."* [Phonographic archive "Russian villages of China: Recordings of speech of descendants of Russian settlers on the right bank of the Amur River, Heilongjiang Province (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at E.A. Oglezneva.

26. Pustovalov, O.V. (2017–2018) *Fonoarkhiv "Russkoye Trekhrech'e: zapisi rechi potomkov russkikh pereselentsev v Trekhrech'e (KNR). 2017–2018 gg."* [Phonographic archive "Russian Trekhrechye: Recordings of speech of descendants of Russian settlers in Trekhrechye (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at E.A. Oglezneva.

27. Gordeev, S.V. (2018) *Fonoarkhiv "Russkiy Sintszyan: zapisi rechi potomkov russkikh pereselentsev v Sintszyan (KNR). 2018 g."* [Phonographic archive "Russian Xinjiang: Recordings of speech of descendants of Russian settlers in Xinjiang (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at E.A. Oglezneva.

28. Gromova, I. (1958–2018) *Dnevnik-pesennik Gromovoy I. 1958–2018* [I. Gromova's diary-songbook, 1958–2018]. [Unpublished manuscript]. Copy held by O.V. Pustovalov. Another copy at E.A. Oglezneva.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

УДК 811-16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/10

Новая социальная лексика последнего десятилетия: сопоставительный анализ лексики СМИ (на материале русского, словацкого и чешского языков)

Д. Саболова¹, М.А. Харламова²

¹Католический университет,

Словакия, 034 01, г. Ружомберок, Грабовска цеста, 1

E-mail: drahomirasabolova@gmail.com

²Омский государственный университета им. Ф.М.Достоевского

Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55-А

E-mail: khr-spb@mail.ru

Авторское резюме

Анализируются лексические единицы англоязычного происхождения, связанные с социальными движениями и идеологическими течениями последнего десятилетия. Кратко представлена социокультурная ситуация, вызвавшая появление англоязычных заимствований и их производных. Прослеживаются пути вхождения глагола *woke* в словацкий, чешский и русский языки, адаптация заимствования и функционирование отглагольных дериватов в названных славянских языках. Анализируется семантический потенциал новых составных наименований *woke culture*, *kultúra prebudenia* (слвц.), *kultura probuzení* (чеш.), культура вовлечённости (рус.). При анализе неологизмов обращается внимание как на их графическое оформление (*woke culture*, *woke-культура*, *воук-культура* и т.п.), так и (что очень важно) на семантические сдвиги при их функционировании в том или ином языке: так, *woke* – от первоначального значения ‘проснуться, очнуться’ до ‘культура вовлечённости’, ‘политкорректная культура’ (рус.), ‘культура заинтересованности’ и, наконец, ‘информированный’, ‘актуальный’. Многочисленные дериваты (*воук*, *вокизм*, *воукизм*, *антивоукер* – рус.; *wokizmus/ wokeizmus*, *woker/wokeři* – чеш.; *wokizmus/ wokeizmus*, *wokeri* – слвц.) подчеркивают актуальность неологизмов. Стилистические сдвиги также оказываются релевантны при усвоении анализируемых заимствований: первоначально стилистически нейтральное *woke* (в английской графике) стало употребляться для

номинации людей, которых волнует политика идентичности и деколониальное движение, и приобрело негативную окраску, отсюда, возможно, рассматривается и как бранное. Выявлено, что вокер в русском языке известно в значении, актуальном в другой сфере – как антропоним или же название, связанное с подготовкой еды в воке. Социальными сдвигами обусловлена и актуализация в языковом пространстве СМИ номинации *Cancel culture*, в статье указывается следующий его перевод: *kultúra (z)rušenia* (слов.), *kultura rušení* (чеш.), культура отмены/исключения (рус.). Еще одна тема, часто обсуждаемая в интернет-пространстве, вызвавшая появление новых слов, освещает вопросы сексуальных меньшинств и гендера: функционирует как привычная аббревиатура *LGBT*, так и обновлённые типа *LGBTIQ+*, *transgender*, *transrodový muž/žena*, *transrodoví ľudia* и др. Сделаны выводы о детерминированности активных процессов заимствования и быстрой адаптации неологизмов в означенных языках социокультурной средой, идеологическими течениями и актуальными дискуссиями на пространствах интернета и др. СМИ.

Ключевые слова: актуальная лексика, сопоставление, русский, словацкий и чешский языки

New social vocabulary of the last decade: A contrastive analysis of media vocabulary (based on Russian, Slovak, and Czech languages)

Drahomira Sabolova¹, Marina A. Kharlamova²

¹ Catholic University in Ružomberok

1 Hrabovská cesta, Ružomberok, 034 01, Slovakia

E-mail: drahomirasabolova@gmail.com

² Omsk State University of F.M. Dostoyevsky

55-A Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: khr-spb@mail.ru

Abstract

The article analyzes the lexical units of English origin associated with social movements and ideological trends of the last decade. It outlines the sociocultural context that prompted the emergence of these borrowings and their derivatives. The pathways of integration of the term *woke* into Slovak, Czech, and Russian are traced, with par-

ticular attention to its adaptation and the functioning of verbal derivatives in these Slavic languages. The semantic potential of new compound names of *woke culture*, *kultúra prebudenia* (Slovak), *kultura probuzení* (Czech), *культура вовлечённости* (Russian) is analysed. The analysis addresses both the graphic representation of these neologisms (e.g., *woke culture*, *woke-культура*, *воук-культура*) and, importantly, the semantic shifts observed in their usage across languages. For instance, *woke* has evolved from its original meaning of 'awake' to convey notions such as *культура вовлеченности* ('culture of involvement'), *политкорректная культура* ('politically correct culture'), *культура заинтересованности* ('culture of awareness') and finally – *информированный, актуальный* ('informed', 'topical'). The productivity of these borrowings is underscored by numerous derivatives, such as Russian *воук*, *вокизм*, *воукизм*, *антивоукер*; Czech *wokizmus/wokeizmus*, *woker/wokeři*; and Slovak *wokizmus/wokeizmus*, *wokeri*. Stylistic shifts are also relevant in the assimilation process: the initially stylistically neutral *woke* (in English orthography) acquired negative connotations as it came to label people concerned with identity politics and decolonial movement, at times functioning as a pejorative. It has been revealed that in Russian, *вокер* can be interpreted in an entirely different context—as an anthroponym or a term related to cooking in a wok. Further sociolinguistic shifts are reflected in the prominence of the term *Cancel culture*, which appears in media discourses translated into Slovak as *kultúra (z)rušenia*, into Czech as *kultura rušení*, and into Russian as *культура отмены* or *культура исключения*. Another prominent theme driving lexical innovation is discourse around sexual and gender minorities, exemplified by the widespread use of abbreviations such as *LGBT* and newer formulations like *LGBTIQ+*, as well as terms including *transgender*, *transrodový muž/žena* (Slovak/Czech), and *transrodová ľudia*. In conclusion, the analysis demonstrates that the active processes of borrowing and rapid adaptation of neologisms in Slovak, Czech, and Russian are strongly influenced by the sociocultural environment, prevailing ideological trends, and ongoing discussions within digital and mass media spaces.

Keywords: actual vocabulary, comparison, Russian, Slovak, Czech

Введение

В современном коммуникативном пространстве большое значение имеют новости, распространяемые через интернет. Лингвисты, занимающиеся изучением функционирования новых слов в том или ином языке, отмечают, что массовое вхождение неологизмов в язык, как правило, обусловлено каким-либо социальным явлением и/или движением (идеологическим течением) и связано с тем или иным информационным поводом [30]. Как известно, серьёзным инфоповодом первой четверти XXI в. стала пандемия коронавируса, что отразилось

в появлении серии статей, монографий и других публикаций, где обсуждалась неология этого периода (см. [36; 38] и др.).

Предыдущее десятилетие ознаменовалось повышенным интересом к действиям ЛГБТ-сообщества (гей-парады и пр.), к вопросам гендера, защите прав темнокожих – так называемое движение *Black lives matter* («Жизни чёрных имеют значение»). Лексические и семантические новации возникают как реакция общества на эти или иные социальные и экономические явления.

В заголовках отдельных СМИ употребляются такие единицы, как *Woke culture*, *Cancel culture*, трансгендер, обсуждается количество гендеров, освещаются разные типы «полов». Этим вопросам уделяли внимание и общественные деятели, и работники сферы искусств (со знаком плюс или минус).

Данная статья посвящена анализу лексических единиц, связанных с обозначенными темами и функционирующих в последнее десятилетие в разных средствах массовой информации.

Цель статьи – выявить источники и способы пополнения современного лексикона некоторыми актуальными неологизмами социально-культурной сферы и пути их адаптации.

Объект исследования – лексические и семантические единицы, заимствованные из англоязычной среды и обладающие «неологической активностью» в русском, словацком и чешском языках, детерминированные вышеуказанными процессами в обществе. Акцентируется внимание на коннотативном аспекте рассматриваемых единиц и их восприятию в обществе.

Материал извлекался из разных СМИ; для сравнения привлечены данные социальных сетей, дискуссионных форумов.

Анализ материала и результаты исследования

Так, основной единицей, которая стала наименованием определённой идеологии, является слово *woke* (форма прошедшего времени глагола *wake*). Исконное значение глагола – ‘проснуться’, ‘очнуться’. Однако со временем значение данной единицы модифицировалось. В 1930-е гг. чернокожие подростки были приговорены к смертной казни за изнасилование, несмотря на доказательства их невиновности. В связи с этим блюзовый исполнитель Ледбелли выпустил песню (*Scottsboro Boys*). Автор советовал цветным *держатъ глаза открытыми*, когда они едут в Алабаму. В 2010-е гг., после создания организации *Black Lives Matter*, возросло внимание к случаям расизма и полицейской жестокости, а слово *woke* стало употребляться и за пределами антирасистского сообщества. А после протестов

2020 г. (реакции на убийство Д. Флойда) термин вошёл в международное поле. Его стали употреблять как «зонтичный термин, который объединил сторонников движений Metoo, cancel culture, BLM и просто людей, которых волнует политика идентичности и деколониальное движение» (курсив в цитатах здесь и далее наш. – Д.С., М.А.) [26]. Это понятие практически стало выступать и как бранное (для правых популистов).

Итак, со временем данная единица стала функционировать в значении 'информированный', 'актуальный'. Кроме того, закрепилось также новое понятие *woke culture* для наименования политкорректной культуры, занимающейся табуированными ранее темами – расовыми, социальными, вопросами меньшинств. В словацком и чешском интернет-пространстве встречается наименование *woke kultura*, *woke* и перевод 'kultúra prebudení' (слвц.), 'kultura probuzení' (чеш.), 'культура вовлечённости' (рус.).

О том, что новая единица обосновалась в других языках, свидетельствует пример из чешских СМИ: «Slovo *woke* se zabydluje v našem slovníku» (слово *woke* «поселяется» в нашем словаре) [14]. В тексте данной статьи указывается, что эта единица употребляется не в своём первоначальном значении, а встречается в рамках основного составного наименования *woke culture* «které můžeme do češtiny volně přeložit jako “*kultura probuzení*”. Obvykle se však překládá pouze druhá část, a tak v češtině mluvíme o takzvané “*woke kultuře*»» (что на чешский язык можно перевести как 'культура пробуждения'. Обычно, однако, переводится только вторая часть, и поэтому в чешском языке мы говорим о так называемой *woke-культуре*) [14]. Далее констатируется, что термин используется как обозначение для политкорректной культуры, которая сосредоточивается на темах расовых, социальных табу или вопросах меньшинств. Как указывается в цитируемой статье, превалирует употребление полукальки, но встречаются и случаи перевода составного наименования, что иллюстрируют следующие примеры: «Ve veřejném prostoru se kromě covidu dnes zhusta probírá “politika identit” a “*kultura probuzení*”» (Помимо ковида, в публичном пространстве сегодня часто обсуждаются «политика идентичности» и «воук-культура») [6]; «A netají se odporem (Trump) k *woke culture* (*kultura probuzení* a porozumění), progresivismu, intelektuálním elitám z amerických univerzit» (И он не скрывает своего отвращения к воук-культуре (культуре вовлечения и понимания), прогрессивизму и интеллектуальной элите американских университетов) [20].

В словацком языке также встречаются как полукалька, так и полный перевод. В качестве примера можно привести слова менеджера словацкой компании, сказанные в интервью: «*Woke kultura* sa u nás

presadzuje najmä plazivým tlakom anglosaských korporácií» (Woke культура продвигается в нашей стране в основном под ползучим давлением англосаксонских корпораций) [7]. Или же мнение бывшего министра обороны Великобритании (Грант Шаппс), опубликованное в словацкой газете: «Existuje *kultúra prebudenia*, ktorá časom prenikla do verejného života a otravuje diskurz» (Существует культура пробуждения/вовлечённости, которая со временем проникла в общественную жизнь и отравляет дискурс) [9].

Большая российская энциклопедия (БРЭ) характеризует это новое явление следующим образом: «Культура вовлечённости, воук, вокизм, воукизм (англ. woke culture, woke), современное идеологическое течение, возникшее в США в 2010-х гг. на волне подъёма движения Black Lives Matter. Его сторонники характеризуются обострённым вниманием к расовым предрассудкам, любым формам дискриминации, социально-экономическому неравенству, сексизму, ущемлению прав меньшинств... Согласно Оксфордскому словарю английского языка, термин “*woke*” первоначально означал “информированный, актуальный» [27]. В русскоязычном интернет-пространстве встречается заимствование в латинской графике: «В истории *woke culture* самым важным оказалось не первое, а второе слово – основная борьба ведётся не за материальные ценности, а символические» [26]; но чаще отмечается перевод второго слова: «“*Woke*”-культура и её язык “*wokespeak*»» [40].

Несмотря на то что БРЭ приводит перевод названия как культура вовлечённости, в интернет-пространстве данное наименование функционирует в основном в другом значении, а именно как ‘культура заинтересованности, способ мотивации сотрудников компании’.

Исследуемая единица *woke* стала базой для формирования дериватов. В словацком интернет-пространстве встречаются единицы *wokizmus* (и в варианте *wokeizmus*) как название для идеологии или же *woker* – ‘наименование для сторонника вокизма’. В словацкой интернет-газете находим: «Pre *wokizmus* je typické, že vzniká a šíri sa najskôr na akademickej pôde, z ktorej sa ešte len prelieva/rozrástá do súkromného sektora alebo nižších stupňov školstva» (Для вокизма характерно то, что он сначала возникает и распространяется в академических кругах, откуда он перекидывается/распространяется на частный сектор или низшие уровни образования) [15]; «Toto je, mimochodom, atribút, ktorým má “*wokeizmus*” najbližšie k náboženstvu... Na rozdiel od náboženských hnutí však nemôže svojim stupňom sľubovať život večný, čo celú schému trochu oslabuje. Toto je tiež dôvod, prečo “*wokeri*” napospol nedokážu konkurovať v bežnej demokratickej politike a presadzujú svoje záujmy rovnako ako iní lobisti» (Это, кстати, тот признак, по которому «вокизм» наиболее близок к религии...

Однако, в отличие от религиозных движений, он не может обещать своим последователям вечную жизнь, что несколько ослабляет всю схему. Именно поэтому «воукеры» не могут конкурировать в основной демократической политике и продвигают свои интересы так же, как и другие лоббисты) [15]; «Podstatné mená vyjadrujúce osobu *wokey/wokie/justice warrior* (“*woker*”, bojovník za slobodu) sú používané ako hanlivé výrazy na ľudí, ktorí sú príliš “uvedomelí”» (Существительные, выражающие личность *wokey/wokie/justice warrior* («воукер», борец за свободу), используются в качестве уничижительных выражений по отношению к людям, которые слишком «сознательны») [25].

И в чешских СМИ находим дериваты *wokeismus, woker/wokeři*: «Není to poprvé, co Obama *wokeismus* kritizuje» (Обама уже не в первый раз критикует *вокизм*) [10]; «“Ve jménu *wokeismu* podporují islamismus”, prohlásil o zástupcích moderní levice» («Во имя вокизма они поддерживают исламизм», – говорит он о представителях современных левых) [11]; «Jako by “*wokeři*” na zem přinášeli božskou, nikoliv lidskou spravedlnost. V hnutí Afroameričanů hrál tento religiózní aspekt vždy velkou roli a dnes se zjevně přelévá i mezi aktivistickou levicí» (Как будто «воукеры» несут на землю божественную, а не человеческую справедливость. Этот религиозный аспект всегда играл большую роль в афроамериканском движении, а сегодня он, похоже, перекинулся на левых активистов) [6].

В русском языке зафиксировано существительное *вокеизм*: «Кроме того, Маск обвиняет конкурентов из Google и OpenAI в том, что разрабатываемый ими ИИ подчинён леволиберальной идеологии так называемого *вокеизма*, суть которого передаёт аббревиатура DEI (*diversity, equity and inclusion* – разнообразие, равенство и инклюзивность). Эти ценности, считает Маск, для сторонников *вокеизма* важнее всего, в том числе объективной истины и даже человеческой жизни» [22]; «Врагом *вокеизма* является христианство и высокая культура, как его производная. Почему? Потому что эта идеология использует силу зависти. Большевизм использовал зависть экономическую – бедных к богатым... *Вокеизм* – зависть культурная; ненависть гопника к ботанику со скрипкой. Гопник осознаёт существование мира высокой культуры, куда он не вхож не потому, что его не пустят, а потому что этот мир предполагает интересы, выходящие за пределы простейших удовольствий, и дисциплинированные усилия, которые он не может и не хочет прилагать» [39].

В интернет-пространстве находим и наименования, обозначающие сторонников вокеизма, – *воук, воукер, вокеист, антивоукер*: «*Воук* – термин, обозначающий людей, связанных с ЛГБТ-активизмом и прочим» [13]; «Читая эти завывания *вокеистов* о всевозможных

“угнетённых” меньшинствах, создаётся впечатление, что многим не терпится стать такой руководящей и направляющей силой» [19]; «*Антивоукеры* и антиваксеры в этом плане на одной волне. Впрочем, сама идея “воук”, по мнению многих, страшнее любого вируса. Так, по словам члена республиканской партии Никки Хейли, *воук* – это “вирус, который опаснее любой пандемии”. Политически можно также заметить, как *антивоукеры* симпатизируют России в конфликте с Украиной. Их основные аргументы включают: Россия хотя и не друг, но и не обязательно враг; Украина управляется глобалистами; огромные суммы налогоплательщиков расходуются не по назначению, что соответствует общей линии республиканцев по политике налогообложения, в то время как американские города в упадке» [34].

Слово *вокер* в русском языке встречается и в другом значении – ‘антропоним’ или же ‘название, связанное с подготовкой еды в воке’.

Ещё одно обобщающее название функционирует в интернет-пространстве – *cancel culture*, что переводится как *kultúra (z)rušenia* (слвц.), *kultura rušení* (чеш.), *культура отмены* или же *культура исключения* (рус.). Данное понятие употребляется для обозначения «бойкота» определённого человека, основанного на неприятии его взглядов, высказываний. Бойкот может применяться не только к отдельным лицам, но и к компаниям, брендам. В статье «Культура отмены: История и современность» констатируется, что термин «отмена» вошёл в употребление в афроамериканских сообществах в 1990-е гг., распространился за его пределы в 2010-е гг. в связи с кампанией MeToo (неприязнь к мужчинам, обвиняемым в домогательстве к женщинам), всеобщую узнаваемость получил в период активности движения Black Lives Matter [31].

В словацком интернет-пространстве находим следующую характеристику: «*Cancel culture, čiže kultúra zrušenia, je kultúrou vymazania pamäti: ideologická vízia, podľa ktorej Západ nemá žiadne univerzálne hodnoty, ktoré by mohol ponúknuť svetu, iba zločiny, ktoré si musí odpýkať za svoju minulosť*» (*Cancel culture*, или *культура отмены*, – это *культура стирания памяти: идеологическое видение, согласно которому Запад не может предложить миру никаких универсальных ценностей, а только преступления во искупление своего прошлого*) [3].

Как может повлиять *культура отмены* на жертву такого «остракизма» – об этом говорил Джонни Депп на кинофестивале в Сан-Себастьяне в 2021 г.: «Достаточно одной фразы, и ты не чувствуешь земли под собой, такое ощущение, словно прямо из-под тебя выдернули ковёр». В тот день известный голливудский актёр получил почётную премию, но его благодарственная речь была прервана неизвестным, включившим в зале аудиозапись с показаниями в суде бывшей жены

Деппа, которая после расставания обвинила его в физическом насилии. В результате Депп лишился контрактов с рекламодателями и крупных ролей. Актёр предупредил, что от «отмены» не застрахован никто [29].

О том, к чему может привести *культура отмены*, свидетельствует следующий пример из чешской газеты: «Na univerzitách bují “cancel culture”. Student prestižní Oxfordské univerzity Alexander Rogers spáchal sebevraždu poté, co se stal obětí “převažující kultury rušení (cancel culture)”» («Культура отмены» процветает в университетах. Студент престижного Оксфордского университета Александр Роджерс покончил с собой, став жертвой «преобладающей культуры отмены») [12]. Исследуемая единица встречается и в русскоязычном интернет-пространстве: «Культура отмены – это сигнал деградации общества» [37].

Довольно частой в СМИ является тема, освещающая вопросы сексуальных меньшинств и гендера. Известная аббревиатура ЛГБТ в западных странах постоянно расширяется за счёт добавления новых букв, о чём свидетельствует следующий пример: «Veď aj skratka LGBT pôvodne predstavovala začiatkové písmená komunity lesieb, gayov, bisexuálov a transsexuálov. Dnes však v niektorých prípadoch naberá dĺžku cez 12 znakov (napr. LGBTQQIP2AA)» (Ведь аббревиатура LGBT изначально обозначала начальные буквы сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Однако сегодня в некоторых случаях длина аббревиатуры превышает 12 символов (например, LGBTQQIP2AA) [18].

Наиболее часто в словацкой прессе употребляется аббревиатура LGBTQ: «Maďarskí zákonodarcovia podporili ústavné zmeny zamerané na sužovanú komunitu LGBTQ a dvojité občianstvo v krajine, čo je najnovší krok na posilnenie “neliberálnej” značky demokracie, ktorú presadzuje dlhoročný nacionalistický premiér Viktor Orbán» (Венгерские законодатели поддержали конституционные изменения, направленные на борьбу с ЛГБТК и двойным гражданством, что стало последним шагом по укреплению «нелиберальной» демократии, которую отстаивает многолетний националистический премьер-министр Виктор Орбан) [2] или же LGBTIQA+: «Podtitulom reflektuje alarmujúcu situáciu LGBTIQA+ ľudí na Slovensku po teroristickom útoku na Zámockej z októbra 2022» (Подзаголовок отражает тревожную ситуацию, в которой оказались ЛГБТИКА+ люди в Словакии после теракта на улице Замощка в октябре 2022 г.) [4].

В чешском языке также зафиксирована аббревиатура LGBT: «Důvodem sporu uvnitř slovenské vládní koalice je téma LGBT lidí a liberalismu, což jsou v posledních měsících tradiční terče radikálnějších

представителей словенских властных стран, především těch z nejmenší koaliční strany SNS a i části Směru premiéra Roberta Fica» (Причиной спора внутри словацкой правительственной коалиции стала тема ЛГБТ и либерализма, которые в последние месяцы были традиционной мишенью для более радикальных представителей словацких правительственных партий, особенно для представителей самой маленькой коалиционной партии SNS и части партии Smer премьер-министра Роберта Фицо) [8]. Встречается и расширенная версия *LGBTQI+*: «Co představuje zkratka *LGBTQI+*? Zkratka zastřešující osoby nevěštinové sexuální orientace nebo genderové identity» (Что означает аббревиатура *LGBTQI+*? Аббревиатура, обозначающая людей с неосновной сексуальной ориентацией или гендерной идентичностью) [21], причём в статье даётся характеристика отдельных «букв».

Наличие интереса к теме демонстрирует и появление игрушек LEGO с данной тематикой. В интервью менеджер компании это обосновывает тем, что игрушки должны быть предназначены для всех, независимо от возраста, расы, пола или того, как они себя идентифицируют [16].

В русском интернет-пространстве превалирует аббревиатура ЛГБТ, но встречается и расширенная версия, о чём свидетельствуют следующие примеры: «ЛГБТ (LGBT) – термин, возникший в английском языке для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров... В 21 веке ЛГБТ снова претерпел изменения, став *ЛГБТК+*. К – это квиры, люди, сомневающиеся, не поддерживающие традиционное гендерное деление и сексуальность» [35]; «Эта инициатива является новой мерой правительства Виктора Орбана, направленной против представителей *ЛГБТК+*» [32]; «Художницу Алису Горшенину оштрафовали на 100 тысяч рублей за “*ЛГБТ-пропаганду*”» [28].

Интерес привлекает в последнее время и тема транзиции, трансгендера, причём употребляется как заимствование, так и перевод: «V Česku pribúdajú *transgender* študenti. Niektoré školy im zriadili špeciálne toalety» (В Чехии растёт число учащихся-трансгендеров. В некоторых школах для них оборудованы специальные туалеты) [5]; «Pri boji za “trans práva” sa napr. udialo fyzické napadnutie vysokoškolskej plavkyne po tom, ako sa rozhodla hovoriť proti súťaženiu *transrodových ľudí* (biologickí muži identifikujúci sa ako ženy) so ženami» (В борьбе за «права транссексуалов» на пловчиху в колледже было совершено физическое нападение после того, как она решила высказаться против того, чтобы трансгендеры (биологические мужчины, идентифицирующие себя как женщины) соревновались с женщинами) [1].

Зафиксированы составные наименования *transrodový muž/žena*, *transrodová ľudia* и собирательное *transrodovosť*: «Najvyšší súd potvrdil

Trumpov zákaz *transrodových* osôb v armáde» (Верховный суд поддержал запрет Трампа на службу *трансгендеров* в армии) [23]; «Aj Svetová zdravotnícka organizácia už zmenila klasifikáciu diagnóz a *transrodovosť* nie je považovaná za poruchu» (Всемирная организация здравоохранения уже изменила классификацию диагнозов, и трансгендерность больше не считается расстройством) [17].

В чешском языке употребляется заимствование и его сокращённая версия, что находим в следующем примере: «*Transgender* (zkráceně *trans*) osoba je taková osoba, jejíž genderová identita se neztotožňuje s genderem, který jí byl určen po narození. Mezi *trans* osoby patří *trans ženy*, tj. ženy, kterým bylo po narození přiřazeno mužské pohlaví, nicméně v průběhu života si uvědomily, že muži nejsou; a také *trans muži*, tj. muži, kterým bylo ponarození přiřazeno pohlaví ženské, ale oni se s ním neztotožňují» (Трансгендер (сокращённо транс) – это человек, чья гендерная идентичность не соответствует полу, присвоенному ему при рождении. К транс-людям относятся транс-женщины, то есть женщины, которым при рождении был присвоен мужской пол, но в течение жизни они осознали, что не являются мужчинами; и транс-мужчины, то есть мужчины, которым при рождении был присвоен женский пол, но они не идентифицируют себя как таковые) [24]. Далее в тексте приводятся характеристики отдельных подвидов (бигендерный человек, гендерно-флюидный) [24].

В русскоязычном интернет-пространстве также встречаются аналогичные единицы: «Гендерному безумию в США настал конец: почему американские компании разлюбили инклюзивность. Самый обсуждаемый пример “поворота стрелки” – Марк Цукерберг поручил убрать из мужских туалетов в офисах своей компании тампоны для “небинарных персон” и *трансгендеров*» [33].

Заключение

Анализ современных СМИ и интернет-источников показал, что рассматриваемые языки активно отражают новую лексику, связанную с новыми социальными движениями и идеологическими течениями. Во всех исследуемых языках были заимствованы лексемы англоязычного происхождения (включая некоторые аббревиатуры), такие как *woke*, *woke culture*, *cancel culture*, *transgender*, *LGBT*. Следует отметить, что на начальном этапе комментирования новых явлений функционируют заимствования, которые впоследствии заменяются единицами целевых языков – кальками, полукальками (*woke-культура*, *woke kultúra*, *woke kultura*, *kultúra* (*z*)*rušenia*, *kultura rušení*), или же употребляются одновременно и как заимствование, и как вариант целевого языка.

На базе заимствованных лексических единиц появились разнообразные дериваты, например, *вокеизм*, *wokizmus*, *vokeizmus*, *wokism*, *воуки*, *вокеисты*, *wokeri/wokefi*, *транспродовой*, *transrodový*, *transrodovost*, что свидетельствует об активном процессе адаптации новых слов в русском, словацком и чешском языках. Следует отметить, что новые явления более активно освещаются в западных СМИ, и, следовательно, наблюдается большая частотность употребления таких единиц в интернет-пространстве словацкого и чешского языков, особенно по отношению к теме ЛГБТ-сообщества. Необходимо подчеркнуть, что активные процессы заимствования и трансформации неологизмов обусловлены воздействием внешних социокультурных факторов и многочисленными дискуссиями, в СМИ в том числе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Čegriň J. Prečo na tom, čo je «woke», záleží: Cancel culture máme aj na Slovensku. URL: <https://dennikn.sk/blog/3691979/preco-na-tom-co-je-woke-zalezi-cancel-culture-mame-aj-na-slovensku/> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Dargaj S. Maďarskí zákonodarcovia podporili ústavné zmeny zamerané na komunitu LGBTQ. URL: <https://sita.sk/maďarski-zakonodarcovia-podporili-ustavne-zmeny-zamerane-na-komunitu-lgbtq/> (дата обращения: 14.04.2025).
3. De Mattei R. Kam nás vedie wokizmus a cancel culture? URL: <https://www.paradigma.sk/roberto-de-mattei-kam-nas-vedie-wokizmus-a-cancel-culture/> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Dennik N. Divadelný festival Drama Queer 2023 sa vracia s podtitulom Hráme o život. URL: <https://dennikn.sk/3622315/divadelny-festival-drama-queer-2023-sa-vracia-s-podtitulom-hrame-o-zivot/> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Eliašová T. V Česku pribúdajú transgender študenti. Niektoré školy im zriadili špeciálne toalety. URL: <https://tvnoviny.sk/zahranicne/clanok/880017-v-cesku-pribudaju-transgender-studenti-niektore-skoly-im-zriadili-specialne-toalety12.2.2024> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Fisher P. Probudte se, rasisti! Nové ideologie s lidmi mávají jako silné drogy. URL: <https://nazory.aktualne.cz/komentare/probudte-se-rasisti-i-nove-ideologie-s-lidmi-mavaji-jako-sil/r~aec4b61487f711eba4560cc47ab5f122/> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Gašparovič M. Manažér Penty Martin Danko: Woke kultúra sa u nás presadzuje najmä plazivým tlakom anglosaských korporácií. URL: <https://standard.sk/354443/manazer-penty-martin-danko-woke-kultura-sa-u-nas-presadzuje-najma-plazivym-tlakom-anglosaskych-korporacii/> (дата обращения: 20.04.2025).

8. *Grim J.* Slovenští vládní radikálové chtějí omezit výuku o LGBT. „Starejte se o sebe,“ vzkázal ministr školství. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/slovensti-vladni-radikalove-chteji-omezit-vyuku-o-lgbt-starejte-se-o-sebe_2408220645_jgr 22.08.2022 (дата обращения: 20.04.2025).

9. *Hlavnespravy.sk.* Do britskej armády prenikla «prebudená» a «extrémistická kultúra». URL: <https://www.hlavnespravy.sk/do-britskej-armady-prenikla-prebudena-a-extremisticka-kultura/3405594> (дата обращения: 20.04.2025).

10. *Hobza Š.* Obama proti wokeismu. Není to poprvé, co progresivistům pocuchal peří. URL: https://www.lidovky.cz/nazory/barack-obama-americky-prezident-woke-cancel-culture-demokraticka-strana.A250409_170036_ln_nazory_lgs (дата обращения: 20.04.2025).

11. *Hron J.* Francie se staví proti «wokeismu». Rozvratu společnosti se bojí i levice. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/francie-kulturni-valky-woke-progresivismus-levice.A240402_161920_zahranicni_jhr (дата обращения: 20.04.2025).

12. *Hron J.* Spolužáci ho odstřihli, tak se zabil. Na univerzitách bují „cancel culture“. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/oxford-oxfordska-univerzita-britanie-sebevrazda-student-kultura-ruseni-cancel-culture.A241108_160633_zahranicni_jhr (дата обращения: 20.04.2025).

13. JAGO | Комиксы. URL: https://vk.com/wall-39743577_147793 (дата обращения: 20.04.2025).

14. *Jurík S., Písková R.* Slovo woke se zabydluje v našem slovníku. URL: <https://plzen.rozhlas.cz/slovo-woke-se-zabydluje-v-nasem-slovniku-9022098> (дата обращения: 20.04.2025).

15. *Kechlibar M.* Bazírovanie na emóciách či pesimistický fatalizmus. Vieme, čo to znamená. URL: <https://www.postoj.sk/127453/bazirovanie-na-emociach-ci-pesimisticky-fatalizmus-vieme-co-to-znamenava> (дата обращения: 20.04.2025).

16. *Krajanová D.* Neděláme kompromisy, výroky majitele Dráčika o LGBTQ řešíme, říká šéf Lega pro český trh. URL: <https://denikn.cz/1534971/nedelame-kompromisy-vyroky-majitele-dracika-o-lgbtq-resime-rika-sef-lega-pro-cesky-trh/> (дата обращения: 20.04.2025).

17. *Moučková J.* Transrodový muž Marvin Horvat: Keď sa obzriem späť, vidím človeka, ktorý len dobre hral svoju rolu. URL: <https://dennikn.sk/3570277/transrodovy-muz-marvin-horvat-ked-sa-obzriem-spat-vidim-cloveka-ktory-len-dobre-hral-svoju-rolu/> (дата обращения: 20.04.2025).

18. *Orolín J.* Vznikli super heterosexuáli. Tvrdia, že sú súčasťou komunity LGBT. URL: <https://standard.sk/44394/vznikli-super-heterosexuali-tvrdia-ze-su-sucastou-komunity-lgbt> (дата обращения: 20.04.2025).

19. *Pankratov K.* Вокеизм как мансонство. URL: <https://neznaika-nalune.livejournal.com/1005551.html> (дата обращения: 20.04.2025).

20. *Perknerova, K.* Dezoláti slaví, vrchní dezolát je v Bílém domě. URL: <https://>

taborsky.denik.cz/nazory_region/donald-trump-komentar-dezolat-slavi-vrchni-dezolat-je-v-bilem-dome.html (дата обращения: 20.04.2025).

21. Slovníček pojmu spojený s LGBTQI+. URL: <https://www.amnesty.cz/lgbti/slovnicek-pojmu> (дата обращения: 20.04.2025).

22. Sputnik Армения. Осталось недолго ждать: судьба человечества решается не там, где все ожидают. URL: <https://am.sputniknews.ru/20241018/ostalos-nedolgo-zhdad-sudba-chelovechestva-reshaetsya-ne-tam-gde-vse-ozhidayut-82015401.html> (дата обращения: 20.04.2025).

23. TASR. Najvyšší súd potvrdil Trumpov zákaz transrodových osôb v armáde. URL: <https://standard.sk/938515/najvyssi-sud-potvrdil-trumpov-zakaz-transrodovych-osob-v-armade/> (дата обращения: 06.05.2025).

24. Transparent.cz Kdo jsou trans* lidé. URL: <https://jsmetransparent.cz/o-translidech/kdo-jsme/> (дата обращения: 06.05.2025).

25. Ungerová M. Reflexia a vplyv fenoménu politickej korektnosti v oblasti marketingu. URL: https://fmk.ucm.sk/files/archiv/Upload_20230120-133553.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

26. Бессмертная М. Будит и будет. URL: <https://theblueprint.ru/lifestyle/society/the-blueprint-anniversary-woke-culture> (дата обращения: 20.04.2025).

27. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-vovlechennosti-df058f> (дата обращения: 20.04.2025).

28. Горшенина А. Художницу Алису Горшенину оштрафовали на 100 тысяч рублей за «ЛГБТ-пропаганду». Ранее ей назначили штраф за «дискредитацию» армии и отправили под арест из-за эмодзи. URL: <https://meduza.io/news/2025/05/06/hudozhnitsu-alisu-gorsheninu-oshtrafovali-na-100-tysyach-rublei-za-lgbt-propagandu-ranee-ey-naznachili-shtraf-za-diskreditatsiyu-armii-i-otpravili-pod-arest-iz-za-emoji> (дата обращения: 06.05.2025).

29. Кинорепортер «Никто не застрахован»: Джонни Депп публично осудил культуру отмены. URL: <https://kinoreporter.ru/nikto-ne-zastrahovan-dzhonni-depp-publichno-osudil-kulturu-otmeny/> (дата обращения: 06.05.2025).

30. Козловская Н.В., Павлова А.С. Динамические процессы в русском языке 2023 года и аспекты их лексикографического описания // Неология. Неография: сб. науч. ст. 2023 / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 5–12.

31. Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: История и современность // Социодиггер. 2022. М–Апл. Т. 3, вып. 3–4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-otmeny-istoriya-i-sovremennost/viewer> (дата обращения: 06.05.2025).

32. Лебедева О. Парламент Венгрии одобрил запрет ежегодного ЛГБТ-прайда. URL: <https://www.dw.com/ru/parlament-vengrii-odobril-zapret-ezegodnogo-lgbtprajda/a-71963221> (дата обращения: 06.05.2025).

33. МетроМосква. Гендерному безумию в США настал конец: почему

американские компании разлюбили инклюзивность. URL: <https://dzen.ru/a/Z4QOd6EfLC3UbmGL> (дата обращения: 06.05.2025).

34. Мусаоглу Э. Что такое идеология «Воук». URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/chto-takoe-ideologiya-vouk-18184381> (дата обращения: 06.05.2025).

35. Редакция glossymag.ru. Эволюция гендерной идентичности: от lgbt к lgbtqia+. URL: <https://glossymag.ru/wellness/mental-health/evolyuciya-gendernoy-identichnosti-ot-lgbt-k-lgbtqia-plus/> (дата обращения: 06.05.2025).

36. Саболова, Д., Кашова, М., Харламова, М.А. Ключевые слова эпохи пандемии коронавируса и их дериваты: сопоставительный анализ (на материале русского, словацкого, чешского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 31–39. doi: 10.17223/15617793/491/4

37. Сейтмурамов Т. Культура отмены – это сигнал деградации общества. URL: https://ratel.kz/outlook/kultura_otmeny_eto_signal_degradatsii_obschestva (дата обращения: 06.05.2025).

38. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

39. Худиев С. Франция конвертировала свою культуру в похабство. URL: <https://vz.ru/opinions/2024/7/30/1279685.html> (дата обращения: 06.05.2025).

40. Шукунда С.З., Энгель Е.И. «Woke»-культура и её язык «wokespeak» // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 1А. С. 124–134. doi: 10.34670/AR.2024.91.82.016. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2024-1/a15-shukunda-engel.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).

REFERENCES

1. Čegiň, J. (2023) *Prečo na tom, čo je “woke”, záleží: Cancel culture máme aj na Slovensku*. [Online] Available from: <https://dennikn.sk/blog/3691979/preco-na-tom-co-je-woke-zalezi-cancel-culture-mame-aj-na-slovensku/> (Accessed: 20th April 2025).

2. Dargaj, S. (2025) *Maďarskí zákonodarcovia podporili ústavné zmeny zamerané na komunitu LGBTQ*. [Online] Available from: <https://sita.sk/madarski-zakonodarcovia-podporili-ustavne-zmeny-zamerane-na-komunitu-lgbtq/> (Accessed: 14th April 2025).

3. De Mattei, R. (2023) *Kam nás vedie wokizmus a cancel culture?* [Online] Available from: <https://www.paradigma.sk/roberto-de-mattei-kam-nas-vedie-wokizmus-a-cancel-culture/> (Accessed: 14th April 2025).

4. Dennik, N. (2023) *Divadelný festival Drama Queer 2023 sa vracia s podtitulom Hráme o život*. [Online] Available from: <https://dennikn.sk/3622315/divadelny->

festival-drama-queer-2023-sa-vracia-s-podtitulom-hrame-o-zivot/ (Accessed: 20th April 2025).

5. Eliašová, T. (2024) *Česku přibúdajú transgender študenti. Niektoré školy im zriadili špeciálne toalety.* [Online] Available from: <https://tvnoviny.sk/zahranicne/clanok/880017-v-cesku-pribudaju-transgender-studenti-niektore-skoly-im-zriadili-specialne-toalety> 12. 2. 2024 (Accessed: 20th April 2025).

6. Fisher, P. (2021) *Probudte se, rasisti! Nové ideologie s lidmi mávají jako silné drogy.* [Online] Available from: <https://nazory.aktualne.cz/komentare/probudte-se-rasisti-i-nove-ideologie-s-lidmi-mavaji-jako-sil/r~aec4b61487f711eba4560cc47ab5f122/> (Accessed: 20th April 2025).

7. Gašparovič, M. (2023) *Manažér Penty Martin Danko: Woke kultura sa u nás presadzuje najmä plazivým tlakom anglosaských korporácií.* [Online] Available from: <https://standard.sk/354443/manazer-penty-martin-danko-woke-kultura-sa-u-nas-presadzuje-najma-plazivym-tlakom-anglosaskych-korporacii/> (Accessed: 20th April 2025).

8. Grim, J. (2022) *Slovenští vládní radikálové chtějí omezit výuku o LGBT.* *Starejte se o sebe, vzkázal ministr školství.* [Online] Available from: https://www.irozhlas.cz/zpravy-svet/slovensti-vladni-radikalove-chteji-omezit-vyuku-o-lgbt-starejte-se-o-sebe_2408220645_jgr 22.08.2022 (Accessed: 20th April 2025).

9. Hlavnespravy.sk (2024) *Do britskej armády prenikla "prebudená" a "extremistická kultura."* [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/do-britskej-armady-prenikla-prebudena-a-extremisticka-kultura/3405594> (Accessed: 20th April 2025).

10. Hobza, Š. (2025) *Obama proti wokeismu. Není to poprvé, co progresivistům pocuchal peří.* [Online] Available from: https://www.lidovky.cz/nazory/barack-obama-americky-prezident-woke-cancel-culture-demokraticka-strana.A250409_170036_ln_nazory_lgs (Accessed: 20th April 2025).

11. Hron, J. (2024) *Francie se staví proti "wokeismu." Rozvratu společnosti se bojí i levice.* [Online] Available from: https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/francie-kulturni-valky-woke-progresivismus-levice.A240402_161920_zahranicni_jhr (Accessed: 20th April 2025).

12. Hron, J. (2022) *Spolužáci ho odstříhli, tak se zabil. Na univerzitách bují "cancel culture."* [Online] Available from: https://www.idnes.cz/zpravy/zahranicni/oxford-oxfordska-univerzita-britanie-sebevrazda-student-kultura-ruseni-cancel-culture.A241108_160633_zahranicni_jhr (Accessed: 20th April 2025).

13. JAGO. Comics (2022) [Online] Available from: https://vk.com/wall-39743577_147793 (Accessed: 20th April 2025).

14. Jurik, S. & Písková, R. (2023) *Slovo woke se zabydluje v našem slovníku.* [Online] Available from: <https://plzen.rozhlas.cz/slovo-woke-se-zabydluje-v-nasem-slovníku-9022098> (Accessed: 20th April 2025).

15. Kechlibar, M. (2023) *Bazírovanie na emóciách či pesimistický fatalizmus. Vieme, čo to znamená.* [Online] Available from: <https://www.postoj.sk/127453/>

bazirovanie-na-emociach-ci-pesimisticky-fatalizmus-vieme-co-to-znamena (Accessed: 20th April 2025).

16. Krajanová, D. (2024) *Neděláme kompromisy, výroky majitele Dráčka o LG-BTQ řešíme, říká šéf Lega pro český trh*. [Online] Available from: <https://denikn.cz/1534971/nedelame-kompromisy-vyroky-majitele-dracika-o-lgbtq-resime-rika-sef-lega-pro-cesky-trh/> (Accessed: 20th April 2025).

17. Moučková, J. (2023) *Transrodový muž Marvin Horvat: Keď sa obzriem späť, vidím človeka, ktorý len dobre hral svoju rolu*. [Online] Available from: <https://dennikn.sk/3570277/transrodovy-muz-marvin-horvat-ked-sa-obzriem-spat-vidim-cloveka-ktory-len-dobre-hral-svoju-rolu/> (Accessed: 20th April 2025).

18. Orolín, J. (2021) *Vznikli super heterosexuáli. Tvrdia, že sú súčasťou komunity LGBT*. [Online] Available from: <https://standard.sk/44394/vznikli-super-heterosexuali-tvrdia-ze-su-sucastou-komunity-lgbt> (Accessed: 20th April 2025).

19. Pankratov, K. (2021) *Vokeizm kak mansonstvo* [Vokeism as mansonism]. [Online] Available from: <https://neznaika-nalune.livejournal.com/1005551.html> (Accessed: 20th April 2025).

20. Perknerova, K. (2025) *Dezoláti slaví, vrchní dezolát je v Bílém dome*. [Online] Available from: https://taborsky.denik.cz/nazory_region/donald-trump-komentar-dezolati-slavi-vrchni-dezolat-je-v-bilem-dome.html (Accessed: 20th April 2025).

21. Czechia. (n.d.) *Slovníček pojmu spojený s LGBTQI+*. [Online] Available from: <https://www.amnesty.cz/lgbti/slovnicek-pojmu> (Accessed: 20th April 2025).

22. Sputnik Armeniya. (2024) *Ostalos' nedolgo zhdat': sud'ba chelovechestva reshaetsya ne tam, gde vse ozhidayut*. [Online] Available from: <https://am.sputniknews.ru/20241018/ostalos-nedolgo-zhdat-sudba-chelovechestva-reshaetsya-ne-tam-gde-vse-ozhidayut-82015401.html> (Accessed: 20th April 2025).

23. TASR. (2025) *Najvyšší súd potvrdil Trumpov zákaz transrodových osôb v armáde*. [Online] Available from: <https://standard.sk/938515/najvyssi-sud-potvrdil-trumpov-zakaz-transrodovych-osob-v-armade/> (Accessed: 6th May 2025).

24. Transparent.cz. (n.d.) *Kdo jsou trans* lidé*. [Online] Available from: <https://jsmetransparent.cz/o-translidech/kdo-jsme/> (Accessed: 6th May 2025).

25. Ungerová, M. (2022) *Reflexia a vplyv fenoménu politickej korektnosti v oblasti marketingu*. [Online] Available from: https://fmk.ucm.sk/files/archiv/Upload_20230120-133553.pdf (Accessed: 6th May 2025).

26. Bessmertnaya, M. (2024) *Budit i budet* [Will wake and will be]. [Online] Available from: <https://theblueprint.ru/lifestyle/society/the-blueprint-anniversary-woke-culture> (Accessed: 20th April 2025).

27. Russian Federation. (n.d.) *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Big Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-vovlechennosti-df058f> (Accessed: 20th April 2025).

28. Gorshenina, A. (2025) *Khudozhnitsu Alisu Gorshenininu oshtrafovali na 100*

tysyach rubley za "LGBT propaganda." Ranee ey naznachili shtraf za "diskreditatsiyu" armii i otpravili pod arest iz-za emodzi [Artist Alisa Gorshenina was fined 100,000 rubles for "LGBT propaganda." Earlier she was fined for "discrediting" the army and sent under arrest for an emoji]. [Online] Available from: <https://meduza.io/news/2025/05/06/hudozhnitsu-alisu-gorsheninu-oshtrafovali-na-100-tysyach-rublei-za-lgbt-propagandu-ranee-ey-naznachili-shtraf-za-diskreditatsiyu-armii-i-otpravili-pod-arrest-iz-za-emodzi> (Accessed: 6th May 2025).

29. Kinoreporter.ru. (2021) "*Nikto ne zastrokhovan*": Dzhonni Depp publichno osudil kul'turu otmeny ["No one is immune": Johnny Depp publicly condemned the cancel culture]. [Online] Available from: <https://kinoreporter.ru/nikto-ne-zastrohovan-dzhonni-depp-publichno-osudil-kulturu-otmeny/> (Accessed: 6th May 2025).

30. Kozlovskaya, N.V. & Pavlova, A.S. (2024) Dinamicheskiye protsessy v russkom yazyke 2023 goda i aspekty ikh leksikograficheskogo opisaniya [Dynamic processes in the Russian language in 2023 and aspects of their lexicographic description]. In: Kozlovskaya, N.V. (ed.) *Neologiya. Neografiya* [Neology. Neography]. St. Petersburg: ILS RAS. pp. 5–12.

31. Kuznetsov, G. & Stupko, M. (2022) Kul'tura otmeny: Istoriya i sovremenost' [Cancel culture: History and Present]. *Sotsiodigger*. 3(3-4/17).

32. Lebedeva, O. (2023) *Parlament Vengrii odobril zapret ezhegodnogo LGBT-prayda* [The Hungarian Parliament approved a ban on the annual LGBT Pride]. [Online] Available from: <https://www.dw.com/ru/parlament-vengrii-odobril-zapret-ezhegodnogo-lgbtprajda/a-71963221> (Accessed: 6th May 2025).

33. MetroMoskva. (2025) *Gendernomu bezumiyu v SShA nastal konets: pochemu amerikanskiye kompanii razlyubili inklyuzivnost'* [Gender madness in the US is coming to an end: why US companies have fallen out of love with inclusivity]. [Online] Available from: <https://dzen.ru/a/Z4QOd6EfLC3UbmgL> (Accessed: 6th May 2025).

34. Musaoglu, E. (2024) *Chto takoye ideologiya "Vouk"* [What is the Woke ideology]. [Online] Available from: <https://www.trtrussian.com/mnenie/chto-takoe-ideologiya-vouk-18184381> (Accessed: 6th May 2025).

35. Glossymag.ru. (2021) *Evolyutsiya gendernoy identichnosti: ot LGBT k LGBTQIA+* [Evolution of gender identity: From LGBT to LGBTQIA+]. [Online] Available from: <https://glossymag.ru/wellness/mental-health/evolyuciya-gendernoy-identichnosti-ot-lgbt-k-lgbtqia-plus> (Accessed: 6th May 2025).

36. Sabolova, D., Kášová, M. & Kharlamova, M.A. (2023) Key words of the coronavirus pandemic era and their derivatives: A comparative analysis (based on the material of Russian, Slovak, Czech, and German). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 491. pp. 31–39 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/491/4

37. Seitmuratov, T. (2020) *Kul'tura otmeny – eto signal degradatsii obshchestva* [Cancel culture is a signal of society degradation]. [Online] Available from:

https://ratel.kz/outlook/kultura_otmeny_eto_signal_degradatsii_obschestva (Accessed: 6th May 2025).

38. Walter, H., Gromenko, E.S., Kozhevnikov, A.Yu. et al. (2021) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences.

39. Khudiev, S. (2024) *Frantsiya konvertirovala svoyu kul'turu v pokhabstvo* [France has converted its culture into lasciviousness]. [Online] Available from: <https://vz.ru/opinions/2024/7/30/1279685.html> (Accessed: 6th May 2025).

40. Shukunda, S.Z. & Engel, E.I. (2024) "Woke"-kul'tura i ee yazyk "wokespeak" ["Woke" culture and "wokespeak."]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 14(1A). pp. 124–134. DOI: 10.34670/AR.2024.91.82.016

Саболова Драгомира – доцент кафедры иностранных языков Католического университета в г. Ружомберок (Словакия).

Drahomira Sabolova – Catholic University in Ruzomberok (Slovakia).

E-mail: drahomirasabolova@gmail.com

Харламова Марина Александровна – доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия).

Marina A. Kharlamova – Omsk State University (Russia).

E-mail: khr-spb@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/11

Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Узбекистана и Таджикистана

В.С. Диброва

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Авторское резюме

Анализируются типы билингвизма, формирующиеся в условиях несбалансированных языковых ситуаций г. Ургенча (Республика Узбекистан) и г. Душанбе (Республика Таджикистан). Исследование основано на широком междисциплинарном понимании билингвизма, охватывающем лингвистические, социальные и психологические аспекты. Особое внимание уделяется времени усвоения второго языка (ранний и поздний билингвизм), а также различным функциональным типам языкового использования – координативный и субординативный, активный и пассивный, аддитивный и субтрактивный. Рассматриваются механизмы формирования билингвизма в условиях асимметрии языковых статусов и функционального распределения языков между институциональными и персональными дискурсами. Показано, что возраст начала освоения второго языка и характер социокультурной среды определяют не только уровень языковой компетенции, но и тип билингвизма, а также динамику взаимодействия языков в индивидуальной и групповой коммуникации. В работе отмечается значимость комплексного подхода к типологизации билингвизма с учётом социолингвистических и когнитивных факторов, а также актуальность перехода от бинарных к континуальным моделям классификации билингвизма для регионов с многоязычным населением.

Ключевые слова: поздний билингвизм, координативный и субординативный билингвизм, активный и пассивный билингвизм, аддитивный и субтрактивный билингвизм, узбекско-русский билингвизм, таджикско-русский билингвизм

Types of bilingualism in asymmetric language situations in Uzbekistan and Tajikistan

Veronika S. Dibrova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Abstract

This article examines the types of bilingualism emerging in asymmetric language situations in Urgench (Republic of Uzbekistan) and Dushanbe (Republic of Tajikistan). The study adopts a broad interdisciplinary perspective, integrating linguistic, social, and psychological dimensions of bilingualism. Particular attention is paid to the age of second language acquisition (early and late bilingualism), as well as various functional types of language use – coordinate and subordinate, active and passive, additive and subtractive bilingualism. The mechanisms of bilingualism formation are examined in the context of asymmetrical language statuses and the functional distribution of languages across institutional and personal discourses. The findings demonstrate that both the age of second language acquisition and the sociocultural context determine not only the level of language competence but also the type of bilingualism and the dynamics of language interaction in individual and group communication. The study emphasizes the importance of a comprehensive approach to the typologization of bilingualism, taking into account sociolinguistic and cognitive factors, and highlights the relevance of shifting from binary to continuum-based models of bilingualism classification for multilingual regions.

Keywords: late bilingualism, coordinate and subordinate bilingualism, active and passive bilingualism, additive and subtractive bilingualism, Uzbek-Russian bilingualism, Tajik-Russian bilingualism

В работе представлены результаты анализа функционального соотношения русского и государственных языков в пределах языковых ситуаций, сложившихся в отдельных регионах стран Средней Азии (г. Ургенч, Республика Узбекистан, и г. Душанбе, Республика Таджикистан), и типов билингвизма, формирующихся под их влиянием.

Мы придерживаемся широкого понимания термина «билингвизм», что обуславливает возможность его применения к значительному кругу взаимодействий между первым и вторым языками как в сознании

билингва, так и в его коммуникативной деятельности. Потребность в широкой трактовке данного термина исходит из междисциплинарной перспективы современных исследований билингвизма, которые охватывают не только лингвистические, но и социальные, психологические, педагогические и другие аспекты существования феномена. В статье билингвизм рассматривается с социолингвистической точки зрения, которая предполагает тесную связь билингвизма с языковыми практиками в различных социокультурных контекстах. Такой подход отражён в основополагающих работах У. Лабова, М. Геллера, И. Гумберта, Дж. Фишмана, Л. Вэя и др. Приведём одно из определений билингвизма в данном контексте: например, Дж. Фишман трактует билингвизм как «способность человека или группы людей попеременно использовать два языка в различных социальных контекстах» (перевод мой. – В.Д.) [6: 34].

Вследствие широкой трактовки данного понятия область типологизации различных видов билингвизма представлена весьма разнообразными оппозициями. В рамках статьи не ставится цель полного описания типов билингвизма, однако следует отметить, что в работах различных авторов (У. Вайнрайх, Ч. Фергюсон, В.Е. Ламберт, Е.М. Верещагин, Э. Хауген и др.) варианты взаимодействия языков противопоставляются по комплексу невзаимоисключающих признаков. Данные признаки повторяются в каждой работе в различных комбинациях, однако круг дифференциальных признаков, оснований противопоставления типов билингвизма достаточно узкий. В нашем исследовании приведём только те оппозиции, которые являются значимыми при анализе языковых ситуаций со сложившимся под их влиянием типом билингвизма. К ним относятся время усвоения второго языка и степень активности использования языков в настоящем времени.

Время усвоения второго языка – один из ключевых параметров при описании билингвизма, поскольку является системообразующим фактором, определяющим нейрокогнитивные механизмы, социолингвистические функции и психолингвистические стратегии билингва при использовании каждого из усвоенных языков. По данному признаку противопоставляются:

- ранний билингвизм (включающий одновременное и последовательное усвоение языков в детстве);
- поздний билингвизм (начало изучения второго языка после завершения критического периода).

Как утверждает Э. Бялисток, противопоставление данных типов базируется на основаниях, разрабатывающихся в рамках теорий когнитивного развития, пластичности мозга, гипотезах о времени закрытия языковой способности [4].

Эмпирические наблюдения показывают, что второй язык, усвоенный естественным путём в раннем возрасте, по своим ключевым параметрам (фонетика, грамматика, беглость) приближается к уровню владения родным языком. В то же время у поздних билингвов второй язык, как правило, сохраняет черты «приобретённого» языка – его использование в большей степени зависит от контекста, требует дополнительных когнитивных усилий и редко достигает полного соответствия нативным стандартам.

Одной из проблем данного противопоставления является вопрос о точных возрастных границах между этими типами, который в настоящий момент является дискуссионным. В научной литературе наблюдается существенный разброс определений временных рамок «раннего» билингвизма: отмечаются границы от 3 лет до начала пубертатного периода, который, в свою очередь, определяется в диапазоне от 8 до 12 лет.

Классическая теория критического периода усвоения первого языка утверждает, что дети имеют ограниченный временной промежуток для нормального овладения языком [9: 626]. По его окончании мозг утрачивает пластичность, необходимую для полноценного языкового развития. Теория не определяет чёткую границу оптимального возраста, а описывает протяжённый период: резкое начало, оптимальную фазу усвоения и постепенный спад (с различной динамикой для разных языковых аспектов – например, грамматика усваивается дольше, чем фонология). Так, Ю. Майзель предполагает, что оптимальный возраст начинается незадолго до 2 лет, постепенный спад наступает до возраста 5 лет, затем критический период заканчивается в течение возрастного периода приблизительно от 7 до 10 лет [14: 110].

Ранний одновременный билингвизм представляет собой особый тип языкового развития, при котором индивид с рождения или в течение сензитивного периода (0–3 года) систематически осваивает две лингвистические системы, причём различение двух языков для них является естественным процессом. Ключевыми социальными факторами успешного развития раннего билингвизма выступают престижность языков в конкретном социуме [5], этнолингвистическая жизнеспособность языкового сообщества [8], а также проводимая языковая политика и образовательные стратегии [15].

Ранний последовательный билингвизм возникает в условиях функционального противопоставления семейного языка и языка социального окружения. Последовательный билингвизм отличается от одновременного наличием уже сформированного первого языка, то есть ребёнок сначала усваивает первый язык (формирует базовую структуру), на языковую систему которого впоследствии наклады-

вается система второго языка [13]. В работах ряда исследователей (Д. Бердсонг, П. Куль, Э. Хофф и С. Кор, И. Паради и др.) утверждается, что переход к позднему билингвизму происходит около 7 лет – в возрасте снижения нейропластичности, критической для естественного языкового усвоения. При этом граница между одновременным и последовательным типами размыта: индивидуальные особенности детей затрудняют точное определение временных рамок. Большинство учёных ориентируются на трёхлетний рубеж, после которого усвоение второго языка приобретает черты последовательного билингвизма. Его ключевая особенность – опора на сформированную систему первого языка при освоении второго.

Следует отметить, что, согласно современным исследованиям, возраст усвоения взаимодействует с целым рядом других значимых факторов: мотивационной составляющей [7], уровнем когнитивного развития [4: 90–95], а также индивидуальными особенностями обучающегося, включая когнитивный стиль и личностные характеристики [9].

Оппозиция между ранним и поздним билингвизмом закономерно соотносится с иными функционально обусловленными различиями.

Одной из таких оппозиций является предложенное У. Вайнрайхом противопоставление координативного и субординативного билингвизма, которые по своей сути являются моделями организации двуязычного лексикона в сознании человека. Так, для координативного билингвизма характерны раздельные системы понятий для каждого из двух языков, которые объединяются в сознании человека посредством общего концепта. Субординативный билингвизм подразумевает «подчинение» первого языка второму, активация слова на втором языке происходит через перевод на родной язык. Установлено, что ранние билингвы более склонны к координативному билингвизму, особенно если языки усваивались в разных средах. Субординативный билингвизм, в свою очередь, более характерен для позднего билингвизма.

Теоретические основы противопоставления активного и пассивного билингвизма были заложены в работах Э. Сепира, У. Вайнрайха, У. Маки. Активный билингвизм подразумевает свободное использование обоих языков во всех видах речевой деятельности (понимание, говорение, чтение и письмо), в то время как пассивный билингвизм предполагает ограниченную компетенцию в одном из языков (часто во втором языке). Исследователями выделяются подтипы пассивного билингвизма: рецептивный (понимающий), когда билингв способен понимать один из языков, но не способен его продуцировать (говорить/писать), и продуктивный билингвизм, когда билингв имеет воз-

мжность говорить на одном из двух языков (чаще всего на втором) [16]. Противопоставление активного и пассивного билингвизма не является фиксированным, так как функциональность языков может меняться под влиянием различных социально обусловленных обстоятельств [10].

Аддитивный и субтрактивный типы билингвизма формируются под влиянием социального контекста, в котором происходит освоение второго языка. При аддитивном билингвизме изучение второго языка происходит без ущерба для первого, и оба языка развиваются параллельно, в то время как при субтрактивном билингвизме первый язык вытесняется в процессе освоения/изучения второго [11]. Данные типы билингвизма могут зависеть от социального статуса языков, языковой среды, личной мотивации билингва.

Критерием разграничения активного и пассивного, аддитивного и субтрактивного билингвизма служит степень сформированности языковых компетенций, определяющая диапазон коммуникативных возможностей билингва в каждом языке. Данный аспект представляет значительный интерес для социолингвистического анализа и соответствующих методик исследования.

В данной работе представлен анализ вариантов билингвизма, формирующихся в условиях несбалансированных языковых ситуаций, сложившихся в г. Ургенч и г. Душанбе.

Прежде всего охарактеризуем положение русского языка в структуре языковых ситуаций исследуемых регионов. В Узбекистане сложилась многослойная языковая ситуация, в которой узбекский язык в качестве официального динамично взаимодействует с русским (языком межнационального общения, науки и образования), а также каракалпакским, таджикским, казахским и др. Согласно последним исследованиям, численность русскоговорящего населения с 1989 по 2021 г. уменьшилась в 2,3 раза, в настоящее время русскоязычные диаспоры составляют 3,65 % от всего населения республики [18: 66]. Региональные различия проявляются в ярко выраженном узбекско-русском билингвизме столичного региона (около 65 % от всего русскоязычного населения республики), и минимального присутствия русского языка в других регионах (Самаркандская область – 6,8 %, Ферганская область – 4,7 %, остальные регионы – не более 3 %) [18: 66–67]. В системе высшего образования русский сохраняется преимущественно в естественных, технических и медицинских науках, а также сохраняет своё значение как язык элитарной культуры, бизнеса, туризма и отдыха, дипломатии [18: 69–72].

В Таджикистане также сформировалась многоязычная языковая ситуация, где таджикский язык как государственный сосуществует

с русским¹ и региональными языками (узбекский, памирские, киргизский и др.). Однако, в отличие от Узбекистана, русский язык в Таджикистане продолжает играть важную роль в различных сферах общественной жизни, оставаясь вторым по распространённости на территории страны. Жители, свободно говорящие по-русски, составляют около 25 %, на среднем уровне говорят по-русски 60 %, а 15 % слабо или совсем не владеют русским языком [1: 4–5]. Русский язык преподаётся в школах Таджикистана начиная с 2-го класса, с 2024 г. введено изучение русского в детских садах, в стране действуют три университета с полным преподаванием на русском языке. Кроме этого, русский широко используется в академической среде, СМИ, деловом общении, а также в культурных учреждениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что оба государства являются многонациональными, и в разных регионах складываются разные типы языковых ситуаций, характеризующиеся разными вариантами соотношения русского и государственных языков. В данной статье мы не ставим целью дать полную характеристику языковой ситуации в представленных республиках, сосредоточиваясь на соотношении русского и государственных языков в сфере высшего специального лингвистического образования. Целью данной работы является характеристика типов билингвизма, которые реализуются в речевых практиках носителей материнских языков (узбекского и таджикского) при освоении второго – русского – языка в условиях несбалансированных языковых ситуаций в регионах Узбекистана и Таджикистана. Таким образом, наша цель – выявить типы билингвизма и их общие и специфические особенности, реализующиеся в сходных языковых ситуациях.

Основой проведения анализа послужили следующие социолингвистические базы данных (БД), созданные в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ:

1. Социолингвистическая база данных UzRusSocLing: оценки языкового и социального опыта узбекско-русских билингвов² (далее – UzRusSocLing), содержащая 15 744 оценки различных аспектов личного социального и языкового опыта, полученных от 129 узбекских монолингвов и узбекско-русских билингвов, преимущественно студентов, обучающихся в Ургенчском государственном университете (г. Ургенч, Хорезмская область, Республика Узбекистан).

2. Формирующаяся в настоящее время БД, содержащая 4689 оценок, полученных от 84 таджикско-русских билингвов, проживающих в г. Душанбе, – преимущественно студентов гуманитарных направлений подготовки Российско-Таджикского (Славянского) университета (далее – TajRusSocLing).

Базы данных содержат оценки языкового и коммуникативного опыта билингвов, характеризующегося по 116 параметрам в БД UzRusSocLing и по 81 параметру в БД TajRusSocLing. Эти оценки включают общую информацию о респондентах (пол, возраст, место рождения и проживания, уровень образования и сфера деятельности), данные о характере приобретения и использования респондентами всех языков в различных ситуациях в разные периоды жизни, а также субъективное оценивание уровня владения языками, разделённое по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо, и другие аспекты языкового опыта.

Материалы БД были получены в результате анкетирования. Для сбора оценок узбекско-русских билингвов использовались анкеты, разработанные в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ на основе адаптации социолингвистической анкеты О.А. Казакевич [17: 222] и анкеты языкового опыта билингва (разработчики В. Мариан, Х. Блюменфельд и М. Каушанская) [12: 966–967]. Две анкеты были объединены в одну и значительно переработаны с учётом цели исследования, что проявилось как в изменении структуры опросника, так и в количестве вопросов и их формулировок. Анкетирование проводилось в г. Ургенче У.Р. Махмудовым, канд. филол. наук, преподавателем кафедры русского языка и литературы Ургенчского государственного университета, в г. Душанбе – сотрудниками кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета под руководством проф., д-ра филол. наук Д.М. Искадаровой.

Следует сразу отметить, что материал исследования характеризуется значительной ограниченностью – используются результаты анкетирования студентов двух городов: столицы Таджикистана – г. Душанбе, и региональной столицы Узбекистана – г. Ургенч (Хорезмская область); привлекаются результаты анкетирования студентов гуманитарного факультета с преподаванием русского языка как базового. Также, по свидетельству Д.М. Искадаровой, при анкетировании таджикско-русских билингвов была выявлена следующая особенность: подавляющее большинство респондентов утверждали, что не могут определить очерёдность усвоения пары языков таджикский–русский и предпочитают оба этих языка считать первыми, или родными.

Из представленных БД для анализа извлекалась информация о 1) языках, используемых респондентами, определении ими родного языка, 2) времени и последовательности усвоения второго языка, 3) активности и форм использования языков в современных коммуникативных практиках. Для анализа были привлечены оценки, данные 129 узбекско-русскими билингвами, 64 таджикско-русскими билингвами.

Материал отбирался с ограничением: одним из двух языков данной пары обязательно должен являться русский язык, а также учитывался порядок усвоения языков: русский должен являться вторым языком билингва. Следовательно, в данной работе представлен только вариант билингвизма, при котором русский язык является вторым.

Далее определим типы билингвизма на основании дифференцирующих признаков – время и последовательность усвоения второго языка.

В материалах БД UzRusSocLing и TajRusSocLing русский язык в подавляющем большинстве является вторым языком, но тем не менее усвоенным, а не изученным, что отражено в оценках времени вхождения во второй язык. Для анализа вхождения во второй язык были ответы на вопрос о начале говорения на языке.

Так, в UzRusSocLing только 2 человека (1,6 % от общего числа респондентов) указали, что русский язык для них является первым усвоенным, в то время как узбекский – вторым. В TajRusSocLing 24 человека (37,5 % от общего числа респондентов) указали возраст вхождения во второй язык до 7 лет.

В процессе овладения языком первыми формируются навыки восприятия и устной речи, поэтому при классификации типов билингвизма особое внимание уделяется возрасту начала речевой активности. В соответствии с научными представлениями о возрасте завершения фазы раннего билингвизма в качестве его верхней границы принимаем 7 лет. В связи с особенностями анкетирования невозможно точно установить границу между ранним одновременным и последовательным билингвизмом, поскольку в качестве границы фиксируется возраст 3 года, а в анкетировании этот период оценивался билингвами в диапазоне от 0 до 6 лет.

В результате были получены соотношения возрастов усвоения второго языка (русского) (табл. 1).

Таблица 1

Возраст усвоения второго языка билингвами

Показатель	Возраст вхождения во второй язык				
	Всего	0–6 лет	7–11 лет	12–17 лет	18–25 лет и старше
Узбекско-русские билингвы	125	16	41	27	41
Таджикско-русские билингвы	64	25	19	15	5
Всего	189	41	60	42	46

Таким образом, общая выборка респондентов отражает тенденцию

позднего билингвизма – только 21,7 % из общего числа билингвов являются ранними. В составе узбекско-русских билингвов только 16 человек (12,8 % от общего числа респондентов) указали раннее вхождение во второй язык. Оценки таджикско-русских билингвов также свидетельствуют о преобладании позднего билингвизма, хотя гораздо менее выраженном: 25 человек (39 %) указали, что освоили русский язык до 6 лет.

По итогам анализа данных предварительно можно сделать вывод о том, что возрастные модели усвоения второго (русского) языка для двух исследуемых групп билингвов системно отличаются, что согласуется с данными о языковой среде и языковой ситуации, в которых находятся респонденты.

Третья задача, решаемая в данной работе, – анализ активности использования двух языков билингвами в актуальное время их анкетирования. Исследуются два ключевых аспекта: типы речевой деятельности (понимание, говорение, чтение, письмо) и коммуникативные ситуации использования языка (семья, культурные практики, медиа, официальные сферы).

При анализе типов речевой деятельности, которыми владеют билингвы в той или иной степени, необходимо учитывать принятую в современной науке иерархию языковых компетенций и её соотнесённость с социальным контекстом. Согласно исследованиям Э. Бенмамуна, уровень сохранности отдельных языковых навыков значительно зависит от наличия письменной традиции и институциональной поддержки изучаемого языка [3]. В частности, уровень чтения как навык значительно варьируется между разными языковыми сообществами, что связано с доступностью образовательных материалов на родном языке. Особый интерес представляет анализ такого вида речевой деятельности, как письмо, которое, по данным Р. Андерсона, утрачивается в первую очередь из-за необходимости специального обучения и отсутствия естественной практики [2].

Информация относительно первого аспекта (типы речевой деятельности) собиралась в анкетах следующим образом: билингвам необходимо было оценить субъективный уровень владения каждым из четырёх типов речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо – по 10-балльной шкале для БД UzRusSocLing и по 7-балльной для БД TajRusSocLing. В табл. 2 приводятся данные о среднем арифметическом по каждому языку, а также их процентные соотношения.

Таблица 2

Средние оценки владения видами речевой деятельности билингвами

Вид речевой деятельности	Владение материнским языком		Владение русским языком	
	Абс. знач.	%	Абс. знач.	%
Узбекско-русские билингвы				
Понимание	7,36	73,6	7,55	75,5
Говорение	7,41	74,1	7,09	70,9
Чтение	7,49	74,9	7,64	76,4
Письмо	-			
Таджикско-русские билингвы				
Понимание	6,86	98	5,59	79,8
Говорение	6,86	98	5,27	75,3
Чтение	6,85	97,8	5,47	78,1
Письмо	6,85	97,8	5,08	72,6

Так как в анкете, используемой для сбора данных в Ургенчском университете, вопрос о владении навыками письма отсутствовал, мы сравнили только оценки уровня понимания устной речи на слух, говорения и чтения. По итогам анализа можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, у узбекско-русских билингвов показатели владения русским и родным языками по всем видам речевой деятельности (понимание, говорение, чтение) находятся на сопоставимом уровне. В некоторых случаях (например, понимание и чтение) уровень владения русским даже несколько превышает уровень владения узбекским, что может свидетельствовать о высоком уровне функционирования русского языка в их повседневной и образовательной среде.

Во-вторых, у таджикско-русских билингвов наблюдается выраженное доминирование родного языка: самооценки владения таджикским по всем четырём видам речевой деятельности приближаются к максимальному значению шкалы (порядка 98 %), тогда как оценки по русскому языку существенно ниже и варьируются от 72,6 (письмо) до 79,8 % (понимание). Особенно велик разрыв в письменной речи, что может указывать на ограниченность использования русского языка в письменных практиках представителей этой группы.

Таким образом, можно заключить, что узбекско-русские билингвы демонстрируют более сбалансированный тип билингвизма, в то время как у таджикско-русских билингвов наблюдается асимметрия в языковой компетенции в пользу родного языка.

Далее представим результаты анализа частотности использования языков в различных коммуникативных практиках: 1) общение

с семьёй; 2) просмотр фильмов; 3) чтение книг; 4) прослушивание музыки.

В анкете респонденту необходимо было оценить по шкале уровень влияния каждого из языков в перечисленных ситуациях в настоящее время. На этой основе определялся уровень влияния языковой ситуации и знания языка билингвом на выбор того или иного языка в определённой коммуникативной ситуации, т. е. на частотность использования языка.

В табл. 4, 5 представлены средние арифметические оценок от 0 (отсутствие влияния или нет ответа) до 10 (максимальное влияние) для БД UzRusSocLing и от 0 до 7 для БД TajRusSocLing.

Таблица 4

Оценивание частотности использования родного языка билингвами

Показатель	Узбекско-русские билингвы		Таджикско-русские билингвы	
	Абс.		Абс.	%
Общение с семьёй	7,07	70,7	5,92	84,6
Просмотр фильмов	6,05	60,5	4,3	61,4
Чтение книг	6,38	63,8	4,54	64,8
Прослушивание музыки	4,82	48,2	4,57	65,3
Общее кол-во ответивших	125		63	

Таблица 5

Оценивание частотности использования русского языка билингвами

Показатель	Узбекско-русские билингвы		Таджикско-русские билингвы	
	Абс.	%	Абс.	%
Общение с семьёй	5,46	54,6	4,92	70,3
Просмотр фильмов	6,51	65,1	6,13	87,6
Чтение книг	7,66	76,6	5,76	82,3
Прослушивание музыки	4,99	49,9	5,45	77,8
Общее кол-во ответивших	125		63	

Анализ данных свидетельствует о том, что, во-первых, у узбекско-русских билингвов наблюдается варьирование использования языков в зависимости от ситуации. Родной язык чаще используется в общении с семьёй (70,7 %), в то время как русский язык преобладает в таких сферах, как чтение книг (76,6 %) и просмотр фильмов (65,1 %). Это может свидетельствовать о высокой степени интеграции русского языка в образовательную и культурную среду узбекско-русских

билингвов при сохранении родного языка как основного средства общения в близком окружении.

С другой стороны, у таджикско-русских билингвов прослеживается более равномерное и широкое использование русского языка практически во всех коммуникативных ситуациях, особенно в сферах потребления медийного контента: просмотр фильмов (87,6 %), чтение книг (82,3 %), прослушивание музыки (77,8 %). При этом родной язык остаётся основным в общении с семьёй (84,6 %), что указывает на ситуативный билингвизм, в рамках которого русский язык используется преимущественно в публичных и культурных контекстах, а родной – в частных и семейных.

Отмеченные различия могут быть обусловлены как социалингвистическими условиями, так и образовательной политикой в регионах проживания респондентов.

В результате приведённого анализа, можно сделать вывод о том, что по совокупности признаков анализируемые типы билингвизма определяются в первую очередь функциональными особенностями первого и второго языков. Сравнение временного параметра усвоения второго языка свидетельствует о том, что таджикско-русские билингвы в целом ближе к модели раннего билингвизма: они демонстрируют достаточно высокие показатели владения как родным, так и русским языком, особенно в письменной и рецептивной формах. В то же время у узбекско-русских билингвов наблюдается чуть более выраженное распределение функций между языками, что может указывать на более позднее овладение вторым языком или на особенности социалингвистического контекста, ограничивающего равное развитие обоих языков.

С точки зрения моделей использования языков узбекско-русский билингвизм приближается к координативному: языки обслуживают разные сферы (русский – образование, медиа; родной – семейная коммуникация). У таджикско-русских билингвов, напротив, наблюдается тенденция к субординативной модели, где русский язык всё чаще используется в широком спектре ситуаций, включая те, которые традиционно ассоциируются с родным языком. Это может свидетельствовать о сдвиге в сторону доминирования русского языка. Анализ степени интеграции и взаимовлияния языков свидетельствует о том, что у узбекско-русских респондентов билингвизм проявляется скорее как аддитивный: оба языка функционируют параллельно и относительно автономно. В то же время по отношению к таджикско-русским билингвам можно говорить о признаках субтрактивного билингвизма, где расширение сферы употребления русского языка происходит частично за счёт вытеснения родного. Таким образом,

оба параметра – и возраст усвоения, и актуальные коммуникативные модели – позволяют зафиксировать не только разные типы билингвизма, но и разную степень их устойчивости в условиях современного социокультурного контекста.

Примечания

1. Согласно статье 2 Конституции Республики Таджикистан 1994 г., в настоящее время русский язык имеет статус языка межнационального общения. В 2009 г., в соответствии с принятым Законом «О государственном языке Республики Таджикистан», русский язык потерял официальный статус языка межнационального общения, однако в 2011 г. с принятием законодательных дополнений этот статус был восстановлен.

2. Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2023623352 Российская Федерация. Социолингвистическая база данных UzRusSocLing: оценки языкового и социального опыта узбекско-русских билингвов : № 2023623115 : заявл. 28.09.2023 : опубл. 05.10.2023 / В.С. Диброва, У.Р. Махмудов, З.И. Резанова ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aminov K., Jensen V., Juraev S. et al.* Language Use and Language Policy in Central Asia // *Central Asia Regional Data Review*. 2010. Vol. 2, № 1. P. 1–29.
2. *Anderson R.* Language attrition in progress: Language acquisition and language loss. Groos, 1982. 272 p.
3. *Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M.* Heritage languages and their speakers: Challenges and opportunities // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2013. Vol. 3, № 1. P. 1–40. doi: 10.1515/lab-2013-0001
4. *Bialystok E.* Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 288 p. doi: 10.1017/CBO9780511605963
5. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 302 p.
6. *Fishman J.A.* Bilingualism with and without diglossia // *Journal of Social Issues*. 1967. Vol. 23, № 2. P. 29–38. doi: 10.1111/j.1540-4560.1967.tb00573.x
7. *Gardner R.C.* Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation. London: Edward Arnold, 1985. 208 p.

8. Giles H., Johnson P. Ethnolinguistic identity theory: A social psychological approach to language maintenance // *International Journal of the Sociology of Language*. 1987. Vol. 68. P. 69–100. doi: 10.1515/ijsl.1987.68.69

9. Grichkovtsova I. Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation, Aneta Pavlenko (Ed.) // *Studies in Second Language Acquisition*. 2007. Vol. 29, № 4. P. 625–627. doi: 10.1017/S0272263100007634

10. Herdina P., Jessner U. Dynamic systems theory and multilingualism // *The Cambridge Handbook of Language Learning* / ed. by J.W. Schwieter. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. P. 145–168. doi: 10.21832/9781853598746

11. Lambert W.E. Culture and language as factors in learning and education // *Cultural Diversity and Canadian Education: Issues and Innovations* / eds. by J. Mallea, J. Young. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1984. P. 91–122.

12. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech, Language, and Hearing Research*. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 29.09.2022).

13. McLaughlin B. Second-Language Acquisition in Childhood. Vol. 1: Pre-school Children. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 317 p.

14. Meisel J.M. The bilingual child // *The Handbook of Bilingualism*, 2006. P. 90–113. doi: 10.1017/CBO9780511611780.003

15. Spolsky B. Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 262 p.

16. Valdés G. Heritage language students: Profiles and possibilities // *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource* / eds. by J.K. Peyton, D.A. Ranard, S. McGinnis. Washington: Center for Applied Linguistics, 2001. P. 37–77.

17. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3 (44). С. 221–231.

18. Першуткина С.П., Макушин М.А., Федорко В.Н. Русский язык в геокультурном пространстве Узбекистана: факторы, тенденции, территориальные и социальные особенности развития // *Центральноазиатский журнал географических исследований*. 2022. № 1–2. С. 61–76.

REFERENCES

1. Aminov, K., Jensen, V., Juraev, S. et al. (2010) Language Use and Language Policy in Central Asia. *Central Asia Regional Data Review*. 2(1). pp. 1–29.

2. Anderson, R. (1982) *Language attrition in progress: Language acquisition and language loss*. Groos.

3. Benmamoun, E., Montrul, S. & Polinsky, M. (2013) Heritage languages and their speakers: Challenges and opportunities. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 3(1). pp. 1–40. DOI: 10.1515/lab-2013-0001

4. Bialystok, E. (2001) *Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511605963
5. Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Fishman, J.A. (1967) Bilingualism with and without diglossia. *Journal of Social Issues*. 23(2). pp. 29–38. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1967.tb00573.x
7. Gardner, R.C. (1985) *Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation*. London: Edward Arnold.
8. Giles, H. & Johnson, P. (1987) Ethnolinguistic identity theory: A social psychological approach to language maintenance. *International Journal of the Sociology of Language*. 68. pp. 69–100. DOI: 10.1515/ijsl.1987.68.69
9. Grichkovtsova, I. (2007) Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation. Ed. by Aneta Pavlenko. *Studies in Second Language Acquisition*. 29(4). pp. 625–627. DOI: 10.1017/S0272263100007634
10. Herdina, P. & Jessner, U. (2023) Dynamic systems theory and multilingualism. In: Schwieter, J.W. (ed.) *The Cambridge Handbook of Language Learning*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 145–168. DOI: 10.21832/9781853598746
11. Lambert, W.E. (1984) Culture and language as factors in learning and education. In: Mallea, J. & Young, J. (eds) *Cultural Diversity and Canadian Education: Issues and Innovations*. Montreal: McGill-Queen's University Press. pp. 91–122.
12. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech, Language, and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (Accessed: 29th September 2022).
13. McLaughlin, B. (1984) *Second-Language Acquisition in Childhood*. Vol. 1. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.
14. Meisel, J.M. (2006) The bilingual child. In: *The Handbook of Bilingualism*. pp. 90–113. DOI: 10.1017/CBO9780511611780.003
15. Spolsky, B. (2004) *Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Valdés, G. (2001) Heritage language students: Profiles and possibilities. In: Peyton, J.K., Ranard, D.A. & McGinnis, S. (eds) *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource*. Washington: Center for Applied Linguistics. pp. 37–77.
17. Kazakevich, O.A. (2006) Documentation of Siberian endangered languages (based on the material of two settlements in the Krasnoyarskiy Kray). *Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231 (in Russian).
18. Pershutkina, S.P., Makushin, M.A. & Fedorko, V.N. (2022) Russkiy yazyk v geokul'turnom prostranstve Uzbekistana: faktory, tendentsii, territorial'nye i sotsial'nye osobennosti razvitiya [The Russian language in the geocultural space

of Uzbekistan: Factors, trends, territorial, and social features of development].
Tsentrāl'noaziatskiy zhurnal geograficheskikh issledovaniy. 1–2. pp. 61–76.

Диброва Вероника Сергеевна – аспирант кафедры общей компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Veronika S. Dibrova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: klobukova-veronika@list.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/12

Лексико-семантическое поле «забота» в истории русинского языка

С.А. Толстик

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Анализ различных лексических групп является актуальным в современном славянском языкознании в связи с изменением соответствующих фрагментов языковой картины мира. Взаимодействие человека с другим человеком, забота о другом человеке / о себе как мысль о другом, а также действия, направленные на улучшение жизни, – очень важная часть отношений людей в обществе, поэтому лексика со значением ‘забота’ находится в сфере интересов современных лингвистов. Анализируется структура и история формирования русинского лексико-семантического поля «забота». В структуре русинского лексико-семантического поля выделяются два субполя: ‘забота, беспокойная мысль’, т. е. внутреннее состояние и ‘забота, попечение, хлопоты’, т. е. внешнее проявление чувства. Сравнительно-исторический, системно-структурный и ареальный анализ русинского поля позволил выявить, что в его ядерной зоне находится существительное *жура* и однокорневая лексика *клопота*, *гадания*, *старунок*, *старость*, *стараня* (*ся*), *трапня*, (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, (*со*)*трапеза*. Общеславянское по происхождению *жура* приобрело семантику заботы позже – в восточнославянском периоде. С праславянского периода в русинском сохраняется лексика с корнем *стар-*. Наиболее поздний ареальный слой поля «забота» – *трапня*, (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, (*со*)*трапеза*, *клопота*, а также их однокорневые слова. В анализируемом лексико-семантическом поле представлены заимствованные лексические единицы (полонизмы с корнем *трап-*; *клопота*, а также ц.-слав. *трапеза*, производное *со**трапеза* и *гадания* (возможно, балтизм или вост.-слав. семантическая инновация), что говорит о частичном западнославянском, церковнославянском и, возможно, балтийском влиянии на формирование поля и соответствующего понятия «забота».

Ключевые слова: русинский язык, славянские языки, мотивация, сравнительно-историческое языкознание, этимология, диахрония, историческая лексикология, лексико-семантическое поле

The lexico-semantic field “care” (zabota) in the history of the Rusin language

Svetlana A. Tolstik

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The analysis of various lexical groups remains a relevant topic in modern Slavic linguistics due to ongoing changes in corresponding fragments of the linguistic worldview. The interaction between humans, care for others and for oneself – both as a thought about another and as actions aimed at improving life – constitutes a crucial aspect of social relationships. Consequently, lexicon expressing the meaning of ‘care’ has become a focus of interest for contemporary linguists. The article analyzes the structure and history of formation of the Rusin lexico-semantic field of *care* (‘zabota’). Within this field, two subfields are identified: ‘care as anxious thought’, referring to an internal state, and ‘care as guardianship, trouble, effort’, pertaining to the external manifestation of this feeling. A comparative-historical, systemic-structural, and areal analysis of the Rusin field has revealed that its core is constituted by the noun *zhura* and its cognates, alongside *klopota*, *hadania*, *starunok*, *starost*, *staraniasia*, *trapenia*, *(sh)trapa*, *(sh)trapatsiia*, and *(so)trapeza*. The lexeme *zhura*, of Common Slavic origin, acquired its semantics of ‘care’ at a later stage – during the East Slavic period. Lexicon with the root *star-* has been preserved in Rusin since the Proto-Slavic period. The most recent areal layer of the ‘care’ field includes *trapenia*, *(sht)rapa*, *(sht)rapatsiia*, *(so)trapeza*, *klopota*, as well as their cognates. The analyzed lexico-semantic field features borrowed lexical units – Polonisms with the root *trap-*, *klopota*, as well as Church Slavonic *trapeza* and its derivative *sotrapeza*, and *hadania* (possibly a Balticism or an East Slavic semantic innovation). This indicates partial West Slavic, Church Slavonic, and, possibly, Baltic influence on the formation of the field and the corresponding concept of ‘care’.

Keywords: Rusin language, Slavic linguistics, motivation, comparative historical linguistics, etymology, diachrony, historical lexicology, lexico-semantic field

Изучение в разных аспектах лексико-семантических полей в славянских и других языках, их истории является актуальным в современной лингвистике в связи с проблемой отражения в них динамики языковой картины мира (Е.Л. Березович, Ж.Ж. Варбот, В.Г. Гак,

Л.П. Дронова, С.М. Толстая, О.Н. Трубачёв и др.). Актуальность данного исследования обусловлена исторической, лингвокультурологической проблематикой, а также выбранным материалом. Взаимодействие человека с другим человеком, забота о другом / о себе как мысль о другом, а также действия, направленные на улучшение жизни, – важнейшая часть отношений людей в социуме, следовательно, лексика в значении ‘забота’ находится в сфере интересов современных языковедов, в том числе историков языка. Поэтому исследование истории данной лексики в славянских и других языках также является актуальным. Результаты историко-лингвистических исследований такого рода помогают вскрыть ряд закономерностей исторического развития «абстрактной лексики в целом в период перехода от средневекового типа сознания и осмысления действительности к мышлению Нового времени» [18: 37].

В данной статье мы пытаемся выявить структуру лексико-семантического поля (ЛСП) «забота» в русинском языке и проследить его формирование в истории языка. Наше исследование может показать общеславянские или более поздние черты в структуре анализируемого поля.

Специальных исследований, посвящённых анализу ЛСП «забота» в истории русинского и других славянских языков, мы не нашли. В некоторых работах анализируется лексика, которая имеет значение ‘забота’ в каких-либо славянских языках, выявляются мотивационные модели, отчасти пересекающиеся с теми, которые мы встретили в данном материале.

Так, в статье «Понятие “тоска / печаль” в русинском языке: историко-ареальные связи» Л.П. Дронова, анализируя лексические способы выражения одной из базовых эмоций, рассматривает и интересующую нас общеславянскую по происхождению лексему *жура*, имеющую в русинском значения как ‘тоска, печаль’, так и ‘забота’, и её словообразовательные связи. По мнению автора, производящее «русинское, украинское и белорусское *журить* (-и) – это некий регионализм на уровне восточнославянских языков» [6: 122]. Семантика слова *жура*, как и у других славянских анализируемых единиц, диффузна: обозначение тоски взаимодействует в семантической структуре с обозначением заботы, (со)страдания, скуки-хандры и др. [6: 123]. Нас же интересует возникновение у слова *жура* значения ‘забота’ в русинском языке, его статус и время вхождения в ЛСП.

Семантика славянской лексики с корнем **god-* / **gad-* рассматривается в монографии Л.П. Дроновой «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект», в том числе с речевой и мыслительной семантикой. Интересующее

нас значение заботы в этом материале (*гадания*), кроме русинского, наблюдается в балтийских языках (см. ниже) [7: 45–46].

Ж.Ж. Варбот в статье «Об этимологии глагола *стараться*» говорит о первичном значении ‘терзать, мучить’ и о принадлежности этого глагола к гнезду **terti* ‘тереть, растирать, измельчать’ [3: 281].

Что касается лексики с корнем *стар-*, мы частично опираемся на работу А. Золтана «Мнимое праславянское **starati se*», где анализируется история этого глагола в славянском ареале и делается вывод, что глагол имеет общеславянское распространение, но не праславянское происхождение, появляется «в результате миграции из одного славянского языка в другой значительно позднее распада праславянского языка» [13: 82]. Значение заботы, согласно данным этой статьи, было зафиксировано ещё в старочешский период у Яна Гуса (в начале XV в.) [13: 88].

Е.И. Тимошенко выделяет две славянских мотивационных модели развития семантики заботы (‘повреждать, разрушать, наносить физический ущерб’ → ‘беспокоить, заботить’ и ‘создавать, упорядочивать, благоустраивать’ → ‘проявлять внимание, заботиться о ком-л., стремиться привести дела в должное состояние’) и делает вывод, что «абстрактное значение ‘забота’ является производным и почти всегда формируется на основе метафорического переноса» [28: 137].

Итак, в данной статье мы опираемся на часть выводов указанных выше работ, прежде всего Л.П. Дроновой, Е.И. Тимошенко, но рассматриваем лексико-семантическое поле «забота», его структуру и историю формирования на материале русинского языка.

Цель данной статьи – выявить, каким образом структурировано ЛСП заботы в русинском языке, выяснить, как формировалось поле в истории русинского языка, самостоятельно ли, унаследовано из праязыкового или более позднего состояния или под влиянием других языков и культур.

Методы анализа – сравнительно-исторический, системно-структурный и ареальный, с помощью которых определяется история формирования поля в русинском языке.

Материалом исследования послужили лексические единицы, обозначающие заботу в русинском языке, затем – в контактных славянских языках, а также данные родственных славянских языков.

Источники исследования: толковые, исторические, этимологические, диалектные, двуязычные, словари славянских языков (более 30 словарей).

Лексические единицы для анализа набирались из «Русско-русинского словаря» И. Керчи. Так, в русинском языке в ЛСП «забота» входят существительные *жура*, *клопот(а)*, *старунок*, *старость*, *стараня*

(ся), гаданя, трапеня, (ш)трапа, (ш)трапация, (со)трапеза, а также их однокорневые слова [14: 276].

В структуре русинского ЛСП мы выделили два субполя: субполе I ‘забота как беспокойная мысль’, ‘внутреннее состояние, внутреннее проявление чувства’ (**жура 1**, гаданя, стараня 1, старунок 1, старость 1, (ш)трапа, (ш)трапация, трапеня) и субполе II ‘забота как попечение, уход за кем-либо, хлопоты’, т. е. внешнее проявление чувства (**жура 2**, стараня 2, старунок 2, хлопот(а), (со)трапеза). Ядро жура и лексика с корнем *стар-* в разных значениях, передающих внутреннюю и внешнюю заботу, находится в двух субполях исследуемого поля.

Наиболее употребительным словом, ядром русинского ЛСП, является жура, поскольку стоит на первом месте в списке синонимов в двуязычном словаре И. Керчи: *То ми не жура* ‘Не моя забота’ [14: 276; 16: 279; 22: 120]. Жура является доминантой обоих синонимических рядов, и, возможно, изначально синкретично представляло заботу вместе с беспокойным чувством (см. ниже). Оно имеет также значения, передающие проявления внутреннего состояния человека ‘горе’, ‘грусть, печаль, тоска’ [16: 279; 19: 57; 20: 86; 22: 120]. Из родственных слов представлены однокорневой глагол жури́ти, который тоже характеризует как проявление заботы, так и горестные, печальные чувства, а также прилагательное журный ‘грустный, печальный, тоскливый’ и наречие журно ‘грустно, печально, жалобно’ [16: 280; 42: 196].

Поскольку семантика заботы является переносной для большинства исследуемых лексем, не будем разграничивать ближнюю и дальнюю периферию, выделим только ядро и периферию в целом.

Рассмотрим остальные члены первого субполя ‘беспокойная мысль’, их семантическую структуру и однокорневые слова. Гаданя имеет значение заботы как беспокойной мысли (*Не в н’ого гаданє, про жуну тай діти, йуму лиш бы с’а напиту*), так и интеллектуальной деятельности в целом – ‘мышление, размышление’ [16: 155; 20: 43]. Однокорневой глагол тоже имеет семантику заботы – гадати ‘заботиться, беспокоиться’: *Она ніч не гадат за своїм чулувіком* [20: 43]. Остальная родственная лексика в основном отражает семантику интеллектуальной деятельности (гадковати, гадка и др.) [16: 155].

Следующая группа синонимов – с корнем *стар-*: старунок 1, старость, стараня (ся) / старанє 1, старость 1 [12: 915; 14: 276]. Старунок 1 имеет интересующее нас значение ‘беспокойство, тревога, волнение’ [17: 381–382]. Стараня (ся) / старанє 1, старость 1 характеризуют заботу как беспокойную мысль, а также действие, усилие [12: 915; 15: 421].

Несколько русинских лексических единиц, выражающих понятие внутренней заботы, имеют корень *трап-*: (ш)трапа, (ш)трапация,

трапєня [14: 276; 17: 429–430, 596]. Другие значения этих слов характеризуют мучения, терзания, тревогу и прочие неприятности [17: 429]. Однокорневые *трапєник* и *трапєниця* имеют значение 'страдалец / страдалица' [17: 429].

В субполе II 'попечение, уход за кем-либо, хлопоты' прежде всего входит ядро *жура II*: *Адї вже маї свою журу в хатї* [14: 276; 16: 279; 22: 120].

Старунок 2 имеет интересующее нас значение 'забота, обязанность': *То припадат у муй старунок* 'Это входит в мою обязанность. Гости имеют такой старунок, а вни на такой щи ани не подумали' 'У гостей столько забот, а они об этом даже не подумали' [17: 382]. *Стараня (ся) / старанє 2, старость 2* характеризуют заботу и как действие, усилие [12: 915].

Клопот или *клопота* тоже имеет значение заботы как действия, хлопот: *Тото даст много клопоты* 'Это потребует больших хлопот', другое значение – 'затруднение' [16: 414]. Однокорневая лексика отражает ту же семантику (забота, труд): *клопотати(си)* 'заботить(ся)', *клопотун* 'хлопотун' и др. [16: 414; 19: 80].

Последний член II субполя – *трапєза* и его префиксальное производное *сотрапєза* выражают понятие заботы как действия, хлопот. *Сотрапєза* обозначает совместные заботы, хлопоты (без контекста), на что указывает префикс *со-*, а также наличие значений 'неприятности, мучения, страдания', 'общее несчастье' [14: 276]. Дериваты тоже выражают семантику несчастья: *трапєзный* 'мучительный', *сотрапєник* 'товарищ по несчастью' и *сотрапєницький* 'общий по несчастью' [17: 362, 429].

С целью выявить **историю формирования** русинского ЛСП «забота», развитие семантики анализируемых лексических единиц поля, мы обратились прежде всего к истории ядерного слова.

Ядерная лексема *жура* является общеславянской по происхождению, но не в интересующем нас значении 'забота', а как 'печаль, скорбь'. В значении заботы оно представлено только в восточнославянском ареале: кроме русинского, русск. диал. *журба* 'забота' (Брян., Моск., Саратов.), укр. *журба, жур, журбота* 'забота' [5: 493; 32: 309; 34: 250]. В основном в этих языках также представлена семантика печали, тоски, значение 'забота' представлено в меньшей степени. То есть появление значения заботы – это уже поздняя восточнославянская инновация (по всей видимости, от 'тоска, печаль' → 'забота-мысль' → 'забота-действие'). Несмотря на достаточно позднее появление исследуемой семантики, слово *жура* стало ядерной лексемой анализируемого поля «забота» в русинском языке, в отличие от украинского, где этот синонимический ряд возглавляет лексема *турбота* [9: 214].

Значение заботы у существительного *гаданя* отмечено в русинском языке и как диалектное в украинском при значении в литературном 'горе', 'мысль', 'загадка'. Кроме того, в варианте *гадка* 'забота, дума' оно представлено и в отдельных южнорусских диалектах (курск., орл.) [2: 92; 8: 449; 11: 134; 24: 91; 35: 77–78]. Диалектное украинское *гаданя* 'забота', судя по указанному в ЭСЯ источнику, – это фиксация слова Л.Деже в его работе «Материалы к словарю закарпатской литературы XVII–XVIII вв.» (со ссылкой на «Словарь Няговской Постиллы XVI в.») [35: 78]. Следовательно, значение 'забота' у *гаданя/гадка* зафиксировано в словарях только в западноукраинском (русинском) и двух юго-западных диалектах русского языка (курско-орловский ареал).

На древневосточнославянском уровне (на материале древнерусского языка) у лексики с корнем *гад-* не было значения заботы, только семантика ментальной деятельности – 'вопрос', 'рассуждение', 'обсуждение', а также 'пророчество, гадание' [23: 314; 25: 5–6; 34: 11–12]. Учитывая близость понятий «дума / думать» и «забота/заботиться», предполагаем в данном случае семантическую инновацию. На возможность этого предположения указывает, например, толкование и контекстное употребление слова *гадка* (по форме аналогично русск. диал.; см. выше) в словаре украинского языка Б.Д. Гринченко: *А ні гадки. І гадки не має* 'И не думает вовсе. И не заботится'; *Його лають, а він і гадки не має* 'Его бранят, а он не заботится' [5: 404].

С другой стороны, значение заботы встречается не только в русинском и русском, но и в литовском и латышском языках в гнездах однокорневых слов: ср. лит. *godóti* не только 'думать', но и 'заботиться', лит. диал. *godà* 'забота, печаль', *pagúoda* 'утешение, забота', лтш. *gādāt* 'думать, прикидывать' и 'заботиться, хлопотать, добывать' [8: 449; 38: 159]. Таким образом, значение 'забота' приведенных однокорневых слов – это либо русинско-южнорусско-балтийская изоглосса, о природе которой нельзя судить однозначно (возможно, есть какая-то историческая основа этого совпадения), либо диалектная инновация в русинском и русском. Во многих славянских языках производящий глагол **gadati* имеет интеллектуальную семантику 'думать, мыслить, рассуждать', а также часто представлен с речевой семантикой [1: 300–302; 35: 77–78]. Полагаем, что развитие семантики заботы могло быть в таком направлении: 'думать, мыслить' → 'думать о ком-то' → 'поддерживать, заботиться', т. е. думать о человеке и затем совершать соответствующие действия.

Лексика с корнем *стар-* в значении заботы, ухода представлена в восточно- и западнославянских группах (не в каждом языке), а также в сербохорватском, ср. *старание*, укр. *старання*, укр. диал. *старань*, русск. *старание*, польск. устар. и диал. *staranie*, с.-хорв. *старанье* [4:

1003; 13: 85; 27: 652; 28: 137]. В сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицких языках возвратный однокорневой глагол имеет семантику заботы (с.-хорв. *smāpati se* 'заботиться', 'стараться', словен. *stārati se* 'заботиться', 'хлопотать', чешск. *starati se* 'заботиться', словц. *starat' sa* 'заботиться', 'хлопотать', польск. *starać się* 'стараться', 'заботиться', 'хлопотать', в.-луж. *starać so* 'заботиться', н.-луж. *staraś se* 'заботиться') [3: 279; 13: 85; 30: 746; 37: 639–640]. Другая семантика этой лексики – значения тоски, печали, беспокойства, т. е. горестного чувства [13: 85], от которого, возможно, и производно значение заботы или изначально было представлено с ними синкретично.

Старунок, кроме русинского, отмечается с исследуемой семантикой в диалектах украинского и польского языков (*starunek*) [10: 397; 27: 664; 38: 266].

Существительное *старость* как обозначение заботы относится к этому же материалу с корнем *стар-* 'старание', а не к прилагательному *старый* (хотя в словаре И. Керчи, например, в одной словарной статье дается 'забота' и 'старость') [13; 17: 381]. Как 'забота, хлопоты' отмечается и во всех западнославянских языках: словц. *starost'*, ст.-польск., польск. диал. и в.-луж. *starość*, чеш. *starost* [3: 279, 365; 21: 489; 33: 365; 39: 266; 40: 522; 41: 421]. Возможно, в данном случае на русинскую лексику с корнем *стар-* оказали влияние западнославянские языки – польский или словацкий, т. к. они являются контактными для русинского.

Звукоподражательное по происхождению *клопот(а)* в значении заботы, помимо русинского, отмечено в западно-восточнославянском ареале, где часто в семантике также представлено обозначение угнетающего чувства – печаль, мучение и т. п.: польск., ст.-польск. *kłopot*, польск. *kłopot*, польск. диал. *chłopot*, *kłopot*, ст.-чеш. *lopot(a)*, словц. *klopota*, русск. *хлопоты*, русск. диал. *клопот* (смол.), *клопоты* (Смол., Зап.-Брян., Курск., Орл., Вят., Урал.), укр. *клопіт*, блр. *клопат*. В южнославянских языках отсутствует семантика заботы, в основном сохранилась исходная звуковая семантика ('шум, стук', 'колокольчик' или 'беспорядок') [9: 465–466; 28: 137; 29: 36: 70–71]. Варианты с начальным *х-* *хлопоты/хлопотать* – экспрессивные к *клопот/хлопотать* [36: 70–71]. Значение заботы, по всей видимости, производно от 'возня, суета, сопровождаемые шумом': «Формирование абстрактного значения 'забота', 'заботиться' в данном случае должно быть объяснено как результат метонимического переноса, основанного на смежности действия и цели, достижение которой обеспечивается этим действием» [28: 137].

Ряд исследователей предполагают польское заимствование: «учитывая ареал глагола во вторичных значениях на восточнославянской

территории (украинский, белорусский, западные говоры русского языка), склоняются к версии о польском языке как источнике заимствования; причем как наиболее вероятное рассматривается предположение о заимствовании существительного и самостоятельном образовании глаголов на восточнославянской почве» [28: 137; 36: 70–71]. Опираясь на ареальные данные, соглашаемся с версией о заимствовании анализируемого русинского *клопот(а)* из польского.

Заимствования или производные от заимствований члены ЛСП – (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, *трапеня* – наиболее поздний пласт анализируемой лексики. Кроме русинского, однокорневая лексика отмечается в старопольском (с XV в.) и словацком (с XVI в.) языках, как характеризующая огорчение, тревогу: словц. *trápenie* ‘заботы, хлопоты’, *trápiť* (*sa*) ‘мучить(ся), терзать(ся)’, *trápny* ‘мучительный, неприятный’, польск. *trapić* ‘переживать, тревожить’, *trapić się* ‘мучиться’, ‘причинять огорчение’, с префиксами *strapienie/utrapienie* ‘забота’ и ‘огорчение’ [4: 1071; 21: 543; 37: 639–640; 40: 622]. В украинском есть диал. существительное *трапління* с семантикой заботы (хлопоты) [10: 622], которое вместе с родственной диалектной лексикой (*трапити* (*ся*)) является полонизмами по происхождению [10: 622]. В русинском языке, по всей видимости, это тоже заимствование из польского.

Полагаем, что русинский субстантив *сотрапеза* – вероятно, приставочное производное от церковнославянизма *трапеза* как ‘совместная трапеза’, совместное питание, кормление (ср. развитие семантики от пищевого значения в русск. *забота*). В других славянских языках этот дериват не был найден, в том числе в церковнославянском, старославянском и болгарском только *трапеза* и однокорневые, из приставочных есть только в ц.-слав. и русск. *сотрапезный*, *сотрапезник* [26: 699–700; 31: 94].

Подводя итоги, сделаем следующие выводы:

1. В русинском языке выделяются два субполя – I ‘забота как беспокойная мысль’ и II ‘забота как внимание, хлопоты, попечение’. Ядерной лексемой исследуемого поля и доминантой обоих синонимических рядов является существительное *жура*. К субполю I относятся **жура 1**, *гаданя*, *стараня 1*, *старунок 1*, (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, *трапеня*, ко II – **жура 2**, *стараня 2*, *старунок 2*, *клопот(а)*, (*со*)*трапеза*.

2. Русинское ЛСП частично сохраняют следы славянского представления о заботе как о внутреннем интенсивном беспокойном чувстве (печаль / тревога, беспокойство), так и о внешнем ее проявлении: о питании, кормлении (ср. русск. *забота/зобота* и *зоб* ‘корм’, *зобати* ‘клевать, есть’), присмотре, суете, старании. На уровне языка это выразилось в реализации понятия «забота» производными слав. *стар*, *клоп*-/*хлоп*–.

3. Ядерная лексема ЛСП «забота» *жура* – общеславянская по происхождению – приобрела семантику заботы уже, по всей видимости, только в восточнославянский период. Глубже по происхождению лексика с корнем *стар-*: она сохраняет семантику заботы как актуальную в основном в западном и южном ареалах, а также в украинском и русском. Русинское *клопот(а)* имеет соответствия в западно-восточнославянском ареале, и, по всей видимости, это полонизм. *Гаданя* в значении заботы представлено из славянских языков только в курско-орловских диалектах (*гада, гадка*) и русинском. Употребление в русинском, южнорусских говорах и балтийских языках может говорить о вероятности балтийского влияния, но не имеет однозначного толкования.

4. В анализируемом ЛСП представлены заимствованные/производные от заимствований лексические единицы (полонизмы с корнем *трап-* и *клопот(а)*, церковнославянизм *трапеза* и его производное *сотрапеза*, что говорит о частичном влиянии на формирование русинского поля инославянского (церковнославянского, польского) и, возможно, балтийского культурно-языкового наследства.

Список сокращений

В.-луж. – верхнелужицкий; вост.-слав. – восточнославянский; диал. – диалектный; курск. – курский; лит. – литовский; лтш. – латышский; н.-луж. – нижнелужицкий; орл. – орловский; польск. – польский; русск. – русский; слав. – славянский; словен. – словенский; словц. – словацкий; ст.-польск. – старопольский; с.-хорв. – сербохорватский; ст.-чеш. – старочешский; укр. – украинский; устар. – устаревший, ц.-слав. – церковнославянский, чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь: в 17 вып. Вып. 9: Врандовать–Галоп. М.: Знак, 2015. 383 с.
2. Белецкий-Носенко П.П. Словник української мови / підгід. до вид. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1966. 422 с.
3. Варбот Ж.Ж. Об этимологии глагола *стараться* // Исследования по русской и славянской этимологии. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 278–284.
4. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь = Wielki słownik polsko-rosyjski. Москва: Русск. яз.; Варшава: Ведза Повшехна, 1967. 1344 с.
5. Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 1: А–Ж. Київ, 1907. 495 с.
6. Дронова Л.П. Понятие «тоска / печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи // Русин. 2018. № 52. С. 118–125.

7. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.

8. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т./ голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Т. 1: А–Г. Київ: Наукова думка, 1982. 632, [2] с.

9. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т./ голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Т. 2: Д–Копці. Київ: Наукова думка, 1985. 573 с.

10. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т./ голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Т. 5: П–Т. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.

11. Желеховский €. Малорусско-немецкий словарь. Ruthenian-deutsches Wörterbuch: в 2 т. Т. 1: А–О. Львів; Lemberg, 1886. 608 с.

12. Желеховский €. Малорусско-немецкий словарь. Ruthenian-deutsches Wörterbuch: в 2 т. Т. 2: П–Я. Львів; Lemberg, 1886. 1117, [1] с.

13. Золтан А. Мнимое праславянское *starati se // Шаги / Steps. 2021. Т. 7, № 3. С. 82–96.

14. Керча И. Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 580 с.

15. Керча И. Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 596 с.

16. Керча И. Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. 2007. Ужгород: ПоліПрінт. 608 с.

17. Керча И. Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

18. Колокольникова М.Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2011. 40 с.

19. Пипаш Ю.О., Галас Б.К. Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005. 266 с.

20. Сабадош І. Словник Закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород: Ліраб, 2008. 480 с.

21. Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.

22. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

23. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 2: Въззакати–Добродѣтельник. М.: Русский язык, 1989. 494 с.
24. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 6: Выросток – Гон. Л.: Наука, 1970. 360 с.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / гл. ред. Г.А. Богатова. Вып. 4: Г–Д. М.: Наука, 1977. 404 с.
26. Словарь старославянского языка (по рукописям X–XI): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Э. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
27. Словник української мови: в 11 т. Т. 9: С / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1978. 918 с.
28. Тимошенко Е.И. Мотивационные модели формирования семантики «забота» в русском и других славянских языках // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2018. № 10. С. 134–138.
29. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. URL: <https://www.skarnik.by> (дата обращения: 19.03.2024).
30. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. 3: Муза–Сят. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. 4: Т–Яшур. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
32. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. Т. 1: А–Пantomима. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.
33. Чешско-русский словарь = Cesko-ruský slovník: в 2 т. / под ред. Л.В. Копецкого и Й. Филиппа. Т. 2: P–Ž. Москва: Русский язык; Praha: Stat. ped. nakl., 1976.
34. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: в 15 вып. / Р.М. Малько [і шш.]; рэд. Г.А. Цыхун. Вып. 3: Г–І. Мінск: Беларус. навука, 1985. 407 с.
35. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 223 с.
36. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 199 с.
37. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 863 s.
38. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Winter; Göttingen, 1962. Bd. 1. 1560 p.
39. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. T. 5. R S Ś T. Kraków, 1907: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 462 s.

40. Kralik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda. 704 s.
41. Słownik staropolski: w 11 t. / redaktor naczelny, kierownik S. Urbanczyk. T. 8-6 [53]: Zrządzić–Żać. Krakow: Polska Akademia Nauk, 1981. 481 s.
42. Šišková R. Areálová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2009. 200 s.

REFERENCES

1. Anikin, A.E. (2015) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [The Russian Etymological Dictionary]. Vol. 9. Moscow: Znak.
2. Beletskiy-Nosenko, P.P. (1966) *Slovník ukrains'koyi movi* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.
3. Varbot, Zh.Zh. (2012) Ob etimologii glagola 'starat'sya' [On the etymology of the verb 'starat'sya']. In: *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [The Research in Russian and Slavic Etymology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 278–284.
4. Gessen, D. & Stypula, R. (1967) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [The Large Polish-Russian dictionary]. Warsaw; Moscow: Wiedza Powszechna – Sovetskaya entsiklopediya.
5. Grinchenko, B. (1907) *Slovar' ukrainskogo yazyka* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 2. Kyiv: [s.n.]
6. Dronova, L.P. (2018) The concept "melancholy / sadness" in the Rusin language: Historical-areal connections. *Rusin*. 52. pp. 118–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/9
7. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [The formation and evolution of modal-evaluative vocabulary of the Russian language: The ethnolinguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichnyi slovník ukrains'koyi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
9. Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Etimologichnyi slovník ukrains'koyi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
10. Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichnyi slovník ukrains'koyi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.
11. Zhelekhovskiy, E. (1886a) *Malorusko-nemetskiy slovar. Ruthenian-Deutsches Wörterbuch* [The Rusin-German dictionary]. Vol. 1. Lwow – Lemberg: [s.n.].
12. Zhelekhovskiy, E. (1886b) *Malorusko-nemetskiy slovar. Ruthenian-Deutsches Wörterbuch* [The Rusin-German dictionary]. Vol. 2. Lwow – Lemberg: [s.n.].
13. Zoltan, A. (2021) Mnimoe praslavyanskoe *starati sę [The imaginary Proto-Slavic *starati sę]. *Shagi/Steps*. 7(3). pp. 82–96.
14. Kercha, I. (2012a) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

15. Kercha, I. (2012b) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
16. Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
17. Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
18. Kolokolnikova, M.Yu. (2011). *Diskursivnyy analiz v istoricheskoy leksikologii i semasiologii (na materiale moral'no-eticheskoy leksiki v zapadnoevropeyskikh yazykakh Srednevekov'ya)* [The discourse analysis in historical lexicology and semasiology (based on moral and ethical vocabulary in Western European languages of the Middle Ages)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
19. Pipash, Yu.O. & Galas, B.K. (2005) *Materiali do slovníka gutsul'skikh govirok* [Materials for the Dictionary of Hutsul Dialects]. Uzhhorod: [s.n.].
20. Sabadosh, I. (2008) *Slovník Zakarpats'koyi govorki sela Sokirnitsya Khusts'kogo rayona* [The Dictionary of Transcarpathian Dialect of Sokirnitsa Village, Khust District]. Uzhhorod: Lirab.
21. Kollar, D., Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovensko-ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Russkiy yazyk; Slovats. ped. izd-vo.
22. Guyvanyuk, N.V. (ed.) (2005) *Slovník bukovins'kikh govirok* [The Dictionary of the Bukovinian Dialects]. Chernivtsi: Ruta.
23. Avanesov, R.I. (ed.) (1989) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th century)]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Filin, F.P. (ed.) (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 6. Leningrad: Nauka.
25. Bogatova, G.A. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language 11th – 17th century]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
26. Tseytlin, R.M., Vecherka, E. & Blagova, E. (eds) (1999) *Slovar' staroslavianskogo yazyka (po rukopisyam X–XI)* [The Dictionary of the Old Slavonic Language. By manuscripts of the 10th – 11th centuries]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
27. Bilodid, I.K. (ed.) (1978) *Slovník ukraýins'koyi movi: v 11 t.* Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka.
28. Timoshenko, E.I. (2018) Motivatsionnye modeli formirovaniya semantiki “zabota” v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh [The motivational models of formation of semantics “care” in Russian and other Slavic languages]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki.* 10. pp. 134–138.
29. Belarus. (n.d.) *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskay movy* [The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. [Online] Available from: [https:// skarnik. by](https://skarnik.by) (Accessed: 29th October 2024).
30. Vasmer, M. (1987a) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Etymo-

logical Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 3. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

31. Vasmer, M. (1987b) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

32. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

33. Kopetskiy, L.V. & Filipets, Y. (eds) (1976) *Cheshsko-russkiy slovar'* [Czech-Russian Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; Prague: Stat. ped. nakl.

34. Tsykhun, G.A. (ed.) (1985) *Etymalahichny slounik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 3. Minsk: Navuka i tekhnika.

35. Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.

36. Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 10. Moscow: Nauka.

37. Boryś, W. (2005) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow: Wydawnictwo literackie.

38. Fraenkel, E. (1962) *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. 1. Heidelberg, Winter; Göttingen: [s.n.].

39. Karłowicz, J. (1907) *Słownik gwar polskich*. Vol. 5. Krakow: Jagiellonian University.

40. Kralik, L. (2015) *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda.

41. Urbanczyk, S. (1981) *Słownik staropolski*. Vol. 8-6 [53]. Wrocław – Warsaw – Krakow: Polska Akademia Nauk.

42. Šišková, R. (2009) *Aredlová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník*. Prague: Slovanský ústav AV ČR.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Svetlana A. Tolstik – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/13

Обработка эмоциональных текстов на русском языке носителями русского и якутско-русскими билингвами: разведочный анализ экспериментальных данных*

А.В. Колмогорова¹, Е.Р. Куликова²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург

Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123, лит. А

¹E-mail: akolmogorova@hse.ru

²E-mail: kulikova.e.r@hse.ru

Авторское резюме

Исследование является первым этапом экспериментального проекта по изучению процесса когнитивной обработки эмоциональных текстовых стимулов на L2 тюркско-русскими билингвами (в сравнении с носителями русского как родного). Используется специальный экспериментальный дизайн: информанту предлагается прочитать короткий эмоциональный текст и провести его эмоциональную разметку с помощью шести шкал. В процессе выполнения задания движения глаз информанта записываются с помощью айтрекера. В статье описаны результаты эксплораторного анализа данных, полученных в двух группах испытуемых – группе якутско-русских билингвов ($n = 10$) и носителей русского как родного ($n = 10$). Результаты анализа эмоциональной разметки текстов и окуломоторного поведения информантов позволили сделать следующие наблюдения. Согласованность эмоциональных оценок в группе монолингвов оказалась заметно выше, чем в группе билингвов, однако, несмотря на это, статистически значимых отличий между средними оценками билин-

* В статье использован ряд результатов, полученных в рамках исследования, проводимого по проекту № 24-00-033 «Экспериментальное изучение и моделирование когнитивных механизмов речевой деятельности» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2025 г. Статья подготовлена в рамках гранта программы «Мозг» АНО «Идея».

гтов и монолингвов выявлено не было, т. е. информанты в двух группах идентифицировали в текстах аналогичные эмоции. Что касается окулomotorного поведения, то у носителей русского как родного выявились закономерности, согласующиеся с другими исследованиями: на основе показателей средней длительности фиксации и времени первого прочтения текста можно судить о более быстрой обработке позитивных текстов по сравнению с негативными и нейтральными. Однако в группе якутско-русских билингвов мы не обнаружили статистически значимых отличий между параметрами глазодвигательной активности при чтении текстов разной валентности. Предположительно, эти отличия могли нивелироваться под влиянием межиндивидуальной вариативности экспериментальных наблюдений, полученных от информантов-билингвов. Для группы билингвов также было сделано наблюдение, касающееся количества саккад из зоны разметки в зону текста при проведении разметки: они возвращались к тексту значительно реже, чем монолингвы. Полученные наблюдения будут в дальнейшем проверены на расширенной выборке информантов – носителей как якутского, так и других тюркских языков.

Ключевые слова: тюркско-русский билингвизм, якутско-русский билингвизм, эмоциональная обработка, эмоциональная разметка, эмоциональный текст, чтение, айтрекинг

Processing of emotional texts in Russian by native Russian speakers and Yakut-Russian bilinguals: An exploratory analysis of experimental data*

Anastasia V. Kolmogorova¹, Elizaveta R. Kulikova²

^{1,2} HSE University

123A Kanala Griboedova Embankment, St. Petersburg, Russia

¹ E-mail: akolmogorova@hse.ru

² E-mail: kulikova.e.r@hse.ru

*The article employs a number of findings obtained as part of the research conducted under Project No. 24-00-033, "Experimental Study and Modeling of Cognitive Mechanisms of Speech Activity", within the framework of the 'Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)' Program in 2025. The publication is supported by the Brain Program of the IDEAS Research Center.

Abstract

This paper represents the first stage of an experimental project investigating the cognitive processing of emotionally-valenced textual stimuli in L2 by Turkic-Russian bilinguals with a control group of native Russian speakers. The study employs a specialized experimental design: participants are asked to read short emotional texts and perform emotional annotation task using standardized scales while their eye movements are recorded via an eye-tracker. The article presents results from an exploratory analysis of data from two groups – Yakut-Russian bilinguals (n=10) and native Russian speakers (n=10). The analysis of both the emotional annotations and oculomotor activity yielded several key results. Inter-group agreement on emotional evaluations was significantly higher among monolinguals than among bilinguals. However, despite this disparity in consensus, no statistically significant differences were found between the groups' mean ratings, suggesting that both cohorts identified analogous emotions in the texts. Regarding oculomotor behavior, native Russian speakers demonstrated patterns consistent with previous research: metrics of mean fixation duration and first-pass reading time indicated faster processing of positive texts compared to negative and neutral stimuli. In contrast, the Yakut-Russian bilingual group showed no statistically significant differences in eye-movement measures across texts of different valences. We hypothesize that this null result may be attributed to higher inter-individual variability within the bilingual cohort. Another notable observation concerned the number of saccades between the annotation zone and the text during the evaluation task: bilingual participants returned to the text significantly less frequently than monolinguals. These preliminary findings will be further examined using an expanded sample of Turkic language speakers in subsequent research.

Keywords: Turkic-Russian bilingualism, Yakut-Russian bilingualism, emotional processing, emotion annotation, emotional text, reading, eye-tracking

Введение

Многие регионы России являются би- и полилингвальными. В условиях тесного языкового контактирования языковое сознание билингва формируется двумя (а иногда и более) языками, один из которых – русский, второй – национальный. Языки тюркской семьи имеют наибольшее число носителей среди жителей России, а всего на языковой карте страны присутствуют 27 тюркских языков [3]. Масштабностью феномена тюркско-русского билингвизма объясняется, в частности, и наш исследовательский интерес, в центре которого – специфика восприятия билингвами эмоций при чтении текстов на русском языке.

Эмоция – сложное явление, которое, будучи глубоко фундировано в нейронной системе человека [27], испытывает влияние социальных и культурных факторов [11; 16], а также опосредуется языком [5]. Психологи признают «ряд прототипических аффектов, на которые как на базу настраиваются культурно определяемые эмоции» [1: 115]. Переживаемые билингвом эмоциональные состояния концептуализируются при посредничестве сразу двух языков и предопределяются двумя культурами. В этом контексте возникают вопросы о том, насколько данные системы отличаются, влияет ли одна из них на другую, какая из них более витальна для индивида?

Общий посыл проводимого нами исследования состоит в том, что получить наблюдения, которые помогут нам ответить на поставленные выше вопросы, мы можем, изучая то, как происходит когнитивная обработка текстов, манифестирующих разные эмоции, у билингвов и монолингвов. Как показано в [10; 28], окуломоторная активность (например, направление саккад, время фиксации взгляда, частота морганий и расширение зрачка) является надёжным неинвазивным методом получения знаний о когнитивных процессах и специфике их протекания у индивидов. В нашем исследовании метод регистрации движений глаз также используется для получения данных о специфике протекания когнитивных процессов при чтении эмоциональных текстов русскими монолингвами и тюркско-русскими билингвами (якутско-русскими).

Таким образом, цель данного этапа исследования, результаты которого описаны в статье, – выявить наличие или отсутствие различий в эмоциональных оценках, которые дают текстам якутско-русские билингвы и русскоязычные монолингвы, а также проанализировать и сравнить глазодвигательную активность при чтении текстов разной эмоциональной окраски в данных двух группах.

Наша гипотеза состоит в том, что если монолингвы и билингвы по-разному распознают и концептуализируют эмоции в текстах на русском языке, то это приведёт к статистически значимым отличиям в значениях метрик окуломоторной активности при выполнении задания.

Предварительный контекст исследования

В ряде исследований приводятся весомые доказательства в пользу гипотезы о приоритете первого языка в выражении и восприятии эмоций: эмоциональные слова родного языка субъективно воспринимаются билингвами как более интенсивные, предпочтительные для свободного выражения эмоциональных переживаний [6], чем

слова второго языка, что может отражаться также и на уровне физиологических реакций на эмоции [14]. Однако данный вывод нельзя распространить на все случаи билингвизма. На то, как представлены эмоции в языковом сознании билингва на первом и втором языке, влияет целый ряд взаимосвязанных факторов: характер среды усвоения L1 и L2, общий уровень владения языками и уровень отдельных компетенций, наличие или отсутствие функционального сдвига в сторону второго языка и др. Таким образом, в силу комплексного влияния многих составляющих, эмоциональная обработка у билингвов отличается от монолингвальной, при этом вопрос о сущности этих отличий остаётся открытым.

В наших предыдущих исследованиях получены результаты, свидетельствующие о том, что тувинско-русские билингвы и русские монолингвы при выполнении экспериментального задания по разметке эмоций в текстах на русском языке выделяют практически идентичные ведущие эмоции, но по-разному оценивают качество и степень выраженности вторичных эмоций [2]. В эксперименте, где мы просили оценить по эмоциональным шкалам 48 текстов, в которых были с высокой степенью интенсивности представлены 8 эмоций (по 6 текстов на эмоцию: гнев, отвращение, радость, грусть, воодушевление, удивление, стыд, страх), приняли участие 174 монолингва и 46 тувинско-русских билингвов. Анализ результатов разметки показал, что билингвы оказываются в целом более сензитивны к эмоциям удивления, стыда и грусти – они статистически значимо выше оценивают присутствие данных эмоций в качестве вторичных в предложенных текстах. Например, если доминирующей эмоцией является гнев, то, по сравнению с монолингвами, тувинско-русские билингвы в качестве вторичных эмоций чаще указывают удивление и стыд; если грусть, то выше оценивают присутствие стыда; если страх, то в качестве вторичной эмоции чаще, чем у монолингвов, появляется эмоция удивления. Интересно, что в проведённом предварительном эксперименте мы наблюдали, что билингвы демонстрируют меньшую чувствительность к эмоции гнева, чем монолингвы. В целом, исследование подтвердило первоначальную гипотезу о присутствии отличий в восприятии и концептуализации эмоций в текстах на русском языке в группах монолингвов и билингвов. Однако результаты могли оказаться случайными, обусловленными некоторыми внешними факторами, поэтому мы решили продолжить проверку гипотезы в эксперименте с регистрацией движений глаз и привлечь для этого группу носителей другого тюркского языка – якутского.

Материал исследования

Материалом настоящего исследования являются 36 коротких текстов из датасета текстов социальных сетей, собранного в нашем предыдущем исследовании [2]. Отбор текстов производился в несколько этапов. Сначала была проведена эмоциональная разметка 150 текстов из датасета. В качестве разметчиков выступили 8 носителей русского языка как родного: они оценили эмоции в этих текстах по предложенным шкалам, которые включали 6 базовых эмоций (радость, грусть, злость, отвращение, страх и удивление), а также варианты «нейтрально» и «другая эмоция» и оценку их интенсивности от 0 до 5. Для каждого текста был рассчитан показатель согласованности мнения разметчиков – альфа Кrippендорфа. Из 60 текстов с самыми высокими показателями согласованности ($\alpha > 0,6$) были отобраны 12 текстов, получивших оценку «нейтрально», 12 текстов, в которых информанты отметили одну ведущую эмоцию (по 2 текста на каждый эмоциональный класс из 6), а также 12 текстов, где ведущих эмоций было несколько (например, «злость» – 4, «отвращение» – 4). Длина текстов (с пробелами) варьируется от 259 до 594 символов, индекс сложности текста (индекс Флеша-Кинкейда) – от 3,75 до 15.

Дизайн и процедура эксперимента

С опорой на наши предыдущие работы мы продолжаем использовать эмоциональную разметку как способ объективировать представления информанта об эмоциональной составляющей текста, однако дополняем этот метод айтрекингом: в данном исследовании осуществляется запись движений глаз информанта в процессе чтения им текста и проведения его разметки с опорой на эмоциональные шкалы.

В ходе эксперимента информанту на экране компьютера в рандомизированном порядке предъявляются 36 текстов, предлагается прочитать каждый текст, а затем оценить, какие эмоции и с какой интенсивностью выражает автор текста. Эмоциональная разметка осуществляется по предложенным шкалам в диапазоне от 0 (данная эмоция не выражена) до 5 (эмоция выражена очень ярко) (рис. 1). Информант может оценивать одну или несколько эмоций, а также оставить все оценки на нуле. Для записи движений глаз используется айтрекер SMI RED 500.

Информанты дополнительно проходят тест на алекситимию [4], позволяющий выявить наличие затруднений в определении и вербализации собственных эмоций и эмоций других людей. Поскольку наша экспериментальная процедура подразумевает необходимость

интерпретировать эмоции, выраженные в тексте другим человеком (нарратором), высокий уровень алекситимии может оказаться значимым фактором в эксперименте. Кроме того, известно о влиянии эмоционального состояния человека на его восприятие эмоций, поэтому непосредственно перед началом эксперимента все информанты оценивают свое текущее эмоциональное состояние. Билингвальные информанты также заполняют опрос LEAP-Q [15] позволяющий оценить их языковую историю.

Чтобы перейти к следующему тексту, нажмите "Пробел"

Переходила через переезд в наушниках. Смотрю — люди ходят, ну и я пошла. За переездом стоял мужчина и что-то говорил мне, но я его не слышала. Да и слушать особо не хотела. Ровно через две секунды после того, как я перешла пути, промчался поезд... Такого ужаса я еще не испытывала никогда...

радость

0 1 2 3 4 5

злость

0 1 2 3 4 5

удивление

0 1 2 3 4 5

грусть

0 1 2 3 4 5

отвращение

0 1 2 3 4 5

страх

0 1 2 3 4 5

Рис. 1. Дизайн эксперимента

Характеристика участников

Участниками эксперимента стали 10 билингвов, чей L1 – якутский, L2 – русский язык, и 10 носителей русского языка как родного (далее – монолингвы). Выборки были сбалансированы по возрасту участников (средний возраст билингвов – 20,1, монолингвов – 22,5). Среди билингвов 7 информантов были женского пола, 3 – мужского, среди монолингвов – все информанты женского пола.

В анкете LEAP-Q 7 информантов-билингвов констатировали, что их уровень владения русским выше, чем якутским; 3 информанта напротив отметили якутский как более высокий по уровню. Все информанты на момент эксперимента чаще пользуются русским языком: в среднем на него приходится 60 % времени, тогда как на родной язык – около 30 %. В качестве предпочтительного языка для чтения

все информанты за исключением одного отметили русский язык. Все участники подписали информированное согласие на участие в исследовании.

Результаты анализа эмоциональных оценок

Сначала были рассмотрены эмоциональные оценки, которые информанты давали текстам в процессе разметки.

На основе метрики согласованности оценок (α Кrippендорфа) можно отметить, что мнения монолингвов относительно эмоции текстов значительно чаще совпадали, чем в группе билингвов. На рис. 2 показано, что самое низкое значение $\alpha = 0,6$ у монолингвов получил один текст. Для всех остальных текстов α находится в промежутке от 0,7 до 1, что считается очень хорошим показателем согласованности.

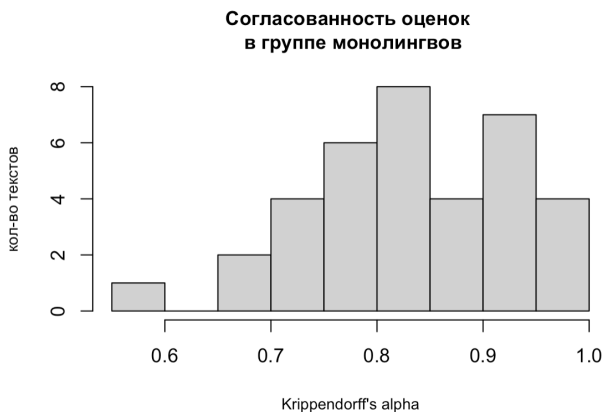

Рис. 2. Распределение значений альфы Кrippендорфа в группе монолингвов

В группе же билингвов встретились 2 текста, по которым мнение информантов было максимально не согласовано ($\alpha = 0$) (рис. 3). Значительная часть текстов (16) у билингвов получила показатель α от 0,1 до 0,6, что также указывает на высокую степень расхождения оценок эмоций в экспериментальных текстах.

Далее для сравнения значений эмоциональных оценок билингвов и монолингвов был проведён статистический тест (U-критерий Манна–Уитни). Оценки сравнивались внутри трёх групп текстов: позитивных, негативных и нейтральных, однако статистически значимых отличий в интенсивности эмоциональной оценки ни по одной из

шести эмоциональных шкал ни в одной группе выявлено не было ($p > 0,05$). Таким образом, на уровне субъективной оценки, которая является результатом направленной, осознанной рефлексии информанта над эмоциональной составляющей текста, системных отличий между группами монолингвов и билингвов мы не обнаружили. Возвращаясь к результатам подсчёта согласованности, можно предположить, что эмоциональные оценки билингвов в целом не подчинялись какой-то одной закономерности, в связи с чем не выявились и устойчивые межгрупповые различия.

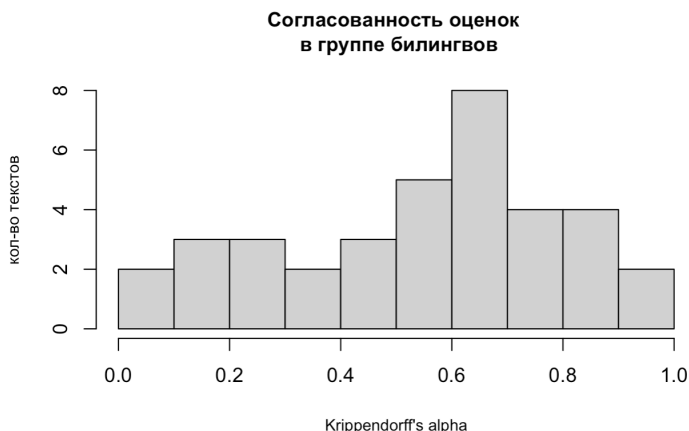

Рис. 3. Распределение значений альфы Кrippендорфа в группе билингвов

Анализ же оценок отдельных текстов позволяет заметить некоторые особенности в разметке билингвов, которые могут указывать на потенциальные различия в восприятии ими эмоций по сравнению с монолингвами. Для 10 текстов из 36 обнаружилось статистически значимые различия в баллах, выставленных по одной или двум из эмоциональных шкал ($0,015 < p < 0,04$). Эти различия касались удивления и злости: билингвы склонны ставить более высокие баллы по шкале удивления и не отмечать злость там, где видят её монолингвы. Например, для следующего текста средняя оценка по шкале злости у билингвов 0, по шкале радости – 2,3, по шкале удивления – 1,6, в то время как у монолингвов 0,8 – для злости, 2,5 – для радости и 1,4 – для удивления:

Мама услышала, как я разговариваю со смартфоном и даю простейшие команды, поставить будильник или таймер, создать напоминание.

Рассказала, что, когда она сама была школьницей, им дали на одном из уроков задание: придумать компьютер будущего, описать какие у него будут возможности. И мама как раз написала, что компьютер будет принимать голосовые команды. Учитель поднял её на смех перед всеми и даже других учителей позвал. Сказал, что это никак не возможно и никогда этого не будет. Добро пожаловать в будущее!

Хотя такие наблюдения мы сделали только для некоторых текстов из предъявленного пула, описанные различия могут проявиться с большей статистической значимостью при увеличении выборки. К тому же сниженная чувствительность к эмоции злости (гнева) наблюдалась и в предыдущем нашем исследовании на выборке тувинско-русских билингвов, которое описано выше.

Поскольку в процессе эксперимента также фиксировалась окуломоторная активность информантов, был проведён анализ количества саккад из зоны разметки в зону текста в ходе выставления эмоциональных оценок. Иными словами, мы посмотрели, как часто информанты возвращались к тексту в процессе принятия решения об эмоциональной составляющей текста (рис. 4). Сравнение показало, что монолингвы совершают статистически значимо больше саккад от шкал разметки к тексту по сравнению с билингвами. Из этого можно предположить, что монолингвы более сензитивны к эмоциональной составляющей текста, в связи с чем больше размышляют над оценкой и как бы перепроверяют себя, в то время как билингвы опираются на первое впечатление от прочитанного. Этот же фактор может объяснить низкую согласованность в оценках билингвов.

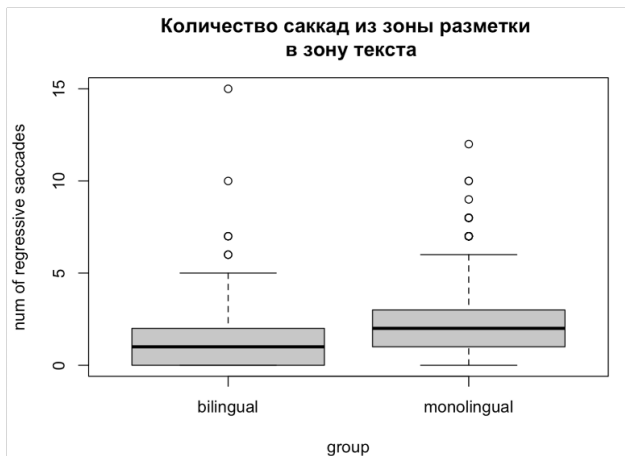

Рис. 4. Количество саккад из зоны разметки в зону текста у монолингвов и билингвов

Анализ окулomotorной активности в процессе чтения и выполнения эмоциональной разметки текстов

Вторым этапом стал анализ данных о глазодвигательной активности информантов. В качестве зон интереса были выделены следующие:

- зона текста;
- зона шкалы «радость»;
- зона шкалы «грусть»;
- зона шкалы «злость»;
- зона шкалы «страх»;
- зона шкалы «отвращение»;
- зона шкалы «удивление».

В зоне текста анализировались следующие параметры: средняя длительность фиксации (mean fixation duration), время первого прочтения текста (до перехода к разметке) (first pass reading time), общее время прочтения (сумма длительности всех фиксаций на зоне текста) (total reading time), количество фиксаций (number of fixations). Дополнительно анализировалось количество саккад из зон разметки в зону текста, которое показывает, как часто информант возвращался к тексту в процессе выставления эмоциональной оценки. На этапе предобработки фиксации короче 60 мсек исключались из анализа.

Окулomotorное поведение в группе монолингвов

Известно, что эмоциональная валентность оказывает влияние на скорость обработки единиц языка [9; 23], однако мнения насчет направления этого воздействия разнятся. Если эффект положительной валентности проявляется довольно устойчиво (положительные слова обрабатываются быстрее нейтральных) [26], то влияние негативной окраски не так однозначно. Ряд работ демонстрирует, что негативные слова обрабатываются дольше позитивных и нейтральных. Замедленная обработка негативных стимулов согласуется с гипотезой F. Pratto и O. John о непроизвольном внимании к угрозе (automatic vigilance hypothesis): согласно ей, при распознавании негативного стимула внимание сразу переключается на него и удерживается дольше, чем на других стимулах. Из-за этого перераспределения ресурсов выполнение задач, не требующих оценки валентности, замедляется [12; 22]. Результаты других экспериментальных исследований говорят о преимуществе в обработке эмоционально окрашенных слов по сравнению с нейтральными в целом, независимо от их валентности [13; 17; 18]. Подобное влияние валентности можно ожидать на уровне

не только слова, но и текста. В связи с этим мы сравнили параметры глазодвигательной активности монолингвов при чтении негативных, позитивных и нейтральных текстов.

Итак, все тексты были разделены на три группы на основе их эмоциональной валентности: позитивные, негативные и нейтральные. Чтобы получить представление о том, существует ли разница в окуломоторном поведении в зависимости от эмоциональной окраски текста, на основе средних значений параметров был рассчитан критерий хи-квадрат Фридмана (Friedman test). Результаты указывают на наличие статистически значимых различий между средней длительностью фиксации, первым и общим временем прочтения текста, а также количеством фиксаций для трёх групп текстов (рис. 5).

Средняя длительность фиксации (mean fixation duration)		Время первого прочтения (first pass reading time)	
χ^2	<i>p-value</i>	χ^2	<i>p-value</i>
7.80	0.020*	12.2	0.002*

Количество фиксаций (number of fixations)		Общее время прочтения (total reading time)	
χ^2	<i>p-value</i>	χ^2	<i>p-value</i>
14.6	<.001*	16.8	<.001*

Рис. 5. Значения критерия Фридмана для трех типов текстов (позитивных, негативных, нейтральных) в группе монолингвов

В нашем случае средняя длительность фиксации и время первого прочтения – это показатели, связанные исключительно с процессом чтения текста, тогда как количество фиксаций и общее время прочтения отражают комплексный процесс проведения эмоциональной разметки, поскольку включают фиксации как при первом прочтении, так и при перечитывании частей текста в ходе размышлений над эмоциональной оценкой. При попарных сравнениях метрик (рис. 6) заметим, что по средней длительности фиксации и времени первого прочтения текста нет статистически значимых различий между негативными и нейтральными текстами, в то время как для двух других пар (негативные/позитивные и позитивные/нейтральные) такое различие есть. По количеству фиксаций и общему времени прочтения попарно отличаются все три типа текстов.

Средняя длительность фиксации (mean fixation duration)		Время первого прочтения (first pass reading time)	
	<i>p-value</i>		<i>p-value</i>
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr	0.426	mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr	0.738
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos	0.025*	mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos	<.001*
mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos	0.004*	mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos	<.001*
Количество фиксаций (number of fixations)		Общее время прочтения (total reading time)	
	<i>p-value</i>		<i>p-value</i>
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr	0.010*	mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr	0.005*
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos	<.001*	mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos	<.001*
mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos	<.001*	mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos	<.001*

Рис. 6. Парные сравнения метрик глазодвигательной активности в группе монолингвов, Friedman test (метрики нормированы на длину текста)

Чтобы выявить конкретные факторы, которые обусловили различие в метриках, а значит оказали влияние на обработку исследуемых текстов, были использованы линейные модели со смешанными эффектами (linear mixed model, LMM). В качестве случайных эффектов рассматривались участники и тексты. В качестве возможных факторов (фиксированные эффекты) рассматривались валентность (позитивная, негативная, нейтральная), ведущая эмоция текста, результаты текста на алекситимию, длина текста в символах (с пробелами), средняя длина слова в буквах, средняя длина предложения в словах, метрика сложности текста SMOG. Статистически значимые фиксированные эффекты представлены в таблицах (рис. 7–9).

Negative and positive texts (monolinguals)																
Predictors	Mean fixation duration				First pass reading time				Total reading time				Number of fixations			
	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p
Intercept(negative)	4.70	0.12	39.06	<0.001	7.33	0.21	34.12	<0.001	7.70	0.18	42.82	<0.001	2.80	0.14	19.88	<0.001
Valence(positive)	-0.06	0.02	-3.76	<0.001	-0.23	0.08	-2.98	0.003	-0.26	0.07	-3.70	<0.001	-0.20	0.06	-3.45	0.001
Average word length in letters	0.05	0.02	2.07	0.040												
Text length in character					0.00	0.00	7.35	<0.001	0.00	0.00	7.61	<0.001	0.00	0.00	8.95	<0.001
Random Effects																
σ ²	0.01				0.09				0.07				0.05			
τ ₀₀	0.02	participant			0.02	text_id			0.02	text_id			0.01	text_id		
					0.18	participant			0.08	participant			0.03	participant		
ICC	0.68				0.69				0.60				0.45			
N	10	participant			10	participant			10	participant			10	participant		
					24	text_id			24	text_id			24	text_id		
Observations	240				240				240				240			
Marginal R ² / Conditional R ²	0.026 / 0.687				0.204 / 0.752				0.311 / 0.722				0.402 / 0.673			

Рис. 7. Результаты построения линейной модели для сравнения метрик при чтении негативных и позитивных текстов в группе монолингвов

На рис. 7 представлены результаты построения линейной модели для негативных и позитивных текстов. Заметим, что *p*-значение для

фактора валентности (valence) текста является статистически значимым, т. е. валентность, среди прочих факторов, объясняет разницу в глазодвигательном поведении во время чтения позитивно и негативно окрашенных текстов. При этом показатели всех метрик для позитивных текстов ниже, чем для негативных: позитивные тексты прочитывались быстрее, средняя длительность фиксации для них короче, а количество фиксаций – меньше, что может свидетельствовать о более быстрой обработке таких текстов по сравнению с негативным.

Аналогичный результат получен и при сравнении позитивных и нейтральных текстов (рис. 8): положительная окраска повлияла на то, как быстро будет обработан текст. Что же касается негативных и нейтральных текстов, для них фактор валентности не выявился как статистически значимый (рис. 9). Различия в метриках глазодвигательной активности объяснялись скорее количественными параметрами текстов (длиной и сложностью текста, длиной слов), нежели эмоциональной составляющей.

Positive and neutral texts (monolinguals)																
Predictors	Mean fixation duration				First pass reading time				Total reading time				Number of fixations			
	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p
Intercept(negative)	4.93	0.05	106.37	<0.001	7.38	0.26	28.05	<0.001	7.68	0.22	35.72	<0.001	2.80	0.18	15.47	<0.001
Valence(positive)	-0.06	0.02	-3.34	0.001	-0.20	0.09	-2.23	0.027	-0.46	0.07	-6.84	<0.001	-0.40	0.06	-6.76	<0.001
Text length in characters					0.00	0.00	4.66	<0.001	0.00	0.00	6.96	<0.001	0.00	0.00	8.01	<0.001
SMOG									-0.04	0.01	-2.74	0.007	-0.04	0.01	-3.40	0.001
Average sentence length in words									0.04	0.01	3.37	0.001	0.04	0.01	3.71	<0.001
Random Effects																
σ ²	0.01				0.16				0.11				0.09			
τ ₀₀	0.02 participant				0.02 text_id				0.07 participant				0.03 participant			
					0.21 participant											
ICC	0.59				0.59				0.38				0.23			
N	10 participant				10 participant				10 participant				10 participant			
					18 text_id											
Observations	180				180				180				180			
Marginal R ² / Conditional R ²	0.025 / 0.602				0.101 / 0.631				0.212 / 0.510				0.277 / 0.445			

Рис. 8. Результаты построения линейной модели для сравнения метрик при чтении позитивных и нейтральных текстов в группе монолингвов

Таким образом, на уровне текста у монолингвов заметно влияние эмоциональной окраски на скорость его когнитивной обработки: положительно окрашенная информация имеет тенденцию к более быстрой обработке, а негативная – нет. Такие результаты согласуются и с некоторыми другими работами, посвящёнными изучению чтения эмоционально окрашенных текстов. Так, в работе [8] исследовалось окуломоторное поведение при чтении позитивных, негативных и нейтральных текстов и его связь с уровнем когнитивной вовлеченности читателя. Аналогично нашим результатам, авторы выявили влияние положительной, но не негативной валентности на обработку текста.

Negative and neutral texts (monolinguals)																
Predictors	Mean fixation duration				First pass reading time				Total reading time				Number of fixations			
	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p
Intercept	4.80	0.08	62.09	<0.001	7.34	0.21	35.51	<0.001	7.07	0.37	19.16	<0.001	2.32	0.31	7.56	<0.001
Average word length in letters	0.03	0.01	2.03	0.043					0.19	0.08	2.39	0.017	0.15	0.07	2.29	0.023
Text length in character					0.00	0.00	7.43	<0.001	0.00	0.00	9.13	<0.001	0.00	0.00	10.79	<0.001
SMOG									-0.06	0.02	-2.76	0.006	-0.05	0.02	-3.06	0.002
Average sentence length in words									0.03	0.01	2.34	0.020	0.03	0.01	2.58	0.010
Random Effects																
σ ²	0.01				0.12				0.09				0.07			
τ ₀₀	0.02	participant			0.02	text_id			0.01	text_id			0.01	text_id		
					0.19	participant			0.06	participant			0.03	participant		
ICC	0.62				0.65				0.46				0.33			
N	10	participant			10	participant			10	participant			10	participant		
					30	text_id			30	text_id			30	text_id		
Observations	300				300				300				300			
Marginal R ² / Conditional R ²	0.005 / 0.624				0.153 / 0.700				0.252 / 0.598				0.340 / 0.559			

Рис. 9. Результаты построения линейной модели для сравнения метрик при чтении негативных и нейтральных текстов в группе монолингвов

На основе результатов анализа можно предположить, что не только скрытый процесс обработки позитивных текстов был быстрее, чем негативных и нейтральных, но и осознанное принятие решения о том, какую эмоцию выражает текст (на что указывают параметры общего времени прочтения и количества фиксаций). Однако отметим, что это может быть связано не только с валентностью текста, но и используемой шкалой: в списке базовых эмоций лишь одна из них положительная (радость), ещё одна может быть как положительной, так и отрицательной (удивление), а то время как негативных эмоций три, а значит, детектируя негативные эмоции, информанты имеют больший выбор категорий и выбор занимает время.

Окуломоторное поведение в группе билингвов

Выявив некоторые закономерности влияния окраски текста на его обработку у монолингвов, мы перешли к аналогичному анализу в группе билингвов. Хи-квадрат Фридмана (рис. 10) не указал на разницу в средней длительности фиксации между нейтральными, негативными и позитивными текстами. Для остальных трёх метрик *p*-значение находится в зоне значимости, а значит по этим параметрам существуют различия между текстами разной валентности.

Попарное сравнение метрик (рис. 11) указывает на различие между позитивными и нейтральными текстами по времени первого прочтения и общему времени прочтения, а также количеству фиксаций на тексте. По двум метрикам – количеству фиксаций и общему времени прочтения – наблюдается разница в чтении негативных и

нейтальных текстов. Для средней длительности фиксации попарное сравнение не проводилось, поскольку p -значение на предыдущем шаге вычислений (рис. 10) не является статистически значимым.

Средняя длительность фиксации (mean fixation duration)		Время первого прочтения (first pass reading time)	
χ^2	p -value	χ^2	p -value
0.6	0.741	6.20	0.045*

Количество фиксаций (number of fixations)		Общее время прочтения (total reading time)	
χ^2	p -value	χ^2	p -value
10.4	0.006*	13.4	0.001*

Рис. 10. Значения критерия Фридмана для трех типов текстов (позитивных, негативных, нейтральных) в группе билингвов

Средняя длительность фиксации (mean fixation duration)		Время первого прочтения (first pass reading time)	
	p -value		p -value
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr			0.321
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos			0.091
mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos			0.012*

Количество фиксаций (number of fixations)		Общее время прочтения (total reading time)	
	p -value		p -value
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr	0.007*	mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_neutr	<.001*
mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos	0.236	mean_fix_dur_neg – mean_fix_dur_pos	0.081
mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos	<.001*	mean_fix_dur_neutr – mean_fix_dur_pos	<.001*

Рис. 11. Попарные сравнения метрик глазодвигательной активности в группе билингвов, Friedman test (метрики нормированы на длину текста)

Итак, первичный анализ, указывающий на наличие или отсутствие различий между сравниваемыми группами текстов, демонстрирует, что у билингвов длительность фиксации не изменяется в зависимости от эмоциональной окраски текста, который они читают, а значит, она не обнаруживает зависимости от более быстрой и лёгкой или долгой и когнитивно затратной обработки текста той или иной валентности. Однако на возможное преимущество позитивных текстов над нейтральными при когнитивной обработке указывает параметр времени первого прочтения. Меньшее количество фиксаций и общее время прочтения могут указывать на более быстрое принятие решения

относительно эмоции текста при чтении положительно окрашенного текста, нежели нейтрального.

Поскольку попарные сравнения текстов разной валентности не дали однозначного результата, а смешанная линейная модель для группы билингвов строилась для всех текстов – позитивных, негативных и нейтральных, а валентность использовалась как фиксированный эффект с тремя уровнями. Так как в модели используются некоторые данные, полученные из анкеты LEAP-Q, а 2 из 10 информантов-билингвов не завершили её заполнение, модель построена для 8 участников. Результаты построения модели для группы билингвов (рис. 12) не определили валентность как значимый фактор, объясняющий различия в метриках глазодвигательной активности в процессе чтения (кроме показателя количества фиксаций, для данной метрики значимость позитивной валентности 0,040). Однако важно заметить, что для билингвального чтения оказались важными некоторые другие факторы. Часть различий в показателях средней длительности фиксации объясняется уровнем навыков чтения и говорения билингвов на русском языке. Информанты оценивали их самостоятельно при заполнении анкеты LEAP-Q. Таким образом, несмотря на функциональную доминантность русского языка, а также ранний возраст его усвоения (до 7 лет), уровень языковых навыков всё ещё может быть более значимым фактором, определяющим скорость обработки слов в процессе чтения, нежели эмоциональный заряд текста.

Bilinguals																
Predictors	Mean fixation duration				First pass reading time				Total reading time				Number of fixations			
	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p	Estimates	SE	Statistic	p
Intercept	4.01	0.46	8.77	<0.001	6.56	2.32	2.83	0.005	9.59	3.27	2.93	0.004	5.61	3.06	1.83	0.068
Reading skills in Russian	0.12	0.05	2.24	0.026	0.23	0.28	0.80	0.425	-0.15	0.40	-0.38	0.702	-0.27	0.37	-0.74	0.460
Speaking skills in Russian	-0.05	0.02	-2.49	0.013	-0.17	0.11	-1.58	0.115	-0.20	0.15	-1.28	0.201	-0.14	0.14	-1.00	0.319
SMOG	-0.01	0.00	-2.11	0.036	-0.00	0.01	-0.51	0.610	-0.08	0.02	-3.55	<0.001	-0.07	0.02	-3.41	0.001
Average word length in letters	0.04	0.02	1.60	0.111					0.30	0.09	3.41	0.001	0.23	0.09	2.58	0.010
Text length in characters					0.00	0.00	6.77	<0.001	0.00	0.00	7.41	<0.001	0.00	0.00	8.52	<0.001
Average sentence length in words									0.03	0.01	2.51	0.013	0.04	0.01	2.94	0.004
Valence(neutral)													0.04	0.06	0.69	0.489
Valence(positive)													-0.15	0.08	-2.06	0.040
Random Effects																
σ ²	0.02				0.22				0.19				0.16			
τ ₀₀	0.00	participant			0.04	participant			0.08	participant			0.07	participant		
ICC	0.05				0.14				0.31				0.31			
N	8	participant			8	participant			8	participant			8	participant		
Observations	277				277				277				277			
Marginal R ² / Conditional R ²	0.077 / 0.120				0.167 / 0.287				0.245 / 0.476				0.274 / 0.501			

Рис. 12. Результаты построения линейной модели для сравнения метрик при чтении трёх типов текстов в группе билингвов

Говоря о количестве фиксаций на тексте, при отсутствии эффекта эмоциональной валентности для других метрик глазодвигательной активности этот показатель сложно интерпретировать однозначно. Можно предположить, что этот эффект оказался случайным или же он, напротив, не проявился для других метрик в силу небольшой выборки или межиндивидуальной вариативности внутри группы билингвов.

Обсуждение

Данный этап исследования носит эксплораторный характер и имеет целью выявить некоторые паттерны в окуломоторном поведении якутско-русских билингвов и русских монолингвов при когнитивной обработке эмоциональных текстов на русском языке, чтобы в дальнейшем сосредоточиться на проверке валидности данных наблюдений.

Анализ глазодвигательного поведения в группе носителей русского как родного на этапах чтения эмоциональных и нейтральных текстов на русском языке позволил выявить устойчивую закономерность, которая согласуется и с наблюдениями, описанными в литературе: позитивные тексты обрабатываются значимо быстрее, чем нейтральные или негативные. Данную закономерность исследователи, как правило, объясняют влиянием некоторого социального табу на негативные эмоции, существующего в коммуникативных сообществах [24] и приводящего к активации психологической установки, замедляющей процесс когнитивной обработки таких стимулов. При этом монолингвы демонстрируют высокую согласованность в оценке эмоций в экспериментальных текстовых стимулах, и, оценивая, они часто перемещают взгляд от текста к шкалам и обратно. Такая поведенческая особенность косвенно свидетельствует о неуверенности, сомнениях, которые испытывают информанты-монолингвы в процессе соотнесения текста и эмоционального класса.

В группе билингвов согласованность оценок низкая, а количество перемещений взгляда от текста к шкалам значимо меньше, чем у монолингвов. Статистически анализ значений параметров глазодвигательной активности билингвов при когнитивной обработке текстов с разной эмоциональной валентностью не подтвердил значимость валентности как фактора, влияющего на обработку.

Предполагаем, что отличия в когнитивной обработке текстов разной валентности могли нивелироваться под влиянием межиндивидуальной вариативности экспериментальных наблюдений, полученных от информантов-билингвов, о чем косвенно свиде-

тельствуется низкая согласованность в эмоциональной разметке и низкое значение метрики R^2 (R-квадрат) для смешанной линейной модели, характеризующей её объяснительную силу. Причиной такой вариативности могут быть различия в характеристиках языкового профиля билингвов. Возможно, для ряда информантов фактором, более важным для когнитивной обработки, нежели эмоциональная валентность, мог оказаться уровень владения L2. На данный факт указывают многочисленные исследования последних лет [25]. Хотя мы старались отбирать информантов с высоким уровнем владения русским языком (сбалансированных билингвов, обучавшихся на русском языке длительное время (7–10 лет)), мы опирались только на интроспективные оценки информантов по опроснику и косвенные свидетельства (например, количество лет обучения на русском языке). В дальнейшем планируется предлагать информантам несколько заданий на проверку знания русского языка.

Однако существуют также мнения о том, что важно, в каких коммуникативных условиях был усвоен, а затем использовался второй язык – происходило ли речевое общение в действительно эмоциональных контекстах и аффективно нагруженных ситуациях [7; 21]. Судя по ответам наших билингвальных информантов, для них русский язык – это язык общения на работе и в учёбе, а дома, в семье и с друзьями используется якутский. Мы допускаем, что тексты на втором языке вызывают у билингвов меньший эмоциональный отклик – позже усвоенный язык обрабатывается семантически, но не аффективно [20], поэтому эмоциональная нагрузка никак не влияет на когнитивную обработку.

Дальнейшего изучения требует также тот факт, что информанты-билингвы совершали значимо меньше перемещений взгляда от текста к шкалам, т. е. испытывали меньше сомнений и колебаний при оценивании эмоции в тексте, а их эмоциональные оценки при этом пока незначительно отличались от монолингвов. Если при расширении выборки данная тенденция сохранится, то это может стать интересным аргументом в пользу теорий, доказывающих большую эффективность билингвов в категоризации эмоционального контента при одновременной одинаковой с монолингвами точности детектирования эмоций в текстовых стимулах [19]. Это объясняется влиянием уже упоминавшейся меньшей собственной аффективной вовлеченностью билингвов в «переживание» эмоционального контента.

Если же пока заметная слабо тенденция к большей сензитивности билингвов, на фоне монолингвов, к эмоциям удивления и меньшей – к эмоциям гнева, проявится сильнее при увеличении выборки, можно

будет сфокусироваться на влиянии культуры и этнической картины мира на категоризацию и детектирование эмоций.

Заключение

Проведённое исследование представляет собой первый этап задуманного экспериментального проекта по изучению процесса когнитивной обработки эмоциональных текстовых стимулов на L2 тюркско-русскими билингвами.

Новизна дизайна экспериментального сеттинга связана с такими факторами, как использование естественного текстового, а не словесного, стимульного материала; наблюдение за глазодвигательной активностью информантов не только в процессе чтения, но и в процессе эмоциональной разметки текстов; учет результатов самой разметки.

С одной стороны, результаты, полученные в группах из 10 монолингвов и 10 якутско-русских билингвов, имеют ряд совпадений с результатами наших предыдущих экспериментов, проводившихся без использования айтрекинга, а также с результатами, описанными в других исследованиях, выполненных уже в окулографической парадигме на материале других языков и стимулов. Такие совпадения свидетельствуют о валидности получаемых нами результатов.

С другой стороны, у билингвов мы фиксируем ряд эффектов – отсутствие отличий глазодвигательного поведения при чтении текстов разной валентности, меньшее среднее количество саккад между текстом и шкалами для оценивания, ещё не нашедших своего отражения в литературе и требующих дальнейшего подтверждения на более объемной выборке. Если эффекты подтвердятся, их интерпретация будет интересной исследовательской задачей.

Ограничения исследования, ставшие ощутимыми в данной серии, связаны с недостаточностью информации о языковом профиле информантов-билингвов, а также с недостаточностью наших знаний о специфике системы эмотивов в якутском языке и в целом о месте эмоций в модели мира якутов. Для преодоления данных ограничений мы расширили опросник, адресованный информантам, и организовали дополнительный эксперимент, который поможет узнать больше о представленности эмотивов на якутском языке в языковом сознании якутско-русских билингвов.

В качестве перспектив исследования мы рассматриваем увеличение выборки якутско-русских билингвов, а также диверсификацию выборки за счёт привлечения информантов других билингвальных групп, например татарско-русских и тувинско-русских билингвов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клобуков П.Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 110–123.

2. Колмогорова А.В., Маликова А.В. Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6. С. 735–743. doi: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-735-743

3. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С. и др. Список языков России и статусы их витальности: монография-препринт. М., 2022. 80 с.

4. Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К. и др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. № 4. С. 31–38.

5. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.

6. Alenezi R.K., AlBader Y.B. Emotional Resonance of Arabic-English Bilinguals // World Journal of English Language. 2023. № 13 (5). P. 247–353. doi: 10.5430/wjel.v13n5p347

7. Altarriba J. Expressions of emotion as mediated by context // Bilingualism: Language and Cognition. 2008. № 11 (02). P. 165–167.

8. Ballenghein U., Megalakaki O., Baccino T. Cognitive engagement in emotional text reading: concurrent recordings of eye movements and head motion // Cognition and Emotion. 2019. № 33 (7). P. 1448–1460. doi: 10.1080/02699931.2019.1574718

9. Barriga-Paulino C.I., Guerreiro M., Faísca L. et al. Does emotional valence modulate word recognition? A behavioral study manipulating frequency and arousal // Acta Psychologica. 2022. № 223. 103484. doi: 10.1016/j.actpsy.2021.103484

10. Eckstein M.K., Guerra-Carrillo B., Singley A.T.M. et al. Beyond eye gaze: What else can eyetracking reveal about cognition and cognitive development // Dev. Cogn. Neurosci. 2017. Vol. 25. P. 69–91.

11. Elster J. Rationalité émotions et normes sociales // La couleur des pensées, Raisons pratiques. 1995. № 6. P. 33–64.

12. Estes Z., Verges M. Freeze or flee? Negative stimuli elicit selective responding // Cognition. 2008. № 108 (2). P. 557–565. doi: 10.1016/j.cognition.2008.03.003

13. Haro J., Hinojosa J.A., Ferré P. The role of individual differences in emotional word recognition: Insights from a large-scale lexical decision study // Behav Res. 2024. № 56. P. 8501–8520. doi: 10.3758/s13428-024-02488-z

14. Harris C.L., Ayçiçeği A., Gleason J.B. Taboo words and reprimands elicit greater autonomic reactivity in a first than in a second language // *Appl. Psycholinguist.* 2003. № 4. P. 561–578. doi: 10.1017/S0142716403000286
15. Kaushanskaya M., Blumenfeld H.K., Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later // *Biling (Camb Engl)*. 2020. № 23 (5). P. 945–950. doi: 10.1017/s1366728919000038
16. Kolmogorova A., Kalinin A., Malikova A. Semiotic Function of Empathy in Text Emotion Assessment // *Biosemiotics*. 2021. Vol. 14, № 2. P. 329–344. doi: 10.1007/s12304-021-09434-y
17. Koustas S.T., Vinson D.P., Vigliocco G. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // *Cognition*. 2009. № 112 (3). P. 473–481. doi: 10.1016/j.cognition.2009.06.007
18. Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M., Warriner A.B. Emotion and language: valence and arousal affect word recognition // *J Exp Psychol Gen.* 2014. № 143 (3). P. 1065–1081. doi: 10.1037/a0035669
19. Morawetz C., Oganian Y., Schlickeiser U. et al. Second Language Use Facilitates Implicit Emotion Regulation via Content Labeling // *Front Psychol.* 2017. № 8. P. 366. doi: 10.3389/fpsyg.2017.00366
20. Pavlenko A. Affective processing in bilingual speakers: disembodied cognition? // *Int J Psychol.* 2012. № 47 (6). P. 405–428. doi: 10.1080/00207594.2012.743665
21. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. № 11 (02). P. 147–164.
22. Pratto F., John O.P. Automatic vigilance: The attention-grabbing power of negative social information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 61 (3). P. 380–391. doi: 10.1037/0022-3514.61.3.380
23. Schmuck J., Schnuerch R., Voltz E. et al. The influence of lexical word properties on selective attention to emotional words: Support for the attentional tuning of valent word forms // *Psychophysiology*. 2025. № 62 (1). doi: 10.1111/psyp.14748
24. Sendek K., Herzmann G., Pfeifer V. et al. Social acquisition context matters: Increased neural responses for native but not nonnative taboo words // *Cogn Affect Behav Neurosci.* 2022. № 22 (2). P. 362–382. doi: 10.3758/s13415-021-00951-4
25. Sharif H., Mahmood S. Emotional processing in bilinguals: a systematic review aimed at identifying future trends in neurolinguistics // *Humanit Soc Sci Commun.* 2023. № 10. doi: 10.1057/s41599-023-01926-1
26. Sheikh N.A., Titone D.A. Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: an eye-movement study // *Emotion*. 2013. № 13 (6). P. 1107–1121. doi: 10.1037/a0032417
27. Talanov M., Leukhin A., Lövheim H. et al. Modeling Psycho-Emotional States via Neurosimulation of Monoamine Neurotransmitters // *Blended Cognition*. 2019. Vol. 12. P. 127–156.

28. Walter K., Bex P. Cognitive load influences oculomotor behavior in natural scenes // *Sci. Rep.* 2021. Vol. 11, № 1. P. 12405.

REFERENCES

1. Klobukov, P.E. (1998) Emotsii, soznanie, kul'tura (osobennosti otrazheniya emotsiy v yazyke) [Emotions, consciousness, culture (linguistic representation of emotions)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 4. Moscow: Filologiya. pp. 110–123.
2. Kolmogorova, A.V. & Malikova, A.V. (2022) Sub'ektivnye i ob'ektivnye faktory bilingvizma v emotsional'nom vospriyatii teksta (na materiale tuvinsko-russkogo bilingvizma) [Subjective and objective factors of bilingualism in emotional text perception: Evidence from Tuvan-Russian bilinguals]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24(6). pp. 735–743. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-735-743
3. Koryakov, Yu.B., Davidyuk, T.I., Kharitonov, V.S. et al. (2022) *Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vital'nosti* [The list of languages of Russia and their vitality]. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Science.
4. Starostina, E.G., Teylor, G.D., Kvilti, L.K. et al. (2010) Torontskaya shkala aleksitimii (20 punktov): validizatsiya russkoyazychnoy versii na vyborke terapevticheskikh bol'nykh [The Toronto *Alexithymia Scale* (TAS-20): Validation of the Russian version in clinical population. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*. 4. pp. 31–38.
5. Shakhovskiy, V.I. (2009) Emotsii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an research object]. *Voprosy psikholingvistiki*. 9. pp. 29–42.
6. Alenezi, R.K. & AlBader, Y.B. (2023) Emotional Resonance of Arabic-English Bilinguals. *World Journal of English Language*. 13(5). pp. 247–353. DOI: 10.5430/wjel.v13n5p347
7. Altarriba, J. (2008) Expressions of emotion as mediated by context. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(2). pp. 165–167.
8. Ballenghein, U., Megalakaki, O. & Baccino, T. (2019) Cognitive engagement in emotional text reading: Concurrent recordings of eye movements and head motion. *Cognition and Emotion*. 33(7). pp. 1448–1460. DOI: 10.1080/02699931.2019.1574718
9. Barriga-Paulino, C.I., Guerreiro, M., Faísca, L. et al. (2022) Does emotional valence modulate word recognition? A behavioral study manipulating frequency and arousal. *Acta Psychologica*. 223. 103484. DOI: 10.1016/j.actpsy.2021.103484
10. Eckstein, M.K., Guerra-Carrillo, B., Singley, A.T.M. et al. (2017) Beyond eye gaze: What else can eyetracking reveal about cognition and cognitive development. *Developmental Cognitive Neuroscience*. 25. pp. 69–91.

11. Elster, J. (1995) Rationalité émotions et normes sociales. *La couleur des pensées, Raisons pratiques*. 6. pp. 33–64.
12. Estes, Z. & Verges, M. (2008) Freeze or flee? Negative stimuli elicit selective responding. *Cognition*. 108(2). pp. 557–565. DOI: 10.1016/j.cognition.2008.03.003
13. Haro, J., Hinojosa, J.A. & Ferré, P. (2024) The role of individual differences in emotional word recognition: Insights from a large-scale lexical decision study. *Behavior Research Methods*. 56. pp. 8501–8520. DOI: 10.3758/s13428-024-02488-z
14. Harris, C.L., Ayçiçeği, A. & Gleason, J.B. (2003) Taboo words and reprimands elicit greater autonomic reactivity in a first than in a second language. *Applied Psycholinguistics*. 24(4). pp. 561–578. DOI: 10.1017/S0142716403000286
15. Kaushanskaya, M., Blumenfeld, H.K. & Marian, V. (2020) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. *Bilingualism: Language and Cognition*. 23(5). pp. 945–950. DOI: 10.1017/s1366728919000038
16. Kolmogorova, A., Kalinin, A. & Malikova, A. (2021) Semiotic Function of Empathy in Text Emotion Assessment. *Biosemiotics*. 14(2). pp. 329–344. DOI: 10.1007/s12304-021-09434-y
17. Kousta, S.T., Vinson, D.P. & Vigliocco, G. (2009) Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*. 112(3). pp. 473–481. DOI: 10.1016/j.cognition.2009.06.007
18. Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M. & Warriner, A.B. (2014) Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*. 143(3). pp. 1065–1081. DOI: 10.1037/a0035669
19. Morawetz, C., Oganian, Y., Schlickeiser, U. et al. (2017) Second Language Use Facilitates Implicit Emotion Regulation via Content Labeling. *Frontiers in Psychology*. 8:366. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00366
20. Pavlenko, A. (2012) Affective processing in bilingual speakers: Disembodied cognition? *International Journal of Psychology*. 47(6). pp. 405–428. DOI: 10.1080/00207594.2012.743665
21. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(2). pp. 147–164.
22. Pratto, F. & John, O.P. (1991) Automatic vigilance: The attention-grabbing power of negative social information. *Journal of Personality and Social Psychology*. 61(3). pp. 380–391. DOI: 10.1037/0022-3514.61.3.380
23. Schmuck, J., Schnuerch, R., Voltz, E. et al. (2025) The influence of lexical word properties on selective attention to emotional words: Support for the attentional tuning of valent word forms. *Psychophysiology*. 62(1). DOI: 10.1111/psyp.14748
24. Sendek, K., Herzmann, G., Pfeifer, V. et al. (2022) Social acquisition context matters: Increased neural responses for native but not nonnative taboo words.

Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. 22(2). pp. 362–382. DOI: 10.3758/s13415-021-00951-4

25. Sharif, H. & Mahmood, S. (2023) Emotional processing in bilinguals: A systematic review aimed at identifying future trends in neurolinguistics. *Humanities and Social Sciences Communications*. 10. DOI: 10.1057/s41599-023-01926-1

26. Sheikh, N.A. & Titone, D.A. (2013) Sensorimotor and linguistic information attenuate emotional word processing benefits: An eye-movement study. *Emotion*. 13(6). pp. 1107–1121. DOI: 10.1037/a0032417

27. Talanov, M., Leukhin, A., Lövhelm, H. et al. (2019) Modeling Psycho-Emotional States via Neurosimulation of Monoamine Neurotransmitters. *Blended Cognition*. 12. pp. 127–156.

28. Walter, K. & Bex, P. (2021) Cognitive load influences oculomotor behavior in natural scenes. *Scientific Reports*. 11(1). 12405.

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии факультета Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ Санкт-Петербург, заведующая лабораторией языковой конвергенции НИУ ВШЭ Санкт-Петербург (Россия).

Anastasia V. Kolmogorova – HSE University (Russia).

E-mail: akolmogorova@hse.ru

Куликова Елизавета Романовна – младший научный сотрудник лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ Санкт-Петербург, аспирант школы лингвистики НИУ ВШЭ (Россия).

Elizaveta R. Kulikova – HSE University (Russia).

E-mail: kulikova.e.r@hse.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/14

Речевой портрет потомков русских от смешанных браков в Синьцзяне

Е.А. Оглезнева¹, С.В. Гордеев²

¹Томский государственный архитектурно-строительный университет

Россия, 634003, г. Томск, Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

²Хэйхэский университет

Китай, Провинция Хэйлунцзян, г. Хэйхэ, ул. Сюэюань, 1

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

Авторское резюме

Представлен опыт речевого портретирования потомка русских переселенцев в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая, выявлена степень сохранности русского языка и установлены его основные особенности. Объектом рассмотрения в докладе выступает представительница потомков русских от смешанных браков Екатерина З., проживающая в настоящее время в городе Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района. Материалом настоящего исследования послужили записи русской речи, сделанные в г. Урумчи в 2018 г. во время экспедиции в СУАР. Анализ речи Екатерины позволяет увидеть её особенности и составить представление о степени сохранности русского языка у русскоязычных потомков от смешанных браков в третьем поколении, проживающих в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Рассмотренные фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности речи Екатерины демонстрируют достаточно высокую степень отклонения от норм русского языка на всех уровнях языковой системы. Это обусловлено как диалектно-просторечными особенностями усвоенного Екатериной в детстве материнского языка (русского), так и интерференцией под влиянием китайского языка, языка страны её проживания, проявляющейся также на всех уровнях языковой системы. Однако, несмотря на достаточно высокую степень отступлений от общепринятого стандарта, русский язык Екатерины не ушёл в пассивный запас. Свободная коммуникация на разные темы демонстрирует достаточный уровень владения русским языком для достижения конкретных целей общения, что вызвано как объективными, так и субъективными факторами.

Ключевые слова: русский язык в Китае, Синьцзян, речевой портрет, языковая личность

Linguistic Portrait of Russian Descendants from Mixed Marriages in Xinjiang

Elena A. Oglezneva¹, Sergey V. Gordeev²

¹ Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering,

2 Solyanaya Sq., Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Heihe University

1 street Xueyuan, Heihe, Heilongjiang Province, China

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

Abstract

This article presents the experience of creating a linguistic portrait of a descendant of Russian settlers in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) of China. The study assesses the degree of preservation of the Russian language and identifies its principal characteristics. The research focuses on a representative case study of Ekaterina Z., a third-generation descendant from a mixed marriage, currently living in Urumqi. The analysis is based on audio recordings of Russian speech collected in Urumqi during a 2018 field expedition to the XUAR. The examination of Ekaterina Z.'s speech reveals its distinctive features and provides insights into the preservation level of Russian among third-generation Russian-speaking descendants from mixed marriages in the region. The analyzed phonetic, lexical, morphological, and syntactic features of Ekaterina's speech demonstrate significant deviations from standard Russian norms across all linguistic levels. These deviations are attributed to both the dialectal and colloquial features of the mother tongue (Russian) that Ekaterina learned in childhood and the interference under the influence of the Chinese language, the language of her country of residence, which also manifests itself at all levels of the language system. However, despite the significant deviations from the accepted standard, Ekaterina's Russian language has not become a passive resource. Her ability to communicate freely on various topics demonstrates a sufficient level of proficiency in Russian to achieve specific communication goals, which is influenced by both objective and subjective factors.

Keywords: Russian language in China, Xinjiang, linguistic portrait, language personality

Введение

В настоящее время самый многочисленный русскоязычный анклав на территории КНР находится в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР [2: 167]. Представители восточнославянской языковой группы, русские, на протяжении длительного времени, с середины XIX в. до настоящего времени, проживают в Синьцзяне в окружении носителей 53 генетически неродственных (алтайских, тайских, сино-тибетских, австроазиатских) и типологически отличных (изолирующих и агглютинирующих) языков и сохраняют родной русский язык [3: 34; 4: 31; 8: 38].

Языковые личности потомков русских переселенцев в Синьцзян в XX в. формировались на фоне нестандартной языковой ситуации с участием демографически маломощного, но демонстрирующего достаточно высокую коммуникативную мощь русского языка – языка немногочисленного славянского этноса в Синьцзяне [5: 78].

В основе разработанной нами типологии языковых личностей потомков русских переселенцев в Синьцзян лежит анализ их русской речи и языковых компетенций. Все исследованные языковые личности являются потомками третьей русской переселенческой волны в Синьцзян (30–40-е гг. XX в.) [1]. Нами выделено два типа языковых личностей потомков русских переселенцев:

1. Этнические («чистокровные») русские.

2. Потомки русских от смешанных браков с китайцами – метисы.

Каждый из типов представлен несколькими подтипами:

- 1А (основной – русский язык) и 1Б (основной – китайский язык);

- 2А (основной – китайский язык; русский неинтерферируемый) и 2Б (основной – китайский язык, русский интерферируемый) [6: 276–280].

Объектом рассмотрения выступает представительница потомков русских от смешанных браков, Екатерина З., проживающая в настоящее время городе Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Материалом настоящего исследования послужили записи русской речи, сделанные в г. Урумчи в 2018 г. во время экспедиции в СУАР.

Представители подтипа 2Б относятся ко второму или третьему поколению потомков русских переселенцев в Синьцзяне; они являются метисами во втором или третьем поколении: их русские матери или бабушки вышли замуж за китайцев и переехали в Китай.

Представители подтипа 2Б менее свободно, чем представители подтипа 2А, говорят по-русски, хотя их словарный запас достаточен для коммуникации на разные темы; они хорошо понимают русский

язык и продуцируют развёрнутые высказывания на нём, однако многие не умеют читать и писать по-русски. Их русская разговорная речь также представлена в диалектно-просторечной форме, но в их русской речи присутствует интерференция под влиянием китайского языка, которая проявляется на всех уровнях языковой системы: в фонетике (произношении звуков и интонировании) (*W Чебучак тоже есь **Моломоф Школа***), в грамматике (*Сейчас **китайски** имя нету; У нас **русский кампаний** есть; Э йеты три уже давнола* (кит.: 了, ла) *уже нету*) и лексике (***Фанзы-то фанзы-то** раньше как мы жили **фанзы*** (кит.: 房子) *wot эти wot?*) [6: 280].

Основным языком у представителей подтипа 2Б является китайский, который они используют во всех ситуациях официального и неофициального общения. Русский язык используется ситуативно – в кругу бывших соотечественников. В семейном общении используется китайский язык, т. к. супруги представителей подтипа 2Б являются китайцами [6: 280].

Речевой портрет потомка русских переселенцев в СУАР Екатерины 3.

Екатерина 3. – представительница третьего поколения русских переселенцев в Китай, в Синьцзян, проживающая в городе Урумчи СУАР КНР. Она родилась в г. Инине (Кульдже). После восемнадцати лет Екатерина переехала в Урумчи, где и проживает до настоящего времени: – *А вы в Кульдже сколько жили? – Я в Кульж'е **wóobц'е ж'úla...*** // – *Вы же родились там? – Да* // *Я в Кульж'е **родúлась*** // *Потом **жúla** до восемнадцать лет* // *Потом **приехала wot тут*** // *И **wot тут осталась*** // Она хорошо знает китайский язык: получила среднее и высшее образование на китайском языке: – *А **китайский язык вы тоже сами учили?*** – *Нет / **китайский язык я в школу уч'úлась*** // – *Сколько лет учили?* – *Китайский язык? С **маленького уч'úла до эта** / институт* // – *Вы в институте учились?* – *Да-да* //.

Отец Екатерины – метис в первом поколении – может говорить, читать и писать по-русски. Бабушка Екатерины по отцовской линии – русская, её русское имя Мария (Маруся). Она познакомилась со своим будущим мужем – китайцем, дедушкой Екатерины, в России, они полюбили друг друга и приехали жить в Китай: – *Папа / **три... / тридцать три году родúлась** / а папа тоже чисто по-русскому **говорит / пишút / читает*** // – *Папа вы сказали **смешанный?*** – *Смеш'ына / русском с китайцем **смеш'анам*** // – *У него тоже мама, наверное, да русская? – Мама русская / папа **китайц*** //...*Дедуш'ка тогда **wot / в... / потом / на России пош'lu** /... ну полюбили / полюбили / **любов** / ихний*

любов / ну / непонятна любоф // И бабушка бросила свою семью и ксы / с изта / Люба приехали в Китай //. Общение бабушки и дедушки происходило на русском языке, так как бабушка не умела говорить по-китайски: – *Дедушка с бабушкой, они по-русски, по-китайски говорили? – Как? – Да, папины, они по-русски, по-китайски...? – У меня / у меня дедушка по-русски тоже знает // Да-а // А у меня бабушка вообще по-китайски не знает // Да // [7].*

Мать Екатерины – русская. Её родители (бабушка и дедушка Екатерины по материнской линии) не знали китайский язык, друг с другом говорили по-русски: – *А ваша мама мамы и...? – Моя мама... / мамина мама вообще по-китайски не умеет //.* – *И папа тоже, наверное, да? – Да // Также не умеет они (нрзбр.) //.* Владевшая не только устной, но и письменной русской речью, мать Екатерины училась в русской школе г. Кульджи: – *Мама по-русски говорила, писала, читала? – Да-а //.* – *Она училась в России, в школе или сама училась? – В Кульдже ес» ш'кола ж'е / русской ш'кола // Да / да / да // Они все с Кульдже там / ш'кола / русской ш'кола ес» / они... / все там учились» //.*

У Екатерины пять сестёр и три брата, все они имеют русские имена, и они называют друг друга по-русски: – *Как их звали? У них тоже русские имена, наверное, да? – У нас да / всё русское ими // Меня / вот у нас старш'ий Лиди / второй Зоя / третьего Валя / четвёртый Люся / пятого / пятого Галя / я Катя / потом братиш'ка старш'ий Гена / Коля / Лёня //... – Вы сейчас друг друга называете по-русски или по-китайски? – По-русски / да // У нас паспорту всё написано русская //.*

Кроме Екатерины, которая всего полгода изучала русский язык в русской школе г. Инина (Кульджи), никто из её братьев и сестёр не изучал русский язык в учебном заведении: – *Кто-нибудь из братьев, сестёр изучал русский язык в школе или в университете? – Нет // Я в русской / я ф Кульдже русской школы полгода была там //... – То есть всего полгода вы учились? – Да-да / я тока полгода //.*

В общении друг с другом Екатерина и её братья и сёстры могут использовать русский язык, но преимущественно говорят по-китайски, поскольку не все члены семьи хорошо понимают по-русски: – *Разговариваете друг с другом больше как, по-русски или по-китайски? – Ну как вам объяснить? У меня семья щас по-русски самый хорош'о я разговариваю / но я... мы... когда мы собираюсь / мы говорим по-русском // Но они понимает / они меня отвечает / если они не понимает / уже по-китайском // Ч'то делать? Выход нету // Потому ч'то тут всё равно русски мало //.*

Русский язык Екатерина преимущественно усваивала в семье, для неё это материнский язык. Её мать, родившаяся в Китае, говорила только по-русски: – *Вы, наверное, изучали русский язык где-то в школе*

или в университете? – Нет / у меня мама русская / ч'исто русска / у меня папа русском с китаем / смешен // А-а / у меня поч'ти семьдесят пет процентв русский кров // – То есть, в семье вы учили язык? – Да // У мя мама по-китайски не умеет же разговаривать / а у мя мама щ»ас просто умерла / а я замуж вышла / у мя муж китаец // Когда в мамина дома мы по русскому говорим // Да / зато я вот с маленька не забыла //.

Сейчас Екатерина говорит по-русски лучше, чем другие члены её семьи: одной из причин этого, полагаем, является то, что она использует русский язык в профессиональной коммуникации: – Как моё рост (имеет в виду возраст) да / уж»е / наверно очень редко (немногие люди её возраста могут говорить по-русски) // Ну / просто я занимаю бизн'есам / на границу / вот я обуи занимаю / я обуи... // Кроме того, Екатерина активно использует русский язык как организатор различных мероприятий, праздников для русскоязычного населения г. Урумчи, она принадлежит к числу создателей «Русского клуба», образованного в 2012 г., вокруг которого объединяется русскоязычное население г. Урумчи: – У нас русский компания ес'ь // Как раз я в' этой компания работаю // У нас респу блика / как / как объяснит' / ну / русский компания (нрзбр.) // Мы каж»дый вот на / наш»и Паска и / Риж'иство / мы всё / всё / справляем // На Новый год / мы всё... // – Как вроде клуб, да такой? – Да / клуб / да // Русский клуб есть... // – А русский клуб! Это вот он образовался в 2007-м году? – Нет / двенадцатого / две тысяч'и двенадцатого // – И вы организуете праздники, да, русские? – Да // [7].

Екатерина с сожалением говорит о том, что её дочь, 1991 г.р., которую она учила русскому языку, не использует его в общении, так как считает себя в большей степени китайкой: – Ваши дети не знают русский язык? – Да у меня доч'ка / я уч'ила / уч'ила им / ей / она не хоч'ет // Она говорит «У меня кроф уже китайской кроф / вот тут в Китай ж»иву» вот так // Но что делать? Я сама не знаю / но жалко / жалко это точ'но // У дочери Екатерины есть двое детей, одного из них Екатерина начала учить русскому языку: – А ваши дети не говорят по-русски? И не учат, да? – Щ»ас внучку учусь //... – Такая вы молодая бабушка! – Да / у меня два / один внучка / четыре с половино / а внуч (внук) / год половина // У внуков Екатерины есть русские имена: – А русских имен нет у них? – Ес' // – Как зовут? – У меня с... / у меня внучка Соня // А эта / внук Саша //.

Муж Екатерины – китаец. В семье они говорят по-китайски: – У вас же муж китаец? А имени у него русского нет? – Нету // – В семье, конечно, вы по-китайски разговариваете. – Да / семья // Ну / он не хочет // Да // Да // – Он не изучал русский язык? – Он говорит

«Я китаец / я китай // Мне не говори твою это русский язык / всё» // [7].

Екатерина – верующий человек, исповедующий православное христианство, некоторое время работала в церкви на условиях благотворительности: – *Я уже давно в церкву не была // Я крестьянка (имеется в виду «христианка») / я в Алмате покрестела // Потом раньше вот / в церкву работала бесплатно / но / помогала там внутри / всё //* Родители, братья и сёстры Екатерины также крещёные: – *Вы сами крестились, да? А братья и сестры крещёные у вас? – Да / я всё покрестила //* – *Ну и мама, папа, конечно, крещёные? – Да //*

В планах Екатерины открыть детское дошкольное учреждение для детей из семей русских и их потомков (детский сад), в котором будет использоваться, помимо китайского языка, русский, чтобы дети и внуки русских переселенцев знали своих предков: – *...ну эта моя мысла была / я хотел чтобы вот у нас русский компания / откроем потом / хочу вот / детский сад сделать / китайский с русским // ... Если день / если детский сад это немало деньги // Да // Это очень трудно // ...Надо с с / чтоб ну / кого-то вот если / силá есть помочь чтоб м мож могли что ну русский / хотя бы наш'и дети / ну как моя внуч'ка вот такие же детский сад чтобы уч'или по русскому чтоб не забыли // Просто хотим соб... собирать наши русский / дети / детский сад было бы / потом... //*

Русские в городе Урумчи и их русскоязычные потомки поддерживают свой русский язык, собираются вместе, общаются на русском языке. Об этом говорит Екатерина, подчёркивая, что для них важно помнить русский язык и сохранять его: – *Вот так // Щас потихоньку собираемся вот / чтоб не забыть русский язык //... [7].* Также они стараются сохранять русские обычаи и традиции. Так, представители русскоязычной диаспоры в Синьцзяне соблюдают и русские похоронные традиции, в которых Екатерина как глубоко верующий и воцерковлённый человек не только даёт наставления, но и принимает непосредственное участие: – *... вот Тамара / тётя Тамара / она ч'итает когда / ч'еловек умирает / она ч'итает // А как чтобы хранить такие // У меня это батюшка всё / когда меня науч'ело // Если ч'исто / это я / наверно я толко я знаю / как / это / когда у меня папа умерла / умер / у меня папа сказала / чтобы по русскому / чисто по русскому // И / у нас дети много / ну она... он просто попросил / говорит / «Катя / ты будешь провожать меня / и чисто по русском» // Потому что / у нас / ребёнок / у нас дети / самые первый я покрестил / по... покрестила / и тем более я по русскому наверно много знаю / а папа у (нрзбр.) // А тогда я не умела / потом я позвонила батюшка / батюшка мне всё / сказала и папу так провожала // Потом у нас тут кто-то не знает /*

и спрашивает / и им тоже так // Вот так // Держим эту последнюю / чтобы не забыть // А сколько / год можно держать / не знаем / мы сами не знаем / вот так / нам тоже жалко //

Екатерина владеет несколькими языками, большинство из которых может использовать только в устной форме: – *Вы по-уйгурски тоже говорите? – Я // Я по-уйгурски / по-казахскому / по-китайскому / по-русскому / по-грузинскому / по-узбекском //*. – *Да вы что! А читаете, пишете? – Нет / только разговариваю //*. Но двумя языками – китайским и русским – она владеет как в устной, так и письменной разновидности: – *Но по-русски читаете и пишете? – Да //*. – *А китайский язык вы тоже сами учили? – Нет / китайский язык я в школу уч'ила //*. – *Сколько лет учили? – Китайский язык? С маленького уч'ила до этого / институт //*. – *Вы в институте учились? – Да-да //*. Китайский язык для неё является основным, так как он используется ею во всех ситуациях общения – официальных и неофициальных. С членами своей семьи Екатерина говорит по-китайски, поскольку её муж – китаец, не знает русского языка и не стремится его выучить при отсутствии прагматической необходимости в этом.

Русский язык для Екатерины не является основным, но она может относительно свободно говорить на нём, поскольку её словарный запас достаточен для коммуникации на разные темы; она хорошо понимает русский язык и продуцирует развёрнутые высказывания на нём [6: 280]. Русская разговорная речь Екатерины представлена в диалектно-просторечной форме с наличием интерференции под влиянием китайского языка, проявляющейся на всех уровнях языковой системы. Рассмотрим фонетические, лексические и грамматические особенности в русской речи Екатерины 3.

Фонетические особенности

Вокализм:

1) в речи информанта происходит различение под ударением 5 гласных фонем: <a>, <o>, <э>, <и>, <у>: *компания, очень, приехали, Урумчи, откуда;*

2) в абсолютном начале слова и после твёрдого согласного в первом предударном слоге преобладает аканье: *[a]стáлось, к[a]мпáния, p[a]бóтаю, в этом г[a]дý, разг[a]вáривать, г[a]стíница, в М[a]сквé, п[a]йтí, х[a]мéла п[a]искáть, сн[a]хá [7];*

3) наблюдаются редкие случаи различения фонем <o> и <a> в первом предударном и заударном слогах: *w[o]бщ'е́, да собираем потому чт[o], цéрк[o]w;*

4) в большинстве случаев гласные фонемы неверхнего подъёма

в первом предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке [э], т. е. наблюдается еканье: [р'э]спублика, [ч'э]тыре, [ч'э]ловéка, со[б'э]раюсь, [с'э]мью, [р'э]бятáй, пок[р'э]с[т'э]ла, [б'э]сплáтно, из[м'э]нилась, д[в'э]на́дцым году, [п'э][р'э]вóдчица, [н'э]мнóго [7];

5) редко случаи иканья: с дев[и]нóсто втором, т[и]жалó, две ты́с[и]чи;

6) единично встретился случай яканья: обь[а]снит'.

Консонантизм:

1) заднеязычные <г> и <г'> преимущественно реализуются как [г] взрывной: ко[г]дá, [г]óрод, доро́[г]у, [г]áля, [г]éна, раз[г]овáриваю, пол[г]óда, то[г]дá, [г]осудáрстве, помо[г]áйт, мнó[г]о;

2) встретились два случая реализации согласной <г> как [γ] фрикативного: Слава бо́[γ]у, небо[γ]áтый;

3) в ряде случаев губно-зубная <в> реализуется как билабиальный [w] в разных позициях, особенно часто это происходит при использовании в речи частицы **вот**: [w]от я обу[w] занимаю, я [w]от с маленька, [w]от так, да[w]но, когда / [w]от, го[w]орит, тогда [w]от, люблю[w], го[w]орит это тоже [w]от, [w]от самый [w]ысокий, Зубо[w]ы и та го[w]орит, в церк[w]у, церко[w];

4) единично губно-зубная <в> реализована как неслоговой [ʋ]: А[ʋ]стрáлия;

5) отмечено произношение предлога **в** глухим губно-зубным [ф] перед гласным: старший [ф] этой / Кунес (город);

6) конечные согласные в словах **кровь, любовь** произносятся твёрдо: кро[ф], непонятна люблю[ф];

7) частотна реализация шипящих <ж>, <ш> как мягких согласных: у[ж']е, ка[ж']дый, Ри[ж']иство, то[ж']е, хо[ж']у, [ж']е, по[ж']алуйста, да[ж']е, в Куль[ж']е [ж']ивём, оде[ж']да, ска[ж']ите, на[ш']и, [ш']есть, сме[ш']ына, на[ш']ей, на[ш']ли, ва[ш']а бабу[ш']ка, Би[ш']кек, ва[ш']и, послу[ш']ать;

8) зафиксировано произношение переднеязычного [ж], схожего с произношением китайского [ʃ]: то[ʃ]е далеко, не мо[ʃ]ет, у[ʃ]е всё;

9) отмечено единичное произношение шипящей согласной <ш> как долгого мягкого [ш`]: приглас[ш`]у, приглас[ш`]аем;

10) долгая мягкая шипящая <ш`> реализуется звуком [ш`:], а в некоторых случаях приобретает шепелявый оттенок: пооб[ш`:]áться, вооб[с]э;

11) произношение аффрикаты <ч> происходит с ослабленной смычкой, что примерно соответствует в речи сочетанию звуков [т`ш]: по[т`ш]ти, [т`ш]етыре, [т`ш]исто, у[т`ш]илис», Урум[т`ш]и, то[т`ш]но, [т`ш]ай, [т`ш]асто, моя до[т`ш]ка не у[т`ш]ится, не полу[т`ш]ается, вну[т`ш]ка;

12) частотны случаи произношения бокового согласного [л] как апикально-дёсенного [l]: специа[l]ьно, говори[l]а, очень ма[l]а ста[l]а,

я вот с ма[л]енька не забы[л]а, в Алмате бы[л]а, роди[л]ась, с[л]ыша[л]и, фами[л]ия, приеха[л]и, уеха[л]а, в церкву работа[л]а;

13) единично отмечены случаи озвончения глухих согласных в конце слова и в позиции между гласными: У неё му[ж], муж тожё ми[д]ис (метис);

14) в ряде случаев наблюдается произношение твёрдого согласного [л] и [л'] на месте мягких согласных: *болшэ не ходила, нам уже болно, остальные, он самый сильный, поболше, это большой город, да очёнь сильно, я толко знаю*;

15) наблюдается опущение согласного в следующих словах (диэреза): в Кульжэе (Кульдже), тогда давай сегоня (сегодня);

отмечается слабая артикуляция конца слова или её отсутствие: Да / **русски** / ну щас тожэ много (русских); у меня мама русская / ч'исто **русска** (русская); По **руссам**? Или по **китайс**? (по-русски или по-китайски); а мама / **домохозяй** была (домохозяйкой); Потом / **государь** изменил (государство); А **церкувна** деньги (церковные); Спасибо **огромно** (огромное); *остальные...не могу* (не могут);

16) присутствуют случаи фонетического эллипсиса: **ничё** не делает, *всё есь* всё нормально, если **чё** можно ко мне заходить, ой блин **чё-то**, ей уже **шисят** два года, **щас** потихоньку собираемся, Лёня семьдесят **шес'**, **писят** ч'еловек если по-русски будет.

Особенности ударения

Отмечено нарушение акцентологических норм русского языка при произношении некоторых слов: *мама щас просто умерла; в Алмате была; дёсятый ребёнок; вы что-то пишйте; всё умерли и всё; зёмля есь; держим эта последню, чтобы не забыть; пишит; Ивано́вич; ж'ула; роди́лась*.

Грамматические особенности

Выделены следующие грамматические особенности в речи Екатерины:

1) существительное **церковь** используется преимущественно как существительное 1-го склонения в форме винительного падежа: я уже давно в церкву **не была**; поехать там церкву **посмотреть**; я в церкву **была**; я **ушла** с церкву; в церкву **работала** бесплатно;

2) существительное **мысль** имеет форму существительного 1-го склонения в единственном числе: ну эта моя **мысла** была;

3) существительное **блюдо** во множественном числе в винительном падеже употребляется с флексией **-ы- блюда**: *приготовим* **блюды** и *кушать*;

4) зафиксировано образование прилагательного **рабочный** вместо **рабочий**: *Это мой рабочий адрес*;

5) наблюдается несогласованность форм существительного с прилагательными, числительными и местоимениями: у нас **русский** компания ес'ь (русская); *это уж же другой* здания (другие); у меня **старш'ий** сестра (старшая); и **каждый** пятницу (каждую); **каж'дый** неделю (каждую); как **моё** рост (имеет в виду возраст: моего возраста); **какой** Вера? (какая); **второй** сестра (вторая); **ч'етвёртое** сестра (четвёртая); *вот у нас старш'ий* Лидя, **второй** Зоя, **третьего** Валя, **ч'етвёртый** Люся, **пятого**, **пятого** Галя (старшая, вторая, третья, четвертая, пятая); **один** внучка (одна); **два** комната (две); даже **один** неделю (одну); *зато я не забыла свою* язык (свой); *дорогу всё* закрыл (всю);

6) отмечены случаи использования количественных числительных вместо собирательных: *мы ч'етыре тут* (нас четверо); *два сутку* (двое суток);

7) притяжательное местоимение **их** представлено формами **ихний**, **ихный**: *ихний любов*, *ихный муж*;

8) зафиксировано неверное использование падежных форм личных местоимений:

а) вместо формы родительного падежа личного местоимения **она** употребляется форма именительного падежа: *она сегодняя нету*;

б) вместо формы винительного падежа личного местоимения **она** употребляется форма дательного падежа личного местоимения **они**: *да у меня доч'ка, я уч'ила, уч'ила им*;

в) вместо формы родительного падежа личного местоимения **я** употребляется форма именительного падежа: *нет, только кроме я, да, кроме я* [7];

9) указательное местоимение женского рода **эта** в формах творительного и предложного падежей единственного числа включает протетический [j]: *надо с [j]етой*; *за [j]етой компания*; *они в [j]етой, у меня три человек с [j]етой русский*; *там это ресторан с [j]ето ваш'ей гостиницу*; *w [j]етой Харбин*;

10) зафиксировано неправильное употребление глагольных форм:

а) отмечено использование формы глагола настоящего времени вместо формы инфинитива: *мы всё почти умеем говорим*;

б) наблюдается использование формы инфинитива вместо формы глаголов будущего или прошедшего времени: *если я рассказать вам интересно будет*; *штобэ русский уехать*; и *тогда уехали они*;

в) зафиксировано использование формы глаголов настоящего времени вместо формы глаголов прошедшего и будущего времени: *у мян мама по-китайски не умеет* (не умела) *же разговаривать*, а *у мян мама щ'ас просто умерла*, а *я замуж вышла*, *у мян муж китаец*;

когда в мамина дома мы по русскому **говорим** (говорили); мы щ'ас не знаем, когда если мы **умираем** (умрём), да это, наверно, всё будет уже, всё остановится уже;

г) отмечено употребление формы глагола мужского рода прошедшего времени вместо формы глагола женского рода прошедшего времени, и наоборот: у меня мама давно **умер**; в Кульжже родственнику только у меня один братищжа **осталась** там; даже мой папа **не видела** свою папу;

д) наблюдается использование формы глагола настоящего времени единственного числа вместо формы множественного числа: но они **понимает**, они меня **отвечает**, если они не **понимает**, уже по-китайском [7];

е) зафиксировано использование формы изъявительного наклонения глагола вместо сослагательного: если вы три дня назад **придёте**, у меня тут даже нет дома (если бы вы три дня назад пришли, то меня не было бы дома);

11) отмечено отсутствие постфикса **-ся** в возвратных глаголах: ну просто я **занимаю** бизн'есам на границу, вот я обуш **занимаю**; я крестьянка (христианка), я в Алмате **покрестела** (покрестилась); сестра Галя тоже **занимает** вот бизнесом; вечером вот там **собираем**, если что ещё можно послушать;

12) в то же время в речи Екатерины встретились случаи употребления возвратных глагольных форм вместо невозвратных: щ'ас внучку **учусь**; ну не можем **собираться** деньги;

13) при образовании некоторых глагольных форм отмечается выравнивание основ: вы **хоч'ите** послушать, что ли?; они **хочит** ваш'и музыку послуш'ать, гармошку, и с вами пообщ'аться, **хочит** узнать, как ваша фамилия; мы тоже **хочим** вот; она одежд'а **продовает**; я ресторан **искаю**.

Синтаксические особенности

1. Нарушение норм управления при выборе формы управляемого слова:

а) выбор формы прямого падежа вместо формы косвенного: как раз я в' этой **компания** работаю; на этой **компания** как раз я там работаю; – В каком году мама родилась? – **Сорок два**. – А папа? – Папа **три... тридцать три** году род'илась... (И.п. вместо П.п.); потом ж'ила до **восемнадцать** лет; **выход** нету; тем более у нас дома **дети** много; я с **церков** вышла и больш'е не ходила (И.п. вместо Р.п.); она **одежд'а** продает (И.п. вместо В.п.); у меня **внучка** уж'е, старше уж'е **четыре половина** (с половиной), а младший год **половина** (с половиной)

(внучка – И.п. вместо Д.п.; с половиной – И.п. вместо Т.п.); *на этой компании я щ'ас работаю бугалтер* (компания – И.п. вместо П.п.; бугалтер – И.п. вместо Т.п.);

б) выбор формы косвенного падежа вместо формы прямого: *а-а-а, четвёртой сестра* (Д.п., Р.п. или П.п. вместо И.п.);

в) выбор формы одного косвенного падежа вместо формы другого: – *Русский клуб образовался в 2007-м году? – Нет, двенадцатого, две тысяч'и двенадцатого* (Р.п. вместо П.п.); *У нас паспорту* (в паспорте) *всё написано русская* (Д.п. вместо П.п.); *Мы уч'итель ф Китай? Или как?*; *Нет, китайский язык я в школу уч'илась* (В.п. вместо П.п.); *с розах* *сделана* (из роз) (П.п. вместо Р.п.).

2. Отмечается выбор предлогов, не соответствующих норме русского языка: *на этой компания, как раз я там работаю* (в этой компании); *когда в мамина дома мы по русскому говорим* (в мамином доме / у мамы дома); *ну мы так слышали на России эта Зубова* (в России); *они так любили и бросили свою семью, и приехали на другой горах* (в другой город); *за йетой компания* (в этой компании); *на этой компания я щ'ас работаю бугалтер* (в этой компании); *а до этого у меня папа хотел, чтобы я на русском вышла замуж* (за русского вышла замуж).

3. Вместо предлога *из* зафиксировано употребление предлога *с*: *они все с Кульж'е там* (из Кульджи); *у меня три человек с йетой, русский, с йетой Хэйхэ приехали* (из Хэйхэ); *с розах* *сделана* (из роз); *с Пекина приехали они вот делали там* (из Пекина); *и я ўшла с церкви* (из церкви).

4. Отмечены случаи опущения предлогов *с* и *в*: *у меня внучка уж'е, старше уж'е четыре (с) половина, а младший год (с) половина; это три тысяч'и (с) ч'ем-то ч'еловек; я в Москве была, (в) Россия не была; а одна (в) Кульж'и, вот так; у нас (в) паспорту всё написано «русская»; они (в) ресторан приходят; я (в) Урумчи приехала; потом (в) Биш'кек уеду.*

5. Зафиксированы синтаксические кальки с китайского языка:

а) *мамина сестрана сын* (сын сестры матери = сын тети). Главное слово в словосочетании «сын» в китайском языке используется в конце модели: 母亲的姐姐的儿子 [mǔqīndejiějiēdeérzǐ], где 母亲 [mǔqīn] – мать; 的 [de] – признак притяжательности; 姐姐 [jiějie] – старшая сестра; 的 [de] – признак притяжательности; 儿子 [érzi] – сын;

б) *я всё покрестила; всё почти всё китайцы; у нас да, всё русское ими*. Синтаксическая конструкция похожая на аналогичную конструкцию в китайском языке, где 都 [dōu] = «всё» + глагол (существительное) используется в качестве обобщающей конструкции;

в) у меня мамыны родственники *всё* на границу вот; но у меня бабушка, они *всё* дома, ну *всё* дома. В китайском языке в аналогичных конструкциях употребляется обобщающая частица 都 [dōu] = «всё».

Лексические особенности

1. Словарный состав Екатерины большей частью представлен общенародной нейтральной и разговорной лексикой: *ресторан, туристы, гостиница, удобно, приехать, раньше, остаться, работать, объяснить, компания, клуб, русский, слышать, центр, старый, выйти замуж, свиньи, тётки, печка* и др.

2. В речи Екатерины присутствуют просторечные слова и диалектно-просторечные варианты общеупотребительных слов: *церква, покрестела* (покрестилась), *Паска, Риж'иство* (Рождество), *короче* (вводное слово), *чё, хотите, ихний, бардак*.

3. Частотно используется лексика семейного родства: *родственники, мама, папа, бабушка, дедушка, бабушки, сын, доч'ка, брат, сестра, братищ'ка, внучка, сноха, тётя, с маленька не забыла* (с детства).

4. В речи информанта представлена религиозная лексика: *церква, Риж'иство, Паска, крестьянка* (христианка), *покрестела* (покрестилась), *покрестила, батюшка*.

5. Присутствует разговорная лексика деминутивного характера: *булоч'ка, калач'ик, девочки, потихонку, доч'ка*.

6. Частотны вкрапления из китайского языка, произносимые в соответствии с фонетической нормой китайского языка. Они представлены как собственными именами – топонимами: Гуанчжоу (广州), Хэйхэ (黑河), Беньцзян (边疆); антропонимами: Чжан Хунфэй (имя мужа), Ли Ю Мэй (китайское имя Екатерины), так и нарицательными: *shǎoshù mínzú* (少数民族 – национальное меньшинство), *kuàijì chūnà* (会计出纳 – бухгалтер-кассир), *zǒu hòumén* (走后门 – использовать связи с другими людьми в корыстных целях), *Udian lǐmiàn yǒu* (U盘里面有 – флеш-накопитель в помещении), *jìniànrì* (纪念日 – памятная дата), *xībó zú* (锡伯族 – народность сибо), *Shēnbào fēiwùzhì wénhuà yíchǎn* (申报非物质文化遗产 – объявлять нематериальным культурным наследием).

7. Была зафиксирована лексическая калька в речи Екатерины: *Ну, Тамара, она старый человек, она **можно** собираться там. 可以 [kěyǐ] – модальный глагол в китайском языке, который переводится «дозволено», «разрешается», «можно» и частотно используется в аналогичных конструкциях китайского языка.*

Объём словарного запаса Екатерины позволяет ей достаточно свободно общаться на русском языке, беседовать на разные темы. Однако наблюдаются случаи перехода с русского на китайский язык вследствие того, что некоторые слова находятся в пассивном запасе или забылись по причине их редкого использования. Кроме того, довольно часто наблюдается искажённое произношение русских слов, использование не соответствующих нормам русского языка грамма-

тических форм и синтаксических конструкций: *мы по русскому говорим* (по-русски); *сама бизницэ занимаю* (бизнесом занимаюсь); *я в Москве была, Россия нё была, ну собираюсь ехать, надо пойти посмотреть* (в России, поехать посмотреть); *приехали на другой горах* (в другой город); *мы говорим по-русском* (по-русски); *если они не понимает уже по-китайском* (по-китайски); *я крестьянка* (христианка); *папин папа китаец* же (китаец); *а внуч год половина* (внуку год с половиной / полтора года); *как здорова, брат? Как здорову?* (здоровье); *каждый год ехаем* (ездим); *солдаты, храняем* (охраняем) и др.

Заключение

Анализ фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей речи Екатерины демонстрирует достаточно высокую степень отклонения от норм русского языка на всех уровнях языковой системы. Это обусловлено как диалектно-просторечными особенностями усвоенного Екатериной в детстве материнского языка (русского), так и интерференцией под влиянием китайского языка, языка страны её проживания, проявляющейся также на всех уровнях языковой системы. Китайский язык является основным языком Екатерины. Проживая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, Екатерина использует китайский язык во всех ситуациях общения, что отражается на состоянии русского языка и степени его сохранности. Однако, несмотря на то что русский язык функционирует в речи Екатерины ситуативно, он не ушёл в пассивный запас. Более того, анализ речи Екатерины и её в целом свободная коммуникация на разные темы демонстрируют уровень владения русским языком, достаточный для достижения конкретных целей общения. Это вызвано не только объективными факторами (достаточно высокая демографическая мощность русского языка в Синьцзяне по сравнению с другими регионами Китая, а также высокая коммуникативная мощность русского языка в русской диаспоре СУАР), но и субъективными:

- наличие у языковой личности полного набора языковых «компетенций» на русском языке: понимает, говорит, пишет, читает;
- профессиональная деятельность с использованием русского языка;
- осознание языковой личностью важности сохранения русского языка, языка своих предков и, как следствие, организация и участие в мероприятиях на русском языке для русскоязычного населения;
- соблюдение православных традиций, принадлежность к православной общине, коммуникация в которой осуществляется на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благовидова Т.* Совсем иная диаспора // Мы и Китай. Ежемесячное издание о жизни за Великой стеной. 2017. URL: <http://weandchina.ru/2017/02/15/sovsem-inaya-diaspora> (дата обращения: 8.02.2018).
2. *Ван Ц.* Векторы современного этносоциального и этнокультурного развития уйгур Синьцзян-Уйгурского автономного района // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 166–177.
3. *Гордеев С.В.* Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: качественные и оценочные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 2. С. 32–48. doi: 10.22250/24107190_2022_8_2_32
4. *Гордеев С.В., Оглезнева Е.А.* Современная языковая ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (КНР) с участием русского языка: количественные признаки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 4. С. 29–42. doi: 10.22250/2410 7190_2020_6_4_29_42
5. *Гутин И.Ю.* Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949–2000 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 74–82.
6. *Оглезнева Е.А., Гордеев С.В.* Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР) // Русин. 2023. № 71. С. 270–287. doi: 10.17223/18572685/71/13
7. Русский Синьцзян: материалы научно-исследовательских экспедиций в СУАР // Фоноархив / обр. С.В. Гордеев. Благовещенск, 2018.
8. *Цзяньган В.* Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 27–53.

REFERENCES

1. Blagovidova, T. (2017) Sovsem inaya diaspora [The completely different diaspora]. *My i Kitay. Ezhe mesyachnoe izdanie o zhizni za Velikoy stenoy*. [Online] Available from: <http://weandchina.ru/2017/02/15/sovsem-inaya-diaspora> (Accessed: 8th February 2018).
2. Van, Ts. (2017) Vektory sovremennogo etnosotsial'nogo i etnokul'turnogo razvitiya uygur Sin'tszyan-Uygurskogo avtonomnogo rayona [Vectors of Contemporary Ethnic, Social, and Cultural Development of the Xinjiang Uyghur]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 166–177 (in Russian).
3. Gordeev, S.V. (2022) Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom okruge (KNR) s uchastiem russkogo yazyka: kachestvennyye i otsenochnyye priznaki [The present language situation in

the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Qualitative and estimated characteristics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 8(2). pp. 32–48 (in Russian). DOI: 10.22250/24107190_2022_8_2_32

4. Gordeev, S.V. & Oglezneva, E.A. (2020) Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Sin'tsyzan-Uygurskom avtonomnom okruge (KNR) s uchastiem russkogo yazyka: kolichestvennye priznaki [The present language situation in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (PRC) with the participation of the Russian language: Quantitative characteristics]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 6(4). pp. 29–42 (in Russian). DOI: 10.22250/2410 7190_2020_6_4_29_42

5. Gutin, I.Yu. (2011) Dinamika chislennosti russkogo naseleniya Sin'tsyzan-Uygurskogo avtonomnogo rayona (1949–2000 gg.) [Dynamics of the Russian population of the Xinjiang Uygur Autonomous Region (1949–2000)]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 3. pp. 74–82.

6. Oglezneva, E.A. & Gordeev, S.V. (2023) Slavic language personality in a non-Slavic environment (based on the speech of the Russians and their descendants in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China). *Rusin*. 71. pp. 270–287 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/13

7. Gordeev, S.V. (2018) Russkiy Sin'tsyzan: materialy nauchno-issledovatel'skikh ekspeditsiy v SUAR [Russian Xinjiang: materials of scientific research expeditions to the XUAR]. The speech recordings were processed by S.V. Gordeev. Blagoveshchensk.

8. Tszyangan, V. (2016) Mezhetnicheskie otnosheniya v Sin'tsyzan-Uygurskom avtonomnom rayone [Ethnic relations in Xinjiang Uighur Autonomous Region]. *Vestnik antropologii*. 3(35). pp. 27–53.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Гордеев Сергей Витальевич – старший преподаватель Хэйхэского университета (Китай).

Sergey V. Gordeev – Heihe University (China).

E-mail: gordeev-sergei@inbox.ru

УДК 81'22

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/15

Славянский культурный код в трансмедийной метавселенной «Ведьмак»

Д.А. Рапота¹, Э.Г. Новикова²

^{1,2} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rapota.danil@yandex.ru

² E-mail: linx@rambler.ru

Авторское резюме

Рассматриваются особенности функционирования славянского культурного кода в трансмедийной метавселенной «Ведьмак». Анализируется, как культурные элементы славянского происхождения реализуются в литературных текстах Анджея Сапковского, в видеоигре «Ведьмак 3: Дикая охота» и в телесериале от Netflix, выявляется степень их адаптации и трансформации в зависимости от медиаплатформы, а также признаки медиаконвергенции – взаимодействий внутри трансмедийной метавселенной. Исследование показывает, что в литературных текстах славянский миф и фольклор выступают как богатый, заранее структурированный и семантизированный материал, позволяющий писателю создать напряженный полифонический фон для своего героя и приглашающий читателя к участию в интертекстуальной игре; в видеоигре – как максимально вовлекающие, активные и геймплейно значимые элементы, структурирующие мир и действия игрока; в сериале – как декоративная составляющая, подчинённая жанровым клише. Особое внимание уделяется тому, как мифологические образы (полуденница, леший, стрыга и др.) получают различные формы воплощения: от упоминаний имён до детально проработанных интерактивных художественных образов. Используя семиотический и интертекстуальный анализ, авторы прослеживают, как знаки переносятся, трансформируются и переживаются в цифровой медиасреде, делая видеоигру наиболее насыщенной формой трансляции славянской культуры, в которой миф проявляет свою истинную природу – эмоционально окрашенного событийного осмысления мира.

Ключевые слова: культурный код, миф, мифология, славянский фольклор, фэнтези, «Ведьмак», медиаконвергенция, семиотика искусства, геймстадис

The Slavic cultural code in the transmedia metaverse of *The Witcher*

Danila A. Rapota¹, Eleonora G. Novikova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rapota.danil@yandex.ru

²E-mail: linx@rambler.ru

Abstract

The article explores the functioning of the Slavic cultural code in the transmedia universe of *The Witcher*. The authors examine how elements of Slavic mythology and folklore are represented and transformed across various media platforms: Andrzej Sapkowski's literary works, the video game *The Witcher 3: Wild Hunt*, and the Netflix television series. The study demonstrates that in literature, Slavic myth serves as a polyphonic and symbolically rich foundation that supports intertextual play; in the video game, it becomes a fully integrated narrative and gameplay structure that enhances immersion; and in the series, it is largely reduced to a decorative function, subordinated to genre clichés. Special attention is paid to the adaptation of mythological figures – such as the Noonwraith, Leshy, and Striga – which are reimagined in different forms, from mere references to interactive audiovisual models. Employing semiotic and intertextual methods, the article analyzes how cultural signs are translated, transformed, and experienced in digital media, arguing that the video game medium provides the most complex and immersive mode of cultural transmission, in which myth reveals its true nature as emotionally charged and action-oriented world interpretation.

Keywords: cultural code, myth, mythology, Slavic folklore, fantasy, *The Witcher*, media convergence, semiotics of art, game studies

Введение

В семиотике под кодом традиционно понимается система соответствий между знаками и значениями. Основная функция кода – «связать знак со значением, перевести и интерпретировать мир номинаций в мир смыслов» [6: 125]. Код определенной культуры находит отражение как в вербальных, так и в невербальных знаках: в визуальных, звуковых, гаптических образах, во вкусах и ароматах, в мотивах и сюжетах, в нормах поведения и оценках.

При этом любой культурный код «оказывается погруженным в некое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать» [9: 165], поэтому внутри культуры возникает «иерархия кодов, которая представляет собой открытую, универсальную, самодостаточную, но при этом постоянно меняющуюся, не имеющую жёстких границ систему» [6: 125]. Не существует исчерпывающего описания и классификации культурных кодов, однако опыт научной фиксации славянского культурного кода находит отражение в целом ряде работ, в том числе посвящённых языческой культуре, основу которой составляют мифология и фольклор.

Исследователи отмечают, что изучение особенностей развития славянского язычества осложнено длительным бесписьменным периодом, искажением информации в летописях, а также характерным для истории синтезом культов в результате взаимодействия разных народов [8: 52]. Также наблюдается «процесс неизбежной адаптации культурных кодов к постоянно меняющимся культурным условиям», в ходе которого некоторые языческие культурные коды утрачивают часть своих сакральных значений и приобретают новые социокультурные коннотации [5: 30].

Одним из значимых изменений культурных условий на рубеже XX–XXI вв. стало стремительное развитие цифровых средств коммуникации, в результате чего появилось такое явление, как медиаконвергенция – «распределение контента между различными медиаплатформами, взаимодействие между различными медиапроизводителями и постоянно меняющиеся способы реагирования медиааудитории, готовой практически на всё в поисках интересующих её новых разновидностей медиаопыта» [2: 28].

Медиаконвергенция порождает масштабные трансмедийные метавселенные – целостные художественные миры, воплощённые в формате нескольких медиа: литературы, видеоигр, фильмов, комиксов и др. – и создающие непрерывный медиа-пространственный континуум, в котором действуют центробежные и центростремительные силы. С точки зрения семиотики в качестве таких сил выступают разные культурные коды. Необходимость осмыслить механизмы функционирования культурных кодов внутри трансмедийных метавселенных обуславливает актуальность настоящего исследования.

Методика и материалы исследования

В центре внимания авторов находится метавселенная «Ведьмак», берущая своё начало в литературных текстах польского писателя Анджея Сапковского и получившая развитие в целом ряде медиаформатов. В настоящее время вселенная стремительно расширяется

за счет соучастия фанатской аудитории, работы над крупномасштабными проектами: четвертой частью видеоигры «Ведьмак» и одноименным сериалом, а также выхода нового романа А. Сапковского «Перекресток воронов» («Rozdroże Kruków», 2024) [3].

Цель данного исследования – определить роль и место славянского культурного кода в трансмедийной метавселенной «Ведьмак». Задачи исследования – рассмотреть на конкретных примерах, каким образом элементы культурного славянского кода трансформируются в зависимости от медиа, как меняется степень вовлечённости читателя, зрителя и игрока и какие стратегии используют авторы для переноса или адаптации культурных кодов в условиях современной цифровой медиасреды.

Основным материалом исследования послужили литературные тексты А. Сапковского, видеоигра «Ведьмак 3: Дикая охота» от польской студии CD Projekt Red и сериал «The Witcher» от американской студии Netflix. Так как славянский культурный код представлен в основном невербальными знаками, а миф определяется как язык, смысл которого достигается «отрывом от лингвистического фундамента» [7: 14], в качестве материала взяты тексты, переведённые на русский язык. В случаях, когда имело место значимое расхождение с первоисточником, мы обращались к оригиналу [26].

В качестве основных методов исследования в работе применялся семиотический и интертекстуальный анализ.

Создание вселенной «Ведьмак» началось с публикации рассказа «Wiedźmin» (1986), в котором А. Сапковский решил переосмыслить польскую сказку «Королевна-упырь» («Królewna strzyga»), предложив читательской аудитории авторскую версию героя – профессионального борца с чудовищами [24]. Действие разворачивается в альтернативной фэнтезийной реальности, напоминающей средневековую Европу. Уже в первых рассказах цикла отмечается склонность автора к синтезу жанров и культурных кодов: мифологические и сказочные сюжеты здесь соединяются с философскими размышлениями о природе зла, социокультурной критикой и элементами ироничного деконструктивизма.

Отвечая на вопрос о культурных влияниях на своё творчество, А. Сапковский подчеркивает, что принципиально не отдаёт предпочтения славянской мифологии, и необходимость использования в его текстах того или иного образа диктует исключительно история, которую он рассказывает. В основном автор «отбрасывает в сторону существующие мифы и придумывает что-то сам» [25]. Несмотря на авторские интенции, «Ведьмак» традиционно относят к поджанру славянского фэнтези [23: 120].

Результаты исследования

Славянский культурный код в мире «Ведьмака» выражается на нескольких уровнях текста, всегда взаимодействуя с кодами других культур и с индивидуальным авторским кодом, что позволяет А. Сапковскому создать разнообразный, масштабный, объёмный художественный мир, увиденный с множества точек зрения, ни одна из которых не является доминирующей.

Так, славянский культурный код маркирует пространство мира «Ведьмака» через ономастические и топонимические единицы. Главный герой цикла, ведьмак Геральт, в своих странствиях встречает персонажей с именами *Весемир, Визимир, Вратимир, Венимира, Велерад, Дрогодар, Завист, Чубчик, Марилька* и др., которые не всегда напрямую восходят к реальным славянским именам, но сохраняют характерную морфологическую структуру или фонетическую окраску, позволяющую воспринимать их как часть славянского культурного пространства. Топонимы – *Новиград, Вызима, Редания, Велен, Верхний Посад, Яруга* – ассоциативно отсылают к географическим наименованиям стран, городов, сел и рек славянского региона. Культурным маркером выступают и названия социальных ролей: *князь, вельможа, солтыс, кмет*, а в устах персонажей звучит обращение *милсдарь*.

Особое место в текстах А. Сапковского занимает славянская демонология. Здесь встречаются водяные, кикиморы, лешие, полуденницы, грифы, русалки, упыри и др. В ряде случаев эти существа не получают детального описания, а оказываются включёнными в ткань мира через диалоги персонажей, которые о них рассказывают или упоминают путём простого перечисления среди других существ: «Мантихор, выворотка, мгляк, жагница, жряк, химера, леший, вампир, гуль, гравейр, оборотень, гигаскорпион, стрыга, упырь, яга, кикимора, глумец» [15: 125]. Такие перечисления могут выполнять функцию интертекстуальной игры с читателем [22].

В тех случаях, когда существо выступает как самостоятельный персонаж, оно может получить описание внешности и манеры поведения, историю происхождения, в том числе в виде альтернативных версий, а также целый ряд наименований, которые используются как в речи персонажей, так и в речи автора.

Так, в рассказе «Ведьмак» Геральту предстоит вступить в бой с чудовищем, в которое превратилась принцесса Адда. Впервые Адду описывает градоправитель Велерад, называя *упырицей, упырихой, дьяволицей, ведьмой, бестией и зубастой принцессой*. Из его речи читатель узнает и о способах борьбы, которые предлагались колдунами: «Один, например, предложил спалить упыриху вместе с двор-

цом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку заступом, остальным больше нравились осиновые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела» [15: 17].

В оригинальном тексте А. Сапковский использует слово *стрыга* (*strygę*) [11: 267], имеющее параллели в греческом, албанском, румынском и ряде славянских языков и этимологически восходящее к лат. *striga* – ‘колдунья’ [20: 182]. В польской демонологии *стрыгами* могли называть женщину-ведьму, но основное его значение – ‘вампир, упырь, ‘ходячий покойник’ [20: 184]. Вампир – общеславянский мифологический персонаж, встающий по ночам из могилы. По народному поверию, ими «становились люди, чье рождение, жизнь или смерть сопровождались нарушениями ритуальных или моральных норм» [16: 283].

А. Сапковский заимствует характерные черты внешности вампира (огромный рост, непропорционально большая голова, зубы, красные глаза), а также способы борьбы с чудовищем: вампира старались уничтожить, вбивая в его тело или могилу кол, отрубали умершему голову, труп сжигали и пр. [16: 283], однако он вписывает этот персонаж в более сложный контекст художественного мира с его историей, политическими интригами и личными мотивами конкретных людей.

Так, причина превращения принцессы в стрыгу в рассказе объясняется инцестом между королём и его сестрой, насланным проклятием или неосторожно, по злобе произнесённым словом влюбленного в сестру короля и отвергнутого ею вельможи. Автор предлагает разные версии, оставляя читателю выбор и пространство для размышлений. Несмотря на то что последняя версия кажется истинной, форма её высказывания не позволяет это утверждать. Она вложена в уста кающегося вельможи и звучит как вопрос, на который читатель не получает ответа: «Это не я. Я только однажды, понимаешь, пытался уговорить её, а Адда... Ведьмак! На меня нашло, и я сказал... Ведьмак. Так это я? Я?» [15: 34].

В некоторых случаях в чудовище верят одни персонажи, и не верят другие, опровергая его существование как народное суеверие. Так проявляется характерная для А. Сапковского полифония точек зрения.

Примером служит рассказ «Край света», в котором крестьяне рассказывают о нечисти, населяющей их места, после чего ведьмак замечает: «Нет таких существ, о которых они говорили. Нет и не было. <...> Они глубоко верили во все сказанное. Что, однако, не изменяет факта» [15: 176]. При этом важно, что и ведьмак не является носителем истинного знания. Он, как и другие персонажи, выдвигает предположения и даёт названия чудовищам, исходя из своего опыта.

Не служат гарантом истины и книги. В том же рассказе А. Сапковский моделирует образ медиаконвергенции: не умеющая читать старуха по памяти воспроизводит написанное в древней книге. Из слов барда Лютика читатель узнает, что эта очень редкая книга написана самым древним письмом, основанным на рунах эльфов и идеограммах гномов, которым пользовались до введения современного алфавита.

«Диавол, он же чёрт, – декламировала бабка. – Он же рокита, либо сильван, а также леший» [15: 191]; (в оригинале: «Diabot – wyrecytowała babka. – Takoz zwany rokita albo silvan»). В рассказе предлагается и альтернативная версия источника информации о существе: «Бабка только то болтает, что ей Лилле велит» [15: 193]. Так в текст вводится мотив вещуны-богини, которая говорит с людьми устами старухи.

Именование одного и того же существа через ряд слов отсылает читателя к разным культурным кодам. *Рокита* (*rokita*) – польский фольклорный персонаж, аналог чёрта, который встречается в быличках Подлесья. Он может выручить человека, а может и заманить его в болото [11: 269]. *Леший* – персонаж восточнославянской мифологии, «хозяин леса, покровитель зверей и птиц» [18: 104]. Отношения с лешим, как и с рокитой, у человека могут сложиться по-разному [18: 104]. *Сильван* (от лат. *silva* – «лес») – персонаж римской мифологии, в которой он изначально отождествлялся с греческим Паном, богом лесов и дикой природы [13: 435]. Пан и леший являются мифологическими трикстерами, способными пугать и смешить [4: 95]. Таким образом, функции чёрта, рокиты, лешего и сильвана во многом совпадают, что позволяет переводчику расширить список наименований, поясняя для русскоязычного читателя одно слово через другое.

Диавол (от греч. *Διάβολος* – «клеветник») отсылает к христианскому вероучению как олицетворение сил зла, противостоящих богу, «нечистая сила» [12: 416]. В славянских народных поверьях этот мифологический персонаж сближается с образом чёрта [12: 416].

В рассказе слово *дьявол* используют крестьяне, в то время как Геральт уверен, что дьявола не существует, называя существо *сильван*. При этом описание внешности существа не противоречит ни одной из версий: «У существа были выulptенные глаза, козы рога и борода, и росту в нём было чуть больше сажени. Губы, подвижные, рассеченные и мягкие, тоже наводили на мысль о жующей козе. Нижнюю часть его тела по самые раздвоенные копытца покрывали длинные, густые, тёмно-рыжие волосы. Кроме того, у него был длинный, оканчивающийся метёлкой хвост, которым оно энергично размахивало» [15: 186].

Таким образом, в описании демонических персонажей А. Сапковский позволяет себе любые модификации по сравнению с народными представлениями. Используя известные в культуре наименования и черты, чтобы через сеть аллюзий на конкретные существа сформировать «системы ожидания» [21: 36], он раскрывает их полифоническую природу, характерную для мифологии и фольклора, намеренно сохраняя и даже увеличивая неоднозначность трактовок.

Используя технику полемиического переосмысления фольклорных персонажей [23: 124], писатель сталкивает внутри своих текстов глобальные смысловые пласты, которые служат ему материалом, уже заранее структурированным и семантизированным. Балансируя между узнаваемым и неожиданным, автор, с одной стороны, удерживает внимание читателя, с другой стороны, усиливает неоднозначность, полифоничность мира.

Важно подчеркнуть, что в книжной вселенной славянский культурный код функционирует как часть мощного культурного фона, который создаёт не только узнаваемую для читателя атмосферу, но и необходимую глубину и напряжение как между разными кодами, так и между миром и центральным персонажем. Обращение к кодам культуры позволяет автору заострить проблему экзистенциального одиночества человека: среди глобальных «правд» человек ищет свой путь, рискуя ошибиться. Эта позиция звучит в словах Геральта: «Не существует никаких кодексов, Иолы. Ещё не написан ни один кодекс для ведьмаков. Я свой себе придумал сам. Взял и придумал. И придерживался его» [15: 125]. Трагический контраст между персонажем и миром может усиливаться за счет переворачивания оппозиции «свой – чужой»: в текстах многократно подчёркивается, что Геральт – не человек, а *чудовище*, созданное людьми, чтобы «уничтожать других чудовищ» [15: 58].

В цикле А. Сапковского звучат темы, близкие к архаическим представлениям: культ предков, сила проклятия, значение ритуалов очищения, вера в природных духов. Персонажи сталкиваются с пророчествами, одержимостью, жертвоприношениями. Часто всё это подаётся без пояснений, как часть обыденной жизни внутри художественного мира. Так, магическое и сверхъестественное в книгах становятся неотделимыми от реальности, пронизывая её на уровне быта и обычаев, что соответствует мифологическому мировосприятию.

Несмотря на отсутствие в текстах А. Сапковского цельной этнографической модели славянского мира, они служат мощным источником для художественного развёртывания культурных архетипов и задают значимый семантический слой, в рамках которого славянский куль-

турный код выступает как система знаков, через которую читатель воспринимает и интерпретирует мир.

Видеоигра «Ведьмак 3: Дикая охота» (2015) представляет собой продолжение предыдущих игр CD Projekt Red, основанных на мире А. Сапковского, и наиболее комплексное и художественно целостное воплощение вселенной «Ведьмака». Именно здесь славянский культурный код получает развернутое и функционально полное выражение.

Мотив борца с чудовищами оказался очень продуктивным для жанра ролевой приключенческой игры с открытым миром, по локациям которого путешествует под управлением игрока ведьмак Геральт. С согласия А. Сапковского разработчики заимствовали из книг мир и персонажей, но не сюжеты. По словам сценариста Якуба Шамалека, они «хотели воссоздать истории, на которых воспитывались с детства» [10: 171], поэтому часть локаций и эпизодов игры создана с опорой на польские легенды. Но прежде всего славянская тематика реализуется в пространственной организации мира.

Детально размеченное топонимическое пространство, включающее 432 ономастические единицы, способствует восприятию смоделированного мира как «живого и упорядоченного» [14: 131]. Локации, через которые перемещается персонаж игрока, включая вымышленные территории *Велена*, *Новиграда*, *Оксенфурта* и деревень вроде *Вроницы* или *Подлесья*, обладают архитектурными и топографическими характеристиками, отсылающими к визуальным и этнографическим реалиям восточноевропейской сельской среды. Деревянные избы, крытые соломой, изгороди, окрестные поля, амулеты и символы на дверях, наличие сакральных мест в виде капищ, священных деревьев, каменных кругов и обрядовых мест создают пространство, насыщенное языческими коннотациями.

Пространство игрового мира, как и мифологическое пространство, делится на «священное» и «нечистое»: леса и болота оказываются обителью нечисти, тогда как деревни стремятся обезопасить себя символической защитой. Таким образом, игровое пространство маркируется через культурные знаки, формируя ландшафт, наполненный смыслами, восходящими к народным представлениям о границах «своего» и «чужого» мира.

Одной из центральных подсистем славянского кода в видеоигре являются образы чудовищ, с которыми вступает в борьбу персонаж игрока. Особенности жанра делают востребованным большое количество разнообразных противников, поэтому, в отличие от книг А. Сапковского, где многие мифологические существа только упоминаются, в игре их образы чаще получают подробную проработку на уровнях

аудиовизуального воплощения, вербального описания свойств и характеристик, истории и геймплея – спроектированной разработчиками системы возможных взаимодействий игрока с миром игры.

При этом игроку предлагается не просто сражаться с монстрами, но и изучать их происхождение, повадки, слабости с опорой на бестиарии, найденную внутриигровую литературу, легенды, артефакты и следы, найденные в пространстве локаций.

В качестве примера рассмотрим квестовое задание «Лихо у колодца». Информацию о противнике игрок может найти в бестиарии – специальном разделе игры, из которого он узнает, что лихо – не что иное, как *полуденница* – опасное существо, которое «*может сбить противника с толку, ослепив его или создав собственные зеркальные отражения, которые будут понемногу вытягивать жизненную энергию из жертвы, тогда как их создательница останется нетронутой*»¹. Также указывается, что для победы над монстром потребуется меч и Знак Ирдена, создающий ловушку, в которой дух вынужден будет принять материальную форму. В бестиарии есть отдельная статья, посвящённая полуденницам: это «*...духи женщин и молодых девушек, которые умерли насильственной смертью непосредственно перед или после своей свадьбы. <...> От перехода в мир иной их обычно удерживает некий предмет, имеющий для них особое эмоциональное значение*».

Чтобы встретиться с духом, игрок должен прийти к месту его обитания в определенное время суток, найти на дне колодца браслет с памятной надписью, а на разрушенном хуторе – пожелтевший дневник, следы крови и останки тел, позволяющие реконструировать произошедшие здесь трагические события.

Таким образом, в игре используются те же приёмы, что и в литературном цикле: чудовище наделяется двумя именами (*лихо* и *полуденница*) и включается в сложную сеть взаимосвязей внутри мифологического, бытового и исторического контекстов (история молодой пары, поселившейся на хуторе и ставшей жертвой войны). В отличие от читателя, игрок самостоятельно собирает информацию с целью восстановить цепочку событий и узнать, как себя вести при встрече с чудовищем. Для того чтобы призвать духа, он должен совершить ритуал сожжения останков женщины и её браслета. Игрок ощущает опасность и силу полуденницы в действии: через сложность, которую он испытывает в битве с ней.

Если в квесте «Лихо у колодца» место действия не вполне соответствует персонажу (характерное место появления полуденницы в западнославянском фольклоре – ржаное поле) [19: 155], то квест «Сердце леса» построен на соответствии места и персонажа – лешего.

В начале квеста из диалога спорящих на опушке леса мужчин игрок узнает, что обиженный дух мстит людям за нарушение договора и уже убил пять человек. Геральт может расспросить собравшихся и выбрать одну из позиций: убить *Духа Леса*, как предлагает молодой охотник, или провести ритуал *Примирения* с ним, как предлагает старейшина.

У игрока есть возможность ознакомиться со статьёй «Дух Леса» в бестиарии, а игровая механика² *ведьмачьего зрения* позволяет ему увидеть следы лешего в чаще. Для убийства Геральту предстоит уничтожить тотемы, из которых дух черпает свою силу, и охраняющих тотемы белых волков, а для проведения ритуала – найти алтарь в лесу, убить пять белых волков и сжечь их сердца.

В славянской мифологии образ белого волка часто связывается с лешим [18: 105], однако внешний вид лешего в игре отличается оригинальностью трактовки: он предстаёт как существо с ветвистыми рогами и черепом лося вместо головы, длинными когтистыми лапами, телом, покрытым древесной корой и мхом, с человеческими черепами на поясе. В то время как в восточнославянской мифологии леший чаще всего «имеет вид мужика, старика с белой бородой, одетого в крестьянскую одежду» [18: 105], хотя может обладать звериными атрибутами: носить звериную шкуру, иметь рог или два рога на голове и копыта на ногах [13: 52; 18: 105], а также принимать облик любого человека, зверя, птицы, дерева, куста или гриба [18: 105]. В видеоигре образ лешего не утрачивает своей амбивалентной природы помощника или вредителя. Причём именно игроку предстоит выбрать, какой тип отношений с хозяином леса выстроят люди.

Кроме чудовищ, славянский культурный код в игре проявляется в символах и артефактах. Например, один из серебряных мечей, который можно найти или купить в игре, носит имя *Стыга*. В игре также присутствуют магические предметы и руны, названные в честь языческих богов, – *Даждьбога*, *Морены*, *Стрибога*, *Чернобога*, *Сварога* и др. Эти имена не сопровождаются справками, а встраиваются в сам игровой процесс: руны можно вставлять в оружие и доспехи персонажа, придавая им дополнительные магические свойства, которые коррелируют с природой божества (огонь, холод, ветер, тьма и т. д.). Таким образом, игра предлагает игроку использовать миф как ресурс, встроенный в игровые механики.

Отдельного внимания заслуживает внутриигровая литература, представленная в виде книг, хроник, дневников, писем и легенд. Эти тексты, зачастую стилизованные под язык народных сказаний и хроник, содержат отсылки к фольклору, мифам, древним ритуалам. Игрок может найти, прочитать и сопоставить их с квестами, что нередко становится условием успешного выполнения заданий. Эта

связь превращает вербальный текст в источник действия, наделяя знание силой.

Особое значение приобретает участие персонажа игрока в ритуалах. Один из ярких примеров – квест «Дзяды» («Деды»), в котором Геральт помогает деревенским жителям провести обряд поминовения предков. Этот эпизод вдохновлён реальной славянской традицией [17: 43–45]. В рамках квеста игрок выполняет обрядовые действия: сжигает подношения, чертит круги, взаимодействует с духами. Ритуал здесь – не просто зрелищный элемент, а форма участия в культурной практике, смоделированная через игровые механики.

Не менее значимым является музыкальное оформление игры. Саундтрек, созданный М. Пшибыловичем, М. Стройным, П. Мусялом и польской фолк-группой «Percival», включает 35 композиций, записанных с использованием народных инструментов. Вокальные партии, основанные на восточноевропейских вокальных традициях, придают игре аутентичность, усиливая атмосферу мира. Музыка в видеоигре не является нейтральным фоном, а становится важной частью культурного кода: она кодирует эмоции, настраивает на ритуальные действия, сопровождает ключевые события и создаёт ощущение глубокого погружения в мир игры.

Таким образом, видеоигра «Ведьмак 3: Дикая охота» демонстрирует высокую степень интеграции славянского культурного кода в игровую форму. В отличие от опыта созерцания и сопереживания, доступного в процессе чтения литературы, здесь миф и фольклор становятся частью игрового опыта, делая игру средством культурной трансляции и погружая «игрока в пространство, функционирующее по правилам мифологической архитектоники» [1: 45], где славянский культурный код формирует систему смыслов, доступную через действие, а миф как «эмоционально окрашенное событийное осмысление феноменов мира» [4: 7] реализует свою истинную природу.

Сериал «Ведьмак» от стриминговой платформы Netflix стал важным звеном в трансмедийной эволюции метавселенной. Проект под руководством шоураннера Л. Хисрич позиционировался как адаптация произведений А. Сапковского, но в действительности оказался во многом ориентированным на концепцию мира от CD Projekt Red [22].

Сравнение сериала с видеоигрой «Ведьмак 3: Дикая охота» обнаруживает значительное ослабление мифологической и фольклорной составляющей. Славянский культурный код здесь в основном выступает как фрагментарный стилистический фон, не обладающий функциональной нагрузкой и не оказывающий существенного влияния на структуру мира или действия персонажей. В отличие от книг А. Сапковского, в сериале отсутствует постмодернистская ирония и

полифония точек зрения, возникающая в том числе благодаря множественным интертекстуальным отсылкам: все они опускаются как детали, лишние для понимания основного сюжета.

Так, в первом эпизоде «Начало конца», в котором сюжетная линия Геральта основана на рассказе «Меньшее зло» [15: 82–121], опускаются аллюзии на сказки «Белоснежка», «Рапунцель» и «Принцесса на горошине», чтобы сконцентрировать внимание зрителя на отношениях между Геральтом, Ренфри и Стригобором. Во втором эпизоде «Четыре марки» образ сильвана лишается полифонии, а ключевой для рассказа «Край света» образ Лилле – немой девочки, *вещуны, Мудрой, Девы Полей, богини Живии, Данамеби*, равно почитаемой людьми и эльфами, – предельно концентрирующий мифологическое мировосприятие, остаётся за кадром.

Несмотря на то что создатели проекта демонстрируют стремление сохранить восточноевропейскую атмосферу на уровне визуального оформления (съемки сериала проходили преимущественно в странах Центральной Европы: Польше, Чехии, Венгрии), чтобы привнести натуралистичную эстетику сельских и природных пейзажей, детальная проработка игровых локаций уступает место обобщённым улицам, интерьерам и средневековым замкам.

В музыкальном сопровождении присутствуют элементы, навеянные славянским фольклором: темы записаны с использованием традиционных музыкальных инструментов, а вокальные партии стилизованы под архаичное многоголосие. Однако музыка функционирует как фон, не интегрируясь в сюжет или механику функционирования мира.

Одной из немногочисленных отсылок к славянскому фольклору можно считать появление образа лешего во втором сезоне. Этот антропоморфный персонаж, покрытый древесной корой, увенчанный ветвями деревьев и способный атаковать удлиняющимися корнями, а также место его обитания визуально напоминают образы из видеоигры «Ведьмак 3: Дикая охота», что свидетельствует о медиа-конвергенции, создающей цепочку трансмедийного «перетекания»: мифологический образ, трансформированный в игре, становится основой для экранного воплощения. При этом он утрачивает свою амбивалентность, выступая исключительно опасным противником, который подлежит уничтожению.

Однако за пределами наименований и образов отдельных персонажей (*стрыга, брукса, леший* и др.) славянский культурный пласт в сериале практически не получает развития. Такие значимые для славянской демонологии существа, как полуденница, русалки, роданницы и духи-предки, которые широко представлены в видеоигре, в сериале либо отсутствуют, либо встречаются эпизодически. Но даже

появляясь на экране, они представлены в обобщённой, интернационализированной форме, близкой к западному фэнтези-кодексу.

Причины не в последнюю очередь кроются в целевой ориентации проекта: в отличие от книг и видеоигр, сериал рассчитан на «глобального» зрителя. В результате славянская составляющая подвергается сглаживанию, её культурная специфика нивелируется в пользу универсальной стилистики «тёмного фэнтези» с присущими ему образами ведьм, чудовищ, магов и ведьмаков, но без устойчивой связи с конкретными мифами, сказками и культурными традициями.

Таким образом, сериал «Ведьмак» демонстрирует упрощённую модель работы с фольклорным материалом. Славянский культурный код в нём не организует структуру мира, не влияет на нарративные процессы и не получает системного воплощения, сравнимого по глубине и полноте с тем, что представлено в литературном первоисточнике и видеоигре. Этот подход отражает общую тенденцию глобального медийного производства, внутри которого локальные культурные смыслы подстраиваются под универсальный медиажанр, теряя при этом значительную часть своей содержательной насыщенности.

Заключение

Анализ трансмедийной метавселенной «Ведьмак» с точки зрения репрезентации в ней славянского культурного кода позволяет сделать ряд принципиальных выводов, касающихся не только особенностей переноса мифологических и фольклорных элементов между медиаплатформами, но и трансформации способов взаимодействия с культурным наследием в зависимости от формата медиума. Рассмотренные тексты демонстрируют разную степень включённости славянского культурного кода в структуру мира и повествования, отражающую различия в целях, задачах и возможностях каждой медиаплатформы.

В книжной версии мира «Ведьмака» А. Сапковский сознательно избегает прямой этнографической репрезентации или системной работы со славянской мифологией, стремясь вписать её в жанровую структуру западного фэнтези и создать полифонизм культур как напряженный фон для главного героя, перед которым стоят экзистенциальные выборы. Тем не менее через имена, топонимы, мотивы и образы персонажей в текст проникает славянская культура. Эти элементы формируют узнаваемую интонацию и задают культурную идентичность мира, не навязывая читателю интерпретацию, но оставляя пространство для культурного узнавания и игры со знаками. Таким образом, славянский культурный код в книгах проявляется

как фрагментарная, но структурно значимая составляющая художественного мира.

Видеоигра «Ведьмак 3: Дикая охота» становится наиболее насыщенной и системной формой реализации славянского культурного кода. Артефакты с именами славянских божеств, образы локаций и персонажей, обряды, ритуалы, визуальное и звуковое оформление – всё работает как единая система культурного погружения. Игра предлагает уникальный опыт «проживания» мифа: игрок участвует в нём, действует внутри него и влияет на него. Это делает видеоигру формой активного освоения культурного опыта.

Сериал «Ведьмак», напротив, демонстрирует ослабленное и точечное воплощение славянского культурного кода. В условиях ориентации на глобальную англоязычную аудиторию создатели шоу отдают предпочтение универсальным образам, привычным для жанра фэнтези. Отдельные элементы славянской мифологии присутствуют, но чаще всего адаптированы под визуальные клише массовой культуры. В результате сериал использует их как декоративное средство, лишённое глубокой связи с нарративной структурой.

Сопоставление трёх медиаплатформ позволяет проследить, как славянский культурный код функционирует в разных форматах. При этом видеоигра оказывается примером того, как современные цифровые медиа могут выступать средством глубокого и вовлечённого освоения культурного наследия, где знание превращается в активный опыт, а миф становится основой действия. Это подтверждает потенциал компьютерных игр как носителей и трансляторов народной традиции в постмедийную эпоху.

Примечания

1. Здесь и далее внутриигровые тексты цитируются по русскоязычному переводу видеоигры «Ведьмак 3: Дикая охота», доступному на официальном сайте CD Projekt Red. URL: <https://www.thewitcher.com/ru/ru/witcher3> (дата обращения: 05.06.2025).

2. Термин *игровая механика* отражает потенциальную возможность игрока взаимодействовать с игровыми объектами и другими игроками внутри игрового мира, тем самым наличие игровых механик относится к дифференциальным признакам игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галанина Е.В., Батуринов Д.А. Мифологические структуры в видеоиграх: архетипы // Вестник Томского государственного университета. Культурология

и искусствоведение. 2019. № 36. С. 31–48. doi: 10.17223/22220836/36/4

2. *Дженкинс Д.* Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик», 2019. 384 с.

3. *Дуванов А.* Читать, играть, смотреть: полный гид по культовой вселенной «Ведьмака» // Кинопоиск. 19 мая 2025 г. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4011211>

4. *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 247 с.

5. *Заверумов З.А., Страусов В.Н., Моногарова А.Г.* Славянские языческие коды в современной русской лингвокультуре // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 28–42. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-28-42

6. *Изотова Н.Н.* Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 1А. С. 122–127. doi: 10.34670/AR.2020.47.1.016

7. *Кристева Ю.* Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013. 285 с.

8. *Кузнецова Е.В.* Культурный код восточных славян: особенности формирования и проявления (на примерах из белорусской и русской культур) // Искусство и культура. 2023. № 2 (50). С. 51–55.

9. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

10. *Люка Р.* Ведьмак. История франшизы. От фэнтези до культовой игровой саги / [пер. с фр. А.А. Полуниной]. М.: Эксмо, 2023. 240 с.

11. *Миронова П.Б.* Проблемы перевода названий славянских мифологических персонажей в «Саге о Ведьмаке» А. Сапковского // Славянский мир: общность и многообразие. 2019. № 1. С. 268–270. doi: 10.31168/2619-0869.2019.3.11

12. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. 672 с.

13. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. 720 с.

14. *Михайлин И.А.* Топонимия компьютерных игр (на материале игры «Ведьмак 3: Дикая охота») // Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа. II Намитоковские чтения: материалы Междунар. науч. конф. по общей и регион. й ономастике. Майкоп, 22–24 мая 2023 г. Майкоп : Электронные издательские технологии, 2023. С. 128–131.

15. *Сапковский А.* Последнее желание. Меч предназначения : [фантаст. романы] / пер. с пол. Е. Вайсброта. М.: АСТ; Астрель, 2011. 631 с.

16. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 578 с.

17. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. 697 с.

18. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т./ под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. 697 с.
19. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т./ отв. ред. С.М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. 649 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т./ отв. ред. С.М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. 728 с.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
22. Gawronski S., Kinga B. A Real Witcher-Slavic or Universal; from a Book, a Game or a TV Series? // Arts. 2020. Vol. 9, № 4. Article 102. doi: 10.3390/arts9040102
23. Obertová Z. Slavic Mythology Lost in Fantasy: Literary Adaptations of Slavic Beliefs in Andrzej Sapkowski's and Juraj Červenák's Novels // Narodna umjetnost. 2022. Vol. 59, № 2. P. 119–132.
24. Purchase R. Meeting Andrzej Sapkowski, the writer who created The Witcher // Eurogamer. 24 марта 2017. URL: <https://www.eurogamer.net/meeting-andrzej-sapkowski-the-writer-who-created-the-witcher>
25. Toss a Coin to Your Author: PW Talks with Andrzej Sapkowski // Publishers Weekly. 28.01.2020. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/82269-toss-a-coin-to-your-author-pw-talks-with-andrzej-sapkowski.html> (дата обращения: 05.06.2025).
26. Wiedzmin by Andrzej Sapkowski // OceanofPDF. 10 June 2023. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/andrzej-sapkowski/pdf-epub-wiedzmin-download> (дата обращения: 05.06.2025).

REFERENCES

1. Galanina, E.V. & Baturin, D.A. (2019) Mythological structures in video games: archetypes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 36. pp. 31–48 (in Russian). DOI: 10.17223/22220836/36/4
2. Jenkins, H. (2019) *Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie starykh i novykh media* [Convergence Culture: Where Old and New Media Collide]. Translated from English. Moscow: RIPOK Klassik.
3. Duvanov, A. (2025) *Chitat', igrat', smotret': polnyy gid po kul'tovoy vselennoy "Ved'maka"* [Read, Play, Watch: A Complete Guide to the Cult Universe of "The Witcher"]. *Kinopoisk*. 19th May. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4011211> (Accessed: 5th June 2025).
4. Dyakonov, I.M. (1990) *Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada* [Archaic Myths of the East and the West]. Moscow: Nauka.
5. Zavrumov, Z.A., Strausov, V.N. & Monogarova, A.G. (2022) Slavic Pagan Codes in Contemporary Russian Linguoculture. *Vestnik Nizhegorodskogo*

gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. 1(57). pp. 28–42 (in Russian). DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-28-42

6. Izotova, N.N. (2020) Kul'turnyy kod: semioticheskiy aspekt [Cultural Code: A Semiotic Aspect]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 10(1A). pp. 122–127. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.016

7. Kristeva, Y. (2013) *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu* [Semiotics: Studies in Semanalysis]. Moscow: Akademicheskii proekt.

8. Kuznetsova, E.V. (2023) Kul'turnyy kod vostochnykh slavyan: osobennosti formirovaniya i proyavleniya (na primerakh iz belorusskoy i russkoy kul'tur) [The Cultural Code of the Eastern Slavs: Formation and Manifestations]. *Iskusstvo i kul'tura*. 2(50). pp. 51–55.

9. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

10. Luka, R. (2023) *Ved'mak. Istoriya franshizy. Ot fentezi do kul'tovoy igrovoy sagi* ['The Witcher.' Franchise History: From Fantasy to Cult Gaming Saga]. Moscow: Eksmo.

11. Mironova, P.B. (2019) Translating Names of Slavic Mythological Characters in A. Sapkowski's "The Witcher Saga." *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie*. 1. pp. 268–270 (in Russian). DOI: 10.31168/2619-0869.2019.3.11.

12. Tokarev, S.A. (ed.) (1980) *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

13. Tokarev, S.A. (ed.) (1980) *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

14. Mikhaylin, I.A. (2023) Toponimiya komp'yuternykh igr (na materiale igr "Ved'mak 3: Dikaya okhota") [Toponymy of computer games (based on the game "The Witcher 3: Wild Hunt")]. *Russkiy yazyk v obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza* [Russian language in the educational space of the South of Russia and the North Caucasus]. The 2nd Namitokov Readings. Proc. of the International Conference on General and Regional Onomastics. Maykop, May 22–24, 2023. Maykop: Elektronnye izdatel'skie tekhnologii. pp. 128–131.

15. Sapkowski, A. (2011) *Poslednee zhelanie. Mech prednaznacheniya* [The Last Wish. Sword of Destiny]. Translated from Polish by E. Vaysbrot. Moscow: AST: Astrel'.

16. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

17. Tolstoy, N.I. (ed.) (1999) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

18. Tolstoy, N.I. (ed.) (2004) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

19. Tolstoy, N.I. (ed.) (2009) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

20. Tolstoy, N.I. (ed.) (2012) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

21. Eco, U. (2006) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Absent Structure: An Introduction to Semiotics]. St. Petersburg: Simpozium.

22. Gawronski, S. & Bajorek, K. (2020) A Real Witcher – Slavic or Universal; from a Book, a Game or a TV Series? *Arts*. 9(4). 102. DOI: 10.3390/arts9040102

23. Obertová, Z. (2022) Slavic Mythology Lost in Fantasy: Literary Adaptations of Slavic Beliefs in Andrzej Sapkowski's and Juraj Červenák's Novels. *Narodna umjetnost*. 59(2). pp. 119–132.

24. Purchase, R. (2017) Meeting Andrzej Sapkowski, the Writer Who Created The Witcher. *Eurogamer*. 24th March. [Online] Available from: <https://www.eurogamer.net/meeting-andrzej-sapkowski-the-writer-who-created-the-witcher> (Accessed: 5th June 2025).

25. Maher, J. (2020) Toss a Coin to Your Author: PW Talks with Andrzej Sapkowski. *Publishers Weekly*. 28th January. [Online] Available from: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/82269-toss-a-coin-to-your-author-pw-talks-with-andrzej-sapkowski.html> (Accessed: 5th June 2025).

26. Sapkowski, A. (2023) *Wiedźmin* [The Witcher]. OceanofPDF. [Online] Available from: <https://oceanofpdf.com/authors/andrzej-sapkowski/pdf-epub-wiedźmin-download> (Accessed: 5th June 2025).

Работа Данила Андреевич – магистрант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Danila A. Rapota – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rapota.danil@yandex.ru

Новикова Элеонора Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Eleonora G. Novikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: linx@rambler.ru

УДК 811.161:81'373.7(035.3)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/16

Захотіла Гафа пана тай утратила Івана (несколько филологических наблюдений над новой книгой о русинской фразеологии)

О.В. Никитин

Петрозаводский государственный университет,
185910, Россия, г. Петрозаводск, проспект Ленина, 33

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Авторское резюме

Обзорно-критическая статья анализирует «Очерки русинской фразеологии» О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко в контексте славистических исследований малых языков. Отмечается, что фразеологическая система русинского языка системно не исследована, не выявлены её связи с родственными языками в историческом и синхронном срезе. Подчёркивается важность лингвокультурологического изучения фразеологии как своеобразного этномаркёра языковой картины мира русинов. Констатируется, что паремии отражают национально-культурную специфику, сохраняют народные культурологемы и языковую архаику. В то же время этноязыковой ландшафт русинов вообрал в себя интернациональные особенности и символику устойчивых единиц восточнославянских языков. Обращается внимание на необходимость лексикографического описания фразеологизмов в широком этногеографическом пространстве (в диалектах и микродиалектах русинского языка). Освещается роль исторических событий, природных условий, фольклорных мотивов, быта и обрядовой культуры в формировании фразеологической системы микроязыков в целом. Вводится и обосновывается понятие этнолингвомаркёров. Раскрывается их функция в текстах паремий. Подчеркивается целесообразность исследования фразеологизмов русинского языка с точки зрения диахронической семантики и в сравнительно-сопоставительном отношении, а также с позиции анализа переносного значений фразеологических единиц (синхроническая семантика). Сделан вывод об аксиологическом значении паремиологического фонда русинского языка и важности сбережения культурной памяти слова для потомков.

Ключевые слова: славистика, языковые контакты, русинская фразеология, лингвокультурология, этнолингвомаркёр, концептология, аксиология

"Zakhotila gafa pana tay utratila Ivana" (several philological observations on a new book about Rusin phraseology)

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University

33 Lenin Prospect, Petrozavodsk, 185910, Russia

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Abstract

This critical article examines Olga V. Lomakina and Valerii M. Mokienko's *Essays on Rusin Phraseology* within the broader context of Slavic research on minor languages. The analysis begins by noting that the phraseological system of the Rusin language has not yet been systematically studied, and its historical and synchronic connections to related languages remain largely unidentified. The author emphasizes the importance of a linguo-cultural approach to this phraseology, positioning it as a unique ethno-marker of the Rusin linguistic worldview. The article states that paroemias (traditional proverbs and sayings) reflect national and cultural specificity by preserving folk cultural elements and linguistic archaisms. Simultaneously, the Rusin ethno-linguistic landscape is shown to have incorporated international features and the symbolism of stable units from East Slavic languages. The author draws attention to the pressing need for a comprehensive lexicographic description of phraseological units across the broad ethno-geographical spectrum of Rusin dialects and micro-dialects. A significant role is ascribed to historical events, natural conditions, folklore motifs, everyday life, and ritual culture in shaping the phraseological system of microlanguages in general. Within this framework, the article introduces and substantiates the concept of *ethnolinguistic markers*, delineating their function within paroemic texts. The author concludes that further research into Rusin phraseology should be pursued from both diachronic (historical semantics) and synchronic (figurative meaning) perspectives, alongside a comparative-contrastive approach. The final conclusion underscores the axiological significance of the Rusin language's paremiological fund and asserts the critical importance of preserving this cultural memory of the word for future generations.

Keywords: Slavistics, language contacts, Rusin phraseology, linguoculturology, ethnolinguistic markers, conceptology, axiology

О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко

ОЧЕРКИ РУСИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Москва
Российский университет дружбы народов
2021

Повышенный интерес к фразеологии как к особой системе устойчивых символов и образов языка на протяжении XX–XXI вв. связан с многополярностью лингвистических, историко-культурных, эстетических, художественно-изобразительных средств выражения слова в паремии и богатством их использования в классической литературе и даже в современной речевой практике. Фразеология остаётся наиболее подвижной и в то же время устойчивой к стремительно меняющимся языковым вкусам эпохи. Её стержневое положение в речевом воздействии на современного человека компьютерного века, высокий

коммуникативный потенциал, возможность свободно переходить границы времён и традиций и жить в условиях глобализации культуры говорят об уникальности фразеологических моделей, их сохранности в когнитивном пространстве языка. Примером этого может служить, например, использование крылатых слов, цитат и паремиологических образов из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» в новых языковых условиях – в интернет-опросах, модернистских текстах, современной публицистике, в неформальной литературе и т.д. [9; 10].

Когда же мы имеем дело с малыми языками, охватывающими сравнительно небольшие ареалы и постоянно находящимися под влиянием официальных литературных языков, то проблема сохранения запечатлённого в образе слова является исключительно важной для идентификации речевой культуры этноса и маркирования его словесных констант [1]. В этом отношении русинский язык имеет особое положение как самый распространённый и занимающий территории нескольких государств, от западных областей Украины до Молдавии и Сербии, так и создающий, по крайней мере, трёхвековую историю, тесно перекликающуюся со славянскими языками, социально-политическими и этническими движениями. Фразеология русинского языка интересна ещё как один из элементов его литературной кодифика-

ции, «ибо фразеология нередко является “консервантом” народных культурологем и языковой архаики» [5: 4].

Обсуждаемая монография заслуживает внимания как первый опыт систематизации лингвистического материала о русинской паремиологии, которая до сих пор изучена недостаточно глубоко. Авторы отмечают, что к настоящему времени исследованы лишь отдельные лексико-семантические фразеогруппы: соматизмы, зоонимы, нумеративы, выражения теологического и демонологического круга, отдельные этнолингвомаркёры, показывающие «культурную память» народа [5: 4–5]. Между тем концепты фразеологической картины мира славянских народов сейчас активно изучаются и в России, и, например, в Белоруссии [6], в Украине, создаются новые фразеологические [11] и этнолингвистические [12] словари, расширяющие пространство *Slavia orthodoxa* и позволяющие освоить культурную семантику фразеологизма в контексте взаимосвязей и взаимовлияний соседних народов.

Монография О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко продолжает эту традицию в оригинальном ключе, позволяющем анализировать познавательный потенциал и ценностные константы русинских паремий на фоне русского и украинского языков (главы I и II), а также исследовать концептуальную дихотомию «Бог – дьявол» в русинской паремиологии и соматическую фразеологию на славянском фоне (главы III и IV). Стоит заметить, что данной публикации предшествовали работы двух авторов по проблемам общей и частной фразеологии, предпринятые на широком историко-культурном и семантическом пространстве словесных метафор восточнославянских языков. Их публиковал в том числе и журнал «Русин» [3; 4], объединяющий усилия гуманитариев разных стран по выявлению и сохранению островков русинской этноязыковой культуры.

Авторы справедливо полагают, что «особая роль в реализации познавательной функции паремий принадлежит *национальным лингвомаркёрам*... которые... могут не иметь прямых аналогов в другом языке...» [5: 7]. Они их называют *этнолингвомаркёрами* [5: 7]. К их числу, по мнению учёных, относятся:

1) антропонимы, передающие национальный (местный) колорит, обладающие особой смысловой наполненностью и «скрытым ассоциативным фоном»;

2) этнонимы;

3) названия предметов и реалий, присущих локальной материальной культуре народа [5: 7–8].

О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко считают, что мотивационная зона паремий в разных языках может отличаться, тогда как денотативная

совпадает, что «позволяет сделать вывод о типологическом сходстве пословичного материала разных языков» [5: 8]. При этом ясно, что влияние более крупных языков, контактирующих с русинским, в течение длительного времени оказывало ассимилирующее воздействие на последний и в области фразеологического фонда, который заметно меньше, чем, например, в русском и украинском языках. Учёные полагаются здесь на известный словарь Д. Попа [11] – единственный из лексикографических источников, специально посвящённых русинской паремиологии. Тогда как русская наука имеет полуторавековую традицию словарной фиксации устойчивых элементов речи начиная с фундаментальных лексиконов В.И. Даля и М.И. Михельсона. Можно согласиться с О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, что «этим фактом отчасти объясняется количественное превосходство русских и украинских паремий по отношению к русинским. В словаре Д. Попа представлен богатый русинский материал, подтверждающий как глубокую генетическую привязку к славянскому языковому пространству (особенно украинскому и русскому), так и достаточно большую долю национально специфических особенностей, обусловленных как генетическими (resp. культурно-историческими) факторами, так и активными языковыми контактами с украинской, словацкой, чешской, а также и с венгерской языковой зоной» [5: 8–9].

Такая количественная асимметрия все же не умаляет значения русинского фразеологического фонда – он как бы включён в общий восточно- и западнославянский ландшафт, является его неотъемлемой частью, но в то же время обнаруживает свои колоритные особенности. Это прежде всего *русинские имена*, которые фигурируют в паремиологических рядах (выделено полужирным шрифтом мной. – О.Н.):

Каже **Маря**, ош была бита, айбо не каже, за што; **Гафа** была **Гафа**, а пан був пан; Захотіла **Гафа** пана тай утратила Ивана; Нигда не буде из Ивана пана; рус. По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Мели, Емеля, твоя неделя; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валятся; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван и др.; укр. По Савці свитка, по пану шапка: Голодному Федоту і ріпа в охоту; Мели, Іване, доки вітер стане; ні сюди Микита ні туди Микита, признається Марія, що її били, але не каже, за що; **Гафія** була **Гафія**, а пан був пан [5: 10]. При этом возможны и переклички имен: **Гафа** – Иван.

Авторы подметили такой интересный факт: «К особой категории антропонимов можно отнести исторические имена, маркированные влиянием Австро-Венгерской империи (*Такі розумняки были ищи за **Марії Турійзії***) или созданные искусственно, путем словесного обыгрывания – например, **Мусай** – великий пан, где **Мусай** образовано от

глагола *мусити* 'долженствовать', а сама пословица является калькой со словацкого или чешского (ср. чеш. *Musil je velký pán*)» (здесь и далее в цитатах полужирный курсив мой. – О.Н.) [5: 11].

Учёные обратили внимание и на такую особенность фразеологических компонентов в русинском языке, как использование в контексте *народного* варианта имени вместо официального (*Гафа* вместо *Гафия*). Это же свойственно и русским паремиологическим формам (ср.: *Ерёма* вместо *Еремей*) [5: 11–12].

Другой этнолингвомаркёр русинской фразеологии представлен группой хрононимов – названий праздников, где также обнаруживается тесная связь со славянской паремиологией и народными традициями: *Дав Бог Юря – не замерзне куря*; *На Пётра ледва душа тепла*. Учёные так комментируют эти примеры: «Традиционно у славянских народов Юрьев день был переходом от осени к зиме: *Після Юря восени буде каша і в дурня*. А пословица *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* указывает на то, что Юрьев (Егорииев, День памяти великомученика Георгия Победоносца) отмечался 23 апреля (6 мая), 26 ноября (9 декабря), т. е. весной припасы кончались, было голодно, и в конце осени, когда было холодно» [5: 12–13].

В русинских текстах встречаются также зоонимы (*Укачали Бурку крутые горки*; *Савраска да Каурка – на два века*) и топонимы (*Говорять ги троє на Укліні*; *Родом из Мукачева, а ходом з Ужгорода*) [5: 13].

Довольно значительную группу маркёров, по мнению О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, составляют этнонимы, где на первое место по частотности употребления учёные выдвигают самоназвание *русин*: *Русин по вашару мудрий*; *По ярмарці русин мудрий*; *Русины до спўванок звикають з пеленок*; *Русины мавуть такий сохташ: пувіч правду, та голову тти провалять*; *У русина слово є слово* и др. [5: 13–14].

Наконец, третья группа – предметы и явления материальной культуры Закарпатья – также широко представлена в русинских текстах: *А пропав бысь, як сўль у окропі*; *Бочкўр до бочкора, а чобўт до чобота*; *Не хвалися бочкорами, бо дідо знає, чиї они*; *Дай грайцарь*; *Не заслужив и поламаного грайцаря*; *Верне тти дѡвг, як найде на цуравўм мѡсті*; *Голова ги дыня*; *Дыня не варить*; *Гандры-на-мандры*; *Гўрка їх брынза*; *Заварити каламыйку* [5: 14] и т. д. Здесь собственно русинский компонент может смешиваться с другими языками и иметь схожие паремиологические параллели. Так произошло, как полагают исследователи, с оборотом *заварити каламыйку*, который «генетически несомненно связан с общеизвестным укр. *заварити кашу*, рус. *заварить кашу* и под., имеющим широкий ареал и интенсивную вариантность» в белорусском, чешском, словацком, болгарском и других языках [5: 14]. Авторы книги также замечают, что словакизмы и богемизмы являются

«неотъемлемой составляющей русинского языкового пространства: *Гаром-натроє (гий-руп – та готово); Гуня до гуні, а сірак до сірака; Густі мало хотіти, треба ищи й знати; Не тото файное, што файно, а што кому ся любить; Покуто ти моя; Доста и єдного гриба в полўку; Жебракови ищи й сонце не так світить; Осінь – богачка, а ярь – жебрачка...*» [5: 15].

Ещё одна проблема, которую решают авторы монографии, – ценностные константы русинской паремиологии. На основе анализа более 100 единиц О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко выделили главные аксиологические концепты. К ним относятся: «Здоровье – Болезнь», «Вера – Бог», «Трудолюбие – Лень», «Богатство – Бедность». Все эти группы представляют собой символическое осмысление бытийных и сакральных представлений, закреплённых в языке всех трёх восточнославянских народов. Вот, например, какие иллюстрации приводят учёные ко второй группе:

Дав Бог днину – дасть и годіну – укр. Буде день – буде і пожива – рус. Будет день – будет и пища; Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвўст – укр. Думав взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст – рус. Думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост; Кого Бог бє, того и чорт морить – укр. Коли Бог карає, дідько добавляє – рус. Когда Бог карает, дьявол добавляет; Кого Богови не треба, того и чорт не бере – укр. Кого Бог не хоче, того й дідько не бере – рус. Кого Богу неугодно, того и черт не берет... [5: 21]. Как видим, кроме русинских паремий, здесь присутствуют параллельные пары на русском и украинском языках. Учёные заключают: «Вера относится к числу базовых, общечеловеческих ценностей. Приведённые пословицы демонстрируют связь между верой и Богом, в руках которого находится судьба человека» [5: 24]. Заметим, что в исследованных авторами книги фразеологизмах вера перекликается с мифологическими элементами (противостояние *Бог – чёрт*), но везде присутствует «закодированное» представление о Боге.

Характерным признаком маркирования русинской паремиологии, по обоснованному мнению О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, является наличие регионализмов в текстах изученных групп, например: *Догаздовов на край* (=дохозяйничался в конец). В первом случае мы наблюдаем глагол, образованный от существительного *газда* 'хозяин', имеющий венгерское происхождение, но восходящий к славянскому **gospoda* [5: 25]. Учёные отметили любопытную особенность пословиц, входящих в группу «Трудолюбие – Лень»: «...с точки зрения отражения ценностных констант русинские, украинские и русские пословицы полностью адекватны, т. к. все они подчёркивают необходимость и значимость труда и осуждение безделья» [5: 27].

В целом изучение пословиц с акцентом на аксиологические черты, согласимся с мнением авторов книги, является перспективным направлением «современной лингвистики, опирающейся на идеи антропоцентризма» [5: 31]. Это особенно важно, когда мы исследуем ментальный образ языка – как в нем сформулированы, выражены ценностные константы, как они менялись с течением времени, как они взаимодействовали с другими языками и т. д. Паремии в таком случае выступают действительно как своего рода зеркало духовных традиций, национального уклада, социокультуры этноса. В этом смысле удачным опытом лексикографирования языка славянских народов был этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого [12]. Полагаем, что его концепцию можно взять за основу создания похожего этнолексикона русинского языка, фразеология которого ярко и достоверно отражает константы местной культуры.

Дихотомия «Бог – дьявол», исследуемая авторами в третьей главе, во многом показательна для понимания религиозного наполнения языка славян, где испокон веков существовала вера в Бога как в светлое, благое начало, противостоящее тьме, «чёрту». Здесь учёные полагаются на определение концепта «Бог», данное в энциклопедии «Славянские древности» [5: 37; 12: 202–203], где говорится в том числе о дуалистическом характере представления о Боге в народной религии славян: небо и правая сторона ассоциировались с божественным, а земля и левая сторона – с дьявольским. В силу значимости этого духовного символа и язык паремий, использующий его, богат смыслами. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко выделили следующие доминанты концепта «Бог» в русинской фразеологии: 1) «наделяющий, оделяющий, дающий» (*Дасть Бог динь, дасть и пожиток ачинь*); 2) «милосердный и справедливый» (*Кого Бог бє, того и чорт морить; Бог судить лем того, ко вразить дакого*); 3) «опора и поддержка в трудностях» (*Змыгайся, небоже, и Бог ти поможе; И Бог не годен каждому вгодити; Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать*); 4) «спаситель, помощник» (*Най вам Бог помыгать; Бідному и „Сятый Боже“ не поможе*); 5) «карающий и наказующий» (*Ищи Божа рука на тя впаде – Бог тебе ще покарає – кара небесная на тебя упадет*); 6) «всеведующий, всезнающий» (*А Бог го знає; Видить Бог з неба, што кому треба*) [5: 39–40]. Концепт «чёрт», по мнению авторов, представлен такими семантическими рядами: 1) «чёрт как олицетворение злого, сверхъестественного начала» (*Бойтись, ги чорт ладана*); 2) «карающий, служит олицетворением злого начала» (*Кого Бог бє, того и чорт морить; Кого Богови не треба, того и чорт не бере*); 3) «страшное сверхъестественное существо с рогами, хвостом, копытами» (*гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвўст Богатый, ги чорт рогатый*);

4) «злой человек» (*позерати ги фрас*) [5: 46]. В этой же главе содержится интересное наблюдение об истории фразеологизма *ні Богіві свічка, ні чорту шпичка*, который получил широкое распространение в славянских языках и, как полагают авторы монографии, восходит к исконному восточнославянско-польскому обороту, известному «гораздо раньше его первой фиксации» [5: 50].

Идеи, высказанные в данной главе, послужат хорошей иллюстрацией для проведения дальнейших исследований в области диахронического изучения славянской фразеологии и выявления тем самым семантики исходных образов паремий, «затерянных» в анналах истории. Перспективным также учёные считают выявление польского и словацкого компонентов в семасиологическом ядре русинских фразеологизмов [5: 51].

Не менее интересна так называемая соматическая фразеология, которая в каждом языке обрастает специфическими оттенками и этническими характеристиками, отражающимися в семантике конкретной паремии. Этой проблеме посвящена четвертая глава монографии. Более серьёзным и в то же время сложным, на наш взгляд, был бы историко-культурный анализ, позволяющий реконструировать внутреннюю форму фразеологизма (а не только говорить о смысловых характеристиках в современной плоскости). И такие исследования имеются [5: 55]. Особенно приятно, что авторы использовали «Русинско-русский словарь» И. Керча (2007), в котором соматическая проблематика представлена очень широко [5: 55–57]. Так, например, говоря об истоках употребления таких фразеологизмов, авторы замечают: «Несомненным примером русинско-общеевропейского фразеологического наследия является и выражение *tiġati za nus*. Оно известно как славянским, так и неславянским языкам: бел. *вадзіць за нос*, укр. *водитьи за ніс*, в.-луж. *za nós wodźić*, болг. *водя за носа някого*, х/с *vući / povući (voditi) za nos*; нем. *an der Nase herumziehen (herumtanzen)*; фр. *mener par le nez qn.*; *mener qn par le bout du nez*; англ. *to lead one by the nose* и др. Выражение древнее, известно уже в др.-греч. *τῆς ρίνο ἑλκεῖν* (у Лукиана и других писателей) – отсюда и его широкая употребительность в современных языках...» [5: 59].

Ещё один пример – *жити на великих ногах* (ср. рус. *жить на широкую ногу*), встречающийся и в словаре Д. Попа [11: 124], – трактуется авторами также в историко-культурном формате, что позволяет глубже понять диахронические ассоциации и влияние реального контекста эпохи на формирование семантики фразеологизма. Однако они опровергают устоявшееся мнение о том, как возникла эта паремия: «История выражения связывается с модой на обувь с длинными, острыми, загнутыми кверху носками, возникшей в Англии XII в. при

короле Генрихе II. У короля был болезненный нарост на большом пальце правой ноги, и поэтому он заказал себе башмаки с длинными носами. Придворные подхватили эту моду. По размерам обуви начали судить о зажиточности и знатности её владельцев, причем единицей измерения служил фут (25–40 см). В XII в., когда такая мода достигла в Европе кульминации, обувь князя, например, была длиной 2,5 фута, барона – 2 фута, рыцаря – 1,5 фута, а у простых горожан – всего лишь 1 фут. У аристократов и каблуки полагалось иметь повыше – в противоположность простому люду. Лишь при Карле V эта мода была упразднена. Историю такой моды, а соответственно и выражения, историки европейской фразеологии связывают и с другими известными лицами – особенно Дж. Плантагенетом, графом Анжуйским, обладавшим якобы тем же недостатком, что и английский король. Такие башмаки французы называли *chaussure à la poulaine* – “башмаки с клювом”...» [5: 60–61]. О.В. Ломакина и В.М. Мокиенко возражают против такой «исторической» красочности толкования происхождения данного выражения, потому что оно известно было и простому народу, а его многочисленные варианты уже давно закрепились в «просторечном» менталитете: «Вполне возможно поэтому, что выражение на большую ногу и его варианты возникло в народной речи и отталкивается от универсальной метрической символики ноги, отражённой и метрической терминологией разных языков – англ. *фут*, рус. *стопа* и др. На большую или широкую ногу первоначально служило мерилom расстояния и лишь потом развило переносное значение на основе естественной ассоциации “мощного” человека и широкого шага с сильным и влиятельным человеком (ср. *исполинскими шагами*, *семимильными шагами* или *одна нога здесь – другая там*). Собственно, и внутренняя логика исторического анекдота о башмаках Генриха II противоречит логике выражения: последнее имело бы форму *жить на длинную (или остроносую) ногу*, а не *на большую и широкую*» [5: 61]. И таких любопытных моментов в этой части книги немало, что снова подчёркивает ценность *историко-лингвистического* анализа не только русинской фразеологии, но и вообще славянской и в её контексте – общеевропейской.

Проблема фронтального изучения русинской фразеологии только начинается. Данная монография показала, насколько живой, лингвистически, исторически и культурно значимой она является для понимания языковой картины мира славянства. Яркая образность, символичность паремиологических сюжетов, их общие генетические, смысловые связи, выявляемые в фразеологическом фонде других славянских языков, доказывают важность восстановления ещё одной лакуны «русиноведения» и в дальнейшем, возможно, составления

научного фразеологического словаря русинского языка с необходимыми историко-культурными и этимологическими комментариями. Думается, что стоило бы продолжить работу по выявлению и фиксации оригинальных текстов разных эпох (подобно тому как это сделал в своей хрестоматии А.Д. Дуличенко [2]), обратить внимание на современную художественную литературу, найти и проанализировать актуальные русинские тексты разных жанров, чтобы составить более полную картину развития фразеологической системы этого языка.

Интерес к обозначенной проблеме, судя по недавним публикациям В.М. Мокиенко 2022 и 2023 гг. на эту тему, не угасает [7; 8]. Учёный находит новые интересные ракурсы исследования паремиологического наследия русинского языка, доказывает жизненность его речевых формул, их высокий эстетический потенциал и красоту словесного выражения. Значит, на этой ниве будущих исследователей ещё ждут новые открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981.
2. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Т. I–II. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2003–2004. 419 с. + 398 с.
3. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. doi: 10.17223/18572685/45/9
4. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. doi: 10.17223/18572685/54/18
5. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Очерки русинской фразеологии. М.: РУДН, 2021.
6. Ляшчынская В.А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў. Мінск: РІВШ, 2015.
7. Мокиенко В.М. Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним *куриця*, *курка*) // Русин. 2022. № 68. С. 184–207. doi: 10.17223/18572685/68/9
8. Мокиенко В.М. Русинский Бог в пословицах и поговорках // Русин. 2023. № 71. С. 163–182. doi: 10.17223/18572685/71/7
9. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок»): Словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021.
10. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. «Мой дядя самых честных правил»:

Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Опыт словаря. СПб.: ЛЕМА, 2022.

11. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород: [Б/и], 2011.

12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995.

REFERENCES

1. Dulichenko, A.D. (1981) *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic literary microlanguages: Problems of formation and development]. Tallin: Balgus.

2. Dulichenko, A.D. (2003–2004) *Slavyanskije literaturnye mikroyazyki. Obraztsy tekstov* [Slavic literary microlanguages. Sample texts]. Tartu: Tartu University Press.

3. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3(45). pp. 119–128 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

4. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

5. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021) *Ocherki rusinskoy frazeologii* [Essays on Rusin phraseology]. Moscow: RUDN.

6. Lyashchynskaya, V.A. (2015) *Bazavyyya kantsepty frazealogichnay kartsiny svetu belarusau* [Basic concepts of the phraseological worldview of Belarusians]. Minsk: RIVSh.

7. Mokienko, V.M. (2022) From the paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms ‘kuritsya’, ‘kurka’). *Rusin*. 68. pp. 184–207 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/9

8. Mokienko, V.M. (2023) The Rusin *Bog* in proverbs and sayings. *Rusin*. 71. pp. 163–182 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/7

9. Mokienko, V.M. & Sidorenko K.P. (2021) *Krylatye slova dilogii Il’i Il’fa i Evgeniya Petrova (“Dvenadtsat’ stul’ev” i “Zolotoy telenok”): Slovar’-spravochnik* [Popular expressions of Ilya Ilf and Evgenii Petrov’s dilogy (“The Twelve Chairs” and “The Golden Calf”): Explanatory Dictionary. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia.

10. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2022) *“Moy dyadya samykh chestnykh pravil”*: *Krylatye slova, tsitaty, obrazy iz romana v stikhakh A.S. Pushkina “Evgeniy Onegin”*: *Opyt slovary* [“My uncle, of most honest principles...”: Catchphrases, Quotes, and Images from Aleksandr Pushkin’s Novel in Verse *Eugene Onegin*: Towards a Dictionary]. St. Petersburg: LEMA.

11. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Phraseological Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].

12. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия).

Oleg V. Nikitin – Petrozavodsk State University (Russia).

E-mail: olnikitin@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

Основаи в 2003 в

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2025. № 79

Республиканская общественная ассоциация «Рүсь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 336 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 10.06.2025.

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 65/0925.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

